

Научный журнал

Основан в 2004 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61038 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р экон. наук, проф. Л.А. Карасева (*главный редактор*);
д-р полит. наук, доц. Н.Н. Козлова (*зам. главного редактора*);
канд. экон. наук, доц. Т.М. Козлова (*ответственный секретарь*);
д-р экон. наук, проф. М.Л. Альпидовская (г. Москва); д-р экон. наук,
доц. Н.Н. Беденко; д-р экон. наук, доц. А.Н. Бобрышев (г. Ставрополь);
д-р экон. наук, проф. О.В. Богданова; канд. техн. наук, ст. науч. сотр.,
доц. А.А. Васильев; д-р экон. наук, проф. Д.С. Вахрушев (г. Ярославль);
д-р экон. наук, проф. И.О. Волкова (г. Москва); д-р экон. наук,
проф. О.В. Данилова, (г. Москва); д-р экон. наук, проф. О.В. Забелина (г. Москва);
д-р экон. наук, проф. Д. Златева (Болгария); канд. экон. наук, доц. Н.В. Костюкович;
д-р экон. наук, ст. науч. сотр. А.В. Кузнецов (г. Москва); д-р техн. наук,
доц. В.М. Курганов; д-р экон. наук, доц. И.П. Курочкина (г. Ярославль);
д-р экон. наук, проф. Г.К. Лапушинская; д-р экон. наук, доц. Е.Е. Николаева
(г. Иваново); д-р экон. наук, проф. Л.Б. Парфенова (г. Ярославль); д-р экон. наук,
доц. С.Н. Поленова (г. Москва); д-р экон. наук, проф. Г.И. Рац (г. Якутск);
д-р экон. наук, проф. Л.А. Талимова (Казахстан); канд. экон. наук,
проф. Г.Л. Толкаченко; д-р техн. наук, д-р экон. наук, проф. А.В. Тебекин
(г. Москва); д-р техн. наук И.В. Цветков; канд. экон. наук, доц. М.В. Цуркан;
канд. экон. наук, доц. О.Н. Шкутько (Беларусь); д-р экон. наук, доц. С.И. Яковлева

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 101А
Тел.: +7 (4822) 77-83-03

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2021

Scientific Journal

Founded in 2004

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФC77-61038 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Economics and Management

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

D.Sc. in Economics, prof. L.A. Karaseva (*editor-in-chief*);
D.Sc. in Political Science, assoc. prof. N.N. Kozlova (*deputy editor*);
Ph.D. in Economics, assoc. prof. T.M. Kozlova (*executive secretary*);
D.Sc. in Economics, prof. M.L. Alpidovskaya (Moscow); D.Sc. in Economics,
assoc. prof. N.N. Bedenko; D.Sc. in Economics, assoc. prof. A.N. Bobryshev (Stavropol);
D.Sc. in Economics, prof. O.V. Bogdanova; Ph.D. in Technical Science,
Senior Researcher Scholar, assoc. prof. A.A. Vasiliev; D.Sc. in Economics, prof. D. S. Vakhrushev
(Yaroslavl); D.Sc. in Economics, prof. I.O. Volkova (Moscow); D.Sc. in Economics,
prof. O.V. Danilova (Moscow); D.Sc. in Economics, prof. O.V. Zabelina (Moscow);
D.Sc. in Economics, prof. D. Zlateva (Bulgaria); Ph.D. in Economics,
assoc. prof. N.V. Kostyukovich; D.Sc. in Economics, Senior Researcher Scholar AV. Kuznetsov
(Moscow); D.Sc. in Technical Science, assoc. prof. V.M. Kurganov; D.Sc. in Economics,
assoc. prof. I.P. Kurochkina (Yaroslavl); D.Sc. in Economics, prof. G.K. Lapushinskaya; D.Sc. in Economics,
assoc. prof. E.E. Nikolaeva (Ivanovo); D.Sc. in Economics, prof. L.B. Parfenova (Yaroslavl);
D.Sc. in Economics, assoc. prof. S.N. Polenova (Moscow); D.Sc. in Economics,
prof. G.I. Rats (Yakutsk); D.Sc. in Economics, prof. L.A. Talimova (Kazakhstan);
Ph.D. in Economics, prof. G.L. Tolkachenko; D.Sc. in Technical Science, D.Sc. in Economics,
prof. A.V. Tebekin (Moscow); D.Sc. in Technical Science I.V. Tsvetkov; Ph.D. in Economics,
assoc. prof. M.V. Tcurkan; Ph.D. in Economics, assoc. prof. O.N. Shkutko (Belarus);
D.Sc. in Economics, assoc. prof. S.I. Yakovleva

Editorial Office:

Office 101A, 22, 2nd Griboyedova st., Tver, 170021, Russia
Tel.: +7 (4822) 77-83-03

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2021

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Матризаев Б.Д. Исследование теоретико-методологических аспектов влияния макроэкономических и институциональных факторов на интенсификацию инновационного развития страны.....7

Алленых М.А. Цифровая валюта – частные деньги?21

Хмыз О.В. Цифровая институционализация на глобальном, международном и национальном уровнях.....31

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФИНАНСОВ И КРЕДИТА

Толкаченко Г.Л., Царева Н.Е., Виноградова Е.К. Становление системы межбюджетных трансфертов: история и современное состояние.....41

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Данилова О.В. Цифровизация экономики и современные тенденции изменения модели управления корпоративной собственностью.....50

Курочкина И.П., Маматова Л.А., Чистякова Е.С., Крылов С.В. Об инструментах аналитического обеспечения управления затратами на исследования и разработки.....59

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ, ТЕРРИТОРИЙ

Фраймович Д.Ю., Холодная А.К. Исследование межрегиональной дифференциации показателей социально-экономического развития территорий Российской Федерации.....71

Сукманова Н.Ю. Сельское хозяйство Тверской области в условиях многоукладности.....84

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Молчанов И.Н. Трансформация механизмов государственного регулирования сферы высшего образования.....91

Чегринцова С.В. Профессиональные стандарты как инструмент формирования профессиональной пригодности работника.....104

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Ефремова С.М. Социальный компонент как фактор обеспечения эффективного воспроизводства человеческого капитала и инновационного развития территории.....113

Орусова О.В. Анализ бедности населения в современной России.....124

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Дзюба А.П. Повышение эффективности реализации программы энергосбережения в России.....133

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

<i>Козлова Н.Н., Рассадин С.В.</i> Государственная семейная политика России: управление сетевыми ресурсами в условиях цифровизации и экономического спада.....	144
--	-----

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Савельева Н.К., Тимкина Т.А.</i> Конкуренция транснациональных банков: основные тенденции и пути развития.....	151
<i>Козырева Е.В., Новикова Н.В.</i> О стратегических ориентирах стран мира до и после пандемии: проблемы и пути решения.....	158

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Шапиро Н.А., Курганская М.Ю.</i> Сравнительный анализ фреймов институциональной и поведенческой экономики: выводы для практики.....	168
<i>Цицкиев Э.Р.</i> Роль знаний и управления знаниями в российских корпорациях.....	178
<i>Тишин И.В.</i> Асинхронность развития государственных региональных долговых отношений в условиях цикличности.....	188
<i>Кисаров И.В.</i> О переходе к цифровому рублю.....	198
<i>Журавлева Д.Н.</i> Эффективность внедрения информационных систем в систему менеджмента в корпорации с государственным участием.....	209
<i>Артеменко Д.А., Василенко Л.А.</i> Трансформация налоговой системы в условиях цифровизации российской экономики, как ключевой инструмент выхода экономики из рецессии.....	216
<i>Чистякова Ю.В.</i> Формальные и неформальные признаки преднамеренного банкротства юридических и физических лиц.....	224
<i>Бесперстова А.А., Зобова Е.В.</i> Влияние эпидемиологической ситуации на въездной туризм в России.....	232

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

<i>Чекмарёв В.В., Чекмарёв Вл.В.</i> Институционализация процессов обеспечения социально-экономической безопасности государства и общества.....	240
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Соколов Д.П.</i> Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты.....	256
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Корнилов А.М.</i> Прекаризация умственного труда в условиях торжества «нового неофеодализма».....	259
--	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<i>Сорокин Дмитрий Евгеньевич</i>	271
---	-----

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

Matrizaev B.D. Research of theoretical and methodological aspects of the influence of macroeconomic and institutional factors on the intensification of innovative development of the country.....7

Alenykh M.A. Digital currency – private money?21

Khmyz O.V. Digital institutionalization at the global, international and national levels.....31

ISSUES OF FINANCE AND CREDIT THEORY AND PRACTICE

Tolkachenko G.L., Tsareva N.E., Vinogradova E.K. Establishment of the system of inter-budget transfers: history and modern state.....41

MODERN PROBLEMS OF MANAGEMENT

Danilova O.V. Digitalization of the economy and current trends in the model of corporate property management e.r.50

Kurochkina I.P., Mamatova L.A., Chistjakova E.S., Krylov S.V. On analytical support tools for research and cost management59

DEVELOPMENT OF INDUSTRIES AND COMPLEXES

Fraymovich D.Yu., Kholodnaya A.K. The study of inter-regional differentiation of socio-economic development indicators of the Russian federation's territories.....71

Sukmanova N.U. The functioning conditions of tver region's agriculture.....84

CURRENT ECONOMIC AND MANAGERIAL CHALLENGES IN EDUCATION

Molchanov I.N. Transformation of state regulation mechanisms in the sphere of higher education91

Chegrintsova S.V. Professional standards as a tool for the formation of professional suitability of an employee104

CHALLENGES TO THE DEVELOPMENT OF LABOUR CAPACITY AND QUALITY OF LIFE

Efremova S.M. The social component as a factor of ensuring effective reproduction of human capital and innovative development of the territory113

Orusova O.V. Analysis of poverty in modern Russia.....124

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Dzyuba A.P. Efficiency increase in the energy saving program in Russia.....133

STATE REGULATION OF THE ECONOMY

Kozlova N.N., Rassadin S.V. State family policy in Russia: governing network resources in a digitalization and economic recession144

WORLD ECONOMY

- Savelyeva N.K., Timkina T.A.* Competition of transnational banks: main trends and ways of development.....151
- Kozyreva E.V., Novikova N.V.* The world strategic guidelines before and after the pandemic: problems and solutions158

YOUNG SCIENTISTS' STUDIES

- Shapiro N. A., Kurganskaya M.Yu.* Comparative frames analysis in institutional and behavioral economics: practical conclusions.....168
- Tsitskiev E.R.* The role of knowledge and knowledge management in Russian corporations178
- Tishin I.V.* Asynchronous development of public regional debt relations in cyclic conditions188
- Kisarov I.V.* The issue of the transition to the digital ruble198
- Zhuravleva D.N.* The efficiency of the information systems in a corporation with state participation209
- Artjomenko D.A., Vasilenko L.A.* Transformation of the tax system in the context of digitalization of the Russian economy as a key tool economic recovery from recession216
- Chistyakova Yu.V.* Formal and informal features of intentional bankruptcy among legal entities and individuals224
- Besperstova A.A., Zobova E.V.* Influence of the epidemiological situation on inbound tourism in Russia232

DISCUSSION PLATFORM

- Chekmaryov V.V., Chekmaryov Vl. B.* Institutionalization of the social and economic security of the state and society.....240

SCIENTIFIC LIFE

- Sokolov D.P.* Institutional and reproductive mechanism of information forging: principles, forms, tools256

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

- Kornilov A.M.* Precarification of mental labour under conditions of “new neopheodalism” celebrations259

IN COMMEMORATION OF

- Sorokin Dmitry Evgenievich*271

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 001.895(045)

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.007–020

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ВЛИЯНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ИНТЕНСИФИКАЦИЮ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Б.Д. Матризаев

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

Целью статьи является исследование теоретико-методологических аспектов влияния макроэкономических и институциональных факторов на интенсификацию инновационного развития страны. Рассматривается влияние процессов коэволюции технологической диверсификации и внешнеэкономической конъюнктуры на интенсивность макроинновационного развития страны. Автором предлагается методология двухмодульного анализа, основанная на международной патентной статистике и макроэкономических индикаторах за период 1976–2018 гг. Исследуются модели коэволюции и характеристики внешнеэкономической диверсификации. В попытке объяснить наблюдаемые автором закономерности используется ряд эконометрических методов. Эмпирические результаты показывают, что существует ассиметричная причинно-следственная связь между технологической диверсификацией и инновациями. Этот результат является устойчивым в разные периоды времени и в разных группах стран. Кроме того, установлено, что внешнеэкономическая диверсификация, т. е. уровень глобализации национальной экономики страны, положительно влияет на интенсивность инноваций в стране, в то время как технологическая диверсификация оказывает негативное влияние.

Ключевые слова: *инновация, инновационное развитие, макроэкономические факторы, экономический рост*

1. Введение

Сложившиеся в последние годы глобальная макроэкономическая реальность и финансовые ограничения сделали в настоящее время инновационный экономический рост более важным, чем когда-либо в истории. Способность страны развивать и использовать свой инновационный потенциал имеет решающее значение для ее долгосрочного экономического роста. Этот факт, признанный фундаментальными трудами в рамках известных парадигм теории экономического роста, такими как Шумпетерианская теория роста [11] и новая теория экономического роста Ромера [35], породил множество научных интересов из различных исследовательских сообществ. Потребности стран в том, чтобы опережать меняющиеся глобальные вызовы, постоянно создают давление для беспрецедентного развития инноваций. Это, в свою очередь, приводит к жесткой конкуренции со стороны фирм, которые

© Матризаев Б.Д., 2021

агрессивно преследуют свое собственное инновационное будущее, что способствует ускорению инноваций и росту экономики. Заметное увеличение числа патентов, сопровождаемое устойчивыми и сильными ежегодными темпами экономического роста в странах Восточной Азии за последние три десятилетия, таких как Китай, Южная Корея и ряда других [32], является классическим примером этого.

Учитывая эту особенную важность инноваций, исследователи уже давно занимаются вопросом о том, что движет инновациями [24]. Некоторые наиболее изученные области исследований в области инновационного развития включают предпринимательство [36], поглощающий потенциал и рекомбинацию знаний [16], государственную политику [18], вопросы финансирования расходов на НИОКР [25], влияние прямых иностранных инвестиций и внешнеэкономической политики [38]; в последние годы особую актуальность принимают факторы окружающей среды [34].

Настоящее исследование направлено на то, чтобы дать более детальное представление о динамике и характеристиках движущих сил инноваций, сосредоточив внимание на коэволюции технологической диверсификации и внешнеэкономической деятельности, т. е. уровне глобализации национальной экономики. В частности, автором сделана попытка исследования эмпирических причинно-следственных связей между двумя общими макроэкономическими и институциональными стратегиями – внешнеэкономической политики (включающей прямые иностранные инвестиции) и технологической диверсификацией и их влиянием на эффективность инновационного развития страны. Кроме того, учитывая растущую популярность синхронизации при принятии двух вышеупомянутых стратегий за последние десятилетия, автором достигнута точка, в которой возникает вопрос о том, не является ли растущее одновременное принятие обеих стратегий совпадением. Возможно ли, что технологическая диверсификация стимулирует активизацию внешнеэкономической деятельности, или наоборот? Если верно и то, и другое, то при анализе влияния каждой из двух стратегий на эффективность инновационного развития следует использовать отдельный метод моделирования. Такой метод моделирования никогда ранее не использовался в смежных исследованиях инновационных процессов. Для этого с помощью метода эндогенного моделирования строятся и анализируются количественные показатели эффективности инновационного развития, технологической диверсификации и уровня вовлеченности национальной инновационной системы в глобальную. Наиболее применяемыми в мировых отчетах и исследованиях являются показатели, рассчитываемые на основе данных патентов. Сложность характера связей между технологической диверсификацией и уровнем глобализации национальной экономики, а также их причинно-следственные связи с инновациями отражаются в ограниченном числе уже имеющихся исследований, которые преимущественно исследуют триадическую модель взаимосвязи между ними (то есть инновация-диверсификация-глобализация). Кроме того, большинство исследований, связанных с технологической диверсификацией, проводились на уровне фирм, а не на уровне стран. К ним относятся работы, в которых исследуются взаимосвязи между диверсификацией и выпуском продукции фирмы, такие как финансовые показатели [13]. В противоположность последним, имеются исследования, проводимые в масштабах страны, и они, как правило, фокусируются на технологической специализации, а не на диверсификации [22].

С другой стороны, исследования, связанные с внешнеэкономической диверсификацией, охватывают более широкий круг вопросов. Большинство из них ограничиваются диверсификацией на уровне отдельных отраслей, а не стран в целом [28], и лишь немногие исследования сосредоточены на изучении взаимосвязи между внешнеэкономической диверсификацией и инновациями [17]. Настоящее исследование призвано заполнить два важных методологических пробела. Во-первых, хотя влияние внешнеэкономической диверсификации и технологической диверсификации на эффективность инновационного развития широко изучалось на сугубо организационном уровне, эквивалентные факторы на страновом уровне изучаются редко. Важно понимать преимущества и последствия таких макростратегий не только для самих предприятий, но и для страны в целом. На микроуровне установлено, что внешнеэкономическая диверсификация оказывает положительное влияние на инновационную деятельность фирм [21], однако пока неясно, оказывает ли она такое же положительное влияние на экономический рост страны или нет. Вместе с тем, И. Моаниба показала в своих исследованиях, что диверсификация технологической основы страны может стать препятствием для ее экономического роста [30, с. 859–892]. Поэтому, учитывая сильную корреляцию между инновациями и экономическим ростом, наблюдавшуюся в прошлом, вполне вероятно, что технологическая диверсификация также может негативно сказаться на инновационном развитии страны. Следовательно, с учетом этих противоположных эффектов трудно предвидеть, что произойдет с экономикой страны, которая активно участвует как в технологической, так и во внешнеэкономической диверсификации. Далее, учитывая, что большинство стран, участвующих в глобальной экономике, также демонстрируют большую диверсификацию технологических основ, возникает вопрос: стимулируют ли коллективные усилия местных фирм по диверсификации своих технологий более широкую технологическую диверсификацию с внешними контрагентами. В связи с этим страны могут более активно участвовать в процессе глобализации в результате более широких стратегий по технологической диверсификации, осуществляемых фирмами в этих странах. Насколько нам известно, этот феномен никогда прежде не исследовался.

Понимание роли внешнеэкономической и технологической диверсификаций в инновационном развитии на *страновом* уровне крайне важно для регуляторных институтов при разработке политики, которая может стимулировать технический прогресс и экономический рост. Кроме того, она может помочь странам в принятии решений о том, предоставлять ли больше финансовых субсидий инновационным фирмам и их научно-исследовательским проектам или внедрять иные методы регулирования их деятельности по технологической диверсификации. С точки зрения авторов проведенных исследований [20], недавно разработанные функции различных статистических программных пакетов облегчают проведение исследований с позиции многих аспектов. В контексте настоящего исследования термин «инновация» включает в себя все формы новых изобретений, продуктов и процессов.

Также, данное исследование вносит вклад в исследования по анализу движущих сил инноваций, изучая сложное взаимодействие между технологической диверсификацией и открытостью к внешнеэкономической диверсификации в стране, а также то, как эти два фактора совместно эволюционировали, оказывая влияние на инновационное развитие. Внешнеэкономическая и технологическая диверсификации достаточно широко исследовались в прошлом, как каждый фактор в отдельности, и в этом контексте настоящее исследование является первой попыткой эмпирического

исследования сложной тройной спирали взаимодействия технологической, внешнеэкономической диверсификаций и инновационного развития.

2. Теоретико-методологический анализ и гипотетические предпосылки

Как было подчеркнуто ранее, инновации уже давно широко признаны одним из ключевых факторов экономического роста. Некоторые из ранних выдающихся научных работ, объясняющих сильную связь между инновациями и экономическим ростом, включают Шумпетерианскую теорию роста [11], модель роста Солоу–Суона [7], [38, с. 65–94] и новую теорию эндогенного роста Ромера [35]. Эти теории одними из первых подчеркивают тесную связь между инновациями и экономическим ростом, что составляет основу нашего аргумента о том, что два измерения технологического прогресса – диверсификация и уровень глобализации – вероятно, имеют ассиметричную связь с инновациями. Другие факторы, способствующие экономическому росту, выявленные в ходе недавних теоретических и эмпирических исследований, включают государственное потребление, торговлю и торговую политику, политику распределения доходов, инфляцию и демографические факторы [26]. Однако степень, в которой каждый фактор вносит свой вклад в рост, значительно варьируется от одной отрасли к другой и в разных странах.

На протяжении десятилетий многочисленные ученые посвящали свои работы исследованию связей между инновациями и другими факторами, как на уровне страны, так и на уровне фирмы [31]. Среди наиболее упоминаемых в литературе факторов – это предприниматель и предпринимательство [11], государственная политика [23], международная торговля и прямые иностранные инвестиции [27], открытые инновации и управление знаниями [41], а также факторы изменения окружающей среды [12]. Тем не менее, на сегодняшний день широкие обобщения о том, что именно движет инновациями и оказывает ли инновация обратное воздействие на них, кажутся невозможными. Настоящее исследование, вероятно, является одной из немногочисленных работ, направленных на достижение всеобъемлющей цели такого обобщения с учетом обратных эффектов и ассиметричных взаимосвязей. Создание конкретной основы для понимания общих мотивов и стимулов инноваций, а также связей между вовлеченными факторами – задача не из легких. Однако большинство вышеперечисленных факторов часто делятся на три основные группы – внедрение технических нововведений, интеллектуальная собственность (ИС) и финансирование инноваций [29].

Внедрение технических нововведений относится главным образом к изобретениям и, таким образом, сильно зависит от предпринимателей и фирм. Организационные стратегии и изменения компьютеризации влияют на инновационный потенциал фирмы гораздо больше, чем ее размер [20], подчеркивая важность уровня самодостаточности и признания статуса исследователя. Технологическая диверсификация и уровень вовлеченности в глобальный рынок являются одними из наиболее распространенных инновационных стратегий, принимаемых фирмами. Кроме того, ИС играет жизненно важную роль в инновациях. ИС и другие нематериальные активы, такие как знания, являются незаменимыми. Чем шире объем знаний, преобразованных и используемых фирмой, тем выше ценность произведенного изобретения [18]. Однако защита ИС может подорвать усилия фирмы по сотрудничеству или участию в открытых инновациях с другими,

если они не будут тщательно разработаны [25]. Наука меняет процессы поиска технических новаторов[7], поэтому фирмы также должны реализовывать стратегии поиска не только технических, но и научных знаний.

Финансовые инструменты в отношении инновационной деятельности также способствуют технологическим изменениям. В некоторых исследованиях нами было также обнаружено, что инновации сильно реагируют на изменения факторов окружающей среды, таких как изменение климата[12]. С увеличением последствий изменения климата число благоприятных для климата изобретений за последние несколько десятилетий возросло в геометрической прогрессии. Кроме того, известно, что на инновационную деятельность влияют многочисленные организационные факторы и характеристики фирм. Например, в некоторых исследованиях утверждается, что уровень инноваций в организации существенно зависит не только от размера фирмы [14], но и от ее сетевых возможностей [19].

Сложные взаимосвязи между экономическими переменными являются серьезным препятствием для понимания взаимосвязей между инновациями и другими факторами. Эта сложность часто порождает важный вопрос в эмпирическом исследовании того, имеет ли каждая пара исследуемых переменных ассиметричную причинно-следственную связь или нет. Значительная часть как теоретических, так и эмпирических исследований была посвящена исследованию ассиметричной связи между инновациями и другими важными факторами. Например, между инновациями и экономическими переменными, такими как транспортные технологии и экономический рост [24], а также технологиями выбросов углекислого газа и потреблением энергии [40]. Влияние ассиметричной причинно-следственной связи технологической диверсификации и уровня вовлечения в глобальный рынок на интенсивность инноваций еще предстоит эмпирически проверить. Однако в имеющихся исследованиях наблюдалось обратное причинно-следственное влияние экономического роста на инновации [39]. Этот обратный эффект создает ассиметричную связь между инновациями и экономическим ростом, что, в свою очередь, часто вызывает проблему эндогенности [35]. Этот вопрос эндогенности часто игнорируется во многих исследованиях, связанных с инновациями. Ассиметричные отношения отражают интерактивный характер инновационных процессов и то, как эти процессы зависят от национального дохода, и наоборот. Исследуя ассиметричную взаимосвязь и эндогенность, создаваемую такой взаимосвязью, автор обращает внимание на необходимость тщательного изучения направления эффектов между инновациями и двумя измерениями – технологическими инновациями и инновационной эффективностью. Более активное участие в международной торговле может оказать как положительное, так и отрицательное влияние на инновационное развитие страны. На самом деле влияние технологической диверсификации на инновационную активность вовлеченных стран редко исследуется. Приведем пример для сравнения. Влияние кооперации на инновационную продукцию фирм изучено достаточно широко. Несмотря на это, до сих пор нет единого мнения о том, как сотрудничество между странами влияет на качество изобретений на уровне фирм [27]. Некоторые из имеющихся исследований утверждают, что межстрановое сотрудничество приводит к лучшим изобретениям, поскольку оно позволяет сочетать различные знания и компетенции [16]. Однако имеются и противоположные исследования, которые указывают на высокие затраты на координацию и проблемы,

связанные с интеграцией разнообразных знаний [41]. Кроме того, упор на сотрудничество требует огромных усилий для поиска партнеров, и при этом может заставить фирмы нести больше расходов, связанных с администрированием, – не только с точки зрения финансирования, но и времени и ресурсов [5]. Преждевременное прекращение сотрудничества также довольно распространено из-за проблем, вызванных отсутствием устойчивого взаимопонимания и интересов между партнерами [2]. Исходя из этого, автором предложена следующая первая гипотеза.

Гипотеза I. Чем больше фирм страны А участвуют в технологическом сотрудничестве с фирмами из других стран X и Y, тем ниже инновационная эффективность такой страны.

Имеющиеся исследования также подчеркивали возможность противоположного эффекта – обратного влияния инноваций на уровень международного сотрудничества в стране. Хотя такие исследования предполагают положительное влияние инвестиций фирмы в НИОКР и другую инновационную деятельность на степень ее кооперативного партнерства [24], связанные с этим издержки могут быть совершенно неподъемными для фирм. Например, фирмы в стране А должны будут создать свою базу знаний путем эффективного поиска, приобретения и использования внешних знаний [27]. Такой инновационный процесс может потребовать от фирм дорогостоящего аутсорсинга НИОКР [29]. При ограниченных когнитивных способностях сложный инновационный процесс, связанный с объединением внутренних и внешних знаний, может увеличить координационные и управленческие издержки фирм [15].

Кроме того, знания специфичны для конкретного контекста, что делает их более дорогостоящими для передачи и применения в различных технологических инновационных процессах. Однако недавние исследования [12] подчеркивают положительную связь между эффективностью инноваций и сотрудничеством между странами [14]. Кроме того, с точки зрения управления знаниями, положительная связь между внутренними знаниями фирмы и ее когнитивной способностью, требует определенного уровня общности между партнерами [16]. Эти наблюдения подводят нас ко второй гипотезе.

Гипотеза II. Высокая инновационная деятельность или усилия фирм в той или иной стране приведут к расширению сотрудничества с фирмами из других стран.

Диверсификация не является новой темой исследований в области инновационной динамики. Напомним, некоторые из прошлых исследований по технологической диверсификации включают работы Б. Сильвермана [37] и ряд других [15], [24]. Сильверман утверждал, что в обрабатывающей промышленности фирмы с большей вероятностью диверсифицируют свою деятельность, привлекая другие отрасли только в том случае, если имеющиеся у них ресурсы применимы в других отраслях. В исследованиях, в которых были проанализированы данные Европейского патентного ведомства за период с 1978 по 1993 гг., было отмечено, что фирмы с большей вероятностью диверсифицируются в области, основанные на знаниях [41]. Однако, хотя важность диверсификации для выживания фирмы широко признается, аналогичный феномен на макроуровне редко изучается в явном виде. Большая технологическая диверсификация в стране порождает сдвиг в технологическом развитии этой страны, которая, в свою очередь, опирается на процессы социального обучения [23]. Кроме того, технологическая специализация – это еще одна весьма актуальная тема исследования, которая

привлекает пристальное внимание исследователей на протяжении последних десятилетий, например, технологическая специализация и торговля [20], технологическая специализация и экономический рост [39], модели гетерогенной технологической диверсификации [24]. Большая часть этих исследований свидетельствует о положительном влиянии технологической специализации в стране в противовес диверсификации. Основываясь на этих наблюдениях, мы развиваем нашу следующую гипотезу.

Гипотеза III. Коллективные усилия фирм в той или иной стране по диверсификации своей технологической продукции негативно влияют на общие инновационные показатели такой страны.

Значительная часть предшествующих исследований показала противоположное влияние инноваций на технологическую диверсификацию. Это причинное влияние инноваций на технологическую диверсификацию также было исследовано в работах в области инноваций и стратегического управления [21]. Технологическая диверсификация может быть результатом инновационного процесса, особенно на новых предприятиях, в рамках их усилий по изучению новых бизнес-возможностей. В своем стремлении понять взаимосвязь между инновациями и диверсификацией предыдущие исследования предоставили доказательства, указывающие на прямую связь между ними. Однако несколько недавних исследований показали, что взаимосвязь между диверсификацией и экономическим ростом носит ассиметричный характер на страновом уровне [33]. Учитывая сильную положительную корреляцию между инновациями и экономическим ростом, ожидается такая же ассиметричная взаимосвязь между диверсификацией и инновациями. Эта взаимосвязь, вероятно, связана с тем, что фирмы постоянно участвуют в позитивном круге роста, в котором они должны переключаться между технологической специализацией и диверсификацией инновационной продукции, чтобы использовать экономию своих ресурсов. Этот инновационный цикл может повлечь за собой усиление управленческих проблем, что требует большей организационной координации усилий и вынуждает компании ужесточать контроль над своими финансовыми ресурсами при переходе от стратегического управления к финансовым стратегиям. Исходя из этой логики, инновационный процесс явно влияет на решение фирм участвовать в технологической диверсификации, и поэтому предлагается следующая заключительная гипотеза.

Гипотеза IV. Более инновационная страна, основанная на совокупной инновационной деятельности фирм в этой стране, может привести к более высокой технологической диверсификации в этой стране.

Данная гипотеза представляет авторскую теоретическую основу, которая фокусируется на динамике технологической диверсификации и совместных изобретений между странами, а также их влиянии на эффективность инноваций. Эти два ключевых аспекта инноваций выбраны для того, чтобы охватить две важные технологические характеристики бизнес-стратегии, которая, как известно, способствует инновациям, это: технологическая широта и масштаб технологического сотрудничества. Для измерения технологической широты фирмы и уровня вовлеченности в глобальный рынок мы строим количественные показатели, основанные на индексе диверсификации и количестве стран, участвующих в каждом запатентованном изобретении, соответственно. Инновационная эффективность

страны измеряется количеством патентов, что обсудим ниже в процессе эмпирического анализа.

3. Эмпирический анализ и обоснование гипотетических предпосылок

Эмпирический анализ в нашем исследовании основан на наборе данных, состоящих из патентных данных и макроэкономических данных ряда стран. Патентные данные с 1976 по 2018 гг. получены из открытых данных агентства по патентам и товарным знакам США¹. Всего в анализе используется 4 644 755 патентов.

Для достоверности авторской модели выборка стран основана на наибольшем количестве патентов, наличии данных о ВВП и населении, географическом положении и классификации уровней доходов по странам Организации Объединенных Наций. Страны с очень небольшим количеством патентов отбрасываются, чтобы избежать предвзятости усечения и неэффективности оценки. Окончательная выборка состоит из 54 стран. Данные о ВВП и населении стран взяты из открытых данных Всемирного банка (World Development Indicators – WDI, 2018)² и Международного валютного фонда (World economic outlook database – 2018)³. Эти данные включают ретроспективные ежегодные данные стран за период с 1960 по 2018 гг. При этом, в целях ненарушения синхронности, наше исследование охватывает период только с 1976 по 2018 гг.

Итак, как уже было замечено, в предыдущих исследованиях [18] авторы предполагали, что патентные данные могут быть использованы в качестве индикатора инновационной активности. В настоящем исследовании предлагается зависимая переменная – индекс инноваций – как способ измерения интенсивности инноваций в стране путем операционализации логарифмического числа патентов, выданных этой стране. Таким образом, мы можем выразить индекс как:

$$\text{Индекс Инноваций} = \begin{cases} \ln\left(\frac{1}{Q} \sum_{i=1}^Q P_i\right), & x > 0; \\ 0, & x = 0, \end{cases} \quad (1)$$

где P_i – число патентов, принадлежащих фирме i , а Q – общее число фирм в стране, x – общее количество фирм в стране, имеющих более 1 патента, выданного в данном году. Чем выше значение индекса, тем выше инновационная активность. Чтобы предотвратить предвзятость выборки, страны с нулевыми значениями инноваций в течение значительного периода не включаются в окончательную выборку из 54 стран.

Используемые автором ключевые независимые переменные в исследовании – это сконструированные показатели международной технологической кооперации и технологической диверсификации страны. Такие показатели рассчитываются и сопоставляются с инновационным индексом страны. Эти две переменные описаны ниже.

Автором измеряется степень технологической кооперации между страной A и другими странами X и Y на основе числа стран-соизобретателей на один патент. Автор предполагает, что расширение кооперации между

¹United States Patent and Trademark Office(USPTO) database 2018

²World Bank, World Development Indicators – WDI, 2018

³International Monetary Fund, World economic outlook database – 2018

странами должно оказывать более позитивное влияние на показатели инновационной активности страны. Авторская формула для индекса кооперации выглядит следующим образом:

$$\text{Индекс Кооперации} = \begin{cases} \frac{1}{P} \sum_{j=1}^P C_j, & P > 0; \\ 0, & P = 0 \end{cases} \dots\dots\dots (2)$$

где P – общее количество патентов в стране, а C_j – число стран, сотрудничающих в области патентования j . Минимальное значение этого показателя равно 1 для $P > 0$, где 1 означает, что данная страна технологически не сотрудничает с другими странами. Нулевое значение, с другой стороны, указывает на то, что страна не имеет запатентованного изобретения, как показано $P = 0$. Чем выше значение индекса, тем больше страна открыта для международного технологического сотрудничества. Автор использует этот индекс как показатель степени международного технологического сотрудничества, и это, в основном, среднее число стран-соизобретателей на один патент.

Основным показателем технологической диверсификации автора выдвигается индекс диверсификации, который адаптирован из показателя технологической диверсификации, используемого в некоторых предыдущих исследованиях [25]. Данный показатель использует индекс энтропии и учитывает количество активных патентов в стране и относительное распределение патентов по 35 технологическим отраслям, проанализированных Силверманом [37]. Индекс диверсификации рассчитывается следующим образом:

$$\text{Индекс Диверсификации} = - \sum_{i=1}^{35} P_i \ln P_i, \quad (3)$$

где P_i представляет собой долю патентов страны, приходящуюся на i -ю область. Значение показателя энтропии колеблется между 0 и $\ln n$, где 0 указывает на то, что рассматриваемая страна концентрируется только на одной технологии, а значение, приближающееся к $\ln n$, указывает на то, что страна имеет равномерное распределение патентов по n технологиям. В этом расчете используется 35 технологических классификаций.

Аналитический подход, который применен автором в этом исследовании, имеет двойное значение. Во-первых, им использованы данные для анализа тенденций и текущих уровней, выдвинутых им основных переменных – индекса инноваций, индекса кооперации и индекса диверсификации. И, во-вторых, автор использует ряд эконометрических методов для объяснения тенденций и текущих уровней, обнаруженных на первом этапе. Для этого используется интегрированный набор данных по патентам и макроэкономическим странам, описанный им выше.

Как показывают авторские расчеты, индекс инноваций в странах с высоким уровнем дохода существенно больше, чем индекс инноваций в странах с относительно низким уровнем дохода. Кроме того, оба индекса для стран с высоким и не высоким уровнем дохода, как правило, растут с течением времени, за исключением 2011 года. Это снижение является нормальным, отражающим тот факт, что часто проходит несколько лет, прежде чем заявленные патенты принимаются агентством по патентам и товарным знакам США. Важным выводом из этих расчетов является то, что, хотя уровни индекса инноваций увеличиваются с некоторыми колебаниями, индексы для

стран с более высоким уровнем дохода имеют тенденцию ускоряться гораздо более быстрыми темпами по сравнению с индексами для стран с относительно низким доходом, особенно в течение первых трех исследуемых десятилетий.

В дополнение к пониманию особенностей совместной эволюции технологической диверсификации и уровня вовлеченности в глобальный рынок полезно изучить статистические корреляции между ними на протяжении всего 40-летнего периода. Как показала данная корреляция, индекс кооперации для стран с высоким уровнем дохода относительно выше по сравнению со странами с относительно низким уровнем дохода. Важно также отметить, что индексы снижаются в течение 40-летнего периода, о чем свидетельствуют отрицательные наклоны линейных коэффициентов. Кроме того, корреляция между индексами кооперации и инноваций снижается гораздо быстрее, чем корреляция между индексами диверсификации и инноваций, особенно в странах с высоким уровнем дохода. Одно из возможных объяснений этих закономерностей связано с различием в экономических размерах между двумя группами стран и взаимодействием между их экономическими переменными. Учитывая сложные сети и взаимозависимости между огромным числом экономических процессов в странах с высоким уровнем дохода, на взаимосвязь между диверсификацией и кооперацией, вероятно, влияют многие другие факторы. Это может привести к более низкой корреляции между ними. С другой стороны, при меньшей экономической активности в странах с низким уровнем дохода взаимодействие между диверсификацией и кооперацией гораздо выше.

Выводы

Целью авторского исследования была попытка привести новые идеи в имеющиеся исследования по инновационному росту экономики и движущим силам инноваций, исследуя взаимосвязь между коэволюционной динамикой технологической диверсификации и уровнем вовлеченности в глобальный рынок в области инноваций. Хотя в ряде исследований авторы сходятся во мнении о положительной связи между уровнем глобализации и эффективностью инноваций [15], роль технологической диверсификации в инновациях до сих пор остается неясной. Фактически, существующие данные как о влиянии инноваций на технологическую диверсификацию [17], так и о влиянии диверсификации на инновации [23] вызывают озабоченность по поводу возможности одномоментности и эндогенности между ними, что игнорировалось большинством предыдущих смежных исследований. Важность учета этой возможности жизненно важна для устранения предвзятости оценок. Статья направлена на восполнение данного пробела путем предоставления одного из первых эмпирических исследований причинно-следственных последствий уровня глобализации и технологической диверсификации для инноваций с учетом проблемы эндогенности. Полученные результаты подтверждают изложенные гипотезы, вытекающие из существующих теоретических предпосылок, согласно которым некоторые из основных движущих сил инноваций находятся под обратным влиянием инноваций, создающих сложные экономические отношения.

Список литературы

1. Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В. Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста // Вопросы экономики. №7. 2019. С. 95–118.

2. Клейнер Г.Б. Системные циклы экономической динамики и устойчивость национальной экономики. М.: Издание Государственной Думы, 2015. С.121–130.
3. Лист Фридрих, Национальная система политической экономии / пер. с англ., вводная статья и комментарии Е.М. Майбурда. М.: Наука, 1993. 572 с.
4. Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн, А.А. Новая теория воспроизводства капитала. М.- СПб.: Нестор-История. 2016. 260 с.
5. Миронов В.В., Коновалова, Л. Д. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России // Вопросы экономики, 2019. №1. С.54–78
6. Смит, Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / [Вступ. статья и коммент. канд. экон. наук В. С. Афанасьева]. - Москва : Соцэкгиз, 1962. - 684 с.; 26 см.
7. Солоу Р.М. Техническое развитие и агрегированная производственная функция. The Rev. Econ. Stat. 1957, 39 (№3). С. 312–320.
8. Сухарев О.С. Эволюционная экономическая теория институтов и технологий. Проблемы моделирования. М.: Ленанд, 2017. 139 с.
9. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. М.: Финансы и статистика, 2015. (Второе издание, переработанное)
10. Сухарев О.С., Логвинов С.А. Управление структурными изменениями экономики. М.: КУРС: ИНФРА-М, 2013. 352 с
11. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: «Эксмо», 2007.
12. Abramovitz M. Resource and output trends in the United States since 1870, in Resource and output trends in the United States since 1870 (1–23). Cambridge, MA: NBER, 1956.
13. Archibugi D. and Coco A. New indicator of technological capabilities for developed and developing countries (ArCo). World Development 32(4): 629–654, 2004.
14. Bloom N., Schankerman M., Reenen J. Van. Identifying technology spillovers and market rivalry. Econometrica 81(4): 1347–1393, 2013.
15. Capdevielle M., Natera J.M., Innovation, absorptive capacity and growth heterogeneity: Development paths in Latin America 1970–2010. Structural Change and Economic Dynamics 37: 27–42, 2016.
16. Castellacci F. Natera J.M. Innovation, absorptive capacity and growth heterogeneity: Development paths in Latin America 1970–2010. Structural Change and Economic Dynamics 37: 27–42, 2016.
17. Castellacci F. Natera J. M., The dynamics of national innovation systems: A panel cointegration analysis of the coevolution between innovative capability and absorptive capacity. Research Policy 42(3): 579–594, 2013.
18. Cowan R. Foray D. Evolutionary economics and the counterfactual threat: on the nature and role of counterfactual history as an empirical tool in economics. Journal of Evolutionary Economics 12(5): 539–562, 2002
19. Dodgson M., Mathews J., Kastelle T., Hu. T., The evolving nature of Taiwan's national innovation system: The case of biotechnology innovation networks. Research Policy 37(3): 430–445, 2008.
20. Erdős P., Rényi A. [On the evolution of random graphs](#) // Magyar Tudományos Akadémia Matematikai Kutató Intézetének Közleményei [Publications of the Mathematical Institute of the Hungarian Academy of Sciences]. T. 5, 1960.
21. Fagerberg J., Verspagen B. Innovation, growth and economic development: Have the conditions for catch-up changed? International Journal of Technological Learning, Innovation and Development 1(1): 13–33, 2007
22. Fagerberg J. Technology and international differences in growth rates. Journal of Economic Literature 32(3): 1147–1175, 1994.
23. Freeman C. 1991. Networks of innovators: A synthesis of research issues. Research Policy 20(5): 499–514.
24. Gómez-Merino F.C., Trejo-Téllez L.I., Méndez-Cadena M.E. & Hernández-Cázares A.S., Education, Science and Technology in Mexico: Challenges for Innovation. International Education Studies; Vol. 10, No. 5; 2017.
25. Johansen S. Identifying restrictions of linear equations with applications to simultaneous equations and cointegration. Journal of Econometrics. 69(1): pp. 111–132, 1995.
26. Johnson S. The Genius of the Tinkerer. THE WALL STREET JOURNAL. Sep 28, 2010.

27. Lundvall B.-A., Joseph, K.J., Chaminade C., Vang, J. Handbook of Innovation Systems and Developing Countries: Building Domestic Capabilities in a Global Setting. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009.
28. Malerba F., Nelson R., Orsenigo L., Winter S., Innovation and the Evolution of Industries: History Friendly Models. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2016.
29. Mazzucato M. The Entrepreneurial State. London: Anthem Press, 2013.
30. Moaniba I.M., Su H.-N., Lee P.-C., 2018 b. Does reverse causality explains the relationship between economic performance and technological diversity? Technol. Econ. Dev. Econ. 24, 859–892.
31. Mowery D.C. and Nelson R.R. Sources of Industrial Leadership: Studies of Seven Industries. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
32. Nelson R.R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis. Oxford: Oxford University Press, 1993.
33. Newman M. E. J. Networks: An Introduction. 2010.
34. Ravasz E., Barabási A.L. Hierarchical organization in complex networks, Phys Rev E Stat Nonlin Soft Matter Phys 2003 Feb;67(2 Pt 2):026112. doi: 10.1103/PhysRevE.67.026112. Epub 2003 Feb 14. 2003.
35. Romer P.M. 1994. The origins of endogenous growth. J. Econ. Perspect. 8, 3–22.
36. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy, Routledge, London, 1942.
37. Silverman B.S. 1999. Technological resources and the direction of corporate diversification: toward an integration of the resource-based view and transaction cost economics. Manag. Sci. 45, 1109–1124.
38. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth. The Quarterly Journal of Economics 70(1): 65–94, 1956.
39. Solleiro J. L., Katya Luna R.C., Herrera A., Montiel M. A Comparative Analysis of Innovation Policy in Mexico, Spain, Chile and Korea. Conference Paper, September 2007.
40. Sveikauskas L., R&D and Productivity Growth: A Review of the Literature. U.S. Bureau of Labor Statistics, Office of Productivity and Technology, working paper 408, 2007.
41. Ugur M., E. Trushin E. Solomon F. Guidi. R&D and productivity in OECD firms and industries: A hierarchical meta-regression analysis. Research Policy 45: 269–286, 2016.

Об авторе:

МАТРИЗАЕВ Бахадыр Джуманиязович – доцент департамента «Экономической теории», кандидат экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ. Россия, Москва, 125993, Ленинградский проспект, 49, e-mail: matrizaev@mail.ru, Web of Science Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/F-5364-2019>, AuthorID: 380043, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6270-9002>, SPIN-код: 8331-2270

RESEARCH OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE INFLUENCE OF MACROECONOMIC AND INSTITUTIONAL FACTORS ON THE INTENSIFICATION OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

B.D. Matrizaev

FSOBU VPO “Financial University under the Government of the Russian
Federation”, Moscow

The aim of this article is to research the theoretical and methodological aspects of the impact of macroeconomic and institutional factors on the intensification of innovative development of the country. In particular, the article examines the impact of the processes of co-evolution of technological diversification and foreign economic conditions on the intensity of the

country's macro-innovative development. We propose a methodology for two-module analysis based on international patent statistics and macroeconomic indicators for the period 1976–2018. First, we study the models of coevolution and the characteristics of foreign economic diversification. In an attempt to explain the patterns we use a number of econometric methods. Our empirical results show that there is an asymmetric causal relationship between technological diversification and innovation. This result is consistent across time periods and across country groups. In addition, it is established that foreign economic diversification, i.e. The level of globalization of a country's national economy has a positive impact on the intensity of innovation in the country, while technological diversification has a negative impact.

Keywords: *Innovation, innovation development, macroeconomic factors, economic growth*

About the author:

MATRIZAEV Bahadyr Dzhumanijazovich – Associate Professor of the Department of Economic Theory, Ph.D., Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow, 125993, Leningradsky Avenue, 49, e-mail: matrizaev@mail.ru, Web of Science Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/F-5364-2019>, AuthorID: 380043, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6270-9002>, SPIN code: 8331-2270.

References

1. Adam Smit Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov (knigi I–III) / per. s angl. Izergin V. M.. Izd-vo Socium, LKI, 2017. 456 s.
2. Katukov D.D., Malygin V.E., Smorodinskaja N.V. Faktor sozidatel'nogo razrusheniya v sovremennyh modeljah i politike jekonomicheskogo rosta // Voprosy jekonomiki. №7. 2019. S. 95–118.
3. Klejner G.B. Sistemnye cikly jekonomicheskoy dinamiki i ustojchivost' nacional'noj jekonomiki. M.: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2015. S. 121–130.
4. List Fridrih, Nacional'naja sistema politicheskoy jekonomii / per. s angl., vvodnaja stat'ja i kommentarii E.M. Majburda. M.: Nauka, 1993. 572 s.
5. Maevskij V.I., Malkov S.Ju., Rubinshtejn, A.A. Novaja teorija vosproizvodstva kapitala. M.-SPb.: Nestor-Istorija. 2016. 260 s.
6. Mironov V.V., Konovalova, L. D. O vzaimosvjazi strukturnyh izmenenij i jekonomicheskogo rosta v mirovoj jekonomike i Rossii // Voprosy jekonomiki, 2019. №1. S.54–78
7. Solou R.M. Tehnicheskoe razvitie i agregirovannaja proizvodstvennaja funkcija. The Rev. Econ. Stat. 1957, 39 (№3). S. 312–320.
8. Suharev O.S. Jevoljucionnaja jekonomicheskaja teorija institutov i tehnologij. Problemy modelirovanija. M.: Lenand, 2017. 139 s.
9. Suharev O.S. Jekonomicheskij rost, instituty i tehnologii. M.: Finansy i statistika, 2015. (Vtoroe izdanie, pererabotannoe)
10. Suharev O.S., Logvinov S.A. Upravlenie strukturnymi izmenenijami jekonomiki. M.: KURS: INFRA-M, 2013. 352 s
11. Shumpeter J.A. Teorija jekonomicheskogo razvitija. M.: «Jeksmo», 2007.
12. Abramovitz M. Resource and output trends in the United States since 1870, in Resource and output trends in the United States since 1870 (1–23). Cambridge, MA: NBER, 1956.
13. Archibugi D. and Coco A. New indicator of technological capabilities for developed and developing countries (ArCo). World Development 32(4): 629–654, 2004.
14. Bloom N., Schankerman M., Reenen J. Van. Identifying technology spillovers and market rivalry. Econometrica 81(4): 1347–1393, 2013.

15. Capdevielle M., Natera J.M., Innovation, absorptive capacity and growth heterogeneity: Development paths in Latin America 1970–2010. *Structural Change and Economic Dynamics* 37: 27–42, 2016.
16. Castellacci F. Natera J.M. Innovation, absorptive capacity and growth heterogeneity: Development paths in Latin America 1970–2010. *Structural Change and Economic Dynamics* 37: 27–42, 2016.
17. Castellacci F. Natera J. M., The dynamics of national innovation systems: A panel cointegration analysis of the coevolution between innovative capability and absorptive capacity. *Research Policy* 42(3): 579–594, 2013.
18. Cowan R. Foray D. Evolutionary economics and the counterfactual threat: on the nature and role of counterfactual history as an empirical tool in economics. *Journal of Evolutionary Economics* 12(5): 539–562, 2002
19. Dodgson M., Mathews J., Kastle T., Hu. T., The evolving nature of Taiwan's national innovation system: The case of biotechnology innovation networks. *Research Policy* 37(3): 430–445, 2008.
20. Erdős P., Rényi A. On the evolution of random graphs // *Magyar Tudományos Akadémia Matematikai Kutató Intézetének Közleményei* [Publications of the Mathematical Institute of the Hungarian Academy of Sciences]. T. 5, 1960.
21. Fagerberg J., Verspagen B. Innovation, growth and economic development: Have the conditions for catch-up changed? *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development* 1(1): 13–33, 2007
22. Fagerberg J. Technology and international differences in growth rates. *Journal of Economic Literature* 32(3): 1147–1175, 1994.
23. Freeman C. 1991. Networks of innovators: A synthesis of research issues. *Research Policy* 20(5): 499–514.
24. Gómez-Merino F.C., Trejo-Téllez L.I., Méndez-Cadena M.E. & Hernández-Cázares A.S., Education, Science and Technology in Mexico: Challenges for Innovation. *International Education Studies*; Vol. 10, No. 5; 2017.
25. Johansen S. Identifying restrictions of linear equations with applications to simultaneous equations and cointegration. *Journal of Econometrics*. 69(1): pp. 111–132, 1995.
26. Johnson S. The Genius of the Tinkerer. *THE WALL STREET JOURNAL*. Sep 28, 2010.
27. Lundvall B.-A., Joseph, K.J., Chaminade C., Vang, J. *Handbook of Innovation Systems and Developing Countries: Building Domestic Capabilities in a Global Setting*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009.
28. Malerba F., Nelson R., Orsenigo L., Winter S., *Innovation and the Evolution of Industries: History Friendly Models*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2016.
29. Mazzucato M. *The Entrepreneurial State*. London: Anthem Press, 2013.
30. Moaniba I.M., Su H.-N., Lee P.-C., 2018 b. Does reverse causality explains the relationship between economic performance and technological diversity? *Technol. Econ. Dev. Econ.* 24, 859–892.
31. Mowery D.C. and Nelson R.R. *Sources of Industrial Leadership: Studies of Seven Industries*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
32. Nelson R.R. *National Innovation Systems: A Comparative Analysis*. Oxford: Oxford University Press, 1993.
33. Newman M. E. J. *Networks: An Introduction*. 2010.
34. Ravasz E., Barabási A.L. Hierarchical organization in complex networks, *Phys Rev E Stat Nonlin Soft Matter Phys* 2003 Feb;67(2 Pt 2):026112. doi: 10.1103/PhysRevE.67.026112. Epub 2003 Feb 14. 2003.
35. Romer P.M. 1994. The origins of endogenous growth. *J. Econ. Perspect.* 8, 3–22.
36. Schumpeter J.A. *Capitalism, Socialism and Democracy*, Routledge, London, 1942.
37. Silverman B.S. 1999. Technological resources and the direction of corporate diversification: toward an integration of the resource-based view and transaction cost economics. *Manag. Sci.* 45, 1109–1124.
38. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics* 70(1): 65–94, 1956.
39. Solleiro J. L., Katya Luna R.C., Herrera A., Montiel M. A Comparative Analysis of Innovation Policy in Mexico, Spain, Chile and Korea. Conference Paper, September 2007.
40. Sveikauskas L., R&D and Productivity Growth: A Review of the Literature. U.S. Bureau of Labor Statistics, Office of Productivity and Technology, working paper 408, 2007.
41. Ugur M., E. Trushin E. Solomon F. Guidi. R&D and productivity in OECD firms and industries: A hierarchical meta-regression analysis. *Research Policy* 45: 269–286, 2016.

УДК 330.101.8

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.021–030

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА – ЧАСТНЫЕ ДЕНЬГИ?*

М.А. Алленых

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

Цель работы – рассмотреть, является ли цифровая валюта частными деньгами в контексте австрийской школы, и показать современное направление развития цифровых платформ. Автором рассмотрены основные положения теории частных денег Хайека и проведен историко-сравнительный анализ цифровых валют. Сделан вывод о том, что криптовалюта еще не является частными деньгами по определению австрийской школы. Автором проанализировано, как современные платежные платформы, которые по сути являются “экосистемами”, используют цифровые платежные инструменты. Рассмотрены особенности цифровых валют, выпускаемых на основе платформ. Показано, что в “экосистемах” токены также не являются частными деньгами в соответствии с положениями австрийской школы

Ключевые слова: *Австрийская школа, криптовалюта, токены, частные деньги, цифровые платформы.*

Денежная система оказывает сильное влияние на институциональный контекст нашей жизни, поэтому неудивительно, что в историческом аспекте споры о том, что такое деньги, какими они должны быть, кто должен их выпускать, от чего зависит их меновая стоимость, как вы их контролируете – это одна из самых оживленных и долгих дискуссий, начиная с XVII века.

Первые дискуссии о роли нематаллических денег восходят к предложениям Земельного банка, в которых предлагалось использовать банки, которые «секьюритизируют» богатую землю, создавая таким образом альтернативные платежные инструменты металлическим деньгам.

Эта идея была сформулирована еще Уильямом Поттером в 1650 г., но, вероятно, именно Джон Ло предложил первое систематическое обсуждение последствий как для денежного обращения, так и для бизнеса в целом – создания платежных инструментов, которые не требуют формы металлических монет, но относятся к финансовым активам и к реальным альтернативам драгоценному металлу. Возникшая в результате монетарная теория обычно приписывается Адаму Смиту, который, хотя и не обсуждает в явной форме тезис Джона Ло, но рассматривает в своем «Богатстве народов» последствия

* Рекомендовано к публикации по результатам Международной научно-практической конференции «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты» (18 декабря 2020 г., Департамент экономической теории Финансового университета).

практики шотландских банков того времени выпуска векселей под ссуды «безрисковым» частным владельцам.

С этого момента истории известен постепенный переход платежных инструментов с металлических монет, обладающих внутренней стоимостью, на бумажные банкноты, выпуск которых – первоначально частными банкирами – позволил не только сэкономить на базовом использовании эталонного металла (например, золота или серебра), и позволил расширить количество платежных инструментов за пределы физически доступного денежного базового уровня путем хранения металлических резервов только для той части выпущенных банкнот, которая обычно предъявлялась на инкассо.

Такая практика позволила банкам, – как в Шотландии во времена Адама Смита – расширить свою коммерческую деятельность, используя банкноты для внутренних операций и металлическую валюту для импорта из-за границы. Однако, это подвергло экономические системы уязвимости, присущей банковским системам, создавая «внутреннюю» дробную и диффузную резервную валюту, что открывало путь для частых кризисов нестабильности и ликвидности в отсутствие устойчивой привязки к «внешней» валюте. Также, чтобы ограничить последствия этой хрупкости, выпуск банкнот постепенно делегировался государственным банкам, которые стали монополистами в этой сфере. Первоначально они гарантировали полную конвертируемость с точки зрения металлической денежной базы, как во времена золотого стандарта, а затем отказались от нее и перешли к действующей в настоящее время системе чисто фидуциарной и неконвертируемой валюты (фиатной валюты), имеющей законное платежное средство, гарантированное государством.

Это сближение с денежными системами, в которых центральный банк выпускает законное платежное средство и является исключительно фидуциарным, однако не ослабило позиции тех, кто ставил вопрос об ослаблении государственной монополии на деньги, и вместо этого отстаивал конкуренцию в банковском деле, которая существовала в различных экономиках между XVII и XIX веками.

В частности, в прошлом веке стимулированная многочисленными эпизодами денежной нестабильности и последующим поиском нового международного валютного порядка, австрийская школа стала активным сторонником этой позиции. Один из ее представителей, Фридрих А. фон Хайек, лауреат Нобелевской премии по экономике и величайший представитель либеральной культуры XX века, призывает к «полностью свободным рынкам для каждого типа валюты [...] очень суровая дисциплина или ограничения на институты, которые выпускают деньги [...] лишены возможности защитить свою валюту от соперничества конкурентов» [6, с. 108–109]. В качестве альтернативы к режиму фиксированных обменных курсов, таким как золотой стандарт, остается только свободная конкуренция между валютами, выпущенными частными банками, которая гарантировала бы выживание только «хороших» денег.

Развитие технологий и информационных технологий в последнее время способствовало рождению новой категории потенциальных платежных

инструментов: криптовалюты и, в целом, цифровых валют. Эти финансовые инструменты – чисто электронные и, следовательно, полностью нематериальные – возникают в рамках полностью децентрализованного и наднационального механизма, где право определить единую единицу криптовалюты приписывается победителю определенного конкурса, обычно связанного с решением математического расчета, степень сложности которого увеличивается со временем и регулируется экзогенным и неизменным алгоритмом.

В разгар экономического кризиса в октябре 2008 г. Сатоши Накамото опубликовал документ, который давал возможность создать новую систему цифровой валюты под названием «Биткойн: одноранговая система электронных денег». Имя Сатоши Накамото – псевдоним, и неизвестно, представляет ли он человека или группу людей. Его никогда не видели, но он активно общался через определенные онлайн-платформы относительно публикации своей идеи и последующей разработки Биткойна. Некоторые сторонники теории заговора полагают [2], что Биткойн был изобретен теми же людьми, которые управляют более крупными центральными банками все еще доминирующей валютной системы, потому что выпуск оригинального документа совпадает с периодом времени, когда банк Lehman Brothers объявил о банкротстве. Несомненно то, что это полностью децентрализованная компьютерная система, работающая на полностью прозрачных математических принципах, которая не зависит от какого-либо центрального органа по выпуску валюты, расчетам или подтверждению транзакций. Пользователи сами участвуют в этих процессах, где функциональность обеспечивается прозрачностью и сложностью системы, а не контролируется темпами инфляции. Биткойн был инициирован как сеть открытого типа в 2009 г., согласно статье Сатоши, с тех пор он постоянно совершенствовался программистами.

В настоящее время количество различных криптовалют, доступных в глобальном масштабе, увеличилось в несколько раз, что привело к созданию целой системы валют, свободно выпущенных частными агентами, каждый из которых потенциально может напрямую конкурировать с другими, а также с существующими традиционными государственными валютами. В этом сценарии соблазн реализовать предложения Хайека – преодолеть государственную монополию на наличие законного платежного средства, гарантированного правительством, естественно становится очень сильным.

Если рождение и распространение криптовалют, кажется, угрожает монополии нынешней денежной системы с явно либеральной и наднациональной позиции, то последствия глубокого глобального экономического кризиса способствовали пробуждению суверенных импульсов и популистов, которые угрожают той же монополии со стороны властей с диаметрально противоположной позиции. Масштабы этой угрозы проявляются в постоянно увеличивающемся разбросе позиций, которые ставят под сомнение независимость центральных банков от органов налогово-бюджетной политики, в которых они предполагают возможность свободно распоряжаться балансовыми активами центральных банков и которые: в некоторых случаях прямо относятся к идее, которую Адам Смит положил в

основу системы Джона Ло: что можно «умножать бумажные деньги почти в неограниченном объеме». Идея, которую шотландский философ и экономист считает экстравагантной, привела к дефолту Франции, одному из первых и самых дорогих в истории [5].

Фридрих А. фон Хайек сделал денежный вопрос темой своего первого теоретического размышления. Затем он посвятил себя анализу социальных и нормативных предпосылок, на которых основано свободное общество. Он критиковал «неограниченную демократию», такого рода социальную систему, в которой «больше не воля или мнение большинства определяет, что правительство должно делать, но именно правительство вынуждено удовлетворять все требования, чтобы собрать большинство» [6]. Этой ситуации в значительной степени способствует отчасти государственная монополия на выпуск денег. По его мнению, восстановить «ограниченную демократию», то есть ограничить власть политического класса, необходимо разрушить эту монополию, ответственную за неэффективность, безработицу и дегенеративные явления социальной жизни. Другими словами: мы должны освободиться от любой формы денежного суверенитета. Это возможно только при условии, что валюта предлагается учреждениями, работающими в условиях конкуренции. Хайек представляет в этой работе четко сформулированное предложение, над которым должны задуматься все защитники индивидуальной свободы выбора. Как указывают некоторые экономисты, это предложение, возможно, потребует дополнить и изменить. Сам Хайек признает это. Но проблема остается в том, что монополия на эмиссию денег несовместима с функциональными приоритетами открытого общества.

Нестабильность цен, которые криптовалюты демонстрировали до сих пор на финансовых рынках, похоже, не поддерживает идею о том, что в настоящее время они реализуют предложение Хайека, для которого стабильность обменной стоимости денег, выпущенных в ходе конкуренции, является важнейшим элементом, определяющим выживание частных денег.

Чтобы понять различие между «австрийской» валютой и криптовалютами, такими как Биткойн, необходимо рассмотреть их характеристики.

Прежде всего, криптовалюты это неконвертируемые фидуциарные деньги, выпущенные отдельными лицами в условиях конкуренции. Более того, эмитент не несет за них ответственности своими какими-либо активами, и их дефицит является экзогенным. Первая из этих характеристик, вероятно, наиболее наводит на размышления о сходстве с теорией свободного банковского обслуживания и с идеями австрийской школы, и, естественно, возникает вопрос о том, способен ли Биткойн реализовать предложение Хайека с точки зрения денационализации денег и в условиях превышения государственной монополии. Другие особенности криптовалют связаны с размышлениями, что определяет биржевую стоимость, и как можно сдерживать проявленную до сих пор чрезмерную волатильность в будущем. Условие, которое кажется существенным для любых альтернативных традиционных валют, может стать серьезным конкурентом на рынке платежных инструментов.

В стране, в которой свободно обращаются разные валюты, одинаково полезные в качестве средства платежа, их относительная меновая стоимость не определена и, следовательно, по своей сути нестабильна [3].

Этот результат полезен в нашем контексте, потому что проблема неопределенности и, как следствие, нестабильности обменного курса между двумя конкурирующими валютами может быть решена. Вместо этого, если для каждого эмитента его собственная валюта представляет собой обязательство, подкрепленное соответствующим составом активов и соответствующими правилами передачи (то есть, если соответствующая поддержка каждого из них является гарантированной валютой). Отсутствие накопленных активов при выпуске биткойнов, следовательно, вовсе не является точкой соприкосновения с теорией Хайека, а, напротив, помогает объяснить, почему обменная стоимость этих криптовалют до сих пор была настолько нестабильной.

Более того, «запланированный дефицит», типичный для криптовалют, заслуживает краткого обсуждения. В случае биткойна, например, соответствующий алгоритм автоматически регулирует вычислительную сложность вычислений, которые майнеры должны выполнять для генерации единицы валюты, постепенно корректируя ее, чтобы гарантировать неуклонно снижающиеся темпы производства валюты, приближаясь к фиксированному пределу в 21 миллион единиц. Этот «технологически обусловленный» дефицит привел к тому, что многие ассимилировали Биткойн с электронной версией товара, например с золотом, внутренняя стоимость которого определяется именно его редкостью и затратами на добычу. Кроме того, эта особенность, на первый взгляд, может указывать на близость к частным деньгам Хайека, для которой «Деньги имеют ценность по причине и до тех пор, пока известна их редкость», и «если они используются добровольно, только потому, что есть доверие, что банк будет гарантировать, что выпуск денег будет ограниченным, [...] его приемлемость до установленной стоимости будет возрастать во все большей форме» [6, с. 112]. Наряду с золотом и золотым стандартом, который также программирует дефицит денег – и стандарт Биткойна – позволяет в принципе преодолеть критику Хайека государственных денег, количество которых можно регулировать в политических целях.

Однако это предложение также кажется рискованным, потому что для Хайека актуальной концепцией является концепция «относительной редкости», которая есть не что иное, как двойственное понятие «соответствующее количество». Поэтому в этом измерении представляется уместным различать дефицит, который характеризует такой товар, как золото, и тот, который характеризует фидуциарную валюту, такую как государственная, и тот, который вместо этого характеризует криптовалюту.

Инновации в технологиях и широкое использование Интернета сделали онлайн-торговлю и социальные сети значительной частью нашей экономической деятельности. Роше и Тироль в 2003 г. изучали влияние конкурирующих платформ на цены и благосостояние для различных структур собственности и управления.

В экономической литературе платформы обычно представляют собой двусторонние рынки, где покупатели и продавцы обмениваются множеством продуктов. Роль платформ в экономике цифровых валют сильно отличается от роли цифровых сетей.

В этом случае платформы можно рассматривать как «экосистемы», в которых взаимодействуют потребители, продавцы и поставщики услуг. Цифровые платежные инструменты, связанные с платформами, будут эффективно сочетать функции традиционных денег с функциями и данными платформы, что приведет к перегруппировке денег, которая контрастирует с разукрупнительной ролью цифровых сетей.

Ключевыми игроками в этих областях являются платформы, которые отдельные лица могут использовать для покупки реальных или виртуальных товаров на платформе. Эти токены часто называют цифровой валютой. Это деньги, которые доступны только в компьютерной системе, поскольку они существуют только в электронной форме.

Интернет-платформы имеют миллионы пользователей во многих странах и имеют глобальный охват. Некоторые отраслевые обозреватели предполагают, что эти валюты могут получить широкое распространение и даже могут конкурировать с национальными валютами.

Цифровые валюты на основе платформы характеризуются двумя основными особенностями: 1) платформа поддерживает контроль над дизайном и предложением валюты, и 2) платформа вводит свою валюту для целей, отличных от платежных услуг.

Напомним, что в экономической теории выделяют функции денег как 1) мера стоимости, 2) средство обращения и 3) средство сбережения.

Однако, популярные цифровые валюты на базе платформ имеют ограниченные функциональные возможности и могут не соответствовать этому определению. Но что побуждает платформы вводить собственные цифровые валюты и создавать свои цифровые валюты особым образом? При каких обстоятельствах эти цифровые валюты могут получить более широкое распространение за пределами платформ?

Чтобы ответить на эти вопросы, предполагается, что углубленный анализ этих цифровых валют поможет разработать основу для изучения и мониторинга развития цифровых валют на основе платформ в более общем плане.

Денежно-кредитные учреждения и другие государственные органы изучают и отслеживают эти цифровые валюты на основе платформ по ряду причин. Во-первых, важно оценить их потенциальное влияние на спрос на банкноты. Во-вторых, цифровые валюты представляют собой инновации, которые могут повысить эффективность розничных платежей, например, путем предоставления более дешевой, быстрой или более удобной альтернативы существующим способам оплаты, особенно для онлайн-транзакций. В-третьих, цифровые валюты могут вызвать ряд вопросов государственного регулирования, если они станут широко используемым средством платежа.

Анализ цифровых денег платформы позволяет нам разработать структуру для оценки функциональности цифровых валют на основе

платформы, исследуя не только размер и охват платформы, но и причины, по которым платформа вводит свою цифровую валюту. Основная цель платформы – увеличить ее прибыль. В зависимости от бизнес-модели платформы роль денег может быть разной, поэтому платформа может оснащать ее различными атрибутами, в частности, могут ли пользователи 1) покупать или зарабатывать токены, 2) передавать токены между собой и / или 3) обменять жетоны на национальную валюту.

Однако в большинстве случаев платформа предпочитает ограничивать функциональность своей валюты, чтобы соответствовать своей бизнес-модели. Чтобы цифровая валюта могла использоваться вне платформы в качестве средства платежа, она должна соответствовать двум условиям. Во-первых, он должен быть снабжен только что описанными атрибутами, которые позволят людям принять его в качестве денег. Во-вторых, отдельные участники рынка должны принять решение о переходе на валюту. Большая существующая литература сосредоточена на том, что побуждает людей переходить на одну валюту, а не на другую [7].

Давайте рассмотрим первое условие и выясним, есть ли у проприетарных Интернет-платформ стимулы для развития своих валют таким образом, чтобы их можно было использовать за пределами платформы.

Существующие цифровые валюты на базе платформ показывают, что они могут значительно различаться по своему дизайну. Платформы вводят свои собственные токены вместо того, чтобы полагаться на существующие средства оплаты (например, кредитные карты), поскольку они могут проектировать свойства валюты в соответствии со своей бизнес-моделью. Например, цифровые валюты на базе платформы могут обеспечить большую гибкость в приобретении товаров, позволяя пользователям как покупать, так и зарабатывать их на платформе (например, с помощью кредитов Facebook), или платформы могут налагать дополнительные ограничения на то, как эти валюты расходуются (как показано в ограничении монет Amazon на покупку некоторых своих продуктов). Эти валюты также способствуют созданию экономики в виртуальном мире, который отделен от реального мира, но улучшает виртуальный опыт. Некоторые из существующих цифровых валют слишком ограничены в своей функциональности, чтобы стать широко распространенным средством платежа. Поскольку соответствующие платформы налагают эти ограничения для максимизации прибыли, выпуск полностью оснащенных валют не в их интересах. В то же время цифровые валюты продемонстрировали свой потенциал для широкого применения за пределами платформы в реальной экономике, что привело к запрету со стороны властей. Итак, что может способствовать широкому распространению этих основанных на платформе цифровых валют в качестве цифровой альтернативы национальной валюте? По нашей оценке, переносимость является атрибутом, который дает цифровой валюте возможность стать платежным средством за пределами ее платформы. Возможность передачи важнее, чем то, как пользователи могут приобретать токены (покупая или зарабатывая их) или могут ли они обменять их на национальную валюту. Благодаря возможности передачи люди могут покупать токены, даже если это официально запрещено платформой. Возможность погашения не является

обязательным атрибутом для того, чтобы валюта стала широко использоваться в качестве средства платежа. Все, что нужно – это вера в то, что токены, которые приобрел человек, будут приняты в будущем для оплаты желаемых товаров и услуг.

Но экономическая логика, лежащая в основе платформ, также заключается в том, что они способны развивать и оптимизировать связи между различными видами деятельности. Сбор информации и данных может быть хорошо связан с этими действиями.

В этой деловой деятельности данные, записанные и совместно используемые на платформе, могут использоваться, среди прочего, для предоставления рекомендаций пользователям, построения систем репутации или эффективного сопоставления пользователей друг с другом. Крупные коммерческие и социальные платформы, такие как платформы Amazon и Alibaba, обладают некоторыми из этих функций. Использование данных дает как эффект масштаба, так и экономию на масштабе.

Платформенной сплоченности способствует деятельность, которая доминирует над всеми остальными. Платежи – естественный кандидат для такой деятельности на многих платформах. Все остальные действия на платформе зависят от оплаты, и все данные генерируются посредством оплаты. Следовательно, платежные функции имеют решающее значение для ценности и роста платформы. Потребители должны использовать платежные протоколы платформы, чтобы обеспечить доступ ко всем услугам, которые она предлагает. Поставщики услуг и разработчики приложений зависят от надежной платежной системы, чтобы гарантировать постоянную жизнеспособность своих продуктов. Социальные группы извлекают выгоду из системы передачи ценности на платформе, которая связывает их участников.

Что наиболее важно, платежные сети имеют беспрецедентный доступ к данным. Преимущества базы данных связаны не только с ее размером, но и с ее разнообразием: гораздо более ценно знать привычки миллиона случайных людей, чем знать привычки миллиона людей из того же города. Поэтому большая платежная платформа, которая объединяет широкий спектр действий, является идеальным инструментом для сбора данных. Учитывая, что платежи используются практически во всех сферах экономической деятельности, никакая другая, более специализированная платформа не может претендовать на то, чтобы соперничать с платежной платформой по способности агрегировать информацию об экономическом поведении.

Рассмотрим, например, банк, оценивающий соискателя кредита. Если у банка есть доступ к данным платежной платформы, он может отслеживать доходы и платежи заявителя, включая данные о частоте, местонахождении и характере покупок. Анализ таких обширных данных позволил бы банку оценить вероятность погашения с большой точностью, намного превышающей точность прогноза кредитного рейтинга заявителя. Платежные данные, генерируемые платформами, на самом деле являются идеальным инструментом прогнозирования предпочтений и поведения пользователей. Неудивительно, что алгоритмы определения цены на товары, таргетинга рекламы и рекомендации продуктов получили широкое распространение на платежных платформах. Платформы также могут изменять свою бизнес-модель, чтобы адаптироваться к эволюции конкурентной среды. По этому

вопросу существует обширная литература по стратегическому обновлению, в которой основное внимание уделяется этим вопросам (см., например, Mische, 2000).

По большей части цифровые валюты, выпускаемые собственными Интернет-платформами, вряд ли окажут какое-либо серьезное влияние на существующие национальные платежные системы. Платформы вводят свои валюты для улучшения своей бизнес-модели и увеличения прибыли. В большинстве случаев для достижения этой цели необходимо ограничить функциональность валюты платформы, что мешает ей стать широко распространенным платежным средством. Интернет-рынок будет продолжать развиваться, а платформы будут разрабатывать инновационные продукты и, возможно, новые цифровые валюты. Тем не менее, атрибут цифровых валют, который необходимо отслеживать наиболее внимательно — это конкретная возможность передачи между пользователями, поскольку она обеспечивает валюту с наибольшим потенциалом для использования в качестве средства платежа за пределами платформы. Однако на данный момент цифровая валюта будет принята участниками рынка только в том случае, если она более привлекательна для использования или лучше подходит для удовлетворения их платежных потребностей, чем существующие альтернативы.

Список литературы

1. Алленых М.А., Влияние цифровых технологий на рынок банковских услуг, Самоуправление. 2020. №3 (120). С.10—13.
2. Antonopoulos A.M. Mastering Bitcoin: Unlocking Digital Cryptocurrencies. 2nd Edition, Sebastopol, O'Reilly, 2015.
3. Brunnermeier M. K., Harold J., Landau Jean-Pierre. Digital Currency Areas, 2019a. <https://voxeu.org/article/digital-currency-areas>
4. Brunnermeier M. K., Niepelt D. On the Equivalence of Private and Public Money. Journal of Monetary Economics, 2019 b.
5. Eichengreen B. From Commodity to Fiat and Now to Crypto: What Does History Tell Us? 2019. - National Bureau of Economic Research, Working Paper 25426.
6. Hayek von F. A. Denationalisation of Money: The Argument Refined. 3rd Edition. 1976 The Institute of Economic Affairs, London. Available at https://mises.org/system/tdf/Denationalisation%20of%20Money%20The%20Argument%20Refined_5.pdf?file=1&type=document.
7. Kiyotaki N., Wright R. "On Money as a Medium of Exchange." Journal of Political Economy 97 (4), 1989. PP. 927–54.
8. Mische M. A. Strategic Renewal: Becoming a High-Performance Organization. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall. 2000.

Об авторе:

АЛЛЕННЫХ Марина Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, e-mail: marina_allenykh@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3011-9515, SPIN-код: 2502-7011.

DIGITAL CURRENCY – PRIVATE MONEY?

M.A. Allenykh

FSOBU VPO “Financial University under the Government of the Russian Federation”, Moscow

The purpose of this work is to analyze whether digital currency is private money in the context of the Austrian school and to show the modern direction of development of digital models. The author considers the main provisions of the private money theory and carries out a historical and comparative analysis of digital currencies in this context. It is concluded that cryptocurrency is not yet private money as defined by the Austrian school. The author analyzes how modern payment platforms, which are essentially “ecosystems”, use digital payment instruments. The features of digital currencies issued on the platform basis are considered. It is shown that in “ecosystems” tokens are also not private money in accordance with the provisions of the Austrian school.

Keywords: *Austrian school, cryptocurrency, tokens, private money, digital platforms*

About the author:

ALLENYKH Marina Anatol'evna – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor of Economic Theory Department, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: marina_allenykh@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3011-9515, SPIN-код: 2502-7011.

References

1. Allenykh M.A. Vliyaniye cifrovyyh tekhnologiy na rynek bankovskikh uslug, Samoupravleniye. 2020. №3 (120). С. 10–13
2. Antonopoulus A.M. Mastering Bitcoin: Unlocking Digital Cryptocurrencies. 2nd Edition, Sebastopol, O'Reilly, 2015.
3. Brunnermeier M. K., Harold J., Landau Jean-Pierre. Digital Currency Areas, 2019a. <https://voxeu.org/article/digital-currency-areas>
4. Brunnermeier M. K., Niepelt D. On the Equivalence of Private and Public Money. Journal of Monetary Economics, 2019 b.
5. Eichengreen B. From Commodity to Fiat and Now to Crypto: What Does History Tell Us? 2019. - National Bureau of Economic Research, Working Paper 25426.
6. Hayek von F. A. Denationalisation of Money: The Argument Refined. 3rd Edition. 1976 The Institute of Economic Affairs, London. Available at https://mises.org/system/tdf/Denationalisation%20of%20Money%20The%20Argument%20Refined_5.pdf?file=1&type=document.
7. Kiyotaki N., Wright R. “On Money as a Medium of Exchange.” Journal of Political Economy 97 (4), 1989. PP. 927–54.
8. Mische M. A. Strategic Renewal: Becoming a High-Performance Organization. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall. 2000.

УДК 336.744

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.031–040

ЦИФРОВАЯ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ НА ГЛОБАЛЬНОМ, МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ*

О.В. Хмыз

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

В статье анализируются новейшие процессы цифровизации в аспекте цифровой институционализации, охватывающей различные уровни современной мировой экономики – от глобального до национального. Цель статьи – на основе анализа практики внедрения цифровой институционализации на различных уровнях выявить их особенности и соответствие современным требованиям развития мировой экономики и системы международных финансов. Научная новизна исследования заключается, во-первых, в рассмотрении недостаточно изученного в экономической литературе направления (цифровой институционализации), во-вторых, в анализе и выявлении закономерностей на основе новейших статистических данных и последних нормативных изменений. Несмотря на присущие им некоторые характерные черты, в целом отмечается нарастание цифровизационных процессов, прежде всего при участии финансово-технологических компаний, а также при поддержке регулирующих органов. Анализируя их протекание, автор приходит к выводу о нарастающем стимулировании использования диджитальных валют в форме стейблкоина, поддерживаемого Банком международных расчетов и G7 – на глобальном уровне, и соответствующими институтами государственного регулирования – на региональном и национальном уровнях.

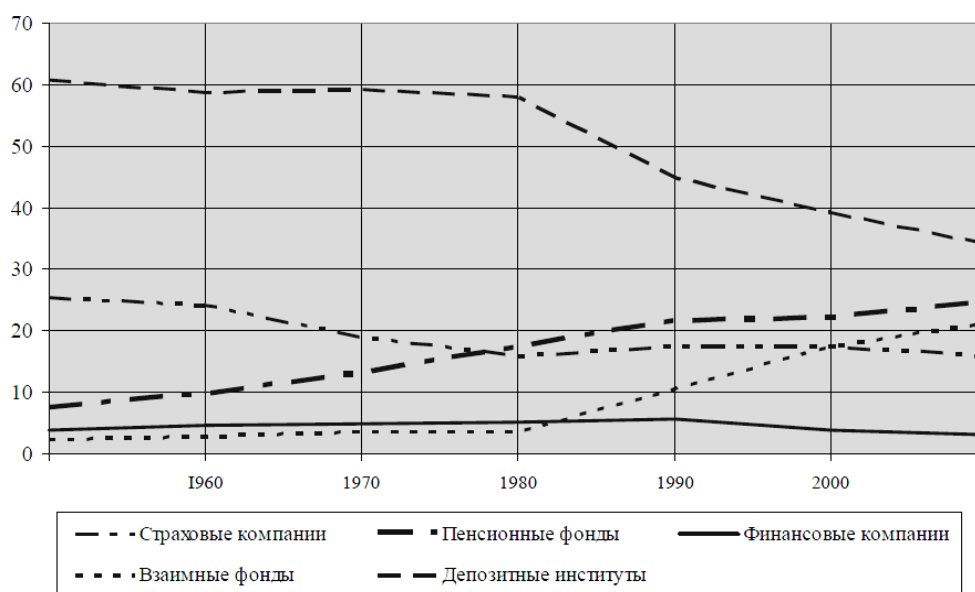
Ключевые слова: *цифровизация, институционализация, финансовые технологии, диджитальные валюты, стейблкоин, уберизация*

Нарастающие в мировой и большинстве национальных экономик процессы цифровизации оказывают все большее влияние, расширяясь вширь и вглубь – от операций профессиональных участников до транзакций широких слоев населения. Систематизируя, можно выделить три основных уровня цифровизации – глобальный, международный (преимущественно, региональный) и национальный. На каждом из них распространению цифровизации способствовали (либо она была инициирована) специализированные институты, преимущественно финансово-банковского характера, ведь даже стоящие в авангарде диджитализации технологические компании все больше

* Рекомендовано к публикации по результатам Международной научно-практической конференции «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты» (18 декабря 2020 г., Департамент экономической теории Финансового университета).

превращаются в финансово-технологические, коррелируя с основным глобальным трендом последних десятилетий – финансовизацией, одновременно оказывая влияние и на ее институциональную специфику.

Еще в конце XX века неотъемлемой тенденцией стала дезинтермедиация, или (дословно) «устранение посредника» в виде банка (депозитного института) ввиду снижения необходимости в нем. Ранее (примерно до 80-х гг. XX в. в развитых странах) кредитные институты привлекали временно свободные денежные средства субъектов хозяйствования и предоставляли их нуждающимся в финансовом капитале, взимая за эти действия определенное комиссионное вознаграждение. Однако по мере развития мировой экономики и в особенности ее финансового сектора, банки как непроизводительные посредники стали уступать свои позиции становящимся все более эффективными институциональным инвесторам небанковского типа (которых впоследствии стали именовать параллельными, или «теневыми банками»¹), работающим с клиентами на более привлекательных условиях – как с точки зрения гибкости (к депозитным институтам предъявляются более жесткие требования регулирования), так и цены услуги. Размещая финансовые ресурсы в широкий круг финансовых продуктов и услуг и широко используя возможности фондового рынка, или фондирование, институциональные инвесторы небанковского типа привлекают клиентов более льготными для них условиями. И количество банков (депозитных институтов) за рубежом стало понижаться (рис. 1)².

Источник: данные БМР, ИОСКО

Р и с . 1. Доля активов института в общем объеме активов финансовых институтов, %

¹ Речь идет не о «серых» схемах легализации доходов, полученных преступным путем, а о предоставлении услуг, ранее считавшихся типично банковскими.

² В РФ эта тенденция проявляется с некоторым временным лагом.

В XXI в. под влиянием цифровизационных процессов дезинтермедиация также стала видоизменяться и фактически сегодня все больше превращается в уберизацию, когда финансовые институты стимулируют предоставление своих услуг и распространение продуктов не через физические офисы и клерков, а посредством цифровых технологий. Поэтому уберизацию в финансовом секторе мировой экономики можно охарактеризовать как отказ от традиционного посредника в пользу цифровых платформ. Для использующих их клиентов главным преимуществом выступают быстрота и доступность, а следовательно, и пониженные финансовые расходы, а для предоставляющих такие услуги институтов – охват (массовость) клиента и финансовый фактор. Однако при этом, конечно, не следует забывать опасность компьютерной или иной технологической ошибки, способной в таких условиях привести к серьезным затруднениям.

Причем пандемия COVID-19 дала дополнительный финансовый импульс, расширяя это направление, в виде оптимизации издержек работодателей на офисное пространство (время работы) для работников. Повсеместный режим самоизоляции («удаленки») продемонстрировал возможность работы сотрудников из дома, т.е. вне офиса, с достаточной степенью эффективности. Следовательно, и после выхода из самоизоляции на одном рабочем месте могут работать 2–3 сотрудника, не нужно тратиться на офисный фонд, компьютерное оборудование и пр., что оптимизирует расходы работодателя, но может привести к изменению ситуации на рынке недвижимости, выплеснув на него становящиеся излишними помещения и даже здания. В особенности в периферийных регионах. Тем более что и ранее были известны случаи выставления к продаже целых домов по минимальным ценам, которые даже на таких условиях не приобретались [2, с. 66].

Тем самым подтверждается явление финансовой уберизации, получившей наименование, производное от названия службы такси, по сути виртуальной платформы, предоставляющей информационную услугу в транспортной сфере, оптимизированную, ведь сам провайдер не располагает ни собственным парком транспортных средств, ни штатом водителей, что приводит к минимизации даже налогообложения. И это лишь одно из современных направлений развития цифровой институционализации. Конечно, рассмотреть все из них (или хотя бы большую их часть) в рамках одной работы не представляется возможным, но выделить основные можно.

На наднациональном уровне процессы цифровой институционализации можно систематизировать по критерию уровня проведения: официальный (наднациональные и международные институты, в т. ч. валютно-финансовые) и частный (традиционные институциональные инвесторы и финансово-технологические компании). Если раньше в большей степени эти тенденции охватывали именно частные структуры, то сегодня в них все больше вовлекаются и официальные. И это неудивительно. Служившее ранее эталонами официальные наднациональные организации, в т. ч. Бреттон-Вудские институты, за пятьдесят лет своего существования утратили свою значимость, их первоначальные функции видоизменились, возложенные надежды не сбылись, и с каждым годом все явственнее их отставание от реальной международной ситуации. Поэтому уже некоторое время на различных уровнях звучат призывы к реформированию мировой финансовой архитектуры [3, с. 37]. Тогда как частные институты, напротив, наращивают свое значение, в т. ч. при помощи финансового ресурса [4, с. 175], а сегодня –

и технологического. Стремительно нарастающие размеры, капитализацию, а значит, влияние на мировую экономику, технологические компании сращиваются с финансовыми, осознавая перспективность такого сотрудничества для обычных сторон. Одновременно они продолжают вовлекать в сферу своего бизнеса направления, ранее подлежащие только официальному регулированию. Прежде всего речь идет о наднациональных денежных (валютных) проектах в виде биткоина и иных криптовалют – по сути, частных денег с наднациональным характером использования, ибо они не попадают под регулирование какого-либо наднационального или национального официального органа регулирования в силу технологии своей эмиссии (майнинга), распространения и обращения.

Формирование и распространение большого количества разнообразных цифровых валют привело к их официальной классификации на наднациональном уровне на следующие основные разновидности [13, р. 131]:

- криптовалюты;
- цифровые валюты центральных банков;
- виртуальные валюты (нерегулируемые цифровые, эмитируемые и контролируемые разработчиками и используемые в рамках конкретного сообщества);
- электронные наличные (e-cash).

И вслед за частными цифровыми деньгами планируется введение официальных, в т.ч. на глобальном уровне.

Как известно, идея общей наднациональной валюты выдвигалась неоднократно, в самые разные времена. Протообразами такой валюты выступали складывавшиеся еще в древности денежные альянсы и монетные союзы средних и последовавших веков (получившие наибольшую известность, среди которых скандинавский и латинский монетные союзы). Выдвинутая Кейнсом в Бреттон-Вудсе идея банкора и стабилизации международного денежного обращения при помощи наднационального союза клирингового типа [5, с. 377] частично даже была реализована в виде специфических наднациональных денег – СДР, однако, не получивших повсеместного распространения и превратившихся в еще один механизм поддержания международного значения американского доллара. Их эмитент – МВФ – все больше отходит от изначально возложенных на него функций, все больше приближаясь к функции банка развития, тем самым функционально сливаясь с МБРР и теряя свое значение в мировой валютной системе. [7]

Аналогично, к настоящему времени криптовалюты (во всем их многообразии) не превратились в реальных конкурентов традиционных валют, продолжая оставаться прежде всего инструментом спекуляции и избежания монетарного контроля [1, с. 110]; в силу масштабов и специфики их эмиссии и обращения количество использующих их физических и юридических лиц сравнительно невелико. Поэтому несмотря на меняющееся в целом восприятие национальными регуляторами частных криптовалют, особого беспокойства они не вызывали. Пока не было объявлено о проекте Фейсбука Libra (2019 г.), прежде всего из-за количества потенциальных пользователей – подписчиков самого Фейсбука (свыше 2,5 млрд) и связанных платформ ВотсАп и Мессенджер (с миллиардами их пользователей), а также высказанной поддержкой крупных компаний, в т.ч. финансово-платежной сферы. На фоне отрицательных (и близких к ним) процентных ставок Либра, как и другие

криптовалюты, не попадающие под контроль государства за сферой денежного обращения, могли стать весьма привлекательными.

Однако пристальное внимание регуляторов и многочисленная критика [14] в т. ч. по поводу работы предполагаемой бизнес-модели Либры, из финансового инструмента общей доступности, превратившегося в цифровой кошелек, привели в 2020 г., во-первых, к ребрендингу проекта, во-вторых, к активизации работы международных институтов над проектом наднациональной криптовалюты. Так, чтобы дистанцироваться от негативных откликов, Libra Association превратилась в Diem Association; криптомонета, скорее всего, будет запущена в ограниченном формате стейблкоина, при успешности которого может быть развита в новую частную цифровую валюту [15].

Сегодня считается, что поскольку стейблкоин привязан к какому-либо ценному активу (нефти, серебру либо иному), он будет в меньшей степени подвержен курсовой волатильности. Однако, скорее всего, Diem будет привязан к американскому доллару, несмотря на всю его востребованность в современной мировой валютной системе, - национальным деньгам, подверженным политическому и иному риску. Тем не менее, именно в этом направлении регуляторы подталкивают ранее являвшийся довольно аутентичным проект Либры, который может стать еще одной разновидностью поддерживающих американский доллар цифровых денег. Уже имеются практические примеры достаточно разрекламированных стейблкоинов, опирающихся на американскую валюту:

- USDT (Teather) с собственной блокчейновой площадкой и Банком Гонконга в качестве гаранта (заявленное соотношение 1:1 не всегда действует);

- PAX (Paxos Standart Token) с заявленным соотношением 1:1, запущенная в 2018 г. на основе эфириумного смарт-контракта, одобренная Департаментом финансовых услуг (Нью-Йорк);

- GUSD (Gemini USD), контролируемая Департаментом финансовых услуг, аудит осуществляют независимые компании;

- TUSD (True USD), разработанная в 2018 г. и обеспечиваемая хранимыми в сегрегированном от разработчика трасте американскими долларами;

- USDC (USD Coin) контролируется самими создателями, предоставляющими отчетность на регулярной основе;

- DAI, обеспеченный бумажными долларами 1:1.

Кроме того, фактическая ценность криптовалют, как показывает практика их функционирования, опирается на довольно расплывчатые факторы, прежде всего такие как интерес пользователей, общий объем майнинга, новостной бэкграунд, что приводит к повышению степени волатильности их курса, что регулярно демонстрируют те или иные криптовалюты, тот же биткоин в начале 2021 г. С другой стороны, как полагают многие эксперты [11], стейблкоины в большей степени напоминают фиатные деньги и, соответственно, зависят от базового актива, или характеризуются высокой степенью централизации. Сберегаемый третьей стороной актив считается надежным, однако на практике такой гарант может быть проверен только временем. Простота привязки и использования стейблкоина связана с государственным регулированием, ведь базовый актив хранится в физической форме, что подвергает сомнению распространение присущих цифровым валютам преимуществ на стейблкоины.

Тем не менее, и на наднациональном уровне речь идет о стейблкоине. Координирующую роль в направлении создания единой наднациональной криптовалюты стал играть Банк международных расчетов, имеющий накопленный опыт наднационального банковского-финансового регулирования (впрочем, так же, как у МВФ, не всегда успешного). Озабоченность официальных институтов вероятной утратой национальными регуляторами контроля над денежным обращением [17] в результате нарастающих цифровизационных процессов и массового распространения информационных технологий [9, с. 70], в т. ч. финансово-банковских, стимулировала работу над этим проектом. По состоянию на начало 2021 г., разрабатываемая наднациональная единая цифровая валюта, как уже было указано, также будет типа стейблкоина (глобального уровня). [18] Эта форма цифровых денег избрана прежде всего, поскольку соответствует критерию ведения реестра валютных единиц и их владельцев самой системой, т. е. будет формально независимой от решений правительств либо иных структур, что должно повышать ее надежность. Ввиду обеспечения цифровых монет реальными ценностями, считается, что они не подвержены изменению паритета либо инфляционному обесценению (однако это может произойти при изменении ситуации с базовым активом, например, при изменении положений или направления государственного регулирования). С другой стороны, хранение обеспечения глобального стейблкоина у централизованного органа высокого уровня должно привести к невозможности удаленной кражи либо взлома (хакерской атаки), что приводит к высокой устойчивости криптокоина.

Как представляется, глобальный стейблкоин сможет получить вес в мировой валютно-финансовой системе, если:

- привлечет соответствующее количество пользователей;
- будет принят в качестве валюты международных резервов;
- сможет завоевать место в системах международных платежей;
- будет интегрирован с соответствующими платформами и цифровыми сервисами и пр.

Условий много, и не последние среди них - определение эмиссионного центра, выбор алгоритма и норм регулирования, что может быть сложно скоординировать на глобальном уровне. Но эти проблемы скорее технические. Главное – чтобы цифровую валюту приняли пользователи и регуляторы.

На региональном уровне показателен пример Европейского союза, поначалу проявлявшего скептицизм к цифровым деньгам. Однако даже вероятное появление цифровой валюты Фейсбука довольно быстро привело к расширению европейской регулятивной сферы, став формальной причиной для инициации работы Европейской комиссии над надлежащими нормами регулирования и соответствующими рамками правового поля для виртуальных валют [10]. Активизировался и Банк международных расчетов, работая над цифровыми валютами центральных банков [12]. Представители семи центральных банков при его поддержке уже договорились о принципах функционирования такого платежного средства.

Цифровые валюты центральных банков – обязательства национального монетарного органа, деноминированное в национальной валюте, имеющее цифровое представление и способное выступать в качестве средства платежа, меры и сохранения стоимости, подразделяются на:

– розничные – доступные для использования широкими массами, юридическими и физическими лицами (заменяют или дополняют национальные банкноты и монеты в их физической форме);

– оптовые – предназначенные для ограниченного круга пользователей, таких как профессиональные участники финансового рынка либо финансово-кредитные институты.

Однако это регулирование и разрабатываемые подходы отстают от реальности. Мировая практика выделяет два основных подхода регулирования финансово-технологического рынка – превентивный и последующий. Такой подход, основанный на прогнозируемых результатах, применяется в ЕС. Вместе с тем он быстро устаревает, поэтому страны начинают прибегать ко второму подходу, при котором нормативное регулирование финансово-технологического бизнеса разрабатывается постфактум. Это дает возможность финансово-технологическим компаниям развиваться беспрепятственно, следуя потребностям рынка и пожеланиям его субъектов. При этом они не ограничиваются в разработке и внедрении финансовых продуктов, услуг и технологий. Тем самым осуществляется привлечение частных инвесторов. Региональная структура распределения мировых инвестиций в финансово-технологические компании показывает явную привлекательность американского рынка и недостаточную европейского. Это называется издержками регулирования, действительно, без поддержки со стороны государства развиваться сложно. С этой целью в США были созданы акселератор Стартапбуткамп и электронная Платформа по содействию финансово-технологическим компаниям. Китайское государство стимулировало массовое внедрение Интернета, в т. ч. мобильного, в 2016 г. создана поддерживаемая государством специализированная платформа Чайнафинтех [6, с. 61], а разработанные в стране QR-коды в силу своих явных преимуществ (прежде всего, финансового характера), распространились по всему миру [16]. Поэтому неудивительно, что Народный банк Китая активно продвигает цифровой юань (BitCNY) на базе технологии блокчейн.

Россия тоже не стоит в стороне, и запланировала введение цифрового рубля в 2021 г. [8]. Обсуждаются особо не отличающиеся от мировой практики варианты цифрового рубля:

– непосредственно цифровой рубль (прямая модель с использованием счетов в центральном банке)

– цифровой рубль с участием коммерческих банков (косвенная модель с банковскими счетами физических и юридических лиц, деноминированных в цифровых рублях)

– некий гибрид первых двух, предполагающий проведение идентификационных процедур и обработку платежей частными финансовыми посредниками.

В любом случае, цифровые валюты центральных банков должны быть более надежными, чем частные, но необходимо решить технические вопросы, прежде всего, обеспечения бесперебойности функционирования и формы криптомонет. Например, в случае использования технологии токена центральный банк утрачивает возможность выплаты процентов, иначе он напрямую бы оказывал влияние на стоимость токена. В случае с основанной на счетах системой это проблемы не создаст: невыплата процентов по вкладам (депозитам) в цифровой валюте понизит расходы (и наоборот), а активную антипозицию можно инвестировать с расчетом на прибыль. При

одноступенчатом механизме цифровая валюта поступает в специализированный кошелек непосредственно из центрального банка, что предоставляет возможность оптимизации монетарной политики, но может превратить регулятор в прямой частный кредитный институт. А поскольку центральный банк всегда будет пользоваться большим доверием, чем коммерческие банки, в условиях отсутствия релевантных альтернатив будет наблюдаться отток ликвидности из коммерческих банков. Тем не менее, центральные банки будут нести ответственность за обращение таких денег, что должно поставить цифровые валюты центральных банков на один уровень по безопасности с наличными банкнотами и монетами.

Главное преимущество наличных денег – дешевизна их использования для потребителя, т. е. отсутствие необходимости в специализированной инфраструктуре, безопасность на случай поломки телефона (сбоя сети, выключения электроэнергии, морального устаревания гаджета) и пр. Однако такая повсеместная доступность банкнот и монет, именуемых сегодня «физическими деньгами», приводит к недополучению прибыли банками и иными связанными компаниями – пока деньги клиента лежат на счете (карточке/устройстве) финансово-кредитный институт ими пользуется, «прокручивает», реализуя прибыль также и от всевозможных сборов и комиссионных с клиентов. А находящиеся на руках потребителя наличные фактически выпадают из сферы банковского доступа, т. е. прибыли ему не приносят, а лишь упущенную выгоду. Свою заинтересованность в электронной форме денег регуляторы объясняют возможностью тотального контроля над всей сферой денежного обращения (в т. ч. для борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем, и финансированием международного терроризма, а также финансовыми мошенничествами) и моментального замораживания средств на счетах, чтобы пользователь не имел к ним доступа.

В целом, разноуровневая цифровизация и масштабы выпуска и обращения цифровых валют на фоне изменения их восприятия ведущими странами мира ожидают следующего этапа развития, т. е. перехода финансовой цифровизации на более высокий уровень в виде официальных цифровых валют центральных банков. Основными препятствиями выступают возможность упрощения незаконных транзакций и курсовой волатильности. Какие решения будут приняты, - покажет время, поскольку несомненно, что в мировой экономике продолжается частная институционализация, сегодня получившая финансово-технологическое направление.

Список литературы

1. Аверьянова Д.А. Теневая цифровизация частных валют // Финансовая жизнь. 2019. № 4. С. 109–112.
2. Алексеева С.А. Новейшие тенденции на международном рынке секьюритизации // Финансовая жизнь. 2020. № 3. С. 66–69.
3. Внешнеэкономическая политика России в условиях глобальных рисков / под ред. А.А. Ткаченко. М.: КУРС, 2019. 320 с.
4. Орлова Н.Л. Ресурсы глобальной экономики (теория, методология, практика). М.: Дашков и К, 2017. 312 с.
5. Портной М.А. Деньги в национальном и мировом хозяйстве. М: Магистр, 2017. 496 с
6. Хмыз О.В. Инвестиции финансово-технологических компаний (международный опыт) // Финансы. 2019. № 2. С. 59–64.
7. Хмыз О.В. Финансовая цифровизация глобального уровня // Финансы. 2021. № 1.
8. Цифровой рубль. – М.: Банк России. 2020. Октябрь. [Электронный ресурс] https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

9. Шмелев В.В. Криптовалюты как итог и перспектива развития денег // Финансовая жизнь. 2017. № 4. С. 70–73.
10. A digital euro. [Electronic resource] <https://www.ecb.europa.eu/euro/html/digitaleuro.en.html>
11. Arner D., Auer R., Frost J. Stablecoins: risks, potential and regulation. - Bank for International Settlements, 2020. November. Working Paper No 905.
12. Boar C., Holden H., Wadsworth A. Impending arrival – a sequel to the survey on central bank digital currency. – Basel: Bank for International Settlements, 2020. BIS Paper No 107. [Electronic resource] <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisap107.pdf>
13. Camera G. A perspective on electronic alternatives to traditional currencies. – Basel: Economic Science Institute, 2016. ESI Working Paper 16–12.P. 126–148.
14. Criddle C. Facebook sued over Cambridge Analytica data scandal. // BBC News. 2019. October, 28. [Electronic resource] <https://www.bbc.com/news/technology-54722362#:~:text=Facebook%20is%20being%20sued%20for,used%20for%20advertising%20during%20elections.>
15. Diem. [Electronic resource] <https://www.diem.com/en-us/white-paper/>
16. How Alipay and WeChat Pay Revolutionised Chinese Payments, Paved the Way for Central Bank Digital Currency – Interview with Rich Turrin. // CBNEditor. 2019. November, 18. [Electronic resource] <https://www.chinabankingnews.com/2019/11/18/how-alipay-and-wechat-pay-revolutionised-chinese-payments-paved-the-way-for-central-bank-digital-currency-interview-with-rich-turrin/>
17. McLeay M., Radia A., Thomas R. Money in the modern economy: an introduction. – Bank of England, 2014. Quarterly bulletin. Q1.
18. Regulation, Supervision and Oversight of “Global Stablecoin” Arrangements. - Financial Stability Board. 2020. October.

Об авторе:

ХМЫЗ Ольга Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва; e-mail: OVKhmyz@fa.ru, ORCID: 0000-0003-4178-8677, SPIN-код: 5999-3924.

DIGITAL INSTITUTIONALIZATION AT THE GLOBAL, INTERNATIONAL AND NATIONAL LEVELS

O.V. Khmyz

FSOBU VPO “Financial University under the Government of the Russian
Federation”, Moscow

The article analyzes the latest digitalization processes in the aspect of digital institutionalization, covering various levels of the modern world economy - from global to national. The purpose of the article is, based on an analysis of the practice of introducing digital institutionalization at various levels, to identify their features and comply them with the modern requirements for the development of the world economy and the system of international finance. The scientific novelty of the study lies, firstly, in considering the direction (digital institutionalization) that has not been sufficiently studied in the economic studies, and secondly, in analyzing and identifying patterns based on the latest statistical data and the latest regulatory changes. Despite some characteristic features inherent to them in general, there is an increase in digitalization processes, primarily with the participation of fintech companies, as well as with the support of regulatory bodies. Analyzing their course, the

author comes to the conclusion about the growing stimulation of the use of digital currencies in the form of a stablecoin, supported by the Bank for International Settlements and the G7 – at the global level, and by the relevant institutions of state regulation - at the regional and national levels.

Keywords: *digitalization, institutionalization, financial technologies, digital currencies, stablecoin, uberization*

About the author:

KHMYZ Olga Vasiljevna – PhD, Docent, Associate Professor, Department of International Business and International Business, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow; e-mail: OVKhmyz@fa.ru

References

1. Averyanova D.A. Tenevaya tsifrivizatziya chastnyh valut // *Finansovaya zhizn'*. 2019. № 4. S. 109–112.
2. Alekseeva S.A. Novejshie tendentsii na mezhdunarodnom rynke sekyuritizatsii // *Finansovaya zhizn'*. 2020. № 3. S. 66–69.
3. Vneshneekonomicheskaya politika Rossii v usloviyah global'nyh riskov / pod red. A.A. Tkachenko. M.: Kurs, 2019. 320 s.
4. Orlova N.L. Resursy global'noj ekonomiki (teoriya, metodologiya, praktika). M.: Dashkov i K, 2017. 312 s.
5. Portnoy M.A. Den'gi v natsionalnom i mirovom hozyajstve. M. Magistr, 2017. 496 s.
6. Khmyz O.V. Investitsii finansovo-tehnologicheskikh kompanij (mezhdunarodnyj opyt) // *Finansy*. 2019. № 2. S. 59–64.
7. Khmyz O.V. Finansovaya tsifrovizatsiya global'nogo urovnya // *Finansy*. 2021. № 1.
8. Tsifrovo jrubl'. – M.: Bank Rossii. 2020. Oktyabr'. [Elektronny jresurs] https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf
9. Shmelev V.V. Kriptoaluty kaki itog i perspektiva razvitiya deneg // *Finansovaya zhizn'*. 2017. № 4. S. 70–73.
10. A digital euro. [Electronic resource] <https://www.ecb.europa.eu/euro/html/digitaleuro.en.html>
11. Arner D., Auer R., Frost J. Stablecoins: risks, potential and regulation. - Bank for International Settlements, 2020. November. Working Paper No 905.
12. Boar C., Holden H., Wadsworth A. Impending arrival – a sequel to the survey on central bank digital currency. – Basel: Bank for International Settlements, 2020. BIS Paper No 107. [Electronic resource] <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap107.pdf>
13. Camera G. A perspective on electronic alternatives to traditional currencies. – Basel: Economic Science Institute, 2016. ESI Working Paper 16-12. P. 126–148.
14. Criddle C. Facebook sued over Cambridge Analytica data scandal. // *BBC News*. 2019. October, 28. [Electronic resource] <https://www.bbc.com/news/technology-54722362#:~:text=Facebook%20is%20being%20sued%20for,used%20for%20advertising%20during%20elections>.
15. Diem. [Electronic resource] <https://www.diem.com/en-us/white-paper/>
16. How Alipay and WeChat Pay Revolutionised Chinese Payments, Paved the Way for Central Bank Digital Currency – Interview with Rich Turrin. // *CBNEditor*. 2019. November, 18. [Electronic resource] <https://www.chinabankingnews.com/2019/11/18/how-alipay-and-wechat-pay-revolutionised-chinese-payments-paved-the-way-for-central-bank-digital-currency-interview-with-rich-turrin/>
17. McLeay M., Radia A., Thomas R. Money in the modern economy: an introduction. – Bank of England, 2014. Quarterly bulletin. Q1.
18. Regulation, Supervision and Oversight of “Global Stablecoin” Arrangements. - Financial Stability Board. 2020. October.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФИНАНСОВ И КРЕДИТА

УДК 336.1

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.041–049

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Г.Л. Толкаченко¹, Н.Е. Царева², Е.К. Виноградова²

^{1,2,3}ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Механизм межбюджетных трансфертов ежегодно подвергается критике, как стороны получателей бюджетных средств, так и со стороны исполнительных органов власти, осуществляющих их предоставление. Отмечена основная причина пристального внимания: межбюджетные трансферты являются мощным инструментом государства, позволяющим обеспечить социально-экономическое развитие регионов. Процесс совершенствования практики предоставления, распределения и использования межбюджетных средств всегда имеет историческую составляющую. Цель статьи – представление этапов развития и становления современной системы межбюджетных трансфертов. Научная новизна статьи заключается в обозначении логических переходов от одного этапа становления современной системы межбюджетных трансфертов к другому, являющихся, по своей сути, проблемами, требующими неотложного государственного вмешательства.

Ключевые слова: *межбюджетные трансферты, межбюджетные отношения, сбалансированность бюджета, дотации, субсидии, субвенции, межбюджетные отношения.*

Основная цель бюджетного регулирования заключается в выполнении общегосударственных показателей социально-экономического развития федеративного государства при обеспечении взаимодействия и сбалансированности всех элементов бюджетной системы страны посредством решения следующих задач [4]: обеспечение динамичного экономического развития всех регионов с соблюдением принципов бюджетного устройства, которые, в свою очередь, базируются на принципах бюджетного регулирования (разграничении функций между уровнями государственной власти, экономической безопасности, системности, стабильности и др.); выравнивании бюджетной обеспеченности регионов, сбалансированности региональных бюджетов, несмотря на их природно-климатические, социальные и другие особенности.

Существуют определенные методы бюджетного регулирования, позволяющие достичь сбалансированности бюджетов всех уровней власти. Первый – метод изъятия налогов и неналоговых платежей в бюджет. Доходы, поступающие от налоговых и неналоговых платежей, как правило, формируют от 60 % и выше доходов регионов федерации. Второй метод бюджетного регулирования направлен на создание резервных фондов денежных средств в бюджетах всех уровней власти. Следующий метод применяют более 75 % всех

© Толкаченко Г.Л.

Царева Н.Е.

Виноградова Е.К., 2021

субъектов РФ - это привлечение заемных средств. Четвертый метод, который, по мнению Д.Ю. Завьялова [12, с. 7], направлен на регулирование финансовых потоков между всеми уровнями бюджетной системы страны и предназначен для выполнения общегосударственных задач, а также обеспечивает сбалансированность бюджетов субъектов Федерации – это межбюджетные трансферты (далее – МБТ), которые в ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) определены как «средства, предоставляемые одним бюджетом бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации [1]».

Реформирование межбюджетных трансфертов является непрерывным, динамичным процессом. В статье авторы рассматривают становление современной системы МБТ в Российской Федерации.

По мнению А.Е. Суглобова, в развитии межбюджетных отношений и, соответственно, МБТ, в частности, можно выделить несколько этапов [11, с. 22].

Первый этап развития связан с периодом, названным как «переговорный федерализм», и относится к 1991–1993 гг. Распад советского государства в первую очередь тяжело отразился именно на субфедеральном бюджете, поскольку на него впоследствии были возложены расходные статьи, прежде относившиеся к расходам консолидированного бюджета. Это побуждало регионы к постановке различного рода ультиматумов к Федерации. Например, республики Татарстан, Башкортостан отказались от уплаты налоговых платежей, лишь единожды направляли транзакции.

Коренные изменения в бюджетной системе произошли в 1991 г. в связи с образованием самостоятельного суверенного Российского государства. К основным нормативно-правовым актам этого периода можно отнести:

- Закон РСФСР от 10.10.1991 N 1734-1 «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР», который определил принцип самостоятельности всех бюджетов, входящих в бюджетную систему РСФСР;

- Закон РФ «Об основах бюджетных прав и прав по формированию и использованию внебюджетных фондов представительных и исполнительных органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления» от 15.04.1993 N 4807-1. В этом законе впервые закрепляются такие понятия как дотация, субвенция, вводятся принципы построения, рассмотрения и утверждения бюджета регионов.

Авторы отмечают, что именно в этот период происходит зарождение мнения о том, что МБТ являются причиной, оказывающей негативное влияние на стимулирование наращивания собственной налоговой базы у местных органов власти (впоследствии это будет относиться и к регионам тоже). Это связывали с тем, что в указанный период не была законодательно закреплена система межбюджетных отношений между субфедеральным и местным бюджетами. Соответственно, регионы зеркальным образом использовали схему межбюджетных отношений, складывающуюся между ними и федеральным бюджетом, что позволило перераспределять бюджетные средства таким образом, что бедные муниципалитеты получали больше, нежели чем более развитые (богатые) муниципалитеты.

Необходимость введения стимулирующих критериев к получению бюджетных средств была опробована федеральными властями в 1994–1998 гг. Именно к этому временному периоду авторы относят второй этап становления современной системы МБТ.

Остро стоящий вопрос делегирования полномочий между уровнями государственной власти был решен посредством принятия в 1993 г. Конституции РФ. Соответственно, начался процесс «стихийной децентрализации», характеризующийся сохранением и даже местами развитием с наибольшей силой «напряженных» отношений между региональными и местными властями, которые нашли свое отражение в объемах предоставляемых межбюджетных трансфертах [10]. Становится очевидным, что финансовая помощь зависит не только от выполнения регламентированных социально-экономических показателей.

Авторы отмечают, что именно на этом этапе развития межбюджетных отношений были сформированы и использованы подходы перераспределения доходов: образован Фонд финансовой поддержки регионов (ФФПР); регионам было позволено вводить собственные процентные надбавки к налогам и др. [3].

Разработанные и введенные условия осуществления межбюджетных отношений, сводящиеся к внедрению дифференциации межуровневых полномочий, оказали свое влияние на увеличение напряженности между субъектами. В первую очередь это отразилось на сбалансированности бюджетов субъектов страны, государство было вынуждено разработать и внедрить дополнительные многоотраслевые меры поддержки регионов, в том числе и направленные на урегулирование отношений между регионами. К данному временному периоду относятся следующие нормативно-правовые акты:

- Указ Президента РФ «О формировании республиканского бюджета РФ и взаимоотношениях с бюджетами субъектов РФ в 1994 году»;
- Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 25.09.1997 № 126-ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации»;
- Постановление Правительства РФ от 30.07.1998 № 862 «О концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999–2001 годах»;
- «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ.

Поэтапное реформирование системы межбюджетных отношений в субъектах РФ, дифференцированных по геополитическим, социальным и другим показателям, привело к разработке Концепции реформирования межбюджетных отношений в РФ на период 1999–2001 гг. [4] (далее – Концепция), что ознаменовало следующий этап развития.

Основная цель данной Концепции состояла в том, чтобы реформировать действующую на тот момент систему межбюджетных отношений, в том числе и систему МБТ, которая была направлена на:

- уменьшение количества дотационных регионов и, как следствие, в дальнейшем – объемов дотаций;
- предоставление дополнительного финансового обеспечения высокодотационным регионам;
- выделение дополнительной финансовой поддержки высокодотационным территориям;
- введение режимов совместного финансирования бюджетов для реализации отдельных программ и проектов.

По мнению авторов, определенная Концепцией модель межбюджетных отношений способствовала развитию, становлению и окончательному утверждению современной системы межбюджетных трансфертов.

Следующий этап охватывает период 2002–2005 гг., и для него характерна Программа развития бюджетного федерализма в РФ на период до 2005 г. [5].

В отношении системы МБТ было принято решение усовершенствовать и внедрить жесткую систему критериев их предоставления в субфедеральный и местные бюджеты. По мнению законодателей, предыдущая система предоставления МБТ не отличалась своей прозрачностью и не стимулировала регионы к наращиванию собственных средств. Соответственно, именно эти два основных принципа должны быть положены в разработку специальных методик расчета и предоставления финансовой помощи. Для реализации поставленных целей (и не только их) было сформировано пять Фондов для предоставления МБТ из федерального в субфедеральный бюджеты.

Первый и основной, с точки зрения методологии и формирования исходных данных, инструмент выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ по текущим расходам – Фонд финансовой поддержки субъектов Российской Федерации (далее – ФФПР), созданный в 1999–2000 гг. Фондом было предложено внедрить в систему расчета (методику предоставления МБТ) статистические показатели Госкомстата России, а также иных министерств и ведомств [6].

Второй – Фонд компенсаций (далее – ФК), созданный в 2001 г. Основная цель создания ФК – использование средств фонда в целях софинансирования расходных обязательств (субсидии) или передачи полномочий (субвенции) федеральных органов власти в области социальных выплат (пособий) или льгот отдельным категориям населения [3].

Фонд софинансирования социальных расходов (далее – ФССР), созданный в 2002 г., имел целью дополнительную стимуляцию регионов Федерации сохранять на определенном уровне предоставление гражданам социальных гарантий посредством предоставления межбюджетных субсидий [9, с. 93].

Деятельность Фонда регионального развития (далее – ФРР) направлена на предоставление межбюджетных субсидий с целью развития региональной производственной и социальной инфраструктуры [1].

Фонд реформирования региональных финансов создан с целью финансового оздоровления субфедеральных бюджетов посредством содействия реформированию бюджетной системы [6].

По мнению авторов, именно на этом этапе регионы начинают терять свою самостоятельность в вопросах предоставления, использования и перераспределения МБТ. С другой стороны, Федерация старается не допустить безграмотную и необоснованную растрату федеральных средств. Отсюда можно выделить следующий этап развития межбюджетных отношений, МБТ, который охватывает 2006–2008 гг.

Существенная дифференциация экономических и бюджетно-налоговых потенциалов регионов и, как следствие, острая социальная дифференциация, отсутствие достаточного объема собственных бюджетных средств для реализации переданных федеральных полномочий (даже с условиями софинансирования), отсутствие апробированных механизмов бюджетного выравнивания между субфедерациями приводит к тому, что в срочном порядке поднимается вопрос о качестве управления государственными финансами. Ставится вопрос о необходимости перехода к среднесрочному бюджетному планированию, ориентированному на результат, на доработку которого ежегодно обращает внимание Президент страны в Послании к Федеральному собранию РФ [8, с. 32].

Следующий этап развития (2009–2012 гг.) связан с реализацией мер поддержки регионов и местных органов власти после финансового кризиса 2008 г. Резко увеличилось (почти в 1,5 раза) количество регионов-реципиентов, что в целом негативно характеризует финансовую политику, проводимую Федерацией [13].

Соответственно, в основе решения возникших посткризисных проблем лежит разработка и принятие Концепции межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах РФ и муниципальных образованиях до 2013 г. [7]. Она включает большое количество мер и нововведений, противоречащих почти 20-летней истории развития финансовых межбюджетных отношений, в частности:

- все методики по предоставлению МБТ, в связи с переходом на среднесрочное планирование, также разрабатываются и представляются на определенный (трехлетний) срок;
- определены принципы предоставления узкоцелевых субсидий;
- субъекты, не обеспечивающие выполнение экономических показателей по результатам переданных консолидированных субсидий, будут иметь дело с приостановкой в предоставлении помощи;
- предложено исключить иные МБТ. Отметим, что на сегодняшний день понятие «иные межбюджетные трансферты» до сих пор законодательно не регламентировано, хотя объемы данного вида трансферта достигают более чем 500 млн руб. и др.

Все это послужило импульсом к введению новой меры – разработке программно-целевого финансирования и, соответственно, переходу к долгосрочному планированию.

Заключительный – седьмой этап (2013–2020 гг.) становления и развития МБТ связан, по нашему мнению, с проведением работы над ошибками за все то время, которое было определено предыдущими этапами.

Во-первых, большинство понятий, связанных с МБТ, законодательно закреплено, разработаны и также законодательно закреплены методики

предоставления помощи, способы заключения Соглашений между бюджетом и получателями бюджетных средств (далее – БС), разграничен и строго регламентирован функционал между органами государственной власти, определены возможности получателей БС.

Основные идеи предоставления межбюджетных средств направлены, во-первых, на реализацию принципа предоставления самостоятельности регионов посредством, например, введения единой субсидии в 2016 г., когда количество субсидий на развитие сельского хозяйства из 54-х посредством их консолидации сократилось до 7-ми, при этом общий объем не изменился. Во-вторых, – ориентация на реализацию принципа достоверности предоставления и использования государственной помощи. Все данные об использовании трансфертов публикуются как на региональном, так и на федеральном сайтах Министерства финансов.

Ежегодно в своем Послании Федеральному Собранию Президент РФ отмечает проведение политики бюджетирования, ориентированного на результат. В области МБТ это связано с совершенствованием методик предоставления МБТ, в том числе с предоставлением Федерации обратной связи от региональных и муниципальных получателей средств, а также консолидированной работой региональных и федеральных статистических органов, отраслевых министерств. Особенно это касается привязки для расчета дотаций социально-экономических показателей региона из федерального бюджета в субфедеральный.

Авторы отмечают, что помимо выполнения социально-экономических показателей объемы предоставляемой финансовой помощи зависят еще от политического фактора.

Межбюджетные трансферты действительно являются важным инструментом, объединяющим усилия федеральных и региональных органов государственной власти с целью проведения ответственной социально-экономической политики. Механизм межбюджетных трансфертов постоянно претерпевает корректировки, и не всегда положительных результатов можно достичь в течение одного финансового года. При этом совершенствование законодательства в области межбюджетных трансфертов отражает главную тенденцию: формирование бюджета, ориентированного на результат, что соответствует словам президента: «Во всех сферах деятельности государства на первое место должен выходить критерий эффективного, результативного использования каждого рубля».

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации. №145-ФЗ от 31 июля 1998 г. (в ред. от 28.12.2017 №120-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/bfe84bef16378ca35200b610fe85a50ee121673c/ (дата обращения: 26.01.2021)
2. Федеральный закон от 18.07.2009 N 190-ФЗ (ред. от 02.12.2019) “О кредитной кооперации” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89568/818d96872ce0db931df99518e88f787d54a2673a/ (дата обращения: 26.01.2021)
3. Федеральный закон от 18.07.2009 N 190-ФЗ (ред. от 02.12.2019) “О кредитной кооперации” [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89568/818d96872ce0db931df99518e88f787d54a2673a/ (дата обращения: 26.01.2021)
4. Постановление Правительства РФ от 30 июля 1998 г. N 862 «О Концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999-2001 годах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/179167/> (дата обращения: 26.01.2021).
 5. Постановление Правительства РФ от 15.08.2001 N 584 (ред. от 06.02.2004) «О Программе развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33042/a93b1ff34d217553b3014aeb4ff3c7afebfa22af/ (дата обращения: 26.01.2021)
 6. Постановление Правительства РФ от 30.07.1998 N 862 “О Концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999 - 2001 годах” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19712/624bfa00795e986b2c191991e40cd8c89c2e9357/ (дата обращения: 26.01.2021)
 7. Распоряжение Правительства РФ от 08.08.2009 N 1123-р <О Концепции межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90696/1ea206605863552704ee67ec25ede7030f893bde/ (дата обращения: 26.01.2021)
 8. Молчанова М.Ю. Генезис межбюджетных отношений в российских регионах // ВЕСТНИК СВФУ. - 2013. Том 2. – С. 32–38. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aprp-msal.ru/netcat_files/521/703/Stranitsy_iz_APRP_6_2016_21.pdf (дата обращения: 26.01.2021)
 9. Мохнаткина Л. Б. Трансферты как инструмент обеспечения региональной экономической безопасности/ Л. Б. Мохнаткина// ВЕСТНИК Оренбургского государственного университета. – 2015. - №1 (176). С. 93–100 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/mohnatkina-l-b-transferty-kak-instrument-obespecheniya-regionalnoy-ekonomicheskoy-bezopasnosti_8cc2f8dad89.html (дата обращения: 26.01.2021)
 10. Пономаренко И.В. Исторический аспект становления и развития бюджетного федерализма в Российской Федерации / И. В. Пономаренко // Финансовое право. – 2016. - № 6 (67). – С. 133–140 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aprp.msar.ru/jour/article/view/179> (дата обращения: 26.01.2021).
 11. Суглобов А.Е. Развитие межбюджетных отношений в Российской Федерации / А.Е. Суглобов// Финансы и кредит. - 2019. №3. – С. 22–30. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mezhbyudzhethnyh-otnosheniy-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 26.01.2021)
 12. Швецов Ю.Г. Функциональная направленность систем бюджетного регулирования / Ю.Г. Швецов, О.В. Бутакова // Финансы. - 2007. №10. – С. 7 – 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-rossiyskogo-byudzhethnogo-federalizma> (дата обращения: 26.01.2021)
 13. Широбокова В.А. / В.А. Широбокова // Эволюция межбюджетных отношений в современной России // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 3 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mezhbyudzhethnyh-otnosheniy-v-sovremennoy-rossii/viewer> (дата обращения: 26.01.2021)

Об авторах:

ТОЛКАЧЕНКО Галина Львовна – кандидат экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов Института экономики и управления, Тверской государственный университет (170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), email: Tolkachenko.GL@tversu.ru, ORCID 0000-0003-3633-059X, SPIN-код: 7289- 3653.

ЦАРЁВА Наталья Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов Института экономики и управления, Тверской

государственный университет (170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: Tsareva.NE@tversu.ru? tsarevane@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8756-4404, SPIN-код: 7279-9889.

ВИНОГРАДОВА Елена Константиновна – соискатель степени кандидата экономических наук, Тверской государственный университет, (170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: vek.work@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8538-5573, SPIN-код: 8499-5751

ESTABLISHMENT OF THE SYSTEM OF INTER-BUDGET TRANSFERS: HISTORY AND MODERN STATE

G.L. Tolkachenko¹, N.E. Tsareva², E.K. Vinogradova³

^{1,2,3} FGBOU VO “Tver State University”, Tver

Inter-budget transfers are one of the youngest tools of budget regulation today, and it is criticized year after year, both by the recipients of budget funds and by the executive authorities providing them. At the same time, the main reason for close attention must be noted: inter-budget transfers are powerful state tools that allow ensuring the socio-economic development of the regions, which is also proved through the statistical tools of modern scientists. However, the process of improving the provision, allocation and use of inter-budget funds has always affected the historical dimension. Accordingly, the purpose of writing this article is to present (in short) the stages of development and formation of the modern system of inter-budget transfers. The authors identified logical transitions from one stage to another, which, in essence, are problems that require urgent state intervention and solution.

Keywords: *interbudgetary transfers, interbudgetary relations, balance of the budget, grant, subsidy, subvention, interbudgetary relations.*

About the authors:

TOLKACHENKO Galina L'vovna – Candidate of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance, Tver State University (33, Zhelaybova St., Tver, 170000), e-mail: Tolkachenko.GL@tversu.ru

TSARJOVA Natal'ja Evgen'evna – Philosophy Doctor in Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance, Tver State University (33, Zhelaybova St., Tver, 170000), e-mail: Tsareva.NE@tversu.ru

Vinogradova Elena Konstantinovna – Candidate of PhD in Economics, Tver State University (33, Zhelaybova St., Tver, 170000), e-mail: vek.work@mail.ru

References

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации. №145-FZ от 31 июля 1998 г. (в ред. от 28.12.2017 №120-FZ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/bfe84bef16378ca35200b610fe85a50ee121673c/\(data_obrashheniya: 26.01.2021\)](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/bfe84bef16378ca35200b610fe85a50ee121673c/(data_obrashheniya: 26.01.2021))

2. Federal'nyj zakon ot 18.07.2009 N 190-FZ (red. ot 02.12.2019) "O kreditnoj kooperacii" [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89568/818d96872ce0db931df99518e88f787d54a2673a/ (data obrashhenija: 26.01.2021)
3. Federal'nyj zakon ot 18.07.2009 N 190-FZ (red. ot 02.12.2019) "O kreditnoj kooperacii" [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89568/818d96872ce0db931df99518e88f787d54a2673a/ (data obrashhenija: 26.01.2021)
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30 ijulja 1998 g. N 862 «O Konceptii reformirovanija mezhhjudzhetnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii v 1999–2001 godah» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/179167/> (data obrashhenija: 26.01.2021)
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.08.2001 N 584 (red. ot 06.02.2004) «O Programme razvitija bjudzhetnogo federalizma v Rossijskoj Federacii na period do 2005 goda» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33042/a93b1ff34d217553b3014aeb4ff3c7afebfa22af/ (data obrashhenija: 26.01.2021)
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.07.1998 N 862 "O Konceptii reformirovanija mezhhjudzhetnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii v 1999 - 2001 godah" [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19712/624bfa00795e986b2c191991e40cd8c89c2e9357/ (data obrashhenija: 26.01.2021)
7. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 08.08.2009 N 1123-r <O Konceptii mezhhjudzhetnyh otnoshenij i organizacii bjudzhetnogo processa v sub#ektah Rossijskoj Federacii i municipal'nyh obrazovanijah do 2013 goda [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90696/1ea206605863552704ee67ec25ede7030f893bde/ (data obrashhenija: 26.01.2021)
8. Molchanova M.Ju. Genezis mezhhjudzhetnyh otnoshenij v rossijskih regionah / M. Ju. Molchanova// VESTNIK SVFU. - 2013. Tom 2. – S. 32–38. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://aprp-msal.ru/netcat_files/521/703/Stranitsy_iz_APRP_6_2016_21.pdf (data obrashhenija: 26.01.2021)
9. Mohnatkina L. B. Transferty kak instrument obespechenija regional'noj jekonomicheskoy bezopasnosti/ L. B. Mohnatkina// VESTNIK Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. - №1 (176). S. 93–100 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.studmed.ru/mohnatkina-l-b-transferty-kak-instrument-obespecheniya-regionalnoy-ekonomicheskoy-bezopasnosti_8cc2f8dad89.html (data obrashhenija: 26.01.2021)
10. Ponomarenko I.V. Istoricheskij aspekt stanovlenija i razvitija bjudzhetnogo federalizma v Rossijskoj Federacii/ I. V. Ponomarenko// Finansovoe pravo. – 2016. - №6(67). – S. 133–140 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://aprp.msar.ru/jour/article/view/179> (data obrashhenija: 26.01.2021)
11. Suglovov A.E. Razvitie mezhhjudzhetnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii/ A.E. Suglovov// Finansy i kredit. - 2019. №3. – S. 22–30. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mezhbyudzhetnyh-otnosheniy-v-rossijskoj-federatsii> (data obrashhenija: 26.01.2021)
12. Shvecov Ju.G. Funkcional'naja napravlennost' sistem bjudzhetnogo regulirovanija/ Ju.G. Shvecov, O.V. Butakova // Finansy. - 2007. №10. – S. 7–10 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-rossijskogo-byudzhetnogo-federalizma> (data obrashhenija: 26.01.2021)
13. Shirobokova V.A. / V.A. Shirobokova // Jevoljucija mezhhjudzhetnyh otnoshenij v sovremennoj Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. — 2013. — № 3 10 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mezhbyudzhetnyh-otnosheniy-v-sovremennoj-rossii/viewer> (data obrashhenija: 26.01.2021)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.28

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.050–058

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

О.В. Данилова

ФГБОУ ВПО «Финансовый Университет при Правительстве РФ» г. Москва

Цифровизация экономики обусловила необходимость развития основных теоретических положений учения о собственности во взаимосвязанности с корпоративными отношениями. Целью статьи является исследование теоретических и методологических аспектов трансформации модели управления корпоративной собственностью в российских компаниях. Систематизация факторов, трансформирующих формы собственности, осуществлена на основе концептуального подхода, содержательного принципа, эволюционно-исторического, системного и процессного подходов. Новизна исследования заключается в том, что на основе анализа факторов, влияющих на трансформацию корпоративной собственности в современной российской и мировой практике, доказано, что появление новых цифровых инструментов не меняет сущности категории собственность. Собственность по своей природе представляет совокупность прав собственности и экономической власти, определяющих процессы присвоения, распоряжения и пользования объектами собственности, имеющих определенную форму существования. Сделан вывод о том, что распространение цифровых технологий приводит к тому, что цифровые активы и объекты интеллектуальной собственности переходят в разряд ведущих форм собственности, добавляя при этом новые цифровые риски.

Ключевые слова: *корпоративная собственность, отношения собственности, институты, акционерный капитал, акционерная собственность.*

Появление новых и эволюция существующих форм собственности происходит под воздействием экономических, институциональных и политических (идеологических) факторов, отражающих различные стороны развития общества. Между формами собственности существует достаточно сложное взаимодействие. Весь процесс исторического развития представляет логичную смену способов реализации права собственности и экономической власти, определяющих процесс присвоения [1]. В свою очередь, господствующий принцип присвоения определяет социально-экономическую природу этого общества, а сложившиеся формы собственности обеспечивают достижение общественных целей. Диалектическое единство принципа присвоения и форм собственности разрешается в процессе постоянного поиска мотивов (реализации интересов) прогрессивного социально – экономического развития.

Отличительной особенностью современности является смена технологического уклада, происходит глубокая перестройка сложившейся системы экономических связей и экономических отношений. Анализ трансформационных преобразований собственности позволяет выделить следующие тенденции:

1. Появление и развитие производных форм реализации собственности: роялти, франшиза, сетевые компании.
2. Появление организационных форм интеграции различных форм и видов собственности, активное расширение частно - государственного партнерства, кластеризация и т.п.
3. Усложнение инструментов и механизмов контроля.
4. Снижение транспарентности структуры собственности, деперсонификация собственников.
5. Поведенческие искажения, как производные восприятия стимулов и мотивов частной собственности.
6. Усиление государственного регулирования экономических процессов.
7. Формирование института «власть – собственность» [2].

Анализ современной литературы по вопросам собственности и форм ее реализации позволяет сделать вывод, что в обосновании форм собственности практически отсутствует единая терминология. Индивидуальную, частную и коллективную формы собственности одни авторы рассматривают как понятия тождественные, противоположная точка зрения – эти разные понятия, поскольку выражают существенные свойства различных процессов. Аналогично при определении коллективной, государственной и общественной форм собственности в научной литературе предлагаются диаметрально противоположные трактовки [3; 4].

Трансформация собственности происходит под влияние следующих факторов:

1. Глобального характера иерархической мирохозяйственной структуры, который превратился в источник неравных возможностей для различных стран, что приводит к неравенству уровня жизни, доходов, потребностей, использования научно – технических достижений и т. д. Соответственно одни субъекты стремятся сохранить достигнутые преимущества, а другие – догнать и перегнать лидеров.
2. Финансовый характер современной экономики, в которой финансовые инструменты (деньги и в большей степени деривативы) превращаются в главные решающие факторы экономических процессов.
3. «Технологизация» общественной жизни, которая привела к доминированию материальных интересов над духовными. Техническая среда стала определяющей в жизни человека.
4. Информатизация, а теперь уже цифровизация экономики. Информационные и цифровые потоки приобретают некую самостоятельность и устанавливают определенные рамки для человека. Виртуальная экономика получила собственное цифровое киберпространство, оперирует специфической электронной валютой, организует виртуальный документооборот.
5. Интеллектуализацией экономики, возрастание значимости умственной деятельности, другие формы человеческой деятельности постепенно теряют свою значимость в организации общественной жизни.

6. Менеджеризация экономики, с одной стороны, а с другой стороны, возрастание контроля и регулирования социальных и экономических процессов и процедур, возрастание роли элиты, стремящейся реализовать собственные интересы, зачастую идущие в разрез с общественными интересами.

7. Изменение характера формирования доходов. Основными доходами становятся доходы в форме ренты (процента). Доходы уже не являются результатом производительного труда, доходы – результат успешных финансово – кредитных операций, выплаты по ценным бумагам, курсовая валютная разница и пр. [5]. Появляется глобальная финансовая и интеллектуальная рента.

Собственность является специфической областью социально – экономических отношений, соответственно и формы собственности имеют исторический характер, формируются при определенных условиях и соответствующих предпосылках, жизненный цикл их развития проходит процессы становления, зрелости и, реализовав все свои потенциальные возможности, «устаревают» в рамках данных производственных отношений. Однако нельзя говорить, процесс развития форм собственности приводит к их бесследному исчезновению. Историзм форм собственности заключается в том, что формы собственности, потенциал которых не исчерпан, получают «второе дыхание» и «приспосабливаются к меняющейся социально – экономической среде, и находят возможности для дальнейшего развития.

Для возникновения конкретной формы собственности необходимы определенные предпосылки. Пройдя период становления, форма собственности «вызревает» и достигает своего расцвета, а затем, исчерпав свои общественно – полезные качества, постепенно теряет значимость в экономической системе. Корпоративные отношения, как специфический тип социальных отношений, связаны с действиями определенным типом юридических лиц, что меняет сущность таких известных категорий как «собственник бизнеса», «собственники корпораций», «акционерная собственность», «долевая собственность». Между корпорацией и ее участниками выстраиваются особые, абсолютно отличные от традиционных отношений частной собственности, отношения. Корпоративная собственность представляет сложный социальный институт, который имеет специфическое содержание, поскольку интересы и цели ограниченного числа собственников могут не совпадать с целями и интересами корпорации как единого целого. Сочетая в себе черты и частной, и общественной форм собственности данную форму собственности (в традиционном понимании) нельзя отнести ни к общественной, ни к частной форме собственности.

Появление и развитие корпоративной собственности связано с переходом частной собственности к «ассоциированию» собственников капитала, а затем к институциональному акционированию, когда владельцами капитала становятся институциональные инвесторы – паевые фонды, банковские структуры, фонды венчурных инвестиций, страховые компании, негосударственные пенсионные фонды. Корпоративная собственность, позволяющая аккумулировать средства акционеров (сторонних инвесторов), на определенном этапе стала соответствующим ответом на процессы обобществления производства, расширение его масштабов. Корпоративная форма собственности становится эффективной при переходе к капиталозатратной форме организации производства, поскольку позволяет

интегрировать индивидуальные капиталы и мобилизовать значительные объемы денежного капитала, эффективно распределять (и перераспределять) их в требуемом направлении и в нужное время в целях реализации прав экономических субъектов на получение доходов на капитал. Выпуск акций позволяет корпорациям привлекать практически неограниченные средства для решения производственных и финансовых вопросов, а отделение собственности на капитал от функций управления, стало главным преимуществом частной формы собственности, обеспечивающим ее доминирующее положение на рынке.

Корпоративная собственность, демонстрируя способность «встраиваться» в несопоставимые по своей природе социально – экономические системы, превратилась в форму собственности, позволяющую компаниям быстро и эффективно реализовывать широкомасштабные инновационные проекты, адаптироваться к меняющимся условиям технологического развития. Результатом научно-технического прогресса становится появление новых объектов корпоративной собственности – продукты интеллектуальной деятельности, информация, инноватика, цифровые активы, повышению значимости человеческого интеллектуального капитала и интеллектуальной собственности.

Специфической особенностью и преимуществом корпоративной собственности является возможность комбинации (в различных вариантах) частной собственности индивидуумов, государственной и негосударственной формы собственности. Модификация государственной и частной форм собственности в аспекте теории общественных и частных благ, заключается в появлении сложных совместных форм предпринимательства. К таким формам относится частно-государственное партнерство (ГЧП), которое развивается в мировой и российской практике. «Расщепление» пучка полномочий собственников и их интересов приводит к изменениям в составе субъектов собственности, усилению тенденций демократизации собственности на всех уровнях экономических взаимосвязей. Широкие возможности акционирования обеспечивают корпоративным структурам расширить экономическую деятельность, выйти за отраслевые рамки использования собственности и национальные границы накопления капитала. Рост числа транснациональных корпораций, как закономерный результат глобализационных процессов, связан с процессами интернационализации собственности. Современная транснациональная корпоративная структура за счет участия в капитале другой не менее значимой компании может иметь влияние и требовать определенных прав как самостоятельный субъект корпоративного процесса.

С одной стороны, тенденция к глобальному распространению и развитию корпоративной собственности является тенденцией положительной, поскольку растут возможности для инвестирования, а полномочия собственности реализуются эффективно. С другой стороны, происходит углубление противоречий между корпоративными и общественными интересами. Монополизация производства важнейших предметов потребления (продовольствие, медикаменты и пр.) может иметь далеко идущие негативные для населения последствия. Концентрация экономической власти в жизненно важных сферах производства и целевая установка на максимизацию прибыли вызывает у транснациональных корпораций стремление к политическому влиянию на человеческое общество. В таком случае современные цифровые технологии начинают обслуживать монополиста со всеми вытекающими

последствиями: «глушат» механизмы рыночной конкуренции и позволяют доминировать определенным группам влияния. Можно сделать предположение, что мировая экономика выходит на новый уровень концентрации капитала и производства, который определяется новым технологическим укладом, а трансформация отношений собственности, прежде всего корпоративной, соответственно отражает происходящие изменения и новые вызовы.

Специфической тенденцией в развитии корпоративной собственности являются процессы ее концентрация, доминирование крупного собственника [10]. Фактор влияния мелких акционеров (как правило, физических лиц) сокращается, а фактор влияния крупных институциональных инвесторов усиливается. Специалисты объясняют данное явление желанием уйти от многочисленных корпоративных конфликтов, связанных с несовершенством институциональной среды, не четко прописанными правами собственников. Существенным фактором и условием эффективного использования корпоративной собственности является четкое определение правомочий акционеров. Наличие в системе твердых, устойчивых правовых норм собственности позволяет снизить транзакционные издержки и уменьшить рыночную неопределенность. Практически нет шансов создать корпоративный бизнес, если владельцы акционерного капитала – автономные равноправные экономические субъекты – не уверены, что активы, принадлежащие им сегодня, сохранятся и преумножатся. В российской практике отсутствие четкого определения прав собственности привело к нарастанию конфликтных ситуаций и растущей концентрации корпоративной собственности. На взгляд автора, корпоративная собственность и ее правовые аспекты – права экономических субъектов в области владения, распоряжения и использования – требуют разработки эффективного механизма реализации.

Актуальными вопросами российской практики в последние годы стали процессы национализации и приватизации, определение целей и оценка эффективности участия государства в управлении акционерной собственностью [7].

Рейтинг ключевых отраслей экономики России по доле участия государства, %

Р и с . 1. Доля государственного участия в отраслях экономики России, %

Источник: составлено автором на основе [6]

Рыночные преобразования в нашей стране изменили экономическую структуру и, соответственно, структуру собственности. Доминирующей формой стала частная собственность, а государственная значительно сократилась и этот процесс продолжается (рис. 1, см. выше).

Государство, переставая быть прямым собственником, но имея инструменты контроля над значимыми для него компаниями ключевых отраслей, и как участник, и как регулятор сохраняет в своей собственности принадлежавшие ему стратегические активы. Динамика распределения предприятий и организаций по формам собственности представлена в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Распределение предприятий и организации по формам собственности

Всего предприятий и организаций	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Всего	3346,5	4767,3	4823,3	5043,6	4764,5	4561,7	4214,7	3826,9
в том числе форма собственности								
Государственная	150,8	160,4	119,4	110,7	108,0	103,1	98,8	94,3
Муниципальная	216,6	252,1	246,4	212,0	203,0	195,9	189,9	184,6
Частная	2509,6	3837,6	4103,6	4377,8	4122,2	3936,0	3619,8	3261,0
Общественных и религиозных организаций (объединений)	223,0	252,5	157,0	145,4	143,8	140,4	136,6	134,1
Иные формы собственности, включая смешанную российскую собственность, собственность гос корпораций, иностранную, совместную российско-иностранную	246,5	264,7	196,8	197,7	187,4	186,3	169,6	152,9
В процентах к итогу								
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе форма собственности								
Государственная	4,5	3,4	2,5	2,2	2,3	2,2	2,4	2,5
Муниципальная	6,5	5,3	5,1	4,2	4,3	4,3	4,5	4,8
Частная	75,0	80,5	85,1	86,8	86,5	86,3	85,9	82,5
Общественных и религиозных организаций (объединений)	6,7	5,3	3,3	2,9	3,0	3,1	3,2	3,5
Иные формы собственности, включая смешанную российскую собственность, собственность гос корпораций, иностранную, совместную российско-иностранную	7,4	5,6	4,1	3,9	3,9	4,1	4,0	4,0

Источник: [8]. Раздел: Предприятия и организации.

Приведенные данные достаточно сложно анализировать в связи подходом, который Федеральная служба государственной статистики применяет к разграничению государственной, муниципальной, частной, смешанной и собственности общественных организаций. В раздел «Частная собственность» включена собственность производственных кооперативов, потребительских обществ и их союзов, сельскохозяйственных предприятий, объединения крестьянских (фермерских) хозяйств. По сути, перечисленные субъекты представляют коллективную форму собственности, не утвержденную законодательно, что затрудняет анализ структуры и динамики развития форм собственности в России.

Неоднозначность и противоречивость участия государства в управлении акционерными компаниями связана с тем, что государству как субъекту сложно выделить приоритетные цели такого участия [9]. Набор целей включает и социальные (создание рабочих мест и поддержание достойного уровня жизни населения), и экономические (необходимые дивидендные выплаты в бюджет, реализация инвестпрограмм, развитие стратегических отраслей и получение прибыли). Налицо конфликт интересов государства как собственника, и как регулятора общественных отношений. Несомненно, государство, в первую очередь, должно принимать управленческие решения исходя из социальных интересов. Но реализовать эти интересы оно может, только имея соответствующие экономические ресурсы, источник которых – доходы от участия в акционерном капитале. Учитывая, что владение крупными пакетами акций требуют значительных альтернативных издержек, государству следует ограничить свое участие только в стратегически важных компаниях, связанных с национальной безопасностью страны [11].

На современном этапе экономического развития корпоративная собственность трансформировалась в основную форму собственности. Консолидированная и интегрированная форма собственности смешанного характера с переплетением интересов противоположных сторон – частных и коллективных (групповых), государственных, корпоративная собственность позволяет мобилизовать необходимые ограниченные ресурсов для реализации масштабных инновационных проектов. С другой стороны, корпоративный капитал разделен на действительный и фиктивный. Собственностью акционеров является определенная сумма акций – фиктивный капитал, - который существует и функционирует отдельно от реального капитала. Это означает, что есть другие уровни присвоения и отчуждения, а также противоречия между ними. Рост фиктивного капитала, как правило, происходит вне связи с движением реального капитала, что становится серьезной проблемой обеспечения инвестирования в производственное и технологическое развитие. Необходимым условием решения данной проблемы может стать организация реального взаимодействия фиктивного и действительного капитала.

Список литературы

1. Беляева И.Ю., Данилова О.В., Федотова М.А. Тенденции трансформации собственности и развитие корпоративных отношений в цифровой экономике. Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2020. №1. С. 7–16.

2. Вольчик В.В. Поведенческая экономика и современные тенденции эволюции института собственности. TERRA ECONOMICUS. 2010. Том 8. № 2. С. 71–78.
3. Иноземцев В. Л. Что отличает российскую экономику от советской. URL: <https://www.rbc.ru/society/09/02/2016/56bc83fb9a794713b41712fc> (дата обращения: 01.02.2021).
4. Кешелава В. Предмет цифровой экономики и роль цифровых инструментов // «Цифровая экономика» № 2 2019 С.87 –95. DOI:10.34706/DE-2019-02-13 С. 88
5. Осипова Е.И. Трансформация отношений собственности в условиях виртуализации экономики. Вестник Тамбовского университета. Серия: Экономика. № 1 (81). 2010. С. 26–29.
6. «РБГ» представляет рейтинг участия власти в ключевых отраслях бизнеса. URL: <https://rg.ru/2011/06/28/biznes.html> (дата обращения 30.01.2021).
7. Прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества и основные направления приватизации федерального имущества на 2017–2019 гг. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// www.economy.gov.ru](http://www.economy.gov.ru) (дата обращения: 14.01.2021).
8. Россия в цифрах. 2020: Стат.сб./Росстат. - М., 2020. С. 244.
9. Современные корпоративные стратегии и технологии в России: моногр. / под ред. И. Ю. Беляевой, О. В. Даниловой. М.: Изд-во Фин. ун-та, 2018. 458 с.
10. Федотова М.А., Беляева И.Ю., Данилова О.В. Корпоративная собственность: тенденции развития и риски управления. РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2019. №4 . С. 133–139.
11. Экономические санкции против России: ожидания и реальность Арефьев П.В., Альпидовская М.Л., Блинов А.О., Данилова О.В., Карасева Л.А., Кузнецов А.В., Мальцев В.В., Нуреев Р.М., Петраков П.К., Слепаков С.С., Соколов Д.П., Степин Е.А., Чусовлянов Д.С. Москва, 2017. 194 с.

Об авторе:

ДАНИЛОВА Ольга Викторовна – профессор, доктор экономических наук департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый Университет при Правительстве РФ, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49, e-mail: danilovaov@yandex.ru, Orcid: 0000-0003-3821-6408, SPIN-код автора: 8379-8969.

DIGITALIZATION OF THE ECONOMY AND CURRENT TRENDS IN THE MODEL OF CORPORATE PROPERTY MANAGEMENT

O.V. Danilova

FSOBU VO “Financial University under the Government of the Russian Federation”, Moscow

The article examines the theoretical and methodological aspects of the transformation of the corporate property management model in Russian companies. The digitalization of the economy has led to the need to develop the main theoretical provisions of the doctrine of property in the relationship with corporate relations. The article presents an analysis of the factors influencing the transformation of corporate property in modern Russian and world practice. The systematization of the factors that transform the forms of ownership is carried out on the basis of a conceptual approach, a substantive principle, evolutionary-historical, systemic and process approaches. The study shows that the emergence of a new type of digital property does not change

the essence of the category of property, which by its nature represents a set of property rights and economic power that determine the processes of appropriation, disposal and use of property objects that have a certain form of existence. It is concluded that the spread of digital technologies leads to the fact that digital assets and intellectual property objects are moving into the category of leading forms of ownership, while adding new digital risks.

Keywords: *corporate property, property relations, institutions, share capital, share ownership.*

About the author:

DANILOVA Ol'ga Viktorovna – Professor, Doctor of Economic Sciences, department of corporate finance and corporate governance, Financial University under the Government of the Russian Federation. Russian Federation, 125993 (GSP-3), Moscow, Leningradskiy prospect, 49, e-mail: danilovaov@yandex.ru

References

1. Belyaeva I. Yu., Danilova O. V., Fedotova M. A. Trends in the transformation of property and the development of corporate relations in the digital economy. Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2020. No. 1. Pp. 7-16.
2. Volchik V. V. BehavioraleconomicsandmoderntrendsintheevolutionoftheInstituteofproperty. TERRA ECONOMICUS. 2010. Volume 8. No. 2. Pp. 71-78.
3. Inozentsev V. L. WhatdistinguishestheRussianeconomyfromtheSovietone. - URL:<https://www.rbc.ru/society/09/02/2016/56bc83fb9a794713b41712fc> (dateaccessed: 01.02.2021).
4. Keshelava V. The subject of digital economy and the role of digital tools // "Digital Economy" No. 2 2019 p. 87 -95. DOI:10.34706/DE-2019-02-13 p. 88
5. Osipova E. I. Transformation of property relations in the conditions of economic virtualization. Bulletin of the Tambov University. Series: Economics. No. 1 (81). 2010. Pp. 26-29.
6. “ RBG “ presents the rating of government participation in key business sectors. URL: <https://rg.ru/2011/06/28/biznes.html>(accessed 30.01.2021).
7. Forecast plan (program) for the privatization of federal property and the main directions of the privatization of federal property for 2017-2019. URL: [http:// www.economy.gov.ru](http://www.economy.gov.ru) (accessed: 14.01.2021)
8. Russiainnumbers. 2020: Stat. sat./Rosstat. - M., 2020. p. 244.
9. Modern corporate strategies and technologies in Russia: Monogr . / edited by I. Yu. Belyaeva, O. V. Danilova. un-ta, 2018. 458 p.
10. Modern corporate strategies and technologies in Russia: monogr . / edited by I. Yu. Belyaeva, O. V. Danilova. ThepublisheroftheFinancialUniversity, 2018. 458 p.
11. Economic sanctions against Russia: expectations and realityArefyev P. V., Alpidovskaya M. L., Blinov A. O., Danilova O. V., Karaseva L. A., Kuznetsov A.V., Maltsev V. V., Nureev R. M., Petrakov P. K., Slepakov S. S., Sokolov D. P., Stepin E. A., Chusovlyanov D. S.Moscow, 2017. 194 p.

УДК 338.512

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.059–070

ОБ ИНСТРУМЕНТАХ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЗАТРАТАМИ НА ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ

И.П. Курочкина¹, Л.А. Маматова¹, Е.С. Чистякова², С.В. Крылов^{2,3}

¹ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
г. Ярославль

²ПАО «ОДК-Сатурн», Рыбинск

³ФГБОУ ВО «Рыбинский государственный технический университет
им. П.А. Соловьева», г. Рыбинск

В статье обоснована необходимость применения и предложены способы использования и адаптации инструментов управления потоком работ, ранее применявшимся для целей управления проектами по разработке программного обеспечения, к управлению затратами в промышленных НИОКР. Разработанная методика описывает последовательность применения соответствующих инструментов управления потоком и их взаимосвязь. Акцентируются отличия предложенной методики от типичных способов управления затратами на исследования и разработки с указанием ключевых точек взаимосвязи методики с другими элементами системы управления предприятием и его учетно-аналитического обеспечения.

Ключевые слова: *исследования и разработки, поток создания ценности, управление затратами на НИОКР.*

Сфера исследований и разработок является тем фронтиром, который, с одной стороны, обеспечивает саму возможность осуществления технологических и продуктовых инноваций и, с другой стороны, служит полигоном для отработки новых методов управления, а также адаптированного заимствования практик управления из других предметных областей [2, 12]. Данное утверждение можно проанализировать с помощью модели Перроу, выделяя четыре вида технологий: рутинную, ремесленную, инженерную и не рутинную в двух измерениях (разнообразие и анализируемость) (рис. 1, см. ниже).

Виды деятельности, относящиеся к исследованиям и разработкам, предполагают осуществление таких практик, которые требуют выполнения разнообразных задач с большим количеством исключений. При этом значительные усилия работников, занятых в данной области, направляются на анализ проблем и определение способов исследования и преобразования имеющихся в распоряжении ресурсов. Отнесение исследований и разработок к категории не рутинных технологий вызывает необходимость использования таких методов управления, которые, в отличие от формальных и бюрократических методов, обеспечат не только возможности планирования, анализа и контроля, но и эффективную коммуникацию в потоке создания ценности [14, с. 235].

© Курочкина И.П.
Маматова Л.А.,
Чистякова Е.С.,
Крылов С.В., 2021

Р и с . 1. Место исследований и разработок в модели технологий Перроу
(адаптировано по [14, с. 235])

При осуществлении не рутинной деятельности возникает необходимость создания релевантных аналитических практик, отвечающих потребностям в предоставлении правильным образом собранной и обработанной информации для целей принятия рациональных управленческих решений. Данные и информация, полученные в результате анализа, ценны не сами по себе, а лишь в той мере, в которой они способны превращаться в знания, обеспечивающие принятие обоснованных и эффективных управленческих решений для реализации стратегии организации в условиях неопределенности, изменчивости и разнообразия. При этом следует учитывать, что затраты на получение информации не должны превышать эффект от обладания ею.

Японские исследователи Нонака Икуджиро и Такеучи Хиротака сформулировали следующие факторы успешности управления процессом разработки новой продукции: «во-первых, подход к процессу разработки продукции должен быть максимально гибким и адаптательным, во-вторых, компаниям нужно быть уверенными в том, что процесс разработки нового продукта контролирует самоорганизующаяся проектная команда, в-третьих, компаниям следует поощрять участие сотрудников в разработке нового продукта, чей опыт не совсем соответствует профилю проекта, поскольку это обеспечивает разнообразие информации» [11, с. 301].

Изначально концепция потока была предложена Михаем Чиксентмихайи в книге «Поток: Психология оптимального переживания», в которой поток описывается как состояние сознания, в котором человек максимально сосредоточен на своей деятельности, выполняет работу с полной концентрацией внимания, не отвлекаясь на внешние раздражители, достигая при этом максимальных результатов. [10, 15]. В производственном менеджменте концепция потока часто используется в виде метафоры, описывающей движение материальных ресурсов как внутри предприятия, так и за его пределами по цепочке поставок. В таком случае задачей производственного менеджера является обеспечение максимально быстрого прохождения потока работ через организацию, устранение всех возникающих на пути потока препятствий.

Ярким примером использования метафоры потока применительно к управлению производством является теория ограничений, разработанная израильским физиком, экономистом и философом Элияху Голдраттом. Теория ограничений Голдратта позволяет оперативно управлять производственными процессами, используя разработанные автором инструменты и методы:

концепцию управленческого учета прохода, набор особых мыслительных практик и пошаговую методику использования теории ограничений. Методика использования теории ограничений включает в себя пять простых шагов: «найти ограничение системы, ослабить влияние ограничения системы, сосредоточить все усилия на ограничителе системы, снять ограничение и вернуться к первому шагу». Помочь в реализации этих шагов призваны разработанные Голдраттом инструменты мышления: дерево текущей реальности, диаграмма разрешения конфликтов «Грозовая туча», дерево будущей реальности, дерево перехода, план преобразований и правила использования мыслительных инструментов, которые называются «Критерии проверки логических построений» [6, с. 43].

Метафора потока находит отражение в голдраттовской теории в виде модификации управленческого учета, которая получила название «учет прохода». Сущность учета прохода заключается в оценке влияния управленческих решений, принимаемых менеджментом, на воображаемый поток денежных средств, протекающий сквозь систему предприятия. Роль производственного менеджера заключается в максимизации производительности по денежному потоку путем управления следующими параметрами: проход (Throughput, T) – «скорость, с которой предприятие генерирует деньги в результате продаж; инвестиции/вложения (Investment, I) – «все деньги, затраченные предприятием на приобретение того, что система намеревается продать в конечном итоге»; операционные затраты (Operating Expenses, OE) – «все деньги, затрачиваемые предприятием на преобразование инвестиций в проход» [8, с. 45].

Понятие потока нашло свое отражение и в методологии бережливого производства, которая представляет собой «концепцию управления предприятием, направленную на устранение всех видов потерь». Например, одним из основных инструментов бережливого производства является формирование карты потока создания ценности, представляющей собой визуальное воплощение цепочки создания ценности организации и позволяющей увидеть и устранить возникающие на производстве семь видов потерь («от перепроизводства, дефектов и переделки, перемещений, транспортировки, излишних запасов, излишней обработки и от времени ожидания»), а также устранить потери интеллектуального капитала [9, 15].

Отдельного внимания заслуживает то, что концепция потока также широко используется и в области разработки программного обеспечения, имеющей принципиальные отличия от производства. Так, например Дэвид Андерсон в своей книге «Канбан. Альтернативный путь в Agile» пишет, что методы бережливого производства, применяемые в производственных системах, оптимизированы «для работы с повторяющимися и предсказуемыми задачами с одинаковой длительностью и однородной стоимостью задержки», но, «если мы имеем дело с неповторяющейся, непредсказуемой деятельностью с разной продолжительностью и различными стоимостями задержки, эти подходы нельзя признать оптимальными» [7, с. 15]. Однако, инструменты канбан (имеющие в своем арсенале практики управления потоком), разработанные в контексте методологии бережливого производства, были успешно адаптированы к условиям неопределенности, высоких затрат на

анализ и высокого разнообразия и нашли свое применение в сфере разработки программных продуктов.

Для разработчиков программного обеспечения оказались актуальными как психологические аспекты потока (состояние максимальной вовлеченности в процесс разработки, уменьшение когнитивных потерь и, следовательно, высокая продуктивность), так и операционные практики применения инструментов канбан для визуализации, изменения и управления потоком задач, проходящих через команду разработчиков [3, 4].

В то же время работа программиста и конструктора имеет много общего и, согласно мнению Нонаки Икуджиро, Такеучи Хиротаки, процессы создания программного обеспечения могут служить наилучшим аналогом процессов исследований и разработок, поскольку и те и другие характеризуются цикличностью, непрерывностью и динамичностью. Согласно замечаниям вышеупомянутых авторов, «программисты в своей работе многократно проходят одни и те же фазы деятельности: разработку программы, написание кода программы и его тестирование, причем испытание прототипа программы происходит не только в конце каждого цикла, но и параллельно с остальными фазами, при этом осуществляется постоянное улучшение рабочих характеристик программ и представление все новых версий продуктов» [11, с. 302]. Кроме того, сам процесс разработки нового продукта или технологии непосредственно сопряжен с процессом создания нового знания, что делает анализ особенностей деятельности разработчиков весьма продуктивным с позиций использования аналитической информации для повышения производительности труда организации в целом.

Следует отметить, что методы управления проектами, которые эффективно используются при разработке программного обеспечения, редко применяются для целей управления промышленными исследованиями и разработками. Работы в этой области выполняются, как правило, в соответствии с классической каскадной моделью, предполагающей последовательное, не итеративное, директивно-регламентированное выполнение этапов работ (разработка технического предложения, затем эскизного проекта, технического проекта, конструкторской документации на опытный и серийный образец изделия и др.). [1, с. 1–10].

Альтернативой каскадной модели выступают гибкие методологии разработки (так называемые аджайл-методологии (Agile)), которые предполагают смещение акцента с организации самого процесса разработки, имеющего предполагаемую самостоятельную ценность, на организацию потока создания ценности для потребителя. Основные принципы гибких методологий в тезисном варианте можно изложить следующим образом: «люди и их взаимодействие важнее процессов и инструментов, готовый продукт важнее документации к нему, сотрудничество с заказчиком важнее жестких контрактных ограничений, реакция на изменения важнее следования плану» [3; 4].

Одной из основных особенностей гибких методологий разработки, пришедшей из методологии бережливого производства, является требование визуализации потока задач, проходящих через команду проекта. Визуализация позволяет сделать когнитивный труд видимым, упорядочить рабочий процесс,

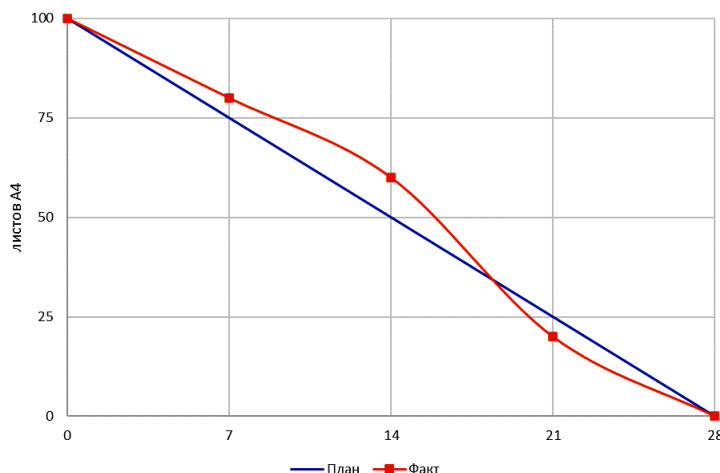
увидеть ранее скрытые взаимосвязи и закономерности, а также предоставляет инструменты для управления потоком задач [5, с. 79].

В качестве примера аналитических инструментов визуализации потока задач, концептуально разработанных в гибких методологиях разработки, можно назвать диаграмму сгорания (Burndown Chart), принадлежащую методологии Скрам (Scrum) и CFD-диаграмму (Cumulative Flow Diagram – накопительная (кумулятивная) диаграмма потока), которая была разработана в рамках методологии «канбан» (Kanban) [4; 7; 13].

Диаграмма сгорания – это графическое отображение проделанной работы. На графике отмечается, сколько усилий, измеренных в условных единицах, потрачено за период выполнения работ. Это помогает отслеживать прогресс за требуемый период (месяц, неделя, день). Используя диаграмму сгорания, руководитель проектной команды может предположить, сможет ли команда проекта закончить все задачи в заданный срок. При этом в своих рассуждениях руководитель будет использовать наглядные доказательства, не опираясь только на интуицию. Если команда проекта не сможет выполнить заданный объем работы, то нужно искать причины отставания и сокращать нагрузку.

Диаграмма сгорания представляет собой график, по горизонтальной оси которого отложено время выполнения заданного объема работ (например, если определенный пакет работ нужно выполнить за месяц, то по горизонтальной оси откладывается количество дней), а по вертикальной оси — плановое и фактическое количество оставшейся работы, измеренное в натуральном, условно-натуральном или трудовом выражении.

Рассмотрим пример построения диаграммы сгорания, изображенной на рис. 2.

Р и с . 2. Пример построения диаграммы сгорания

Предположим, что плановый объем выпуска конструкторской документации в одном из месяцев выполнения проекта составляет 100 условных листов формата А4. Руководителем проекта запланировано равномерное выполнение работ. К концу первой недели должно быть

выпущено 25 листов, к концу второй недели – 50 листов и т. д. Плановое выполнение работ отражено на рисунке нисходящей прямой линией «План».

С точки зрения ежемесячной отчетности выполненная работа была абсолютно успешной. Качественное выполнение работ в заданный срок и в рамках бюджета было достигнуто благодаря оперативному анализу потока работ и реализации мероприятий по устранению всех возникающих на пути потока потерь. Для того, чтобы глубже заглянуть внутрь процессов, происходящих в масштабах оперативного управления проектом исследований и разработок, в первую очередь обратим внимание на то, что работы, в которых участвует разработчик, не всегда приводят к созданию ценности для потребителя. Применение методологии «канбан» к практикам управления затратами на исследования и разработки позволяет сделать вывод о том, что для повышения эффективности труда работников, занятых исследованиями и разработками, необходимо обеспечить выполнение работ, создающих ценность; минимизировать работы, не связанные с созданием ценности - потери (исправление ошибок и устранение системных недостатков, заложенных в структуру работ в ходе ранее выполненных этапов, так называемый, технический долг); выполнить работы, не создающие ценность, но необходимые для выполнения основных работ с максимальной эффективностью.

Визуализация соотношения между описанными выше видами работ представлена на рис. 3.

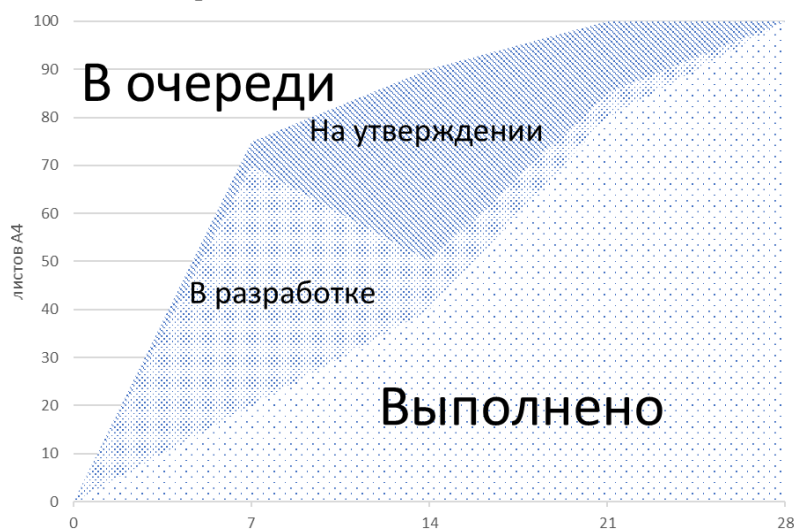
Ценность работы	Поло- житель- ная	Системные улучшения	Создание ценности
	Отрица- тельная	Исправление системных недостатков	Исправление ошибок
		Невидимая	Видимая
Видимость работы			

Р и с . 3. Классификации видов работ с позиций видимости и создания ценности (адаптировано по [5, с. 79])

Инструментом, который позволит отследить состояние и динамику выполняемых работ по их видам является накопительная диаграмма потока (CFD-диаграмма), которая дает представление о том, сколько работ было выполнено, сколько работ осталось не выполненными и визуализирует динамику выполнения проекта. Горизонтальная ось накопительной диаграммы потока – это ось времени. На вертикальной оси необходимо обозначить количество работ на каждом этапе процесса в соответствующий период времени. CFD-диаграмма для рассмотренного выше условного примера с выпуском конструкторской документации представлена на рис. 4 (см. ниже).

Из накопительной диаграммы потока видно, что команда проекта с самого начала взяла в разработку очень большое количество работ, в результате чего работники, ответственные за согласование и утверждение документации, оказались перегруженными и не смогли справиться с заданным объемом работы. Кроме того, избыточно высокие темпы работы в начале

месяца могли привести к необходимости устранения ошибок и переделке выполненной в спешке работы

Р и с . 4. Пример построения накопительной диаграммы потока

Из накопительной диаграммы потока видно, что команда проекта с самого начала взяла в разработку очень большое количество работ, в результате чего работники, ответственные за согласование и утверждение документации, оказались перегруженными и не смогли справиться с заданным объемом работы. Кроме того, избыточно высокие темпы работы в начале месяца могли привести к необходимости устранения ошибок и переделке выполненной в спешке работы. Результаты анализа CFD-диаграммы показывают, что узким местом в выпуске конструкторской документации было, в первую очередь, не отсутствие необходимых навыков команды проекта, а длительный цикл согласования и утверждения конструкторской документации, в результате чего, если воспользоваться терминологией теории ограничений, общая пропускная способность системы была ограничена пропускной способностью наименее производительного звена. Отметим, что для руководителя проекта было бы правильным решением использовать высвободившиеся во второй половине месяца ресурсы для устранения технического долга и системные улучшения, а также ввести ограничения на количество незавершенных работ, что поможет избежать простоев и повысит пропускную способность системы в целом.

Рассмотренные диаграммы позволяют с разных сторон взглянуть на поток создания ценности продукта, имеющий в данном случае в качестве материальной основы поток разрабатываемой конструкторской документации. Они не только позволяют осуществлять управление проектом с использованием всех современных концепций разработки без нарушения требований документов, регламентирующих выполнение исследований и разработок (управление очередями, применение ограничений на объем незавершенного производства, контроль потока создания ценности в условиях неопределенности и др.), но и эффективно организовать коммуникации в рамках рабочей группы проекта.

В заключение четко выделим блоки предложенного алгоритма и методики использования инструментов управления потоками при проведении НИОКР, которые вписываются в концептуальные рамки, устанавливаемые циклом Шухарта-Деминга PDCA (Plan–Do–Check–Act или Планирование – Выполнение – Проверка – Корректировка):

1. Планирование работ с построением диаграммы плана поставки и диаграммы сгорания в плановых показателях.

2. Отслеживание хода выполнения проекта путем построения и анализа накопительной диаграммы потока и диаграммы НЗ по данным из реальной или виртуальной канбан-доски с соответствующей визуализацией. Эти диаграммы иллюстрируют движение карточек по канбан-доске с течением времени.

3. Оценка хода выполнения проекта и его интенсивности через нанесение линии фактического исполнения на план поставки и диаграмму сгорания, использование диаграмм баланса для сопоставления плановых и фактических показателей. Расчет аналитических показателей выполнения проекта: время цикла (время, которое задача находится в незавершенном производстве), время выполнения задачи (время, которое задача проводит в системе с момента поступления до перехода в статус «Выполнено»), объем задач в незавершенном производстве, пропускная способность (количество задач, которое может быть выполнено в единицу времени) и др. Поиск потерь, возникающих в ходе выполнения задач, и их устранение на основе карты потока ценности.

4. Корректировка и совершенствование процесса выполнения работ, заключающихся в своевременном обнаружении возникающих очередей, поиске и устранении узких мест (создание буферов работ, повышение мощности и т.п.), введении лимитов на незавершенное производство, расстановке и изменении приоритетов работ.

Преимущества и отличия предлагаемой методики использования инструментов управления потоком от типичных методов управления затратами на исследования и разработки заключается в следующем:

- В отличие от традиционных методов анализа и управления, опирающихся на бухгалтерские ретроспективные данные, использование инструментов управления потоком позволяет увидеть проблемы в проекте до того, как они оказали влияние на результаты проекта. Руководитель проекта, отслеживая объем задач, находящихся в работе, видит возникающие очереди и узкие места и может оказать влияние на ход выполнения работ не дожидаясь, пока возникшая очередь приведет к появлению задержек и других потерь, устранение которых неизбежно потребует дополнительных затрат.

- Инструменты управления потоком позволяют использовать имеющиеся и конструировать новые показатели, которые не только дают возможность отслеживать текущее состояние проекта, но и использовать получаемые данные для совершенствования бизнес-процессов организации и разработки инициатив, позволяющих достигать стратегических целей организации.

- Инструменты управления потоком не изолированы от системы управления организацией. Их показатели могут быть органично вписаны в сбалансированную систему показателей и использоваться, например, как источник информации для классической учетной системы предприятия. В частности, количество выполненных задач и их трудоемкость могут служить

критериями для начисления заработной платы и ее распределения по заказам в случае многономенклатурного выполнения работ, а также использоваться в качестве базы распределения косвенных затрат. Кроме того, данные, полученные по предложенной методике, могут быть использованы как источник информации для управления проектом по методу освоенного объема (как источник плановых данных, так и информации о выполнении работ в номенклатуре). Важно также, что применение вышеописанных инструментов и показателей позволит обоснованно распределять косвенные затраты при использовании процессно-ориентированных подходов к управлению затратами типа ABC в соответствующем анализе.

Список литературы

1. ГОСТ 2.103-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Стадии разработки (введен в действие Приказом Росстандарта от 26.11.2014 № 1794-ст). – М.: Стандартинформ, 2015. 10 с.
2. Аоки М. Корпорации в условиях растущего многообразия: познание, руководство и институты / пер. с англ. Ю. Каптуревского; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 368 с.
3. Брукс Фредерик. Проектирование процесса проектирования: записки компьютерного эксперта / пер. с англ. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2013. 464 с.: ил.
4. Вольфсон Борис. Гибкое управление проектами и продуктами – 2-е изд. М.: Питер, 2017. 141 с.
5. Деграндис Доминика. Визуализируйте работу. Как выявить расхитителей времени и оптимизировать процессы / пер. с англ. М. Чомахидзе-Дорониной; [науч. ред. А. Макарова]. М.: Манн Иванов и Фербер, 2020. 240 с.
6. Детмер У. Теория ограничений Голдратта: Системный подход к непрерывному совершенствованию / Уильям Детмер; Пер. с англ. – 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 444 с.
7. Дэвид Андерсон. Канбан. Альтернативный путь в Agile / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер., 2017. 350 с.
8. Корбетт Томас. Управленческий учет по ТОС / Пер. с англ. Д. Капранов. К.: Издательство «Необхідно і достатньо», 2009. 240 с.
9. Майкл Вейдер. Инструменты бережливого производства II: Карманное руководство по практике применения Lean / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. 110 с.
10. Михай Чиксентмихайи. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина Нон-фикшн, 2013. 464 с.
11. Нонака Икуджиро, Такеучи Хиротака. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах / пер. с англ. А. Трактинского. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2011. 384 с.: ил.
12. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с. (Экономическая теория).
13. Emanuel Marques. Scrum Is Dead. All Hail Kanban, the New King [Электронный ресурс] // 2020. Режим доступа: <https://medium.com/better-programming/scrum-is-dead-all-hail-kanban-the-new-king-2cd6249feef8> (дата обращения: 13.10.2020).
14. Margaret A. Abernethy and Peter Brownell. Management control systems in research and development organizations: The role of accounting, behavior and personnel controls // Accounting, Organizations and Society. 1997. т. 22. № 3–4. с. 233–248.
15. Reinertsen D. The Principles of Product Development Flow: Second Generation Lean Product Development. Celeritas Publishing. 2009. 294 p.

Об авторах:

КУРОЧКИНА Ирина Петровна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, заведующая кафедрой бухгалтерского учета, анализа и

аудита ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», 150003 Россия, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Советская, д.14, e-mail: ipkurochkina@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6330-3493, SPIN-код: 7856-6136.

МАМАТОВА Людмила Александровна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», 150003 Россия, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Советская, д.14, e-mail: ludm.mamatova@yandex.ru, ORCID:0000-0003-0994-3024, SPIN-код: 9562-9870.

ЧИСТЯКОВА Екатерина Сергеевна – инженер первой категории Публичного акционерного общества «ОДК-Сатурн», 152903, Россия, Ярославская область, г. Рыбинск, пр. Ленина, д. 163, e-mail: FairyoO@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1892-1484, SPIN-код:

КРЫЛОВ Степан Владимирович – старший преподаватель кафедры экономики менеджмента и экономических информационных систем ФГБОУ ВО «Рыбинский государственный авиационный технический университет им. П.А. Соловьева», 152934, Ярославская обл, Рыбинский р-н, Рыбинск г, ул. Пушкина, д. 53, начальник группы Публичного акционерного общества «ОДК-Сатурн», 152903, Россия, Ярославская область, г. Рыбинск, пр. Ленина, д. 163, e-mail: werk37@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6834-055X, SPIN-код: 9079-4153.

ON ANALYTICAL SUPPORT TOOLS FOR RESEARCH AND COST MANAGEMENT

I.P. Kurochkina¹, L.A. Mamatova¹, E.S. Chistjakova², S.V. Krylov^{2,3}

¹ FGBOU VO “Yaroslavl State University named after P.G. Demidov”, Yaroslavl

² PAO “UEC-Saturn”, Rybinsk

³ FGBOU VO “Rybinsk State Technical University
named after P.A. Solovyova”, Rybinsk

The article justifies the need to apply and proposes ways of using and adapting the workflow management tools previously used for software development project management to industrial R & C management. The developed methodology describes the sequence of application of the relevant flow control tools and their relationship. The differences between the proposed methodology and typical methods of managing research and development costs are emphasized, indicating the key points of interaction of the methodology with other elements of the enterprise management system and its accounting and analytical support.

Keywords: research and development, flow of value creation, R & D cost management.

About the authors:

KUROCHKINA Irina Petrovna- Dr.Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Head of the Department of Accounting, Anlys and Audit, P.G Demidov Yaroslavl State University, 150003 Russia, Yaroslavl Region, Yaroslavl, 14 Sovetskaia str., ipkurochkina@yandex.ru, SPIN-код:656-6136, ORCID: 0000-0002-6330-3493.

MAMATOVA Lyudmila Alexandrovna- Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Anlys and Audit, P.G.Demidov Yaroslavl State University, , 150003 Russia, Yaroslavl Region, Yaroslavl, 14 Sovetskaia str , ludm.mamatova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0994-3024,SPIN-код: 9562-9870.

CHISTJAKOVA Ekaterina Sergeevna – engineer of the first category of Public Joint-Stock Company «UEC-Saturn», 152903, Russia, Yaroslavl Region, Rybinsk, 163 Lenin Ave, e-mail: FairyoO@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1892-1484, SPIN-код:

KRYLOV Stepan Vladimirovich – senior lecturer of the Department of Economics, Management, Economic Information Systems, P.A. Solovyov Rybinsk State Aviation Technical University, 152934, Russia, Yaroslavl Region, Rybinsk, 53 Pushkina str., group leader of Public Joint-Stock Company «UEC-Saturn», 152903, Russia, Yaroslavl Region, Rybinsk, 163 Lenin Ave, e-mail: werk37@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6834-055X, SPIN-код: 9079-4153.

References

1. Srnichek N. Kapitalizm platform / per. s angl. i nauch. red. M. Dobrjakovoj; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». - 2-e izd. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2020. 128 s. (Jekonomicheskaja teorija).
2. Degrandis Dominika. Vizualizirujte rabotu. Kak vyjavit' rashititelej vremeni i optimizirovat' processy / per. s angl. M. Chomahidze-Doroninoy; [nauch. red. A. Makarova]. M.: Mann Ivanov i Ferber, 2020. 240 s.
3. Aoki M. Korporacii v uslovijah rastushhego mnogoobrazija: poznanie, rukovodstvo i instituty / per. s angl. Ju. Kapturevskogo; nauch. red. perevoda T. Drobyshevskaja. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 368 s.
4. Nonaka Ikudzhiro, Takeuchi Hirotaka. Kompanija – sozdatel' znaniya. Zarozhdenie i razvitie innovacij v japonskih firmah / per. s angl. A. Traktinskogo. M.: ZAO «Olimp-Biznes», 2011. 384 s.: il.
5. Margaret A. Abernethy and Peter Brownell. Management control systems in research and development organizations: The role of accounting, behavior and personnel controls // Accounting, Organizations and Society. 1997. t. 22. № 3–4. s. 233–248.
6. Reinertsen D. The Principles of Product Development Flow: Second Generation Lean Product Development. Celeritas Publishing. 2009. 294 s.
7. Mihaj Chiksentmihaji. Potok: Psihologija optimal'nogo perezhivaniya. M.: Al'pina Non-fikshn, 2013. 464 s.
8. Detmer U. Teorija ogranichenij Goldratta: Sistemnyj podhod k nepreryvnomu sovershenstvovaniju / Uil'jam Detmer; Per. s angl. – 2-e izd. M.: Al'pina Biznes Buks, 2008. 444 s.
9. Korbett Tomas. Upravlencheskij uchet po TOC / Per. s angl. D. Kapranov. K.: Izdatel'stvo «Neobhidno i dostat'no», 2009. 240 s.
10. Majkl Vejder. Instrumenty berezhlivogo proizvodstva II: Karmannoe rukovodstvo po praktike primeneniya Lean / per. s angl. M.: Al'pina Pabliher, 2017. 110 s.

11. Djevid Anderson. Kanban. Al'ternativnyj put' v Agile / per. s angl. M.: Mann, Ivanov i Ferber., 2017. 350 s.
12. Emanuel Marques. Scrum Is Dead. All Hail Kanban, the New King [Jelektronnyj resurs] // 2020. Rezhim dostupa: <https://medium.com/better-programming/scrum-is-dead-all-hail-kanban-the-new-king-2cd6249feef8> (data obrashhenija: 13.10.2020).
13. Vol'fson Boris. Gibkoe upravlenie proektami i produktami – 2-e izd. M.: Piter, 2017. 141 s.
14. GOST 2.103-2013. Mezhgosudarstvennyj standart. Edinaja sistema konstruktorskoj dokumentacii. Stadii razrabotki (vveden v dejstvie Prikazom Rosstandarta ot 26.11.2014 № 1794-st). – M.: Standartinform, 2015. 10 s.
15. Bruks Frederik. Proektirovanie processa proektirovanija: zapiski komp'-juternogo jeksperta / per. s angl. M.: ООО «I.D. Vil'jams», 2013. 464 s.: il.

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ, ТЕРРИТОРИЙ

УДК 332.1

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.071–083

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.Ю. Фраймович¹, А.К. Холодная²

^{1,2}ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», г. Владимир

В статье рассматривается одна из ключевых проблем, создающих барьеры для обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов и страны в целом, выраженная в наличии существенных межтерриториальных диспропорций, которая является актуальной уже на протяжении длительного периода времени. В связи с этим целью исследования выступили изучение и анализ межрегиональной дифференциации в разрезе наиболее значимых показателей социально-экономического развития. С использованием методов сравнения, статистического и логического анализов в статье проведена рейтинговая оценка субъектов ЦФО РФ по обозначенным индикаторам. На основе анализируемых данных выявлено наличие существенных межтерриториальных дисбалансов, в том числе путем определения соответствующих коэффициентов вариации, осуществлено исследование их уровня и особенностей. Представленные табличные и графические материалы, а также выводы могут быть полезны при разработке эффективных мер на федеральном и региональном уровнях по нивелированию межтерриториальной дифференциации социально-экономического развития.

Ключевые слова: *регион, дифференциация, социально-экономическое развитие, показатель.*

Межрегиональная дифференциация в социальной и экономической сферах, характерная для территорий Российской Федерации, является предметом обсуждения в научных и общественных кругах уже длительный период времени. Несмотря на то, что существование данного явления обусловлено рядом объективных и субъективных причин, в последнее время все большее количество авторов уделяют внимание тому факту, что рост межтерриториальных диспропорций несет в себе ряд негативных последствий. При этом межрегиональная дифференциация социально-экономического развития обозначается в качестве актуальной проблемы современной действительности, которая требует пристального внимания и принятия мер по нивелированию пространственной неравномерности. Так, например, О.С. Москвина и В.Н. Маковеев выделили наличие значительных межтерриториальных различий в качестве одного из ключевых вопросов, а также проявили озабоченность усилением дисбалансов в разрезе социально-экономических показателей [8, с. 125]. Е.А. Бессонова, Ю.В. Келеш в своей

статье тоже обозначили наличие возрастающей неравномерности социально-экономического развития регионов, подчеркнули необходимость проведения детальных исследований и анализа регионального социально-экономического развития для обеспечения выработки наиболее эффективных корректирующих мер [4, с. 18]. Н.И. Стецко считает, что для России, как для страны, обладающей обширной территорией, проблема межрегиональной дифференциации является наиболее острой. Также автор указывает, что в настоящее время существуют устойчивые предпосылки наращения неравномерного социально-экономического развития субъектов федерации [11, с. 185]. К.С. Джомо и В.В. Попов утверждают, что значительные межтерриториальные дисбалансы сопряжены с множеством негативных последствий, которые выступают причиной снижения конкурентоспособности страны [7, с. 156]. Е.С. Губанова и В.С. Клещ, подчеркивая наличие положительных и отрицательных воздействий межрегиональной дифференциации на социально-экономическое развитие территорий, все же сделали акцент на превалировании вторых. Они также обозначили наличие важной зависимости и тесной связи между степенью неравномерности и последствиями [6, с. 68]. В свою очередь В.С. Федоляк в качестве важнейшей задачи стратегического развития территорий нашей страны выделяет необходимость осуществления правильного выбора стратегии управления развитием на мезоуровне, что призвано сократить отрицательные последствия от наличия межрегиональных дисбалансов [12].

Следует отметить, что руководство страны, а также представители власти на местах осознают существование и актуальность указанной выше проблемы, необходимость разработки и утверждения мер по снижению межтерриториальной дифференциации социально-экономического развития. Данный вопрос нашел отражение в ряде нормативно-правовых актов. Например, в Государственной стратегии экономической безопасности РФ в качестве одних из основных вызовов выделены: «неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития и усиление дифференциации населения по уровню доходов» [2]. В свою очередь в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. сокращение уровня межтерриториальных дисбалансов в социально-экономическом развитии регионов страны выделено в качестве одной из важнейших задач, требующих скорейшего решения [3].

Бесспорно, устойчивому социально-экономическому развитию регионов препятствует характерный для современных условий значительный уровень диспропорций по ряду важнейших показателей. Их наличие выступает барьером для повышения конкурентоспособности отдельных территорий и страны в целом. В этой связи весьма актуальным представляется исследование межрегиональной дифференциации в разрезе социально-экономических индикаторов.

Одним из возможных направлений изучения межтерриториальных дисбалансов является рейтинговая оценка. Для её осуществления на начальном этапе на основе информации, представленной на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, был осуществлен

сбор статистических данных за 2017 год по 23 показателям, которые сгруппированы в 5 групп и, на наш взгляд, наиболее точно отражают уровень социально-экономического развития территорий (рис. 1). Для этих целей были использованы числовые значения, представленные на сайте в разделе «Национальные счета» [9], а также материалы статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2019 г. [10]. В рамках исследования рассмотрению подвергаются субъекты ЦФО РФ (рис. 1).

I Демографическая ситуация		
Коэффициент естественного прироста населения	→	Д1
Коэффициент демографической нагрузки	→	Д2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	→	Д3
Коэффициент миграционного прироста	→	Д4
II Труд		
Уровень занятости населения в возрасте 15-72 лет	→	Т1
Уровень безработицы	→	Т2
III Уровень жизни населения		
Среднедушевые денежные доходы населения	→	УЖ1
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	→	УЖ2
Средний размер назначенных месячных пенсий	→	УЖ3
Заболелаемость на 1000 человек населения	→	УЖ4
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	→	УЖ5
IV Экономическое развитие региона		
ВРП на душу населения	→	Э1
Оборот розничной торговли на душу населения	→	Э2
Объем платных услуг на душу населения	→	Э3
Удельный вес убыточных организаций	→	Э4
V Инновационный потенциал региона		
Число организаций, выполнявших исследования и разработки	→	И1
Поступление патентных заявок на изобретения	→	И2
Выдача охранных документов на изобретения	→	И3
Число разработанных передовых производственных технологий	→	И4
Число использованных передовых производственных технологий	→	И5
Инновационная активность организаций	→	И6
Объем инновационных товаров, работ, услуг в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	→	И7

Белгородская область	→	P1
Брянская область	→	P2
Владимирская область	→	P3
Воронежская область	→	P4
Ивановская область	→	P5
Калужская область	→	P6
Костромская область	→	P7
Курская область	→	P8
Липецкая область	→	P9
Московская область	→	P10
Орловская область	→	P11
Рязанская область	→	P12
Смоленская область	→	P13
Тамбовская область	→	P14
Тверская область	→	P15
Тульская область	→	P16
Ярославская область	→	P17
г.Москва	→	P18

Рис. 1. Условные обозначения, используемые в рамках исследования

Далее на основе исходных данных по каждому показателю каждому региону присваивается свой рейтинг, значение величины которого может находиться в пределах от 1 до n, где n – количество субъектов в рассматриваемом федеральном округе. Чем выше уровень развития, тем выше значения рейтинга. Важно отметить, что для значительной части рассматриваемых индикаторов характерна следующая зависимость: чем выше исходное региональное значение, тем больше шансов у данного субъекта федерации получить максимальный рейтинг относительно других. Однако, для ряда факторов характерно противоположное соотношение. На следующем этапе складываются присвоенные рейтинги показателей в каждом блоке, тем самым получается совокупный рейтинг региона по I, II, III, IV, V группе показателей. В дальнейшем суммируются совокупные рейтинги, получается значение итогового рейтинга субъекта федерации.

Результаты рейтинговой оценки уровня социально-экономического развития регионов ЦФО РФ в 2017 г. представлены в табл. 1 (см. ниже).

Максимальный балл итогового рейтинга присвоен Московской области – 359, г. Москва уступил данному субъекту федерации всего лишь 11 баллов, получив 348 баллов. При этом регион-лидер превзошел всех конкурентов лишь по 3 из 23 анализируемых показателей, но, в то же время, по 15 из них он

занимал вторую позицию. Наименьшее количество баллов рейтинга Московской области пришлось на инновационную активность организаций – 9 баллов. С таким результатом данный субъект федерации занял лишь 10 место по данному фактору. В свою очередь, г. Москва лидировал по 16 показателям, а по одному он занял вторую позицию. Ухудшили положение данного субъекта федерации достигнутые значения рейтингов по таким показателям, как общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (1 балл – последнее место), удельный вес убыточных организаций и доля инновационных товаров, работ и услуг (по 5 баллов – 14 место). Третью позицию по результатам итогового рейтинга получила Белгородская область, её значение оказалось равным 299 баллам. Данный регион уступил Московской области 60 баллов.

Аутсайдером среди субъектов ЦФО РФ с единственным двузначным значением итогового рейтинга, равным 92 баллам, выступила Костромская область. При этом по 8 из анализируемых показателей данный регион получил всего 1 балл, самый высокий его рейтинг (14 баллов) соответствует следующим факторам: коэффициенту естественного прироста населения и доле инновационных товаров, работ и услуг. Орловская область продемонстрировала итоговый результат в размере 100 баллов, что превышает минимальное значение лишь на 8 баллов. Хотя данный субъект федерации находится на низшей позиции лишь по 2 показателям. Его самый высокий балл составляет 10, он приходится на средний размер назначенных месячных пенсий.

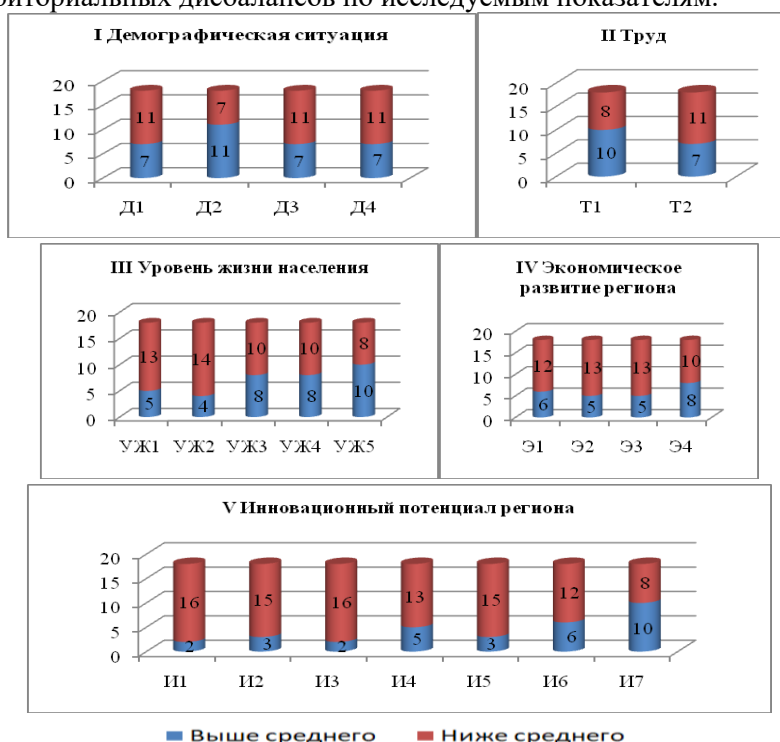
Таблица 1

Рейтинговая оценка уровня социально-экономического развития регионов ЦФО РФ в 2017 г.

Показатели/ Регионы	P1	P2	P3	P4	P5	P6	P7	P8	P9	P10	P11	P12	P13	P14	P15	P16	P17	P18
I Демографическая ситуация																		
Д1	16	9	7	11	6	15	14	8	12	17	5	10	4	3	2	1	12	18
Д2	14	13	4	15	11	12	1	7	8	12	6	3	16	9	2	10	5	18
Д3	17	5	3	14	6	11	9	8	12	16	7	13	2	15	1	4	10	18
Д4	13	6	5	16	4	12	2	7	8	18	1	11	14	9	3	15	10	17
Совокупный рейтинг по I группе	60	33	19	56	27	50	26	30	40	68	19	37	36	36	8	30	37	71
II Труд																		
T1	15	4	9	4	12	16	6	7	10	17	2	1	12	3	14	11	8	18
T2	14	8	5	10	6	13	4	11	14	17	2	11	3	8	7	14	1	18
Совокупный рейтинг по II группе	29	12	14	14	18	29	10	18	24	34	4	12	15	11	21	25	9	36
III Уровень жизни населения																		
УЖ1	16	9	1	15	5	13	4	10	14	17	3	6	7	8	2	12	11	18
УЖ2	13	4	7	10	1	16	3	8	11	17	5	12	6	1	9	15	14	18
УЖ3	11	4	13	3	8	15	7	2	6	17	10	9	5	15	12	14	16	18
УЖ4	12	7	4	17	2	8	6	18	14	11	1	13	9	17	5	10	3	16
УЖ5	16	10	8	10	2	12	4	13	14	18	5	14	7	9	17	5	3	1
Совокупный рейтинг по III группе	68	34	33	55	18	64	24	51	59	80	24	54	34	35	45	56	47	71

Показатели/ Регионы	P1	P2	P3	P4	P5	P6	P7	P8	P9	P10	P11	P12	P13	P14	P15	P16	P17	P18
IV Экономическое развитие региона																		
Э1	16	2	8	11	1	14	3	10	15	17	4	9	6	5	7	12	13	18
Э2	14	13	2	16	3	11	1	8	15	17	5	4	6	12	7	10	9	18
Э3	14	6	13	15	5	10	2	12	16	17	8	4	1	9	3	11	7	18
Э4	16	4	11	17	2	12	1	10	13	14	8	18	9	15	3	7	6	5
Совокупный рейтинг по IV группе	60	25	34	59	11	47	7	40	59	65	25	35	22	41	20	40	35	59
V Инновационный потенциал региона																		
И1	4	5	11	16	8	14	1	2	6	17	3	9	1	11	13	6	15	18
И2	11	5	13	15	16	12	1	14	3	17	3	9	1	6	10	8	7	18
И3	11	2	13	16	15	7	1	14	4	17	5	8	3	6	9	12	10	18
И4	15	11	9	13	12	16	1	1	1	17	6	7	10	1	7	1	14	18
И5	9	4	16	10	1	13	6	2	14	17	3	4	7	8	15	11	12	18
И6	17	4	10	14	2	10	1	3	18	9	2	15	5	13	4	12	7	16
И7	15	9	11	7	1	3	14	12	13	18	2	8	6	10	8	17	16	5
Совокупный рейтинг по V группе	82	40	83	91	55	75	25	48	59	112	28	60	41	55	66	67	81	111
Итоговый рейтинг	299	144	183	275	129	265	92	187	241	359	100	198	148	178	160	218	209	348

Важно подчеркнуть, что итоговый рейтинг региона-лидера превышает достигнутый уровень аналогичного индикатора субъекта-аутсайдера на 267 баллов или в 3,9 раз, что свидетельствует о наличии внушительных межтерриториальных дисбалансов по исследуемым показателям.

Р и с . 2. Распределение регионов ЦФО РФ относительно среднего уровня по исследуемым показателям

Значительный интерес при анализе дифференциации среди региональных социально-экономических систем представляет изучение распределения исходных данных субъектов ЦФО РФ по исследуемым факторам относительно полученных средних значений. Результаты расчетов представлены графически на рис. 2. Перед началом исследования полученных данных следует еще раз заострить внимание на том факте, что чем выше региональное значение большинства из анализируемых показателей, тем в более выгодном положении находится данный субъект федерации относительно других. Однако, для индикаторов Д2, Т2, УЖ4 и Э4 характерна обратная зависимость. Гистограммы, представленные на рис. 2 (см. выше), свидетельствуют о том, что лишь по 4 из 23 показателей значения большинства регионов превышали соответствующие средние величины. Но в их перечень попал фактор Д2, для которого такое положение не является выигрышной позицией. В то же время исходные данные по оставшимся трем показателям из числа исключений распределились таким образом, что преобладающим являлось количество субъектов федерации со значениями ниже среднего уровня. Для указанных индикаторов этот факт свидетельствует о благоприятном положении дел.

Таким образом, можно заключить, что предпочтительное распределение регионов характерно для 6 показателей: Т1, Т2, УЖ4, УЖ5, Э4, И7. Подчеркнем, что оба фактора по труду, относящихся ко II группе, находятся в их числе. Хуже всего сложилась ситуация для индикаторов, характеризующих инновационный потенциал региона. По двум показателям V группы количество субъектов федерации со значениями выше среднего уровня составляет всего 2 региона, а еще по двум – 3. Для 6 из 7 факторов свойственно неблагоприятное распределение, что лишь усугубляет проблему межтерриториальной дифференциации.

Для подтверждения существования значительных межрегиональных дисбалансов среди субъектов ЦФО РФ по анализируемым факторам также был осуществлен расчет соответствующих коэффициентов вариации в % с помощью программного обеспечения Microsoft Excel. Полученные значения представлены в табл. 2.

Таблица 2

Коэффициенты вариации, характерные для ЦФО РФ в 2017 г.
по исследуемым показателям

Показатель	Д1	Д2	Д3	Д4	Т1	Т2	УЖ1	УЖ2	УЖ3	УЖ4	УЖ5	Э1	Э2	Э3	Э4	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7
Коэффициент вариации, %	-44,57	4,70	2,27	445,51	4,85	26,57	31,48	38,11	3,71	16,93	9,60	59,21	26,98	46,46	13,96	218,26	220,99	251,04	158,66	125,77	42,84	57,57

Анализируя данные табл. 2, можно заключить, что для большинства рассматриваемых индикаторов характерна вариация, превышающая 33 %, что свидетельствует о наличии значительных межрегиональных дисбалансов. При этом самое большое ее значение – 445,51 % приходится на коэффициент миграционного прироста. Данный признак варьируется от -33 (Костромская область) до 111 (Московская область).

Весьма внушительное значение коэффициента вариации было получено на основе данных о выдаче охранных документов на изобретения – 251,04 %. Лидером среди субъектов ЦФО РФ выступил г. Москва, а регион-аутсайдер остался неизменным. Максимальное и минимальное значения составили 5927 шт. и 35 шт. соответственно. Коэффициент вариации в размере 220,99 % присущ такому фактору, как поступление патентных заявок на изобретения. Первое и последнее место осталось за теми же субъектами федерации, однако, в Смоленской области также было подано наименьшее количество заявок. Варьирование значений данного показателя составило от 44 шт. до 5547 шт. В Костромской области в 2017 г. было самое низкое число организаций, выполнявших исследования и разработки, среди регионов ЦФО РФ – 8 шт. Г. Москва лидировал по данному фактору с 748 такими организациями. Коэффициент вариации признака составил 218,26 %.

Отметим, что наиболее благоприятная ситуация относительно межрегиональной дифференциации свойственна для показателей по труду, относящихся ко II группе. Также положительно можно охарактеризовать положение дел для факторов III группы, отражающих уровень жизни населения. Коэффициент вариации превысил 33 %, достигнув 38,11 %, лишь по такому признаку, как среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций. Рассчитанные значения для остальных показателей группы находятся в пределах нормы. К сожалению, такое заключение нельзя сделать ни по одному из факторов, характеризующих инновационный потенциал региона. В V группе наименьшее значение коэффициента вариации составило 42,84 %. Соответствует оно такому показателю, как инновационная активность организаций. Максимальный коэффициент вариации в данной группе получен на основе данных о выдаче охранных документов на изобретения. Как было уже указано выше, он составил 251,04 %. Таким образом, можно говорить о наличии межрегиональных дисбалансов достаточно внушительного уровня по всем рассматриваемым показателям группы, отражающим инновационный потенциал территорий.

Необходимо подчеркнуть, что межтерриториальная дифференциация именно по данным индикаторам в последнее время достаточно часто фигурирует в качестве темы дискуссий и трудов ученых, экономистов, общественных деятелей и представителей власти. Так, отечественные исследователи Л.В. Васильева и В.В. Васильев в своей статье подчеркивают, что для текущей действительности «характерной особенностью состояния инновационной сферы является неравномерность протекания инновационных процессов в разрезе регионов» [5, с. 646]. А при условии, что высшее руководство осознает необходимость обеспечения эффективного функционирования национальной инновационной системы путем стимулирования инновационного развития на мезоуровне, закрепляя насущность данных мер в ряде нормативно-правовых актов, например, в Основах государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г. [1], актуальным представляется осуществление исследования, анализа и оценки межтерриториальных дисбалансов в разрезе инновационных показателей. Именно детальное изучение данного явления в динамике позволит разработать и принять наиболее эффективные решения на федеральном и региональном уровнях, оценить эффективность применяемых ранее мер. В связи с этим был осуществлен расчет коэффициентов вариации в

% для показателей блока, отражающего инновационный потенциал, за 2000–2017 гг. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Коэффициенты вариации, характерные для ЦФО РФ по инновационным показателям

Показатель/год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
И1	231,70	233,22	238,49	237,36	237,46	235,84	232,18	230,10	230,85	233,09	235,05	228,13	228,66	231,79	228,88	223,44	216,53	218,26
И2	237,82	246,48	237,79	250,37	239,90	254,67	227,63	257,52	271,75	280,28	295,68	264,90	261,40	278,63	263,63	314,55	264,48	220,99
И3	267,02	258,98	230,63	237,68	229,13	249,72	261,06	256,03	242,29	283,45	290,16	297,95	289,16	264,00	290,15	260,26	312,31	251,04
И4	191,56	207,32	214,85	295,00	223,26	218,80	215,40	191,24	203,86	255,76	243,48	207,12	196,01	190,03	204,33	209,98	172,65	158,63
И5	157,87	144,98	138,90	140,06	146,31	138,73	147,62	139,53	119,51	131,91	129,02	135,16	134,86	123,69	129,55	132,05	126,19	125,77
И6	49,27	36,79	40,65	40,75	43,50	45,88	34,99	30,48	27,96	28,29	25,43	31,97	28,58	30,38	34,97	38,48	39,21	42,84
И7	77,19	68,99	60,30	48,93	61,19	63,53	60,40	61,25	64,50	67,86	67,26	50,64	69,29	71,00	63,32	69,08	69,19	57,57

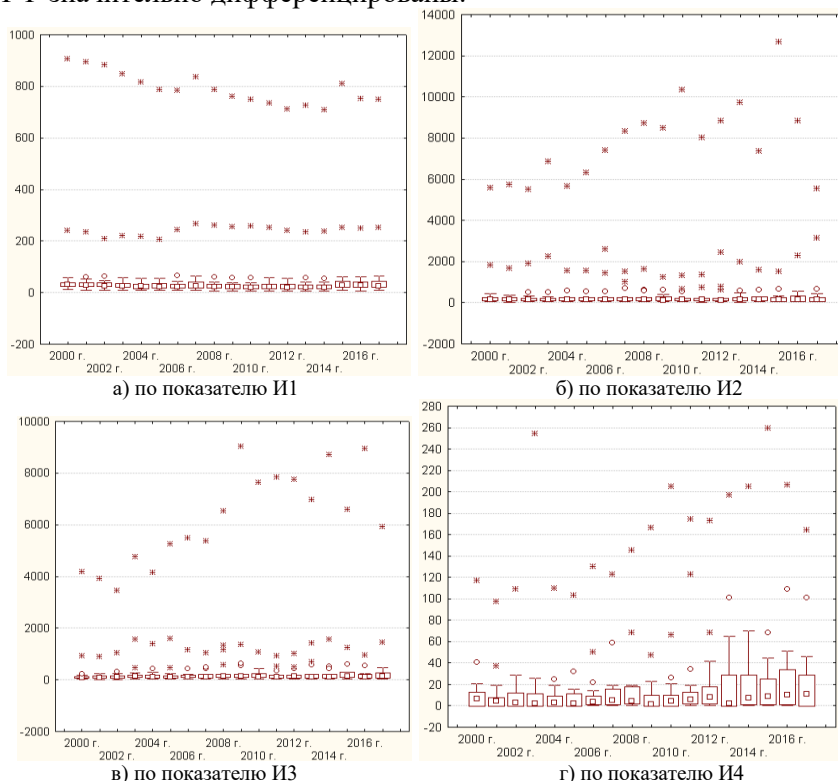
Исследуя данные табл. 3, необходимо заострить внимание на том, что практически всем из рассматриваемых индикаторов за анализируемый период присуща вариация, превышающая 33 %, что свидетельствует о наличии внушительной межрегиональной дифференциации. Лишь рассчитанные значения для показателя, отражающего инновационную активность организаций, в 2007–2013 гг. находятся в пределах нормы. Среди исследуемых факторов именно данному соответствуют минимальные коэффициенты вариации во всех анализируемых периодах. При этом наибольшая величина в размере 49,27 % приходится на 2000 год, а наименьшая – 25,43 % на 2010 г. Результаты расчетов на основе исходных данных по первым трем исследуемым показателям позволяют сделать самые неблагоприятные выводы. Полученные коэффициенты вариации превышают 200 % во всех рассматриваемых годах. При этом максимальное значение было получено на основе данных о поступлении патентных заявок на изобретения в 2015 г. и составило 314,55 %. Самое большое значение в последнем анализируемом периоде – 251,04 %, как уже упоминалось выше, приходится на выдачу охранных документов на изобретения. В свою очередь в 2016 г. варьирование данного признака оценивалось в 312,31 %. Таким образом, можно говорить о наличии межрегиональных дисбалансов весьма внушительного уровня по всем рассматриваемым показателям на протяжении

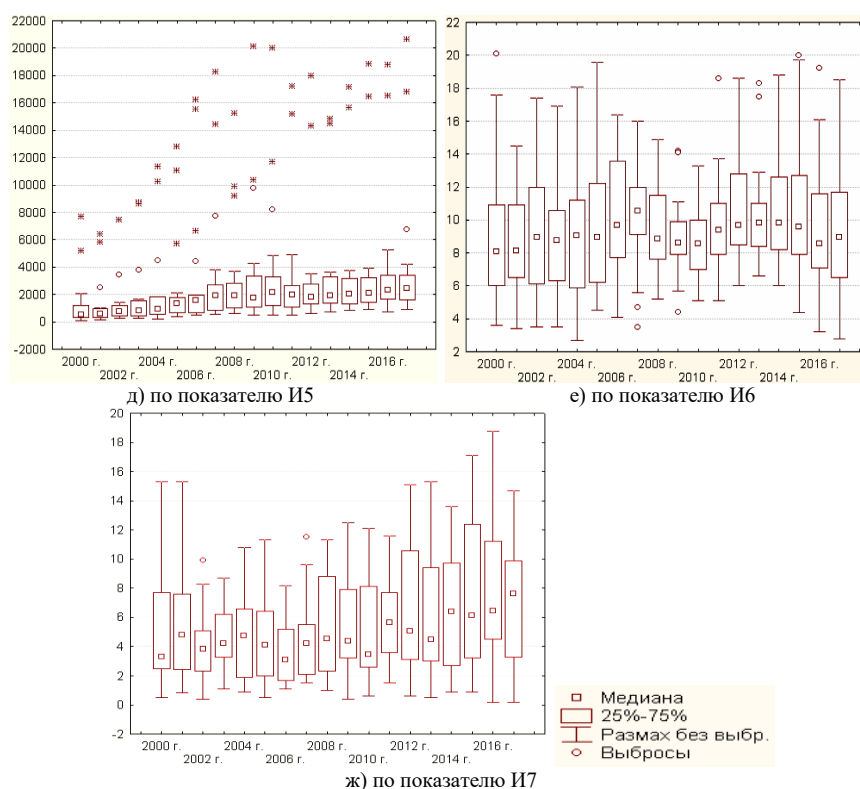
всех анализируемых периодов. К сожалению, не представляется возможным констатировать благоприятные тенденции снижения коэффициентов вариации, характерных для ЦФО РФ по исследуемым индикаторам, так как их величина в динамике не претерпевает существенного сокращения, по большинству показателей направление изменений достигнутых коэффициентов разнонаправлено менялось почти каждый год.

С целью исследования характера распределения значений показателей, входящих в V блок, за исследуемый период были построены диаграммы размаха в программном комплексе Statistica 10.1 (рис. 3).

Анализ показателей инновационного развития за 2000–2017 гг. показал, что наиболее существенные изменения медианы по регионам ЦФО РФ (более чем в 2 раза) характерны для индикаторов И4, И5 и И6. При этом практически для всех показателей в большинстве анализируемых периодов характерно смещение медианы на диаграммах размаха в нижнюю часть, что позволяет сделать вывод, что большая часть субъектов исследуемого федерального округа демонстрируют достигнутые значения ниже медианного. На диаграммах а-д рисунка 3 наблюдаются положительные выбросы и крайние точки в каждом временном интервале, которые демонстрируют наличие явных регионов-лидеров.

В свою очередь отрицательные выбросы были характерны только в 2007 г. и 2009 г. для фактора «Инновационная активность организаций». В то же время нельзя говорить об однородности величин размаха, включая интерквартильного, свойственных изучаемым показателям за 2000–2017 гг., что свидетельствует о том, что по рассматриваемым индикаторам регионы ЦФО РФ значительно дифференцированы.

Р и с . 3. Диаграммы размаха значений инновационных показателей регионов ЦФО РФ за 2000–2017 гг.

Итак, в процессе исследования было выявлено, что существуют внушительные диспропорции по большинству из анализируемых показателей социально-экономического развития регионов среди субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации. При этом недостаточная изученность и отсутствие всестороннего анализа данной проблемы в настоящее время приводит к тому, что эффективность принятых управленческих решений на федеральном и региональном уровнях снижается. Это происходит также из-за того, что зачастую факт наличия межтерриториальных дисбалансов полностью исключается при осуществлении выбора направлений действий, что, как следствие, препятствует обеспечению устойчивого социально-экономического развития регионов и страны в целом. По этой причине крайне важным представляется детальная разработка и принятие мер для обеспечения снижения уровня межрегиональной дифференциации.

Разработанные авторские положения вносят вклад в методологию диагностики пространственных дисбалансов и могут использоваться в образовательной и научно-исследовательской сферах в рамках изучения модернизационных процессов. Кроме того, представленная оценочная база может быть задействована территориальными органами власти для анализа, формирования и корректировки стратегических программ социально-экономического развития.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/ (дата обращения: 03.11.2020).
2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения: 17.10.2020).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 №207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 17.10.2020).
4. Бессонова Е.А., Келеш Ю.В. Методические подходы к оценке социально-экономической системы региона // Вопросы региональной экономики. 2018. № 2 (35). С. 18–24.
5. Васильева Л.В., Васильев В.В. Инновационное развитие регионов в условиях санкций // Россия: тенденции и перспективы развития. / Ежегодник. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием. / Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН. 2020. С. 646-649.
6. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т.10. №1. С. 58-75.
7. Джомо К.С., Попов В.В. Долгосрочные тенденции в распределении доходов // Журнал НЭА. 2016. №3 (31). С. 146-160
8. Москвина О.С., Маковец В.Н. Статистический анализ пространственной неравномерности инновационного развития российских регионов // Проблемы развития территории. 2019. Вып. 5 (103). С. 124-137.
9. Раздел «Национальные счета». Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://gks.ru/accounts> (дата обращения: 20.10.2020).
10. Статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.10.2020).
11. Стецко Н.И. Неравномерность экономического развития регионов в теориях пространственной организации экономических систем // Фундаментальные исследования. 2017. № 6. С. 185-189.
12. Федоряк В. С. Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития сквозь призму базовых теорий региональной экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. Т.19. Вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnye-disproportsii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-skvoz-prizmu-bazovyh-teoriy-regionalnoy-ekonomiki/viewer> (дата обращения: 15.10.2020).

Об авторах:

ФРАЙМОВИЧ Денис Юрьевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики инноваций и финансов, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (600005, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 79); e-mail: fdy78@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9702-9093, SPIN-код: 8083-9121.

ХОЛОДНАЯ Анна Константиновна – старший преподаватель кафедры экономики инноваций и финансов, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (600005, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 79); e-mail: anya_nikolina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8994-5232, SPIN-код: 1555-0388.

THE STUDY OF INTER-REGIONAL DIFFERENTIATION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT INDICATORS OF THE RUSSIAN FEDERATION'S TERRITORIES

D.Yu. Fraymovich¹, A.K. Kholodnaya²

^{1,2} FGBOU VO "Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs", Vladimir

The article examines one of the key problems, which has been relevant for a long period of time, that create barriers to ensuring sustainable socio-economic development of regions and the country as a whole, expressed in the presence of significant inter-territorial imbalances. In this regard, the purpose of the research is to study and to analyze interregional differentiation in the context of the most essential indicators of socio-economic development. Using comparison methods, statistical and logical analyzes, the article investigates a rating assessment of the Russian Central Federal District's subjects according to the selected indicators and reveals the presence of significant inter-territorial imbalances, including determining the corresponding coefficients of variation, and studying their level and characteristics. The presented tabular and graphic materials, as well as the conclusions can be useful in developing effective measures at the federal and regional levels to reduce the inter-territorial differentiation of socio-economic development.

Keywords: *region, differentiation, socio-economic development, indicator*

About the authors:

FRAJMOVICH Denis Jur'evich – doctor of Economics, associate Professor, Professor of Economics of Innovation and Finance Department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (79 Gorky Street, Vladimir, 600005, Russia); e-mail: fdu78@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9702-9093, SPIN-код: 8083-9121.

HOLODNAJA Anna Konstantinovna – senior lecturer of Economics of Innovation and Finance Department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (79 Gorky Street, Vladimir, 600005, Russia); e-mail: anya_nikolina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8994-5232, SPIN-код: 1555-0388.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 16.01.2017 № 13 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/ (data obrashhenija: 03.11.2020).
2. Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2017 № 208 «O Strategii jekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (data obrashhenija: 17.10.2020).
3. Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 13.02.2019 №207-r «Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (data obrashhenija: 17.10.2020).
4. Bessonova E.A., Kelesh Ju.V. Metodicheskie podhody k ocenke social'no-jekonomicheskoy sistemy regiona // Voprosy regional'noj jekonomiki. 2018. № 2 (35). S. 18–24.

5. Vasil'eva L.V., Vasil'ev V.V. Innovacionnoe razvitie regionov v usloviyah sankcij // Rossiya: tendencii i perspektivy razvitija. / Ezhegodnik. Materialy XIX Nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. / Otv. red. V.I. Gerasimov. M.: INION RAN. 2020. S. 646-649.
6. Gubanova E.S., Kleshh V.S. Metodologicheskie aspekty analiza urovnja neravnomernosti social'no-jekonomicheskogo razvitija regionov // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2017. T.10. №1. S. 58-75.
7. Dzhomo K.S., Popov V.V. Dolgosrochnye tendencii v raspredelenii dohodov // Zhurnal NJeA. 2016. №3 (31). S. 146-160
8. Moskvina O.S., Makoveev V.N. Statisticheskij analiz prostranstvennoj neravnomernosti innovacionnogo razvitija rossijskih regionov // Problemy razvitija territorii. 2019. Vyp. 5 (103). S. 124-137.
9. Razdel «Nacional'nye scheta». Oficial'nyj sayt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://gks.ru/accounts> (data obrashhenija: 20.10.2020).
10. Statisticheskie sborniki «Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli». URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13204> (data obrashhenija: 20.10.2020).
11. Stecko N.I. Neravnomernost' jekonomicheskogo razvitija regionov v teorijah prostranstvennoj organizacii jekonomicheskikh sistem // Fundamental'nye issledovaniya. 2017. № 6. S. 185-189.
12. Fedoljak V. S. Mezhregional'nye disproporcii social'no-jekonomicheskogo razvitija skvoz' prizmu bazovyh teorij regional'noj jekonomiki // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Jekonomika. Upravlenie. Pravo. 2019. T.19. Vyp. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnye-disproportsii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-skvoz-prizmu-bazovyh-teoriy-regionalnoy-ekonomiki/viewer> (data obrashhenija: 15.10.2020).

УДК 913

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.084–090

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОУКЛАДНОСТИ

Н.Ю. Сукманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Цель статьи – провести сравнительный анализ эффективности сельскохозяйственного производства в разных формах ведения хозяйства и продовольственной обеспеченности Тверской области (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.). Элементы новизны: разработан алгоритм обработки обширной информации по всем районам Тверской области. Основным методический приём систематизации – серия отраслевых и сводных матричных таблиц, оценочных карт.

Ключевые слова: *многоукладность сельского хозяйства, категории хозяйств, эффективность сельскохозяйственного производства, продовольственное обеспечение.*

Проведение в 1990-е гг. в России земельной реформы, повлекло за собой и изменение организационно-правовой структуры сельского хозяйства – получили развитие разные формы организации сельскохозяйственного производства, или уклады. Под многоукладностью сельского хозяйства региона (районов) понимается пространственное сочетание хозяйств разных категорий – сельскохозяйственных предприятий, фермерских хозяйств, личных подсобных хозяйств, предназначенных для продовольственного обеспечения населения, а также для сырьевого обеспечения обрабатывающих производств АПК. Многоукладность стала отличительной чертой современного сельскохозяйственного производства нашей страны. Это малоизученный вопрос региональной экономики и отечественной социально-экономической географии.

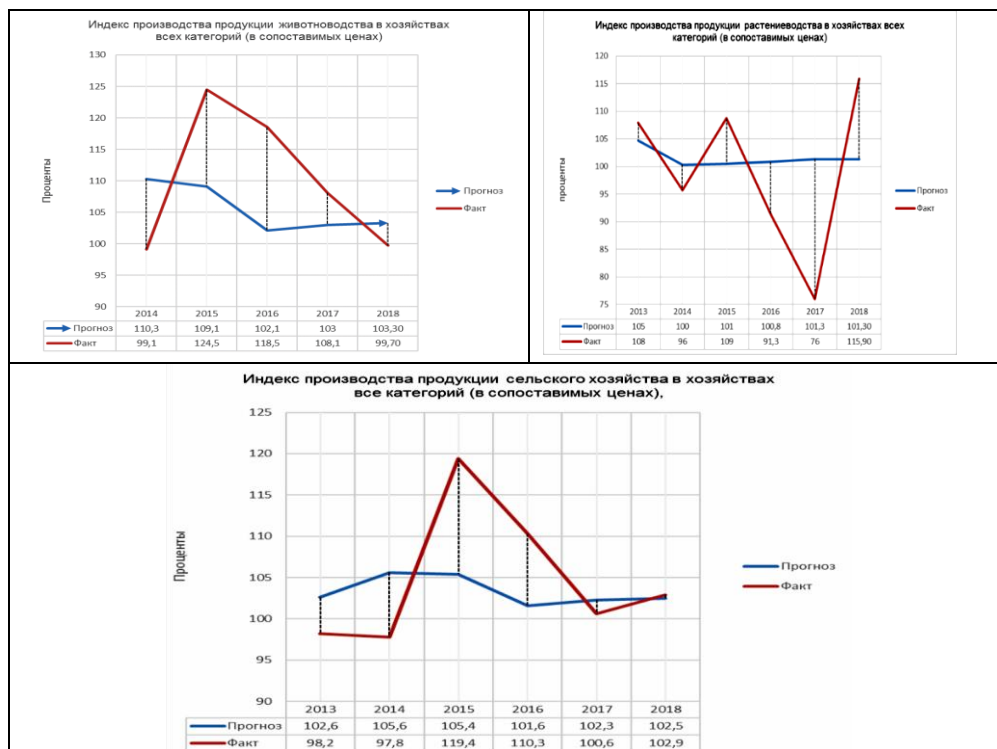
Начиная с 2008 г. приоритетный национальный проект «Развитие АПК» трансформировался в Государственную программу «развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»¹. Мероприятия этой программы были адаптированы к условиям членства России в ВТО. Срок действующей госпрограммы (2013–2020 гг.) был продлен до 2025 г., в нее включены федеральные проекты «Развитие экспорта продукции»; «Цифровизация сельского хозяйства»; и «Создание системы поддержки фермеров и сельскохозяйственной кооперации». С 2018 г. реализуется проектный этап Госпрограммы. Его цели – обеспечение продовольственной безопасности, повышение добавленной стоимости, обеспечение роста экспорта, инвестиций в основной капитал.

¹<http://government.ru/rugovclassifier/815/events/>.

В проведенном нами региональном анализе на примере Тверской области рассчитаны три целевых индикатора в хозяйствах всех категорий, по которым оценивается реализация Госпрограммы (в сопоставимых ценах, % по отношению к предыдущему году):

- 1) индекс производства продукции сельского хозяйства;
- 2) индекс производства продукции растениеводства;
- 3) индекс производства продукции животноводства.

Для оценки реализации Госпрограммы региона был выбран метод Гар-анализа для выявления несоответствия между текущим состоянием и прогнозным. Согласно Госпрограмме, в Тверской области на период с 2014 по 2018 гг. по 3-м целевым индикаторам ожидался стабильный рост производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (рис.1).

Р и с. 1. Индексы производства продукции сельского хозяйства Тверской области за 2014–2018 гг.

На территории Тверской области с разнообразными природно-климатическими ресурсами принято выделять 4 природно-хозяйственных района (рис. 2): Юго-Западный (5 муниципальных районов), Центральный (10 районов), Северо-Восточный (8 районов) и Северо-Западный (13 районов).

фермерских хозяйств и сельскохозяйственных предприятий, особенно это характерно для Северо-Западного района.

В течение анализируемого 30-летнего периода (с 1985 г.) уменьшение площадей сельскохозяйственных угодий сопровождалось значительным уменьшением объемов производства основных продуктов растениеводства, даже на фоне роста урожайности, например, картофеля (вырос только валовый сбор овощей), а в животноводстве стало больше скота в живом весе на убой при потере поголовья крупного рогатого скота в 2 раза. В настоящее время *льноводство* осуществляется только в шести районах, при этом 75 % льноволокна приходится на Вышневолоцкий, Калязинский и Старицкий районы (что составляет 6 % от уровня 1985–1990 гг.). Свиноводство сохраняет статус отрасли пригородной специализации, но усилилась значимость новых крупных агрохолдингов, расположенных в пригородах Твери и районных центрах: в Конаковском районе (Дмитрогорский), Ржевском (Ржевское подворье), Калининском (Заволжский), Бежецком (Коралл). На территории этих 4-х районов сосредоточено около 98 % всего поголовья свиней Тверской области (в Бежецком – около 50 %).

До начала 1990-х гг. организационными формами сельскохозяйственного производства являлись колхозы и совхозы – здесь производилось почти 99 % всей сельскохозяйственной продукции, на личные хозяйства приходилось менее 2 %. Структура производства на 2016 г. в Тверской области была представлена на 72 % продукцией животноводства на 28 % продукцией растениеводства. Основная часть продукции животноводства (80 %) приходится на сельскохозяйственные предприятия, в то время как 62 % продукции растениеводства – на ЛПХ и 30 % – на сельскохозяйственные предприятия [1].

В работе проведен *сравнительный анализ эффективности* сельскохозяйственного производства в разных категориях хозяйств. Оценка произведена по муниципальным районам области (36 бывших районов), сделаны обобщения по 4-м природно-хозяйственным районам. Анализ проводился на основе разработанного *алгоритма*, содержащего последовательные этапы оценки.

1. Сбор фактических показателей в разрезе районов и разработка на их основе исходных отраслевых матриц соответствия форм ведения сельского хозяйства и результатов его деятельности.

2. Проведение анализ данных исходных отраслевых матриц: определение максимальных показателей в разных формах ведения хозяйства.

3. Характеристика эффективности сельскохозяйственного производства в разных формах ведения хозяйства: достижение максимального показателя в районе в определенной форме хозяйства дает 1 балл; превышение среднеобластного показателя по всем формам хозяйства дает дополнительный балл.

4. На основе составления и анализа оценочных карт (отраслевых и общих) выявление муниципальных районов (и частей региона) с наиболее эффективной формой/формами ведения хозяйства.

Оценка эффективности сельскохозяйственного производства проводилась на основе следующих показателей: валовые сборы и урожайность сельскохозяйственных культур (зерновые и зернобобовые, картофель, овощи);

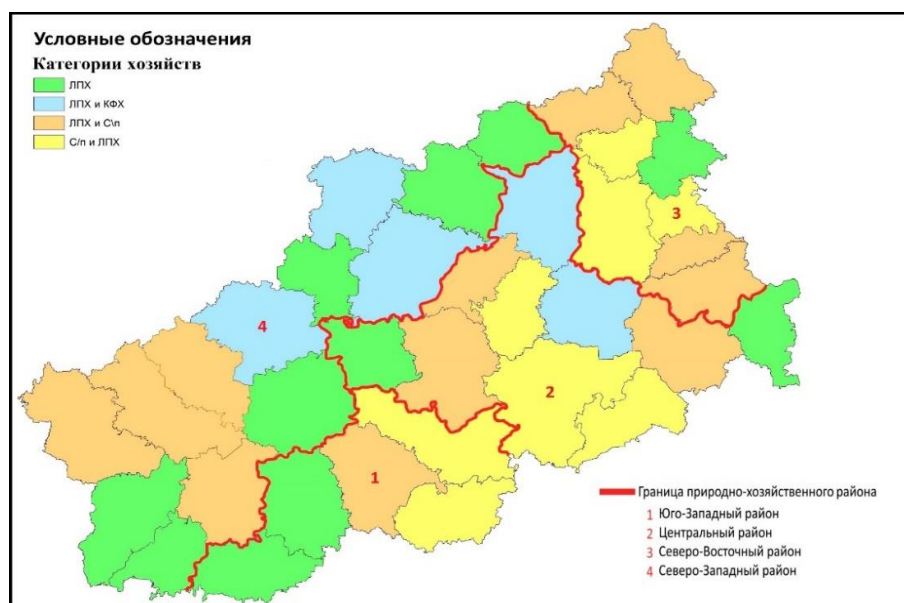
поголовье скота – КРС, птица; производство продуктов животноводства – скот и птица на убой, молоко, яйца. Балльная оценка позволила составить ряд оценочных картограмм и сводную (рис. 3) по уровню эффективности сельскохозяйственного производства в хозяйствах каждого (из 3-х) укладов.

По крупным предприятиям наблюдается наиболее высокая эффективность в разрезе следующих видов деятельности и производимой продукции: в Центральном районе – в животноводстве, Юго-Западном – по зерновым и картофелю (по урожайности) и Северо-Восточном – по производству овощей. Низкую эффективность имеют крупные предприятия в Северо-Западном районе.

По фермерским хозяйствам наиболее высокая эффективность достигнута в растениеводстве только в части производства зерна и картофеля (Северо-Восточный и Центральный районы), в животноводстве – по мясу и молоку (Северо-Западный и Центральный) и по производству яиц – Северо-Восточный район.

По личным подсобным хозяйствам во всех природно-хозяйственных районах Тверской области наблюдается примерно равная урожайность картофеля и овощей. В животноводстве наиболее высокую эффективность имеют ЛПХ в Северо-Восточном и Центральном районах.

В Юго-Западном и Северо-Восточном районах наибольшей эффективностью отличаются традиционные уклады – сельскохозяйственные предприятия и личные подсобных хозяйства. В Центральном и Северо-Западном районах фермерские хозяйства зачастую имеют более высокую конкурентоспособность, чем сельскохозяйственные предприятия.

Р и с. 3. Эффективные уклады сельскохозяйственного производства в природно-хозяйственных районах Тверской области

Проведение балльной оценки и сравнительного анализа хозяйств трёх укладов по рентабельности продукции растениеводства и животноводства позволили выявить следующие особенности.

Традиционно признанные основными Северо-Восточный и Юго-Западный природно-хозяйственные районы области имеют лучшие результаты в производстве основных продуктов в сельскохозяйственных предприятиях и ЛПХ.

В некоторых районах, принадлежащих к менее освоенным сельскохозяйственным районам – Северо-Западному и Центральному, конкурентоспособным стало фермерство, но только по зерну.

Наиболее конкурентоспособными для Тверской области являются ЛПХ и сельскохозяйственные предприятия в производстве картофеля, мяса и молока; в производстве овощей и яиц доминируют ЛПХ, зерна – сельскохозяйственные предприятия, в некоторых районах – фермеры.

Автором рассмотрен вопрос, гарантирует ли современная многоукладность сельского хозяйства Тверского региона продовольственную обеспеченность? Для этого им было рассчитано производство основных видов сельскохозяйственной продукции в районах на одного городского и одного сельского жителя. Объем производства основных продуктов питания в Тверской области оказался недостаточным для самообеспечения региона продовольствием. Выявлено, что производство основных продуктов питания обеспечивает в полной мере только сельских жителей, в то время как на одного тверского жителя и одного городского жителя региона обеспеченность достигнута только по картофелю и мясопродуктам. Картофелем в Тверской области обеспечен каждый житель и каждый район с превышением норматива более чем в 2 раза [3].

По мнению автора, анализ современной многоукладности сельского хозяйства показал, что сочетание разных категорий хозяйств в Тверском регионе не обеспечивает эффективного производства, а наоборот, а ведет к усугублению кризисной ситуации и к полутоварному производству.

Список литературы

1. Брызгалов М.С. Многоукладность современного сельского хозяйства Тверской области. /Выпускная работа бакалавра. науч. руководитель Н.Ю. Сукманова. Тверь, ТвГУ, 2019.
2. Всероссийская сельскохозяйственная перепись» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vshp2016.ru/>.
3. География Тверской области: Книга для учителя / Сост. и отв. ред. А.А. Ткаченко. Тверь, 1992. 289 с.
4. Рекомендуемые рациональные нормы потребления основных пищевых продуктов, отвечающие современным требованиям здорового питания» приказ Минздрава РФ от 19.08.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/08/25/minzdrav-obnovil-normy-potrebleniia-pishchevyh-produktov.html>.

Об авторе:

СУКМАНОВА Нина Юрьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования ТвГУ, e-mail: ninasukmanova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0844-4461, SPIN-код: 8978-3370.

THE FUNCTIONING CONDITIONS OF TVER REGION'S AGRICULTURE

N.U. Sukmanova

FGBOU VO “Tver State University”, Tver

The objective of the article is to show a comparative assessment of the efficiency of agricultural production in various forms of farming and food security of the Tver region (based on the All-Russian agricultural census 2016). The author has developed an algorithm for processing extensive information about all areas of the Tver region. The main method of systematization is a series of sectoral and summary matrix tables and valuation maps.

Keywords: *diversity of agriculture, categories of farms, efficiency of agricultural production, food supply.*

About the author:

SUKMANOVA Nina Jur'evna – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, TvSU, e-mail: [введите e-mail](#)

References

1. Bryzgalov M.S. Mnogoukladnost' sovremennogo sel'skogo hozjajstva Tverskoj oblasti. /Vypusknaja rabota bakalavra. Nauch. rukovoditel' N.Ju. Sukmanova. Tver', TvGU, 2019.
2. Vserossijskaja sel'skohozjajstvennaja perepis'» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.vshp2016.ru/>.
3. Geografija Tverskoj oblasti: Kniga dlja uchitelja / Sost. i otv. red. A.A. Tkachenko. Tver',1992. 289 s.
4. Rekomenduemye racional'nye normy potreblenija osnovnyh pishhevyh produktov, otvechajushhie sovremennym trebovanijam zdorovogo pitaniya» prikaz Minzdrava RF ot 19.08.2016 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2016/08/25/minzdrav-obnovil-normy-potrebleniia-pishchevyh-produktov.html>.

**АКТУАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 378.1

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.091–103

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

И.Н. Молчанов

МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Москва

ФГБОУ ВПО «Финансовый Университет при Правительстве РФ» г. Москва

Цель работы состоит в исследовании механизма регулирования развития высшего образования в современных экономических условиях. Проанализированы происходящие изменения в содержании образовательных программ и структуре подготовки обучающихся в бакалавриате и магистратуре. Выявлены новации в системе обучения в высших учебных заведениях в условиях перехода к цифровой экономике. Рассмотрены вопросы финансового обеспечения и специфики работы учреждений высшего образования как некоммерческих организаций. Установлена необходимость учета особенностей региональной экономики при формировании набора в региональные вузы. Выявлена ведущая роль “опорных” вузов в подготовке кадров высокой квалификации с учетом экономических специализаций регионов и особенностей пространственного развития России. Изучена сложившаяся практика финансирования университетов Великобритании, обеспечивающая привлечение средств в объемах, достаточных для их устойчивого функционирования. Сделан вывод о необходимости расширения подготовки специалистов для работы в STEM-областях. Обращено внимание на необходимость большей увязки и применения различных форм образовательной и научно-исследовательской деятельности в рамках региональных университетских систем. Элементами научной новизны являются предложенные меры, следование которым позволит улучшить подготовку профессиональных кадров посредством использования модели “6i” для управления научной деятельностью вузов в период перехода к НИО.2. В качестве рекомендации для дальнейших исследований можно также предложить изучение взаимосвязей между порядком финансирования и типами вузов в целях определения и последующего ранжирования совокупности факторов, влияющих на их финансовое обеспечение.

Ключевые слова: *человеческий потенциал, образовательная и научная деятельность, высшие учебные заведения, экономическая специализация региона, пространственные факторы.*

Актуальность темы исследования. Система российского образования функционирует в сложных экономических условиях, вызванных рядом объективных факторов, в числе которых – сохраняющиеся в течение нескольких лет санкции ряда западных стран в отношении России, влияние

цикличности развития мировой экономики и колебаний рыночной конъюнктуры на состояние внешней торговли и уровень цен ведущих экспортных товаров, особенности работы экономики в условиях предотвращения распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Предпринимаемые Правительством действия направлены на преодоление последствий названных и других неблагоприятных факторов для обеспечения выхода на важнейшие общенациональные цели – поддержание устойчивых темпов экономического роста и достижение запланированных объемов производства ВВП, обозначенные Президентом Российской Федерации [1]. В ряду реализуемых мер видное место принадлежит национальному проекту «Образование». Проблемы развития отрасли весьма разнообразны и обостряются в период трансформации механизмов государственного экономического и финансового регулирования. В условиях ограниченности финансовых ресурсов ключевая роль отводится именно финансовому регулированию, что и обуславливает актуальность выбранной для исследования темы.

Анализ современных проблем и тенденций. Развитие российского высшего образования в исторической ретроспективе имеет весьма знаковые особенности. Первая из них – проведение поэтапного закрытия неэффективных вузов в течение 2010-х гг. Вторая – последовательное укрупнение системообразующих вузов путем создания многопрофильных университетов, которым предоставляется государственная помощь, и придаются широкие возможности для качественного оказания образовательных услуг; наполнение новым содержанием стандартных функций университетов, появление новых для них видов деятельности. Третья – установление определенной иерархии среди вузов: придание особой роли Московскому и Санкт-Петербургскому государственным университетам; создание в федеральных округах федеральных университетов;¹ в статусе инновационных вузов выделены и подкреплены ресурсами научно-исследовательские университеты (в данном статусном положении 29 вузов), характерная черта которых – не только организация эффективного процесса обучения, но и его интеграция с проводимыми в вузах научными исследованиями; на базе отраслевых и политехнических высших учебных заведений организованы «опорные университеты». В целом, за период с 2013 по 2018 гг. произошло существенное изменение структуры выпуска высшими учебными заведениями по уровням квалификации. Частичное закрытие специалитета привело к снижению удельного веса обучающихся по уровню квалификации “специалист” во всем количестве обучающихся, что отрицательно сказалось на численности общего выпуска. Одновременно, существенно выросла подготовка бакалавров и магистров, что обусловлено реализацией соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов по направлениям подготовки в бакалавриате и магистерским программам в магистратуре. Изменение структуры выпускников российских вузов по уровням квалификации за период с 2013 по 2018 гг. представлено в табл. 1 (см. ниже).

¹ В 2020 г. их 10: Сибирский, Южный, Крымский, Казанский (Приволжский), Балтийский, Северный, Северо-Кавказский, Уральский, Северо-Восточный, Дальневосточный).

Т а б л и ц а 1

Динамика выпуска обучающихся вузами России по уровням квалификации,
человек /%

Уровень квалификации / годы выпуска	2013 г.	2015 г.	2018 г.
Бакалавры	120172 / 9,3	589754 / 45,3	660950 / 70,8
Специалисты	1114277 / 86,3	633316 / 48,7	101766 / 11,0
Магистры	56521 / 4,4	77401 / 6,0	170437 / 18,2
Всего	1290970 / 100	1226156 / 100	933153 / 100

Источник: составлено по [6]

Особое значение в настоящее время имеет подготовка специалистов высокой квалификации для работы в STEM-областях: Science, Technologies, Engineering and Mathematics (научные исследования, высокие технологии, инжиниринг и математика для цифровых технологий и искусственного интеллекта) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Динамика выпуска обучающихся по сегменту STEM вузами России по уровням
квалификации, человек /% в общей численности

Уровень квалификации / годы выпуска	2013	2015	2018
Бакалавры	16426 / 13,0	124822 / 21,0	144125 / 21,0
Специалисты	94168 / 8,0	63535 / 10,0	25068 / 24,0
Магистры	19802 / 35,0	26391 / 34,0	57841 / 33,0
Всего	130396 / 10,0	142708 / 11,0	227034 / 24,0

Источник: составлено по [6]

Вследствие высокой востребованности в специалистах высокой квалификации по сегменту STEM для работы в субъектах Российской Федерации, прогнозируется существенное увеличение расходов на высшее образование и НИОКР. В этой связи потребуется более масштабное подключение средств бюджетов и частных источников. Приходит понимание того, что “формирующиеся рынки высокотехнологичных продуктов и услуг функционируют в условиях, когда цифровые технологии, интеллектуальные компьютеры и роботы в первую очередь замещают работников средней и средневысокой квалификации, занятых рутинной когнитивной работой” [4, с. 1041].

Принимая во внимание масштабность территории страны, развитие региональных систем профессионального образования будет априори находиться под влиянием неравномерности пространственного развития. В научных работах обращается внимание на наличие ряда “важных эмпирических фактов, прямо или косвенно свидетельствующих о растущей неравномерности регионального развития” в разных странах мира, но при этом подчеркивается ярко выраженная связь происходящих изменений с научно-технологическим прогрессом и распространением ИКТ [4, с. 1032]. Неравномерность развития характерна в первую очередь для промышленного производства и проявляется в структурных сдвигах на рынке труда; усиливается разрыв между требованиями работодателей и навыками работников, что косвенно увязывается с распространением экономического неравенства.

Авторы зарубежных публикаций подтверждают возрастающую роль человеческого капитала как фактора экономического роста. Например, проведенное в Великобритании исследование показало неравномерное географическое распределение навыков населения по стране. Была выявлена

характерная особенность: для лиц с более высоким уровнем квалификации межрегиональные различия в уровнях занятости выражены в меньшей степени, чем для лиц с более низким уровнем квалификации [17]. Существует мнение о том, что переход к цифровой экономике будет сопровождаться определенным обострением проблем неравномерного регионального развития и пространственного неравенства [13].

В России на характер протекания социально-экономических процессов на субнациональном уровне оказывают влияние разнообразные факторы. Для формирования человеческого потенциала важно наличие современной образовательной инфраструктуры профессионального образования, позволяющей обеспечить подготовку кадров по востребованному для работы в отраслях региональной экономики перечню специальностей. Минэкономразвития разработан перечень перспективных экономических специализаций регионов. Он сформирован согласно “эффективным отраслям”, наличествующим в субъектах Российской Федерации и построен на максимальном учете специфических пространственных особенностей размещения производительных сил.

Подготовку специалистов для трудоустройства в отраслях региональной экономики целесообразно вести в “опорных” вузах, выстраивая соответственно программы обучения в бакалавриате и магистратуре с учетом актуальности сегмента STEM. Наличие в субъектах федерации ведущих вузов (научно-исследовательских университетов, федеральных университетов) воздействует на развитие региональных систем высшего образования по целому ряду факторов, совокупное влияние которых благотворно сказывается на активности научно-педагогического персонала и создании инновационно ориентированной академической среды, вовлечении студентов в научные изыскания. Выполненное рядом авторов исследование развития региональных систем высшего образования за 2010–2018 гг. позволило сформулировать следующий вывод (применительно к региональным вузам): “изменение условий деятельности в инфраструктурной и финансовой области не стало основным драйвером развития”, что указывает на “справедливость подхода, развитого в концепциях управления организацией, в рамках которого финансовые и экономические показатели следуют за динамикой драйверов развития, а не наоборот” [9, с. 1098].

В работе по подготовке кадров необходимо учитывать, с одной стороны, особенности современного пространственного развития России, которое характеризуется объективными общемировыми тенденциями влияния агломерационного строительства на ускорение процесса распространения инноваций, при одновременном усилении различий в доходах и уровне жизни населения близлежащих территорий. С другой стороны, следует акцентировать внимание на необходимости учета долгосрочных перспектив обустройства и функционирования сельских территорий, которые априори играют одну из ключевых ролей в возрастающем геополитическом влиянии России в мировом сообществе. Сельские территории как «особый объект государственного и муниципального управления» [8, с. 700] требуют постоянного внимания в связи с необходимостью поиска решений неотложных проблем на внутрирегиональном уровне. В современных экономических условиях вследствие ограниченности финансовых ресурсов приоритетное внимание уделяется поиску источников финансового обеспечения высшего образования.

Особенности финансирования отечественной системы образования. В системе государственного управления принятию мер по развитию отрасли «Образование» по праву принадлежит приоритетное внимание. Это обусловлено влиянием эффективности функционирования организаций общего и профессионального образования на динамику и структуру кадрового потенциала России, формирующегося под влиянием цифровой трансформации экономических и социальных процессов. Особое значение придается установлению степени соответствия контингента выпускаемых специалистов (по направлениям и профилям подготовки в бакалавриате и программам магистратуры) потребностям функционирующего рынка труда в отраслевом и региональном разрезе на средне- и долгосрочную временную перспективу. Отечественная система образования сформировалась в советский период и с начала 1990-х гг. находится в состоянии реформирования, в целях достижения сопоставимости с системами образования зарубежных стран в разрезе ступеней (уровней) образования и программ обучения.

Деятельность российской системы образования направлена на решение задач высокой общественной значимости и по своему значению имеет общегосударственный характер. Большинство образовательных учреждений в стране относятся к государственной или муниципальной формам собственности, а бюджетные средства являются основным источником финансирования их деятельности. Вместе с тем переход на рыночные отношения инициировал возникновение новых организационно-правовых форм учреждений образования: частных и автономных некоммерческих организаций. В 1990-х гг. началось привлечение внебюджетных (частных) источников к их содержанию и финансовой поддержке. Динамика финансирования образования за счет бюджетных средств (табл. 3) отражает рост государственных расходов из года в год не только в абсолютных, но и в относительных показателях. Так, в 2019 г. на финансирование образования было направлено около 4,5 % всех расходов федерального бюджета и около 25 % средств в составе консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации.

Таблица 3

Государственные расходы на образование по отдельным уровням бюджетной системы

Показатели / годы	2000	2005	2010	2017	2018	2019
Федеральный бюджет:						
млрд. руб.	38,1	162,1	442,8	615	722,6	826,5
в процентах от расходов федерального бюджета	3,7	4,6	4,4	3,7	4,3	4,5
Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации:						
млрд. руб.	176,6	628,6	1450,9	2690,1	3015,6	3356,3
в процентах от расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации	17,1	21,4	21,9	24,9	25,4	24,7

Источник: составлено по [11]

Если рассматривать динамику и структуру финансового обеспечения по ступеням образования (табл. 4), то в большей степени бюджетные средства распределяются на общее образование, затем на дошкольное и высшее образование, что в целом соответствует общемировой практике, поскольку в

высших учебных заведениях наблюдается характерная тенденция перехода от бюджетных источников финансирования к внебюджетным.

Таблица 4

Государственные расходы на образование по подразделам классификации расходов бюджетов (млрд. руб.)

Показатели / годы	2017	2018	2019
Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджеты государственных внебюджетных фондов			
Дошкольное образование	722,5	841,4	964,8
Общее образование	1329,5	1471,7	1643,3
Дополнительное образование детей	237,7	251	266,8
Среднее профессиональное образование	212	251,6	268
Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации	23,9	33	43,3
Высшее образование	511	554,2	585,2
Молодежная политика	68,5	72,8	81,2
Прикладные научные исследования в области образования	12,9	14,6	14,7
Другие вопросы в области образования	146,3	178,4	183,4

Источник: составлено по [11]

Наряду с бюджетными средствами у учреждений образования как некоммерческих организаций, существуют и другие законодательно разрешенные источники финансирования, например, при осуществлении деятельности, приносящей доходы [2]. Современная рыночная экономика расширяет возможности российских образовательных организаций в части привлечения средств на обеспечение своей деятельности. К ним можно отнести оказание платных услуг, добровольные пожертвования и целевые взносы юридических и физических лиц. Привлечение образовательным учреждением дополнительных средств не влечет за собой снижения нормативов и абсолютных размеров его финансирования из бюджетной системы.

В сложившихся экономических условиях финансовое обеспечение образования является острым вопросом, требующим незамедлительного решения. «Основным условием возобновления экономического роста в части социальной сферы и науки является отказ от политики ограничения бюджетных расходов. Увеличение расходов на образование и здравоохранение создает, помимо краткосрочных, и долгосрочные предпосылки экономического роста, связанные с поддержанием роста человеческого капитала» [10, с. 127]. По оценке ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в ближайшие годы необходимо увеличивать ежегодные вложения средств в сферы образования, здравоохранения и науки минимум на 5 %, что предполагает и соответствующий рост уровня оплаты труда в этих отраслях. Важнейшей предпосылкой создания устойчивых условий для функционирования вузов выступает интеграция их производственной, научной и образовательной деятельности. Рассмотрение данных аспектов возможно на опыте развитых стран.

Зарубежная практика организации образовательной деятельности. Сравнение порядка финансирования российских высших учебных заведений с некоторыми зарубежными странами свидетельствует о существенных различиях между ними. Так, в США университеты являются преимущественно исследовательскими, либо предпринимательскими, а для части из них

характерно сочетание обоих направлений деятельности. В финансировании университетов и колледжей с государственным участием приоритет принадлежит бюджетам штатов. В этой связи высока заинтересованность в частном инвестировании и спонсорских взносах, чем и объясняется востребованность эндаумент-фондов как инструмента, обеспечивающего существенный приток средств для финансового обеспечения расходов вузов.

В Великобритании специальным органом, находящимся в ведении правительства, осуществляется нормативное финансирование образования по статьям затрат. Данный порядок учитывает категории образовательных учреждений, их территориальное расположение, потребности в специалистах определенного профиля и ряд других факторов. Средства бюджетов составляют около 50 %–60 %, остальная часть приходится на внебюджетные средства: оказание платных услуг, эндаумент-фонды и др., т.е. максимально задействуются имеющиеся возможности для получения собственных доходов и изыскания дополнительных способов их привлечения.

Применяемый в правовом регулировании термин “Charity” (в пер. с англ. – «благотворительная организация») имеет широкое предназначение и охватывает весь спектр общественно-полезных организаций. Перечень целей, которые могут преследовать некоммерческие организации в Великобритании, ограничен соответствующим законодательным актом о благотворительности, которым устанавливаются такие благотворительные цели, как предотвращение или облегчение бремени нищеты, развитие образования, продвижение религии, укрепление здоровья или спасение жизней, содействие гражданству или общинному развитию и другие [14]. Почти все университеты и академии Великобритании являются особыми благотворительными организациями и относятся к крупнейшим некоммерческим организациям. Их государственная регистрация проводится не Комиссией по делам благотворительных организаций, а другими регуляторами [20]. Вследствие ряда факторов существуют определенные особенности финансирования крупнейших образовательных некоммерческих организаций в Великобритании.

Главным регулятором образовательных учреждений, зарегистрированных как благотворительные организации, в Англии является Office for Students (в пер. с англ. – «студенческий офис»). Эта организация занимается распределением грантов университетам, регистрацией образовательных учреждений и их непосредственной аттестацией. Каждый университет, зарегистрированный данным регулятором, получает определенную грантовую поддержку в зависимости от вклада университета в общественную деятельность, количества обучаемых студентов и разнообразия образовательных программ [18].

Например, на 2020–2021 учебный год Office for Students распределил 1,426 млн фунтов стерлингов, из которых 1,255 млн фунтов идет в виде грантовой поддержки, которая направляется на следующие цели [12]: во-первых, финансирование высокзатратных курсов (895 млн фунтов стерлингов) предоставляется для поддержки дополнительных расходов, связанных с преподаванием конкретных предметов; во-вторых, финансирование для обеспечения доступа студентов к образованию (316 млн фунтов стерлингов) предоставляется для поддержки мобильности студентов. Сюда входит и программа “Юни Коннект” (60 млн фунтов стерлингов); в-третьих, финансирование специализированных учреждений (43 млн фунтов

стерлингов) предоставляется для поддержки некоторых специализированных учреждений с ведущим мировым преподаванием.

Наряду с грантовой составляющей, университеты как благотворительные организации имеют право получать финансовую поддержку от специальных фондов, частных компаний. Помимо этого, университеты взимают плату за обучение студентов. Полученные из разных источников средства расходуются по целевому назначению, а также могут быть использованы на развитие образовательных организаций. Например, доходы Оксфордского университета поступают из следующих основных источников (ориентировочная структура) [16]:

1. Финансирование исследований со стороны благотворительных организаций, фондов, исследовательских советов, трастов и промышленных компаний. Консолидированные поступления по данному внешнему источнику доходов университета – 25 %. Следует отметить, что Оксфордский университет неизменно имеет самый высокий внешний доход по результатам проводимых исследований среди всех университетов Великобритании.

2. Плата за обучение (по различным уровням образования) составляет 16 %.

3. Правительственные гранты (средства поступают через Управление по делам студентов и научных исследований Англии) занимают примерно 8 %.

4. Прочие доходы относятся к деятельности, не связанной с преподаванием и научными исследованиями: образовательные публикации, коммерциализация филантропической поддержки научных исследований и инвестиционный доход от пожертвований Университета (51 %).

Из предоставленной информации следует, что высокий удельный вес в функционировании Оксфордского университета занимает финансирование со стороны других некоммерческих и коммерческих организаций. Основным источником дохода являются прочие доходы, которые прямо не связаны с образовательной деятельностью, но являются следствием высокой общественной роли данной некоммерческой организации и ее ключевого места на рынке образовательных услуг.

Помимо университетов в Великобритании существуют специализированные некоммерческие организации, главной целью которых является оказание такой формы финансовой поддержки, как стипендиальное обеспечение, которая распределяется между студентами в качестве стипендии. Существует несколько особенностей предоставления такой поддержки [15]. Первая – высокий конкурс на ее получение. Полное стипендиальное обеспечение (под ним понимается оплата полного курса обучения) предоставляется сравнительно редко, поскольку существует высокая конкуренция и ежегодно подается большое количество заявок. Вторая особенность – при обращении студента за получением стипендиальной поддержки ему необходимо предоставить доказательства того, что он воспользовался всеми другими возможными источниками финансовой помощи (либо предпринимал соответствующие усилия). Третья особенность – университет не имеет права тратить данные финансовые ресурсы (в связи с целевым характером их выделения) на развитие образовательной организации. Существующий порядок финансирования образовательной деятельности в Великобритании обеспечивает стабильный приток студентов и позволяет университетам (которые сами являются некоммерческими организациями) устойчиво функционировать в рыночных условиях, используя при этом инструменты экономического и финансового регулирования.

Обсуждение и выводы. Для получения общественного признания вузам нужна приемлемая с точки зрения ее простоты и содержательности система оценки результатов работы и достижений, “по которой можно было бы судить о социальном воздействии”, и которая была бы призвана “стимулировать осмысление учеными и общественностью отношений между научными кругами, журналами и обществом” [19, с. 557].

Развитию исследовательской деятельности университетов уделяется серьезное внимание в настоящее время. В испанском Университете Деусто (University of Deusto) разработана модель “6i” (Caro-Gonzalez, 2019). На ее основе авторы предлагают осуществлять “управление исследованиями с целью разработки и реализации интегративных институциональных стратегий путем объединения шести измерений”: “internationalisation” – “interdisciplinarity” – “intersectorality” – “impact” – “innovation” – “inclusion” (интернационализация, междисциплинарность, межсекторальность, воздействие, инновации и инклюзивность) [7, с. 227]. Данную модель ее разработчики рассматривают как комплексный стратегический проект, “с помощью которого университеты могут управлять своими приоритетами, деятельностью и ролью в местных, региональных и глобальных экосистемах” [7, с. 228]. Потребность в применении данной модели возрастает в связи с необходимостью расширения разных аспектов деятельности: как стратегического управления собственными (внутренними) исследованиями, так и внешнего (международного, междисциплинарного и межсекторального) сотрудничества между университетами, а также ценностных обоснований результативности их функционирования через воздействие, инновации и инклюзивность.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Высшее образование, осуществляющее подготовку специалистов для работы в цифровой среде, имеет ключевое значение для поддержания устойчивых темпов экономического роста. Его роль в условиях цифровизации и движения к нооэкономике, как неэкономического способа хозяйственной деятельности и удовлетворения ноопотребностей [5], многократно возрастает. Понимание особенностей формирующейся цифровой среды объективно необходимо при создании прогрессивной модели непрерывного образования, включающей не только подготовку, но и переподготовку профессиональных кадров в различных формах и постоянно возрастающих объемах.

2. Особенностью функционирования образовательных учреждений в России является их преимущественное финансирование за счет средств бюджетов всех уровней. В общей совокупности доходов меньшую долю занимают внебюджетные средства. Если в высших образовательных учреждениях доля внебюджетных средств составляет значительную часть (до 50 %), то в общеобразовательных и дошкольных учреждениях она сравнительно мала, что подтверждает актуальность поиска дополнительных источников средств и укрепления ресурсной базы в целом.

3. Разнообразие моделей финансового обеспечения образования можно проследить на примере зарубежных стран. В сфере высшего образования Великобритании некоммерческие организации преимущественно представлены университетами и благотворительными фондами. Последние оказывают образовательным организациям содействие и финансовую помощь. Финансовые ресурсы университеты получают из различных источников, таких как грантовая поддержка государства, других некоммерческих организаций, а

также средства, получаемые в качестве платы за обучение студентов. Подобная система позволяет университетам оставаться независимыми от государства и делать большой вклад в общественную жизнь посредством предоставления информации о преимуществах образования и образовательных достижениях обучающихся и выпускников.

4. Стратегическое видение перспектив функционирования территорий России (регионов и макрорегионов) в концептуальных документах рассматривается под влиянием процесса урбанизации и формирования центров экономического роста во взаимосвязи с тенденциями формирования Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). В комплексе вопросов первоочередного внимания требуют меры по оказанию всемерной поддержки науке и образованию. Именно в данных сферах деятельности заключены те «ведущие звенья», на основе которых становится возможным формирование социально ориентированной и инновационно развитой экономики субъектов Российской Федерации. Для решения задачи по обеспечению регионов квалифицированными кадрами необходимо стремиться к созданию равных условий для проживания в урбанизированных и сельских территориях, формирования высокого качества среды обитания и сохранения человеческого капитала.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>
2. "Бюджетный кодекс Российской Федерации" от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 22.12.2020) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 30.12.2020)
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Москва: Минэкономразвития, 2018. 114 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUfT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 18.12.2020).
4. Акаев А. А., Десятко Д. Н., Петряков А. А., Сарыгулов А. И. Региональное развитие и система образования в условиях цифровой трансформации // Экономика региона. 2020. Т. 16., вып. 4. С. 1031-1045. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-2>
5. Бодрунов С.Д. Ноономика /Монография/ - Москва: Изд-во «Культурная революция», 2018. – 432 с.
6. Индикаторы образования: 2020 : статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Д.Р. Бородина, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : НИУ ВШЭ, 2020. — 496 с.
7. Каро-Гонсалес А., Феррейра-Лопес Л. Университеты в переходный период: модель «бi» для стратегического управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 217–230. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.13
8. Лаженцев В.Н. Стратегия сельского развития северного региона / В.Н. Лаженцев, В.А. Иванов // Экономика региона. - 2020. - Т. 16, вып. 3. - С. 696-711. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-2>
9. Сандлер Д. Г., Судакова А. Е., Тарасьева Т. В. Драйверы развития региональных систем высшего образования // Экономика региона. 2020. Т.16, вып. 4. С. 1087-1103. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-6>
10. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. – М.: Научный консультант. – 2017. 196 с.
11. Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 20.12.2020)
12. Annual Funding // Office for Students URL: <https://www.officeforstudents.org.uk/advice-and-guidance/funding-for-providers/annual-funding/recurrent-funding/> (дата обращения: 18.12.2020).
13. Baker M. Digital Transformation. Scotts Valley, California, USA: CreateSpace Independent

- Publishing Platform, 2014. 226 p. 13. Baker, M. (2014). Digital Transformation. Scotts Valley, California, USA: CreateSpace Independent Publishing Platform, 226.
14. Charitable organization // English Wikipedia URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Charitable_organization (дата обращения: 18.12.2020).
 15. External sources of funding // University of Nottingham URL: <https://www.nottingham.ac.uk/studentservices/support/financialsupport/managingyourmoney/externalsourcesoffunding.aspx> (дата обращения: 18.12.2020).
 16. Finance and funding // University of Oxford URL: <https://www.ox.ac.uk/about/organisation/finance-and-funding> (дата обращения: 16.12.2020).
 17. Green A. E. Spatial Inequality and Skills in a Changing Economy. London: UK Commission for Employment and Skills. UKCES Briefing Paper Series, 2011. 70 p.
 18. Office for Students // English Wikipedia URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Office_for_Students (дата обращения: 16.12.2020).
 19. Quantifying the social impact of research and medical journals. Lancet, 2014, vol. 384, no. 9943, p. 557. Available at: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S0140673614613490>
 20. Why are universities, churches and private schools charities? // How Charities Work URL: <https://howcharitieswork.com/about-charities/what-is-a-charity/why-are-universities-churches-and-private-schools-charities>

Об авторе:

МОЛЧАНОВ Игорь Николаевич – профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики Экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор Департамента общественных финансов Финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, e-mail: INMolchanov@fa.ru, ORCID: 0000-0003-4252-2387, Spin-код: 7684-2012.

TRANSFORMATION OF STATE REGULATION MECHANISMS IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION

I. N. Molchanov

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow
FSOBU VPO "Financial University under the Government of the Russian
Federation", Moscow

The aim of the work is to study the mechanism for regulating the development of higher education in modern economic conditions. The author analyzes ongoing changes in the content of educational programs and the structure of training students in bachelor's and master's degrees. The research considers innovations in the education system in higher educational institutions in the context of the transition to the digital economy. The author highlights the issues of financial support and the specifics of the work of higher education institutions as non-profit organizations. The study emphasizes the need to take into account the peculiarities of the regional economy in the formation of enrollment in regional universities. The author reveals the leading role of "pivotal" universities in the training of highly qualified personnel, taking into account the economic specializations of the regions and the peculiarities of the spatial development of Russia. The research investigates the established practice of financing UK universities, which ensures the attraction of funds in amounts sufficient for their sustainable functioning. The author highlights the need to expand the training of specialists for work in STEM-areas and the

need for greater coordination and application of various forms of educational and research activities within the framework of regional university systems. Measures to be followed will improve the training of professional personnel through the use of the “6i” model for managing the scientific activities of universities during the transition to R&D.2 As a recommendation for further research, we can suggest studying the relationship between the order of funding and the types of universities in order to determine and then rank the set of factors that affect their financial support.

Keywords: *human potential, educational and research activities, higher education institutions, economic specialization of the region, spatial factors.*

About the author:

MOLCHANOV Igor' Nikolaevich – Professor, Doctor of Economics, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Professor, Department of Public Finance, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University), e-mail: INMolchanov@fa.ru

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 ijulja 2020 goda № 474 «O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>
2. "Bjudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 31.07.1998 N 145-FZ (red. ot 22.12.2020) [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (data obrashhenija: 30.12.2020)
3. Strategija prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Moskva: Minjekonomrazvitija, 2018. 114 s. [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUrt08o60RktoOXl22JJAe7irNxc.pdf> (data obrashhenija 18.12.2020).
4. Akaev A. A., Desjatko D. N., Petrjakov A. A., Sarygulov A. I. Regional'noe razvitie i sistema obrazovanija v uslovijah cifrovoj transformacii // Jekonomika regiona. 2020. T. 16., vyp. 4. S. 1031-1045. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-2>
5. Bodrunov S.D. Noonomika / Monografija / - Moskva: Izd-vo «Kul'turnaja revoljucija», 2018. – 432 s.
6. Indikatory obrazovanija: 2020 : statisticheskij sbornik / N.V. Bondarenko, D.R. Borodina, L.M. Gohberg i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M. : NIU VShJe, 2020. 496 s.
7. Karo-Gonsales A., Ferrejra-Lopes L. Universitety v perehodnyj period: model' «6i» dlja strategicheskogo upravlenija // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2020. T. 13. № 1. S. 217–230. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.13
8. Lazhencev V.N. Strategija sel'skogo razvitija severnogo regiona / V.N. Lazhencev, V.A. Ivanov // Jekonomika regiona. - 2020. - T. 16, vyp. 3. - S. 696-711. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-2>.
9. Sandler D. G., Sudakova A. E., Taras'eva T. V. Drajvery razvitija regional'nyh sistem vysshego obrazovanija // Jekonomika regiona. 2020. T.16, vyp. 4. S. 1087-1103. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-6>
10. Strukturno-investicionnaja politika v celjah obespechenija jekonomicheskogo rosta v Rossii: monografija / pod nauch. red. akad. V.V. Ivantera. – M.: Nauchnyj konsul'tant. – 2017. 196 s.
11. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (data obrashhenija: 20.12.2020)
12. Annual Funding // Office for Students URL: <https://www.officeforstudents.org.uk/advice-and-guidance/funding-for-providers/annual-funding/recurrent-funding/> (data obrashhenija: 18.12.2020).
13. Baker M. Digital Transformation. Scotts Valley, California, USA: CreateSpace

- Independent Publishing Platform, 2014. 226 p. 13. Baker, M. (2014). Digital Transformation. Scotts Valley, California, USA: CreateSpace Independent Publishing Platform, 226.
14. Charitable organization // English Wikipedia URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Charitable_organization (data obrashhenija: 18.12.2020).
 15. External sources of funding // University of Nottingham URL: <https://www.nottingham.ac.uk/studentservices/support/financialsupport/managingyourmoney/externalsourcesoffunding.aspx> (data obrashhenija: 18.12.2020).
 16. Finance and funding // University of Oxford URL: <https://www.ox.ac.uk/about/organisation/finance-and-funding> (data obrashhenija: 16.12.2020).
 17. Green A. E. Spatial Inequality and Skills in a Changing Economy. London: UK Commission for Employment and Skills. UKCES Briefing Paper Series, 2011. 70 p.
 18. Office for Students // English Wikipedia URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Office_for_Students (data obrashhenija: 16.12.2020).
 19. Quantifying the social impact of research and medical journals. Lancet, 2014, vol. 384, no. 9943, p. 557. Available at: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S0140673614613490>
 20. Why are universities, churches and private schools charities? // How Charities Work URL: <https://howcharitieswork.com/about-charities/what-is-a-charity/why-are-universities-churches-and-private-schools-charities>

УДК 377

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.104–112

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИГОДНОСТИ РАБОТНИКА

С.В. Чегринцова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Цель статьи – определение роли профессиональных стандартов при формировании профессиональной пригодности личности на этапе обучения в ходе реализации основных образовательных программ высшего образования (ФГОС ВО) по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент и 38.03.03 Управление персоналом и деловой оценки персонала в организациях. В современных рыночных условиях в системе образования РФ неизбежно происходят изменения. Важным требованием при проектировании образовательных программ остается сопряжение требований стандартов, которые активно используют работодатели при трудоустройстве, расстановке специалистов по конкретным рабочим местам и деловой оценке персонала, а также ФГОС ВО. Новизна заключается в определении степени соответствия между профессиональными стандартами и реализуемыми программами в ходе развития профессиональной пригодности субъекта, а также возможными инструментами деловой оценки персонала в дальнейшем. В ходе исследования выявлены взаимосвязи между качеством реализуемых образовательных программ с учетом профессиональных стандартов и оценкой уровня сформированности компетенций.

Ключевые слова: профессиональная пригодность, компетенции, профессиональные стандарты, федеральные государственные образовательные стандарты, деловая оценка, менеджмент, управление персоналом.

В современных рыночных условиях персонал становится одним из ключевых факторов, которые оказывают существенное влияние на конкурентоспособность любой организации. Работники являются ценным ресурсом, способным к саморазвитию и самосовершенствованию. Многие руководители считают, что успех компании зависит в первую очередь от умения использовать в производственном процессе для достижения организационной цели трудовой и личностный потенциал своих сотрудников. Поэтому работодатели с каждым годом уделяют все большее внимание процессам подбора и отбора работников, расширяя и усложняя требования к кандидатам на вакантные должности, затрачивая при этом немалые финансовые, временные и иные ресурсы. В связи с этим рынок труда начинает бросать новые вызовы системе образования в РФ. Высшая школа не является в этом случае исключением.

События последних лет свидетельствуют о необходимости учета требований, предъявляемых работодателями к выпускникам образовательных

учреждений. Именно представители организаций становятся ключевыми фигурами при разработке компетентностной модели выпускника, отражающей специфический набор сформированных компетенций, которые позволят в дальнейшем успешно выполнять конкретные трудовые обязанности в организации. Эта модель становится своего рода эталоном при определении профессиональной пригодности, которая в дальнейшем определяет судьбу любого работника.

С точки зрения психологии труда, по своему содержанию профессиональная пригодность представляет собой уникальное сочетание психических, физических и психофизиологических особенностей личности, необходимых для успешного выполнения профессиональной деятельности на заданном уровне эффективности. Выделяют ее следующие виды:

- годность, предполагающая полное отсутствие противопоказаний к определенному виду трудовой деятельности;
- непригодность, отражающая явное наличие отклонений в состоянии физического и психического здоровья;
- соответствие, при котором у личности отсутствуют противопоказания и имеются еще профессионально важные качества, которые положительно коррелируют с отдельными результативными параметрами труда (производительность, надежность, качество и др.);
- призвание, свидетельствующее о наличии явных признаков соответствия личности требованиям конкретной профессии.

Важно отметить, что процесс формирования профессиональной пригодности представляет собой ряд последовательных этапов:

- трудовое обучение и воспитание, предполагающее формирование и развитие общетрудовых навыков и готовности к труду у ребенка;
- профессиональная ориентация, нацеленная на оказание помощи человеку в выборе будущей профессии;
- профессиональная подготовка личности в образовательном учреждении;
- профессиональный отбор кандидатов на вакантные должности и адаптация работника к содержанию и требованиям конкретной деятельности в организации;
- профессиональная деятельность, в ходе которой в полной мере реализуется трудовой потенциал личности, удовлетворяются разнообразные потребности и т. п.;
- профессиональная аттестация, предусматривающая периодическое оценивание уровня квалификации работника в целях определения его соответствия занимаемой должности;
- профессиональная реабилитация, предполагающая восстановление функционального состояния человека вследствие напряженной работы, производственных травм и т. п.

На каждом этапе происходит формирование, углубление и расширение компетенций субъекта труда. И в идеальном варианте набор компетенций должен соответствовать требованиям занимаемой должности или той должности, на которую претендует кандидат. Базовые требования профессии (уровень квалификации, обобщенные трудовые функции, трудовые функции и т. п.) находят отражение в профессиональных стандартах, утвержденных

Министерством труда и социального развития РФ. Посмотрим, какую роль играют эти стандарты при формировании профессиональной пригодности на отдельных этапах.

На этапе профессиональной подготовки в вузе у обучающегося происходит формирование компетенций всех групп: универсальных, общепрофессиональных и профессиональных. Следует отметить, что перечень универсальных компетенций (УК) оказывается одинаковым по программам подготовки бакалавров определенного уровня, например, высшего образования. Эти компетенции отражают «Soft skills»: навыки командной работы, лидерские способности, коммуникативные навыки, межкультурное взаимодействие, критическое и системное мышление, самоорганизация и саморазвитие, инклюзивная компетентность и др. Формирование этих компетенций происходит на протяжении всего периода обучения в рамках нескольких дисциплин и других элементов учебного плана. Для каждой компетенции четко определяется перечень индикаторов достижения, которые позволяют оценить степень ее сформированности. Образовательная организация вправе выработать единый перечень индикаторов достижения универсальных компетенций для всех направлений подготовки бакалавриата (магистратуры, специалитета), что обеспечивает процесс оптимизации учебных планов и преподавания одинаковых дисциплин при формировании компетенций. Например, при формировании УК-1 в Тверском государственном университете предлагаются к изучению дисциплины: «Введение в методологию научного исследования», «Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности», а при формировании УК-6 предлагается дисциплина «Стратегии личностно-профессионального роста» и т. п.

Набор общепрофессиональных компетенций (ОПК) отражен в ФГОС ВО по каждому направлению. Направления подготовки 38.03.02 Менеджмент и 38.03.03 Управление персоналом входят в укрупненную группу специальностей и направлений (УГСН) «Экономика и управление». Исследование показало, что практически все общепрофессиональные компетенции ФГОС ВО указанных направлений имеют схожие формулировки, в том числе ОПК-1, ОПК-2, ОПК-5. Специфичны лишь две компетенции: ОПК-3 и ОПК-4 [1; 2].

Изучив ФГОС ВО по указанным направлениям, автор делает ряд выводов. Во-первых, по всем направлениям подготовки бакалавриата существенно сокращается количество общепрофессиональных компетенций. В итоге в учебном плане практически исчезает феномен формирования одной дисциплиной нескольких компетенций, остается, как правило, не более двух компетенции. Во-вторых, учебная дисциплина формирует либо общепрофессиональные компетенции, либо профессиональные. Это позволяет разработать более качественный фонд оценочных средств в рамках дисциплины (модуля) учебного плана и соблюдать преемственность в преподавании дисциплин при формировании компетенций определенной группы.

Перечень профессиональных компетенций (ПК) формируются вузом самостоятельно с учетом введенных в действие профессиональных стандартов (ПС) (п. 3.4 ФГОС ВО) и требований регионального, национального и

международного рынка труда. Данные обстоятельства предъявляют повышенные требования к образовательному процессу, что в свою очередь, приводит к необходимости сопряжения профессиональных стандартов и основных положений ФГОС ВО. Работа по сопряжению стандартов позволила выявить ряд несовершенств, которые подробно освещены в ряде научно-исследовательских трудов. В частности, выделяют проблемы при оценке результативности и эффективности подготовки, которые требуют создания эффективных фондов оценочных средств и внедрения в образовательный процесс современных методик преподавания [3, с. 129–134; 4, с. 4–11; 5, с. 112–119].

Так как профессиональные компетенции разрабатываются каждым вузом самостоятельно с учетом действующих профессиональных стандартов, реальных требований рынка труда и иных факторов, то появляется уникальная возможность каждой образовательной организации ориентироваться на конкретный регион и его реальные кадровые потребности. При этом в основе формулировок профессиональных компетенций могут лежать общетрудовые (ОТФ) и трудовые функции (ТФ), что позволит более эффективно осуществить процесс сопряжения. Но с другой стороны, не по каждому направлению подготовки утверждены и введены в действие профессиональные стандарты, позволяющие дать четкую формулировку профессиональной компетенции. Этот факт в дальнейшем может привести к ограничению мобильности студентов при переводе с одного направления подготовки на другое даже в пределах одной УГСН и образовательной организации.

Посмотрим, каким образом актуализированные образовательные стандарты по направлению «Менеджмент» и «Управление персоналом» сопряжены с профессиональными стандартами. В приложении к ФГОС ВО отражен данный перечень, который охватывает несколько областей профессиональной деятельности. Вуз наделен правом расширить этот перечень при необходимости [6]. Так, для направления 38.03.02 Менеджмент актуальными профессиональными стандартами, утвержденными Приказами Министерства труда и социальной защиты, становятся следующие (табл.1):

Т а б л и ц а 1

Профессиональные стандарты для направления «Менеджмент»

Код ПС	Наименование ПС	Дата, №№ приказов
07.002	Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией	15.06.2020 г. № 333н
07.004	Специалист по управлению документацией организации	10.05.2017 г. № 416н
07.005	Специалист административной, хозяйственной деятельности	2.02.2018 г. № 49н
07.007	Специалист по процессному управлению	17.04.2018 г. № 248н
08.002	Бухгалтер	21.02.2019г. № 103н
08.006	Специалист по внутреннему контролю (внутренний контролер)	22.04.2015 г. № 236н
08.018	Специалист по управлению рисками	30.08.2018 г. № 564н
08.023	Аудитор	19.10.2015 г. № 728н
08.025	Специалист в оценочной деятельности	26.11.2018 г. № 742н
08.036	Специалист по работе с инвестиционными проектами	16.04.2018 г. № 239н
08.037	Бизнес-аналитик	14.12.2018 г. № 807н

Код ПС	Наименование ПС	Дата, №№ приказов
28.002	Специалист по контроллингу машиностроительных организаций	7.09.2015 г. № 595н
31.012	Специалист по исследованию и анализу рынка автомобилестроения	13.10.2014 г. № 707н, с изменением от 12.12.2016 г. № 727н

Таким образом, имеется достаточно значительный перечень стандартов, который, с одной стороны, предоставляет образовательной организации возможность широкого выбора профиля подготовки. В Тверском государственном университете к таким профилям относятся следующие: например, «Управление в организации», «Маркетинг», «Логистика и управление цепями поставок» и т. п. С другой стороны, это затрудняет процесс формулирования профессиональных компетенций.

Для направления подготовки «Управление персоналом» предлагается два стандарта, что упрощает работу по формированию перечня необходимых компетенций (табл.2).

Т а б л и ц а 2
Профессиональные стандарты для направления «Управление персоналом»

Код ПС	Наименование ПС	Дата, №№ приказов
07.003	Специалист по управлению персоналом	6.10.2015 г. № 691н
33.012	Специалист по подбору персонала (рекрутер)»	9.10.2015 г. № 717н

Учитывая ОТФ перечисленных профессиональных стандартов можно предложить следующие индикаторы достижения компетенций (табл. 3), отразив процесс сопряжения стандартов с ФГОС ВО.

Т а б л и ц а 3
Сопряжение обобщенных трудовых функций и профессиональных компетенций по направлению подготовки «Управление персоналом»

ПС	ОТФ	ТФ	ПК	Индикаторы достижения ПК
Специалист по подбору персонала (рекрутер)	3.3. Формирование карты поиска кандидата в	3.3.1. Определение потребности в трудовых ресурсах и составление профиля должности	ПК-1 – Способен выполнять анализ рынка труда, поиск, привлечение, подбор и отбор персонала	ПК-1.1. Собирает, анализирует и структурирует информацию об особенностях организации работ на конкретных рабочих местах (или о профиле должности) и потребности в персонале ПК-1.2. Собирает, анализирует и структурирует информацию о рынке труда и соотносит ее с потребностями организации ПК-1.3. Идентифицирует источники поиска и привлечения кандидатов на вакантные рабочие места
		3.3.2. Анализ рынка труда		
Специалист по управлению персоналом	3.2. Деятельность по обеспечению персоналом	3.2.1. Сбор информации о потребностях организации в персонале		
		3.2.2. Поиск, привлечение, подбор и отбор персонала		

ПС	ОТФ	ТФ	ПК	Индикаторы достижения ПК
		3.2.3. Администрирование процессов и документооборота обеспечения персоналом		ПК-1.4. Разрабатывает (формирует) требования к вакантной должности (профессии, специальности) и определяет критерии подбора персонала ПК-1.5. Проводит собеседование с кандидатами и оценивает их соответствие требованиям вакантной должности ПК-1.6. Формирует базу данных по кандидатам на вакантные должности и оформляет соответствующие кадровые документы
	3.3. Деятельность по оценке и аттестации персонала	3.3.1. Организация и проведение оценки персонала 3.3.2. Организация и проведение аттестации персонала 3.3.3. Администрирование процессов и документооборота при проведении оценки и аттестации персонала	ПК-2 – способен организовывать и проводить деловую оценку персонала	ПК-2.1. Рассчитывает показатели производительности, интенсивности и эффективности труда на рабочих местах ПК-2.2. Разрабатывает программу проведения деловой оценки и аттестации персонала с учетом ресурсов, средств и методов ПК-2.3. Проводит оценку и аттестацию персонала в рамках разработанной программы ПК-2.4. Анализирует результаты аттестации персонала и готовит предложения о соответствии работника должности ПК-2.5. Оформляет соответствующие кадровые документы и ведет базы данных

Как мы видим, индикаторы достижения этих компетенций, по своей сути, являются трудовыми функциями, отраженными в соответствующих профессиональных стандартах. Данный факт позволяет судить об адресной подготовке специалистов по каждому направлению и профилю с учетом требований конкретного профессионального сообщества, а также внесению

существенного вклада в формирование и развитие профессиональной пригодности человека.

После освоения образовательной программы по выбранному направлению выпускник в процессе трудоустройства в конкретной организации подвергается процедурам профессионального подбора и отбора. Подбор представляет собой ряд взаимосвязанных мероприятий по привлечению потенциальных кандидатов в организацию из разных источников. Отбор персонала предполагает выделение лиц, которые по своим физиологическим и психологическим характеристикам, состоянию физического развития и здоровья, базовому образованию наиболее пригодны к профессиональному обучению и дальнейшей трудовой деятельности по конкретной специальности или профессии. В процессе отбора происходит оценка кандидатов, под которой понимается установление соответствия личностных и профессиональных характеристик человека требованиям должности, на которую он претендует. Как правило, основные требования к должности в современных крупных организациях формируются на основе профессиональных стандартов.

На следующем этапе развития профессиональной пригодности осуществляется активная профессиональная деятельность, способствующая формированию профессионализма как особого свойства, подразумевающего систематическое, эффективное и надежное выполнение профессиональной деятельности в разнообразных условиях. Именно на этом этапе происходит закрепление и углубление тех компетенций, которые были сформированы в процессе обучения в образовательной организации, а также формирование ПК, которые являются желательными для успешного осуществления трудовой деятельности. При недостаточном количестве или уровне сформированных компетенций возможно повышение квалификации работников. В этом случае выбор программы обучения будет тесно связан с трудовыми функциями, отраженными в профессиональных стандартах.

В период активной профессиональной деятельности в организации работник подвергается деловой оценке, по результатам которой принимаются рациональные и обоснованные управленческие решения о планировании деловой карьеры и развития, об оплате труда, формах и методах мотивации сотрудника и др. В практике управления персоналом применяется большое количество методов и методик деловой оценки, которые условно разделяются на несколько групп:

- количественные методы, предполагающие активное применение балльных систем и получение итогового числового результата. В их числе выделяют: ранговый метод, систему графического профиля, тестирование, метод сравнения и др.;
- качественные методы, к которым относятся интервьюирование, анкетирование, метод «360 градусов» и др.;
- комплексные методы, предполагающие сочетание количественных и качественных показателей, например, моделирование ситуации, кейс-стади, аттестация, ассесмент-центр и др.

Перечисленные методы оценки призваны выявить следующие показатели:

- качество работы, отражающее соответствие установленным нормам, наличие ошибок в процессе реализации трудовых функций, процент брака при выполнении задания и др.;
- объём работ, связанный с заданным темпом и ритмом выполняемых работ;
- дисциплину, предполагающую соблюдение или нарушение установленных норм внутреннего трудового распорядка дня и др.;
- лояльность к компании и структурному подразделению и т. п.

Как свидетельствует практика управления персоналом, чем точнее и подробнее описаны критерии оценки, тем легче и оперативнее происходит процесс деловой оценки работающих в организации, что в свою очередь, приводит к меньшим претензиям к линейному руководителю и снижению потенциальных конфликтов по вертикали. В дальнейшем, этот фактор становится ключевым при профессиональной адаптации работника в организации. В связи с этим, можно смело утверждать, что профессиональные стандарты становятся актуальным и эффективным инструментом при проведении процедуры деловой оценки персонала.

Таким образом, проведенная работа позволяет вывить определенную роль профессиональных стандартов в процессе формирования и развития профессиональной пригодности субъекта на этапе профессионального обучения, а также рассматривать их как один из инструментов профессионального подбора, отбора и деловой оценки работников в организациях.

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. №970. - Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380302B_3_31082020.pdf
2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. №955. - Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380303_B_3_31082020.pdf
3. Беденко Н.Н., Чегринцова С.В. Проблемы сопряжения профессиональных и образовательных стандартов высшего образования // Вестник ТвГУ, Серия «Экономика и управление». 2016. №4. С. 129–134.
4. Беденко Н.Н., Чегринцова С.В. Контрольно-оценочные функции в учебной деятельности в контексте требований профессиональных и образовательных стандартов // Вестник ТвГУ, Серия «Педагогика и психология». 2017. №1. С. 4–11.
5. Чегринцова С.В. Формирование компетенций: от школы до вуза, от вуза до профессиональных стандартов // Вестник ТвГУ, Серия «Экономика и управление». 2019. №1 (45). С. 112–119.
6. Реестр профессиональных стандартов. - Режим доступа: <http://fgosvo.ru/docs/101/69/2>

Об авторе:

ЧЕГРИНЦОВА Светлана Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры менеджмента, Тверской государственный университет, e-mail: svetlana.cht@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6396-3459, SPIN-код: 2925-5570.

PROFESSIONAL STANDARTS AS A TOOL FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL SUITABILITY OF AN EMPLOYEE

S.V. Chegrintsova

FGBOU VO "Tver State University", Tver

This article aims at defining the role of professional standards in the formation of professional competence of the individual at the stage of learning in the process of implementation of basic educational programs (BEP) of higher education such as: 38.03.02 - Management and 38.03.03 - personnel Management and business evaluation of personnel in organizations. In the modern conditions of the market economy, changes are inevitably taking place in the education system in the Russian Federation. An important requirement in the design of BEP remains the integration of the requirements of professional standards, which are actively used by employers, placement of specialists in specific jobs and business evaluation of personnel, as well as Federal State Educational Standards. The novelty lies in determining the degree of compliance between professional standards and implemented BEP in the course of forming the professional suitability of the subject, as well as possible tools for business activity.

Keywords: *professional aptitude, competencies, professional standards, federal state educational standards, business assessment, management, personnel management.*

About the author:

ChEGRINTsOVA Svetlana Vasil'evna – candidate of psychological Sciences, associate Professor, Department of management, Tver State University, e-mail: svetlana.cht@yandex.ru

References

1. On approval of the Federal state educational standard of higher education-Bachelor's degree in the field of training 38.03.02 Management: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 970 of August 12, 2020. - Access mode: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380302B_3_31082020.pdf
2. On approval of the Federal state educational standard of higher education-Bachelor's degree in the field of training 38.03.03 Personnel Management: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 955 of August 12, 2020. - Access mode: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380303_B_3_31082020.pdf
3. Bedenko N.N., Chegrintsova S.V. Problemy sopryazheniya professional'nyh i obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniya // Vestnik TvGU, Seriya «EHkonomika i upravlenie». 2016. №4. S. 129–134.
4. Bedenko N.N., Chegrincova S.V. Kontrol'no-ocenochnye funkicii v uchebnoj deyatel'nosti v kontekste trebovanij professional'nyh i obrazovatel'nyh standartov // Vestnik TvGU, Seriya «Pedagogika i psihologiya». 2017. №1. S. 4–11.
5. Chegrintsova S. V. Formation of competencies: from school to university, from university to professional standards // Vestnik TvGU, Seriya «EHkonomika i upravlenie». 2019. No. 1 (45). pp. 112-119.
6. Register of professional standards. - Mode of access: <http://fgosvo.ru/docs/101/69/2>

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

УДК 331.1

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.113–123

СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

С.М. Ефремова

ФГБОУ ВО «ОГУ имени Тургенева», г. Орел

Цель исследования – установить влияние социального компонента в системе воспроизводства и развития человеческого капитала. Для обеспечения оценки социального фактора проанализирован существующий методологический инструментарий и определен комплекс показателей, который позволит провести оценку степени влияния существующего социального пространства на развитие человеческого капитала и инновационную активность отдельной территории. Научная новизна – представлена методика и результаты анализа и оценки роли социального компонента как фактора обеспечения эффективного воспроизводства человеческого капитала и инновационного развития территории, выявлены проблемные зоны в системе его развития в современном экономическом пространстве.

Ключевые слова: *человеческий капитал, человеческий потенциал, социально-экономическое развитие, социальная политика, инновационное развитие*

Экономика знаний, которую многие исследователи позиционируют как высший этап развития инновационной экономики, выдвигает на первый план человеческий капитал, как основу эффективного социально-экономического развития современного общества. В этой связи, уровень финансирования социальной инфраструктуры, направления развития социальной сферы и результативность социальной политики формируют условия для развития человеческого капитала. Особенно это становится очевидным в цифровом формате развития национальной экономики, когда социальный компонент выступает одним из факторов привлечения ценных сотрудников, обеспечивает доступ к образовательным услугам и рост качества жизни населения. В совокупности все перечисленные детерминанты формируют социальное пространство воспроизводства человеческого капитала, компонентная составляющая которого варьируется в зависимости от целей и задач развития определенной экономической системы.

Влияние социальной сферы как основного фактора развития человеческого капитала выступило предметной областью исследования в работах А.Я. Маргулян, А.Ю. Булатецкой [3, с. 28]. Ученые отмечали, что именно социальная сфера активно влияет на формирование и развитие человеческого капитала за счет активизации интеллектуального ресурса, что позволяет увеличивать темпы роста экономики. К.М. Суншев и ряд других исследователей, ограничили рассмотрение социального компонента развития человеческого капитала рамками определенной организации, а в качестве

© Ефремова С.М., 2021

источника такого развития на первый план выдвигает инвестиции в кадровый состав [5].

Несмотря на формирование различных авторских позиций, определяющих влияние социальной сферы на воспроизводство человеческого капитала, остаются не изученными и требуют конкретизации условия и направления формирования эффективной социальной среды для воспроизводства человеческого капитала, с целью преодоления возможных внешних угроз. Кроме того, требует совершенствования методологическая база социального инвестирования в человеческий капитал в цифровом формате развития.

В отечественной, так и зарубежной практике оценка влияния социального компонента на человеческий капитал имеет локальный характер и построена на установлении пропорциональных соотношений между Индексом развития человеческого капитала и Индексом социально-экономического развития определенной территории. Обоснованием выбора обозначенных показателей выступает их прямая зависимость, основанная на том, что как в первый, так и второй индекс, включены основные показатели, характеризующие социальные условия воспроизводства человеческого капитала.

Существующая методика расчета Индекса развития человеческого потенциала (Human Development Index) основана на оценке статистических показателей характеризующие его ведущие компоненты «человеческого капитала».

В международной практике используются три индекса (формула 1) [1]:

- индекс ожидаемой продолжительности жизни (ИПЖ);
- индекс достигнутого уровня образования (ИО);
- индекса реального ВВП на душу населения (ВВП).

$$\text{ИЧР} = \frac{\text{ИПЖ} + \text{ИО} + \text{ВВП}}{3} \quad (1)$$

Принято считать, что индекс развития человеческого капитала соответствует трем критериям оценки:

- первый критерий – высокий уровень (соответственно высокий уровень продолжительности жизни, образования и реального ВВП на душу населения) - больше 0,8;
- второй критерий в средний уровень (соответственно средний уровень продолжительности жизни, образования и реального ВВП на душу населения) – больше от 0,5 до 0,8;
- третий критерий в низкий уровень (соответственно низкий уровень продолжительности жизни, образования и реального ВВП на душу населения) – меньше 0,5.

В силу того, что некоторые регионы по индексу развития человеческого капитала имеют пограничные значения и их нельзя отнести ни к среднему, ни к низкому уровню, введем область оценки «ниже среднего» и отнесем туда значения индекса приближенные к уровню от 0,4 до 0,5.

Введение области оценки «ниже среднего» позволит оценить будущий потенциал развития человеческого капитала конкретном регионе, а органам власти принимать соответствующие управленческие решения в области управления и развития трудовых ресурсов.

Существующая методика расчета индекса социально-экономического развития региона (ИСЭРР) построена на определении целевого компонента, значимости и ограниченности используемой системы показателей и их сопоставимости [2]. Для оценки влияния социального компонента, как фактора обеспечения эффективного воспроизводства человеческого капитала и инновационного развития территории, считаем целесообразным обозначить три группы интегрируемых индексов: индекса экономической, социальной и экологической устойчивости.

Выделение экономического компонента основано на том, что функционирование социума происходит в определенной экономической среде, которая имеет свою уникальную инфраструктуру, оказывающее прямое влияние на уровень развития определенной территории. Неоднородность экономического развития регионов России – это проблема, которая требует незамедлительного решения для обеспечения устойчивого функционирования всей национальной экономики.

С этой позиции, в оценку экономических индикаторов следует включить:

- объем инвестиций и инновации в экономику территории;
- затраты на научные исследования и разработки;
- доля предприятий, занимающихся инновационной деятельностью на территории.

Социальный компонент в системе расчета ИСЭРР выступает как определяющий индикатор развития региона рассматриваемой области исследования. Предлагаемый набор социальных индикаторов имеет рекомендательный характер и может быть изменен в зависимости от глубины и целей исследования.

К социальным индикаторам отнесем следующие показатели:

- долю занятых, имеющих высшее и высшее незаконченное профессиональное образование;
- долю лиц имеющих доход выше и ниже установленного прожиточного минимума;
- уровень товарооборота на душу населения;
- уровень безработицы на определенной территории.

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития определенной территории невозможно сегодня без учета экологического фактора. Экологический фактор оказывает прямое влияние на здоровье и уровень жизни населения и соответственно на качество социального пространства территории. Обеспечение высокого уровня экологической безопасности функционирования экономики определенной территории способствует росту экономического и социального потенциала, соответственно, взаимосвязь обозначенных трех компонентов оценки ИСЭРР более чем очевидна.

Экологические индикаторы также имеют свою специфику и с позиции установленных целей исследования определим следующие виды данной группы показателей:

- доля выбросов в воздушную и водную среду обитания;
- уровень заболеваемости в результате воздействия неблагоприятных экологических факторов;
- уровень инвестиций в инновации, влияющие на состояние окружающей среды определенной территории.

Предлагаемый набор экологических индикаторов также может быть изменен в зависимости от глубины и целей исследования.

Для целей обеспечения сопоставимости все используемые в расчете сводные индексы по каждой цели, нормируются на среднероссийское значение соответствующего показателя и отражаются в процентах. Интегральный индекс социально-экономического развития определим по формуле 2.

$$\text{ИСЭРР} = \sqrt[3]{\text{ИЭ} \times \text{ИС} \times \text{ИЭК}}, \quad (2)$$

где:

ИЭ – индекс экономической устойчивости;

ИС – индекс социальной устойчивости;

ИЭК – индекс экологической устойчивости.

Представленная методика включает четыре оценки устойчивости региона:

- первая область – высокая устойчивость (диапазон значений от 0,9 до 1);
- вторая область – устойчивое развитие или развитие близкое к устойчивому (диапазон значений от 0,5 до 0,75 и от 0,75 до 0,9);
- третья область – развитие с признаками неустойчивости или неустойчивое развитие (диапазон значений от 0,25 до 0,5 и от 0,1 до 0,25);
- четвертая область – абсолютно неустойчивое развитие (диапазон значений от 0 до 0,1).

Преимущества представленной методики заключается не только в возможности оценки влияния социального компонента, но и эффективности использования различных институтов, ресурсного потенциала и других составляющих формирующих условия воспроизводства человеческого капитала в социально-экономической среде.

Необходимость оценки уровня человеческого капитала на региональном уровне можно объяснить следующими причинами:

- определения социальных детерминантов, формирующих условия воспроизводства человеческого капитала региона в цифровом формате развития;
- необходимости оценки отдельных компонентов развития человеческого капитала региона, с целью формирования проблемного поля в области его социально-экономического развития;
- необходимости выявления предметной области инвестиционной активности региона с целью развития его социально-экономического потенциала.

Апробация рассмотренной методики была произведена на примере Центрального федерального округа.

В табл. 1 (см. ниже) представлена динамика индекса развития человеческого капитала по регионам входящим в состав центрального федерального округа.

Из табл. 1 видно, что лидирующие позиции по уровню развития человеческого капитала занимают г. Москва и Московская область. К регионам с самым низким уровнем индекса развития человеческого капитала следует отнести Владимирскую, Ивановскую, Брянскую, Орловскую области.

Т а б л и ц а 1

Изменение индекса развития человеческого капитала регионов ЦФО
за 2015-2019гг.*

№п/п	Регион	2015	2016	2017	2018	2019
1	Москва	0,813	0,854	0,878	0,902	0,929
	Центральный федеральный округ:	0,404	0,453	0,513	0,589	0,612
2	Белгородская область	0,196	0,204	0,369	0,407	0,556
3	Брянская область	0,150	0,197	0,209	0,252	0,289
4	Владимирская область	0,151	0,198	0,211	0,243	0,278
5	Воронежская область	0,388	0,397	0,422	0,453	0,501
6	Ивановская область	0,163	0,199	0,213	0,232	0,296
7	Калужская область	0,349	0,372	0,387	0,408	0,498
8	Костромская область	0,278	0,392	0,401	0,434	0,491
9	Курская область	0,381	0,399	0,411	0,438	0,462
10	Липецкая область	0,301	0,320	0,356	0,389	0,406
11	Московская область	0,489	0,546	0,642	0,722	0,799
12	Орловская область	0,243	0,262	0,292	0,302	0,321
13	Рязанская область	0,315	0,345	0,398	0,456	0,492
14	Смоленская область	0,322	0,352	0,383	0,412	0,432
15	Тамбовская область	0,272	0,290	0,310	0,364	0,392
16	Тверская область	0,245	0,279	0,302	0,342	0,364
17	Тульская область	0,296	0,337	0,379	0,397	0,411
18	Ярославская область	0,265	0,302	0,378	0,402	0,416

*Источник: рассчитано по [4]

Ранжирование регионов ЦФО по индексу развития человеческого капитала представлено в табл. 2

Т а б л и ц а 2

Ранжирование регионов ЦФО по индексу развития человеческого капитала

Диапазон значений	Область оценки	Регион
больше 0,8	высокий уровень	г. Москва, Московская область
от 0,5 до 0,8	средний уровень	Белгородская область, Воронежская область, Калужская область, Костромская область, Рязанская область
от 0,4 до 0,5	уровень ниже среднего	Курская область, Липецкая область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область
меньше 0,5	низкий уровень	Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Орловская область

Результаты проведенного ранжирования (табл. 2) показывают, что высокому уровню развития человеческого капитала соответствует только г. Москва и Московская область. Средний уровень развития человеческого потенциала демонстрирует Белгородская, Воронежская, Калужская, Костромская и Рязанская области.

Основными причинами низкого уровня индекса развития человеческого капитала в регионах являются:

- низкий уровень инвестиций в образование и науку;
- низкий уровень конкурентоспособности образовательной среды;
- проблемы в области социальной защиты населения;
- демографические проблемы;
- миграционные процессы;

- ухудшение здоровья населения;
- низкие темпы модернизации производства и другие проблемы, влияющие на устойчивое социально-экономическое развитие региона.

Проблемное поле регионального развития формируется под влиянием значительного количества факторов, среди которых определяющими являются: ресурсный потенциал региона, его географическое положение, статус, эффективность системы как регионального, так и федерального уровня управления.

Принято считать, что индекс развития человеческого капитала соответствует трем критериям оценки:

- первый критерий – высокий уровень (соответственно высокий уровень продолжительности жизни, образования и реального ВВП на душу населения) – больше 0,8;
- второй критерий - средний уровень (соответственно средний уровень продолжительности жизни, образования и реального ВВП на душу населения) – больше от 0,5 до 0,8;
- третий критерий – низкий уровень (соответственно низкий уровень продолжительности жизни, образования и реального ВВП на душу населения) – меньше 0,5.

В силу того, что некоторые регионы по индексу развития человеческого капитала имеют пограничные значения и их нельзя отнести ни к среднему, ни к низкому уровню, введем область оценки «ниже среднего» и отнесем туда значения индекса приближенные к уровню от 0,4 до 0,5.

Введение области оценки «ниже среднего» позволит оценить будущий потенциал развития человеческого капитала конкретном регионе, а органам власти принимать соответствующие управленческие решения в области управления и развития трудовых ресурсов.

Обеспечение заданного уровня развития человеческого капитала региона – это сложная и многоаспектная проблема. Для того, чтобы получить максимально точный результат необходимо обеспечить объективную оценку факторов, которые влияют на уровень развития человеческого капитала. Человеческий капитал выступает источником и условием социально-экономического развития региона. Как источник социально-экономического развития региона его следует рассматривать как сумму знаний, умений и компетенций трудоспособного населения, которые реализуются непосредственно на внутреннем рынке труда. С позиции условий социально-экономического развития региона необходимый уровень человеческого капитала выступает условием его стабильности.

Для того, чтобы объективно оценить влияние социального компонента как фактора обеспечения эффективного воспроизводства человеческого капитала и инновационного развития произведем расчет индекса социально-экономического развития региона по центральному федеральному округу (табл.3, см. ниже).

Из табл. 3 видно, что рост индекса социально-экономического развития опережает рост индекса человеческого капитала, что создает определенные предпосылки для развития последнего в регионах. Лидирующие позиции по данному показателю занимает г. Москва, ситуация по остальным регионам ЦФО в целом стабильна.

Таблица 3

Изменение индекса социально-экономического развития регионов ЦФО
за 2015–2019гг.

№п/п	Регион	2015	2016	2017	2018	2019
1	Москва	0,856	0,872	0,945	0,981	0,998
	Центральный федеральный округ:	0,489	0,502	0,549	0,612	0,687
2	Белгородская область	0,265	0,389	0,412	0,588	0,601
3	Брянская область	0,282	0,292	0,298	0,310	0,362
4	Владимирская область	0,287	0,299	0,302	0,308	0,311
5	Воронежская область	0,456	0,462	0,473	0,491	0,597
6	Ивановская область	0,289	0,299	0,299	0,301	0,311
7	Калужская область	0,400	0,411	0,420	0,495	0,514
8	Костромская область	0,302	0,452	0,477	0,498	0,511
9	Курская область	0,399	0,412	0,487	0,521	0,545
10	Липецкая область	0,320	0,362	0,399	0,420	0,487
11	Московская область	0,503	0,575	0,687	0,761	0,832
12	Орловская область	0,301	0,356	0,387	0,403	0,432
13	Рязанская область	0,301	0,375	0,471	0,492	0,521
14	Смоленская область	0,344	0,402	0,485	0,504	0,512
15	Тамбовская область	0,342	0,347	0,388	0,402	0,423
16	Тверская область	0,301	0,309	0,356	0,387	0,422
17	Тульская область	0,312	0,387	0,465	0,499	0,521
18	Ярославская область	0,354	0,388	0,456	0,512	0,596

Источник: рассчитано по [4]

Представленный подход оценки регионов центрального федерального округа сведён к трем группам обобщенных показателей (экономическому, социальному и экологическому) поэтому объективность и полнота такой оценки может вызывать некоторые сомнения. Соответственно, если научное исследование будет носить более развернутый характер, то систему показателей интегрального индекса социально-экономического развития можно дополнить, включив в него блок показателей в соответствии с целями и установками научного исследования. В любом случае, использование даже части массивов показателей социально-экономического развития региона, позволяет представить общий вектор развития региона в этом направлении.

Таблица 4

Ранжирование регионов ЦФО по уровню социально-экономического развития

Диапазон значений	Область оценки	Регион
от 0,9 до 1	Высокий уровень устойчивого развития	г. Москва
от 0,75 до 0,9	Устойчивое развитие	Московская область
от 0,5 до 0,75	Развитие близкое к устойчивому	Белгородская область, Воронежская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Рязанская область, Смоленская область, Тульская область, Ярославская область
от 0,25 до 0,5	Развитие с признаками неустойчивости	Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Липецкая область, Орловская область, Тамбовская область, Тверская область
от 0,1 до 0,25	Неустойчивое развитие	-
от 0 до 0,1	Абсолютно неустойчивое развитие	-

Самая многочисленная группа регионов центрального федерального округа (табл. 4, см. выше) находится в области оценки «Развитие близкое к устойчивому»: Белгородская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Рязанская, Смоленская, Тульская и Ярославская области.

В области оценки «Развитие с признаками неустойчивости» находятся такие регионы центрального федерального округа как Брянская, Владимирская, Ивановская, Липецкая, Орловская, Тамбовская и Тверская области.

Взаимосвязь устойчивого сбалансированного развития с качеством человеческого капитала можно увидеть на рис. 1. Автор указывает на непосредственную зависимость интегрального показателя устойчивого сбалансированного развития региона от качества человеческого капитала.

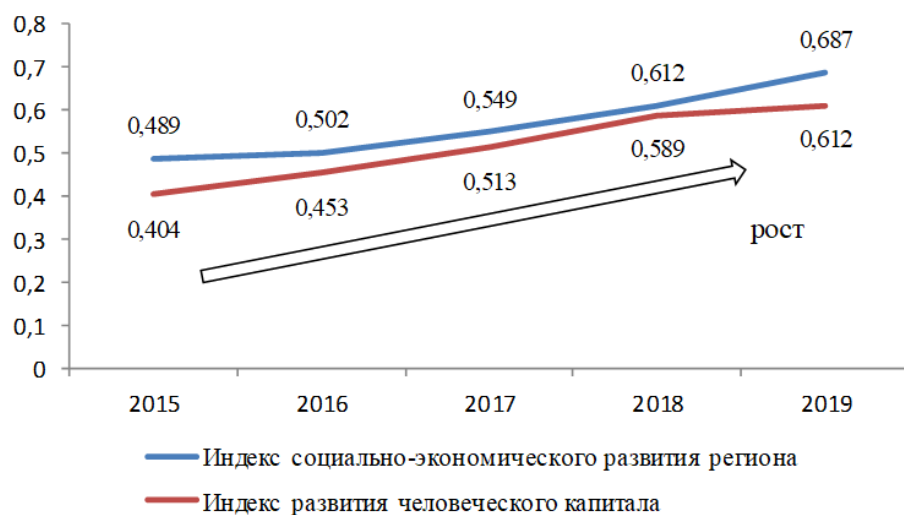

Рис. 1. Динамика значений индекса человеческого капитала и индекса социально-экономического развития в среднем по ЦФО за 2015-2019 гг.

На рис. 1 наглядно продемонстрирована взаимозависимость динамики роста индекса человеческого капитала и индекса социально-экономического развития региона.

Для более развернутого анализа оценим темпы роста обозначенных показателей в целом по ЦФО (табл.5).

Таблица 5

Темпы роста значений индекса человеческого капитала относительно индексу социально-экономического развития в среднем по ЦФО за 2015–2019гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Индекс человеческого капитала	0,404	0,453	0,513	0,589	0,612
Изменение, +/-	-	+0,049	+0,060	+0,076	+0,023
Индекс социально-экономического развития	0,489	0,502	0,549	0,612	0,679
Изменение, +/-	-	+0,013	+0,047	0,063	0,067
Темп роста, %	121	110	107	104	110

Возможные диспропорции в темпах роста рассчитанной системы показателей связаны, в первую очередь, с разной степенью отдачи от инвестиционного процесса в основные компоненты экономического и социального развития.

Представленный результат еще раз доказывает, что достижение определенных параметров развития социального пространства отдельного региона будет выступать генерирующим фактором развития и воспроизводства человеческого капитала и как следствие, инновационной активности региона, окажет положительное влияние на его экономических показателей деятельности.

В соответствии с инновационным сценарием развития России до 2030г., вторая половина 2021г. должна стать отправной точкой роста максимального эффекта от ускорения роста наукоемких и высокотехнологичных секторов экономики. Отмечается также прямое влияние человеческого капитала, как на экономический рост регионов, так и страны в целом. Определено, что новая инновационная экономика обеспечит [4, с. 52]:

- комплексную модернизацию системы образования и здравоохранения;
- рост сектора общественных услуг и качества их предоставления;
- рост общего количества высокопроизводительных рабочих мест;
- формирование совершенно иного качества человеческого капитала, обладающего высокими адаптационными качествами и способного развиваться в соответствии с требованиями современной цифровой экономики.

Период с 2026 по 2030 гг. рассматривается как качественно новый этап социально-экономического развития регионов и национальной экономики, который будет включать в себя следующие направления трансформации [3, с. 29]:

- комплексное формирование качественно новой инфраструктурной базы за счет завершения инвестиционного процесса в основной капитал и инфраструктурный сектор экономики;
- создание нового экспортного потенциала, опирающегося на инновационный продукт, востребованный на внутреннем и внешнем рынке;
- рост инвестиций в человеческий капитал (приоритетными направлениями будут выступать различные инновационные разработки в перспективных отраслях и сферах экономики);
- рост качества жизни за счет процессов модернизации научной и социальной сфер экономики, науки, культуры, здравоохранения, жилищного сектора.

Таким образом, современный этап развития экономики выдвигает на первый план роль человека в развитии всех ее отраслевых, инфраструктурных и институциональных компонентов. Социальному компоненту в этой связи отводится определяющая роль, как фактору обеспечения эффективного воспроизводства человеческого капитала и инновационного развития территории.

Список литературы

1. HUMAN DEVELOPMENT INDEX. United nations development programme.- [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi> (дата обращения 08.01.2021г.)

2. Индекс экономического «здоровья» регионов: краткая методология.- [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://raexpert.ru/researches/regions/rif_2019/ (дата обращения 09.01.2021 г.)
3. Маргулян А.Я., Булатецкая А.Ю. Влияние социальной сферы на воспроизводство человеческого капитала //Социология и право. №1(35). 2017. 28–35
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015–2019 гг.: Стат. сб. / Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210 /document/13204> (дата обращения 10.01.2021г.)
5. Суншев К.М. Социальные инвестиции как источник человеческого капитала: сравнительный анализ социальных инвестиций в США и России. Режим доступа: <http://izron.ru/articles/> (дата обращения 09.01.2021г.)

Об авторе:

ЕФРЕМОВА Светлана Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева (302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95), e-mail: efremova1111@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1263-4073, SPIN-код: 7266-9090

THE SOCIAL COMPONENT AS A FACTOR OF ENSURING EFFECTIVE REPRODUCTION OF HUMAN CAPITAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

C.M. Efremova

FGBOU VO “Oryol State University I.S. Turgenev”, Oryol

The aim of the study is to establish the influence of the social component in the system of reproduction and development of human capital. To ensure the assessment of the social factor, the author analyzes the existing methodological tools and a system of indicators that allows assessing the degree of influence of the existing social space on the development of human capital and innovation activity of a particular territory. Scientific novelty consists in the analysis and evaluation of the role of the social component as a factor in ensuring the effective reproduction of human capital and innovative development of the territory, identifying problem areas in the system of its development in the modern economic space. The results of the study can be used for the development and justification of regional socio-economic development programs.

Keywords: *labor market, human capital, digital economy, employment, education*

About the author:

EFREMOVA Svetlana Mikhailovna – Ph.D. in Economics, associate professor of the Department of Management and Public Administration, FSBEI HE Orel State University named after I.S. Turgeneva (302026, Orel, Komsomolskaya str., 95), e-mail: efremova1111@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1263-4073, SPIN-код: 7266-9090

References

1. HUMAN DEVELOPMENT INDEX. United nations development program.- [Electronic resource]. Access mode: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi> (accessed 08.01.2021)
2. Index of economic «health» of regions: a brief methodology.- [Electronic resource]. Mode of access: https://raexpert.ru/researches/regions/rif_2019/(accessed 09.01.2021 G.)
3. Margulyan A. Ya., Bulatetskaya A. Yu. The influence of the social sphere on the reproduction of human capital//Sociology and Law. №1(35). 2017. S. 28–35
4. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2015–2019:Stat. SB. / Rosstat. [Electronic resource]. Access mode: [https://rosstat.gov.ru/folder/210 /document / 13204](https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204) (accessed 10.01.2021)
5. Sunshev K.M. Social investments as a source of human capital: a comparative analysis of social investments in the United States and Russia. Mode of access: <http://izron.ru/articles/> (accessed 09.01.2021 G.)

УДК 330.59

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.124–132

АНАЛИЗ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

О.В. Орусова

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», г. Москва

Статья посвящена острой и актуальной проблеме экономического развития современной России – увеличивающейся бедности населения. Цель исследования – проанализировать степень социального неравенства и провести структурный анализ бедности. Автором рассмотрены основные подходы к измерению бедности статистическими органами, а также показан рост доли малоимущего населения, начиная с 2013 г. по сегодняшний день. Отмечается увеличение неравенства денежных доходов, рост бедности в сельских населенных пунктах, в семьях с детьми, показаны различия в уровне бедности по федеральным округам. Проанализировано влияние глобальной пандемии COVID-2019 на экономику и социальную структуру и появление нового понятия «работающий бедный». Сделан вывод о неотложной необходимости проведения политики преодоления бедности для решения текущих и будущих задач, стоящих перед нашей страной. Научная новизна проведенного исследования состоит в проведении комплексного анализа факторов и процессов, влияющих на увеличение бедности населения в современной России.

Ключевые слова: бедность населения, неравенство доходов, социальное неравенство, социальная политика

В настоящее время проблема бедности и социального неравенства является одной из основных на повестке дня. Глобальная пандемия привела к массовому закрытию производств, увольнению или сокращению рабочих, а следовательно, к снижению реальных денежных доходов населения. Во всем мире немалая доля населения оказалась за чертой бедности, не исключением стала и Россия. На официальном уровне о проблеме бедности населения в России стали говорить, начиная с 2007 г., когда Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая в Мюнхене, назвал «преодоление бедности» в числе основных направлений международной и национальной безопасности [4].

Однако, несмотря на заявленную проблему, наблюдается увеличение доли бедных людей в стране. И вот уже 21 ноября 2020 г. Президент России на саммите Группы двадцати (G20) говорит в своей речи о следующем: «несмотря на некоторые позитивные сигналы, все-таки главным риском

* Рекомендовано к публикации по результатам Международной научно-практической конференции «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты» (18 декабря 2020 г., Департамент экономической теории Финансового университета).

остается массовая долгосрочная, так называемая застойная массовая безработица с последующим ростом бедности и социальной неустроенности» [7].

Бедность – понятие многогранное, поэтому существует множество его толкований, подходов и классификаций.

Порогом (чертой) бедности считается законодательно определяемый минимальный уровень денежных доходов индивида или семьи за определенный период времени, необходимый для их физического выживания [6].

Статистическое управление ООН определяет черту бедности как минимальный уровень денежных доходов, обеспечивающий возможность приобретения необходимых потребительских товаров и услуг (продукты питания, одежда, жилье, коммунальные услуги, школьное образование и медицинские услуги).

Определение доли населения с доходами (или расходами) ниже заданной черты бедности помогает более ясно и целенаправленно разрабатывать политику в отношении уровня жизни населения. Использование черты бедности позволяет экспертам выявлять бедные слои населения, определять целевые ресурсы для решения задач по улучшению их уровня жизни и следить за достижением цели в соответствии с четким ориентиром.

Проблема бедности и ее преодоления изучалась в трудах экономистов и социологов, общим выводом стало признание закономерности существования бедности в обществе, различие состояло в признании или отрицании необходимости государственного вмешательства в решение проблемы бедности и масштабах такого вмешательства.

Можно выделить два периода этих исследований: XVIII – 1-я половина XX века – исследования А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса, Г. Спенсера, Ж. Прудона, К. Маркса, С. Раунтри и др. и современные исследования бедности в XX веке Ф. Хайека, П. Таунсенда, А. Сен и др. [12]. В целом, различные вопросы изучения доходов населения, их перераспределения и социальной защиты граждан нашли отражение в исследованиях как зарубежных, так и отечественных учёных. Французский экономист Томас Пикетти в своей книге «Капитал в XXI веке» детально рассматривает проблему экономического неравенства и социальной несправедливости [13]. Такие ученые, как Г. Шмоллер, К. Бюхер, Л. Брентано, разработавшие теорию благоденствия государства, оказали весомое влияние на процесс формирования социальной политики. В России проблемам бедности населения были посвящены работы Т.И. Заславской, Л.Н. Овчаровой, Н.М. Римашевской, Е.В. Фахрутдиновой и др.

Измерение уровня бедности возможно с применением разных подходов, учитывающих не только размер денежного дохода, но и потребительские расходы, осуществляемые с помощью полученных доходов, таким образом, отражая более комплексный подход. Росстат впервые в 2019 г. произвел расчет уровня бедности, используя многомерный подход. На основании данных выборочных обследований уровень бедности в России составлял примерно 24–25 %, т.е. доля бедного населения составила четверть населения страны.

Если при расчете уровня бедности использовать только уровень денежных доходов, то различается абсолютная и относительная бедность.

Во многих развитых странах используется относительный подход, согласно которому доля бедного населения определяется как часть населения, денежные доходы которой составляют примерно 2/3 или 60 % от медианного дохода.

Росстат рассчитывает уровень бедности, на основе абсолютного подхода, т.е. сравнивая доходы с величиной прожиточного минимума в соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» [2]. Прожиточный минимум представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности.

Для комплексного изучения проблем бедности Росстат внедряет в статистическую практику “относительный” подход, основанный на расчете индексов немонетарной бедности [5]. Согласно этим измерениям, мы получаем возможность узнать долю населения, не имеющих возможности обеспечить себе и членам своей семьи полноценное питание с потреблением свежих фруктов, овощей, мясных или рыбных продуктов, а также приобрести мебель, крупную бытовую технику и др. Таки образом, получается более наполненная социальная картина уровня бедности.

Немонетарная бедность включает в себя три индекса:

✓Индекс многомерной бедности, характеризующий положение населения по трем важнейшим критериям: здоровье, образование и уровень жизни. Индекс показывает возможности семей получать медицинские услуги, приобретать топливо или электроэнергию, чистую питьевую воду, иметь доступ к основным потребительским товарам и быть обеспеченными стандартным жильем. Это позволяет оценить бедность не просто с точки зрения денежных доходов, но и по направлениям их использования для жизнедеятельности индивидов.

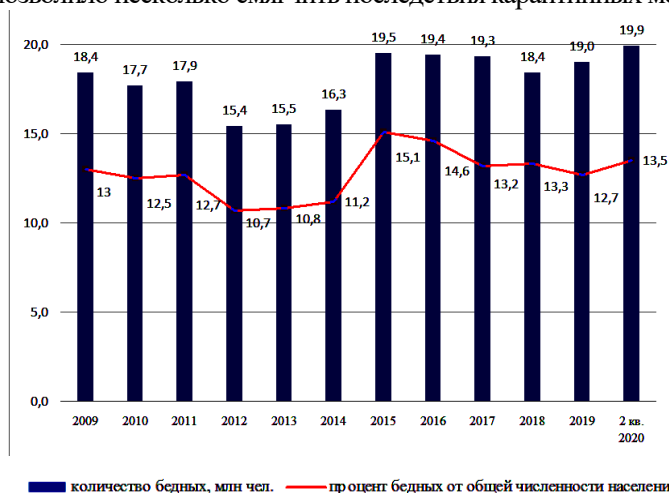
✓Индекс материальной депривации, выявляющий лишения (депривации), которые бедные семьи могут испытывать в сравнении со средним стандартом уровня жизни в стране.

✓Индекс социальной исключительности, показывающий возможности доступа семьи к социально необходимым услугам, а также финансовое положение семьи.

За последние 10 лет абсолютное количество бедных в стране увеличилось. Несмотря на значительное сокращение их численности к 2012 и 2013 гг. с 17,9 млн человек до 15,4 млн человек, после 2014 г. количество бедных резко возросло до более чем 19 млн человек (рис. 1). Число россиян с доходом ниже величины прожиточного минимума выросло во 2 квартале 2020 г. на 1,3 млн по отношению к аналогичному периоду 2019 г. и составило 19,9 млн человек (13,5 % населения страны), во 2 квартале 2019 г. число бедных россиян составляло 18,6 млн (12,7 % населения).

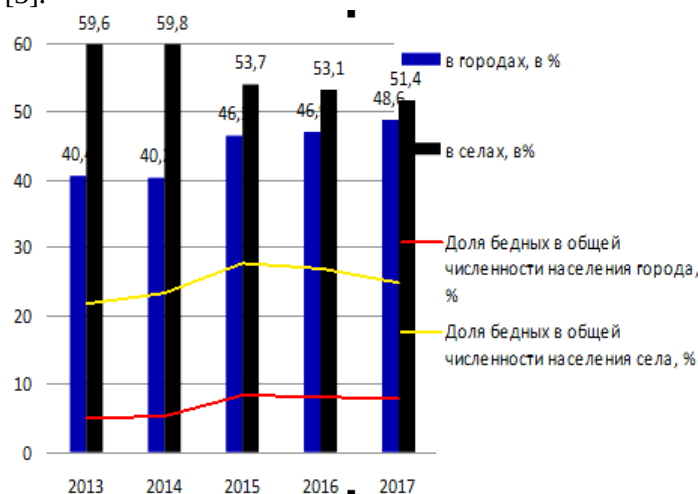
Рост количества бедных в 2019–2020 гг. во многом является следствием экономического кризиса, вызванного пандемией, в результате которого реальные доходы россиян значительно снизились. И это произошло даже несмотря на 359,4 млрд рублей, выделенных дополнительно

Правительством РФ как необходимые меры социальной поддержки населения в период пандемии. Эти денежные средства были направлены на поддержку семей с детьми, что позволило несколько смягчить последствия карантинных мер.

Р и с . 1. Количество бедных в млн человек и в процентах к общей численности населения [9]

Бедность может иметь абсолютный и относительный уровень. В соответствии с абсолютным подходом люди относятся к категории бедного населения, если у них не хватает доходов на минимальный национальный стандарт потребления. Ловушка бедности заключается в том, что недостаточный уровень доходов влечет за собой и низкий уровень здоровья, образования, питания, и социальную незащищенность, беспомощность, и недостаток социальных связей, и низкую самооценку. Все это складывается в пагубную социальную среду с высоким уровнем криминальности и агрессии внутри. Подобное поведение связано с тем, что МРОТ едва ли хватает для проживания одного индивида, но нередко такой индивид имеет иждивенцев (старика, дети). Поэтому бедные находятся на грани маргинального выживания [3].

Р и с . 2. Распределение малоимущих домашних хозяйств по месту проживания, в процентах [10]

По данным Росстата доля малоимущих в городах с 2013 г. выросло с 40,4 % до 48,6 % домохозяйств (среди 74 % опрошенных домохозяйств), а среди 24 % опрошенных домохозяйств в сельской местности доля малоимущих сократилась с 59,6 % в 2013 г. до 51,4 % в 2017 г. (рис. 2, см. выше).

Причиной увеличения малоимущих в городах является экономический кризис 2014 г., причиной сокращения количества бедных на селе может быть продолжающийся отток населения в город, но указать однозначную причину сокращения в сельской местности нельзя ввиду малого количества опрошенных (24%). Показательны, на наш взгляд, доли бедных домохозяйств в городе (за весь период менее 10%) и в сельской местности – более 20% от общего числа населения.

По составу семьи малоимущих домохозяйств с 2013 г. сократилась доля домохозяйств, состоящих из одного или двух человек, и выросла доля семей, состоящих из трёх и более лиц (рис. 3). Если проанализировать распределение малоимущих семей с детьми, то доля бедных с тремя и более детьми в 2015 г. составила наивысшее число – 54,8 % и сохраняется на уровне выше 50 % и на текущее время.

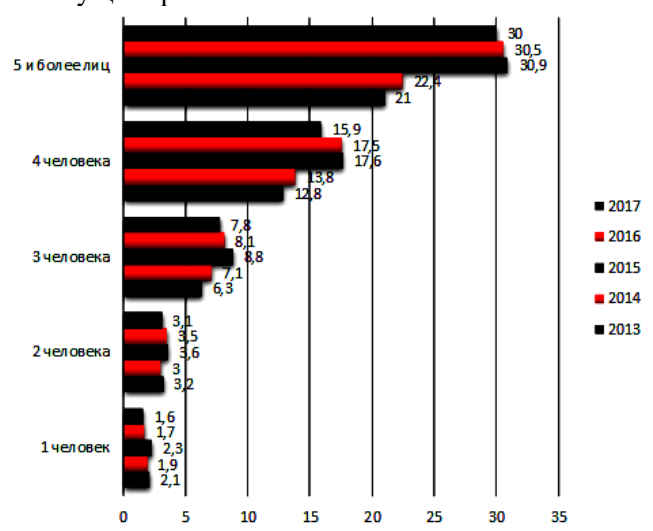
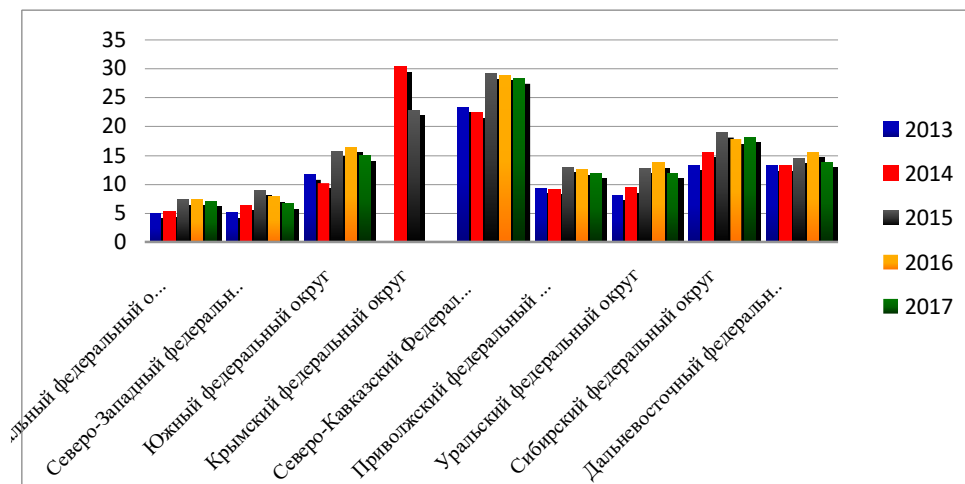

Рис. 3. Распределение малоимущих домашних хозяйств по составу семьи, % [10]

Эти данные отражают ухудшающееся экономическое положение многодетных семей и вытекающее из этого усугубляющееся демографическое положение страны. Наличие всего двух детей в семье вызывает экономические трудности, хотя и дает минимальный для возобновления численности населения прирост. Растет и доля бедных среди семей с маленькими до 3 лет детьми, в 2013 г. – 23,5 %, в 2018 г. – 32 % [10].

В России количество бедных различается по округам и регионам (рис. 4, см. ниже).

Очень высокая доля бедного населения в Северо-Кавказском и Крымском федеральных округах. По данным за 2019 г. меньше всего их в ЯНАО – 6,5 % жителей округа, больше всего в Ингушетии – каждый третий житель. В обеих столицах уровень сопоставим: к бедным относятся 8,3 % москвичей и 7,5 % жителей Санкт-Петербурга.

Р и с . 4. Динамика доли бедных по федеральным округам, %

Эксперты РИА «Рейтинг» в 2018 г. проанализировали бедность по регионам России. В основу анализа был положен принцип оставшихся у населения в конце месяца после всех потребительских расходов свободных денежных средств.

Самая высокая доля бедных в 2018 г. была выявлена в Алтайском крае, Дагестане, Ивановской области, Псковской области, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карачаево-Черкессии, Смоленской области.

Экономический локаут аз-за пандемии нанес удар по представителям среднего класса, 6,1 % из них стали бедными. В 2019 г. уровень бедности составил 12,3 %, в первом полугодии 2020 г. составил 13,2 % населения [8].

Во многом уровень бедности вырос за счет увеличения количества безработных. В сентябре 2020 года по данным Росстата безработными были признаны 4,8 млн человек или 6,3 % рабочей силы в России, в декабре 2019 г. уровень безработицы составлял 4,6 %, т. е. рост составил 1,7 %. Официально зарегистрированные безработные в сентябре 2020 г. составили 3,7 млн человек, (в 5,5 раз больше, чем в сентябре 2019 г.). По прогнозу Правительства РФ уровень безработицы по итогам 2020 г. составит 5,7 % рабочей силы и должен опуститься ниже порога в 5% в 2022 г.

При этом следует обратить внимание на то, что ВВП страны создает именно работающий средний класс. Однако вследствие последних экономических кризисов в нашей стране именно он в основном терял в зарплате и пополнял ряды бедного населения [1]. По данным Росстата доходы от предпринимательской деятельности снизились на 5%, а доходы от собственности, а также проценты по вкладам сократились на все 30 %.

Возникновение такого понятия как «работающий бедный» в России объясняется тем, что заработная плата отдельных работников, сильно недооценена. Таким образом низкая оценка труда отдельных граждан, даже при условии низкой производительности труда, является несоизмеримым по уровню в развитыми странами.

На протяжении десятилетий индустриальное развитие общества сопровождалось неуклонным повышением качества жизни рабочего класса и

снижением индивидуальной занятости. К сожалению, сегодня можно наблюдать снижение уровня жизни у работников, занятых в наукоемком производстве, в индустриальном секторе и значительной части сферы услуг, которые ранее принадлежали к среднему классу. А в условиях длительной стагнации экономики вероятность пополнить ряды класса наименее обеспеченного населения для большей части «занятых» все возрастает [11]. В сравнении с другими странами с высоким уровнем социальной защиты, в России основная часть бедного населения это те, чьим работодателем является государство, а точнее, бюджетные работники и люди, живущие на социальные пособия, пенсионеры. Такое положение естественно вызывает социальный протест, который может перерасти в острую социально-экономическую проблему уже в следующем десятилетии.

Выросшие показатели бедности в нашей стране являются острой проблемой, требующей системных решений со стороны государства. Бедность характеризует невозможность населения получать достаточный заработок, иметь доступ к образовательным услугам и услугам здравоохранения. Возросшая дифференциация, поляризация денежных доходов ведет к росту социальной напряженности и является серьезным препятствием экономического роста и развития страны.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Доходы российских граждан в сравнении с миром. Институт экономики роста им. Столыпина, апрель 2018 года // [Электронный ресурс]- URL: http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/04/issledovanie-ier_dohody-grazhdan.pdf (дата обращения: 20.01.2021)
2. ГАРАНТ – Законодательство (кодексы, законы, указы, постановления) РФ, аналитика, комментарии, практика [Электронный ресурс] // URL: <https://garant.ru>
3. Градусова В.Н. Парадоксы бедности в современной России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. Т. 10. № 2 (39). С. 274–281.
4. Десять лет "мюнхенской речи": в чем оказался прав Владимир Путин [Электронный ресурс]//Политика - ТАСС -URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 20.01.2021)
5. Доклад на заседание Научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2021)
6. Концептуальные и методические подходы к определению черты бедности в зарубежных странах [Электронный ресурс]// Аналитический центр при Правительстве РФ – URL: [https://PowerPoint Presentation \(mintrud.gov.ru\) \(дата обращения: 20.01.2021](https://PowerPoint Presentation (mintrud.gov.ru) (дата обращения: 20.01.2021)
7. Путин назвал массовую безработицу и рост бедности главными рисками для мира [Электронный ресурс]// Экономика и бизнес - ТАСС -URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 20.01.2021)
8. Реальные располагаемые доходы россиян продолжили падение [Электронный ресурс]// РБК – URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/10/2020/5f8ef8669a79473d7d2044b5> (дата обращения: 20.01.2021)
9. Росстат [Электронный ресурс]// URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2021)
10. Росстат. Социально-экономические индикаторы бедности в 2013-2018 гг. [Электронный ресурс]// URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2021)
11. Старостина Ю. Почему социальное неравенство в России будет расти? // РБК Экономика. 07 ноября 2018 года.
12. Сычева В.С. Бедность и ее измерение // Социология: методология, методы, математические модели. 2001. № 14. С. 176–188.
13. Томас Пикетти. Капитал в XXI веке. М.: АД Маргинем, 2016, 304.

Об авторе:

ОРУСОВА Ольга Вячеславовна – доцент, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», e-mail: orusova0106@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5489-931X, Spin -код: 8888-3710.

ANALYSIS OF POVERTY IN MODERN RUSSIA

O.V. Orusova

FSOBU VPO "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow

The article is devoted to the acute and urgent problem of the economic development of modern Russia – the increasing poverty of the population. The purpose of the study is to analyze the degree of social inequality and to conduct a structural analysis of poverty. The author examines the main approaches to measuring poverty by statistical agencies, and also shows the growth of the share of the poor population, starting from 2013 to the present day. The article notes an increase in the inequality of monetary income, an increase in poverty in rural localities, in families with children, and shows differences in the level of poverty in federal districts. The article analyzes the impact of the global COVID-2019 pandemic on the economy and social structure and the emergence of a new concept of "working poor". It is concluded that it is urgently necessary to implement a policy of overcoming poverty in order to address the current and future challenges facing our country. The scientific novelty of the study consists in conducting a comprehensive analysis of the factors and processes that affect the increase in poverty in modern Russia.

Keywords: *population poverty, income inequality, social inequality, social policy.*

About the authors:

ORUSOVA Olga Vyacheslavovna – Associate Professor, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, e-mail: orusova0106@mail.ru

References

1. Aganbegjan A.G. Dohody rossijskih grazhdan v sravnenii s mirom. Institut jekonomiki rosta im. Stolypina, aprel' 2018 goda // [Jelektronnyj resurs]- URL: http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/04/issledovanie-ier_dohody-grazhdan.pdf (data obrashhenija: 20.01.2021)
2. GARANT - Zakonodatel'stvo (kodeksy, zakony, ukazy, postanovlenija) RF, analitika, kommentarii, praktika [Jelektronnyj resurs] // URL: <https://garant.ru>
3. Gradusova V.N. Paradoksy bednosti v sovremennoj Rossii // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravlenija RANHiGS. 2019. T. 10. № 2 (39). S. 274–281.
4. Desjat' let "mjunhenskoj rechi": v chem okazalsja prav Vladimir Putin [Jelektronnyj resurs]//Politika - TASS -URL: <https://tass.ru> (data obrashhenija: 20.01.2021)

5. Doklad na zasedanie Nauchno-metodologicheskogo soveta Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Jelektronnyj resurs] // Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii – URL: <https://rosstat.gov.ru> (data obrashhenija: 20.01.2021)
6. Konceptual'nye i metodicheskie podhody k opredeleniju cherty bednosti v zarubezhnyh stranah [Jelektronnyj resurs]// Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF – URL: [https:// mintrud.gov.ru](https://mintrud.gov.ru)) (data obrashhenija: 20.01.2021)
7. Putin nazval massovuju bezraboticu i rost bednosti glavnymi riskami dlja mira [Jelektronnyj resurs]// Jekonomika i biznes - TASS -URL: <https://tass.ru> (data obrashhenija: 20.01.2021)
8. Real'nye raspolagaemye dohody rossijan prodolzili padenie [Jelektronnyj resurs]// RBK – URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/10/2020/5f8ef8669a79473d7d2044b5> (data obrashhenija: 20.01.2021)
9. Rosstat [Jelektronnyj resurs]// URL: <https://rosstat.gov.ru>. (data obrashhenija: 20.01.2021)
10. Rosstat. Social'no-jekonomicheskie indikatory bednosti v 2013-2018 gg. [Jelektronnyj resurs]// URL: <https://rosstat.gov.ru> (data obrashhenija: 20.01.2021)
11. Starostina Ju. Pochemu social'noe neravenstvo v Rossii budet ras-ti? // RBK Jekonomika. 07 nojabrja 2018 goda.
12. Sycheva V. S. Bednost' i ee izmerenie // Sociologija: metodologija, metody, matematicheskie modeli. 2001. № 14. S. 176–188.
13. Tomas Piketti. Kapital v XXI veke. M.: AD Marginem, 2016, 304.

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

УДК 334.71 + 334.75

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.133–143

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ЭНЕГРОСБЕРЕЖЕНИЯ В РОССИИ

А.П. Дзюба

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)»,
г. Челябинск

Цель статьи – представить разработанную автором методику ранжирования регионов России по уровню общего вклада в реализацию комплекса мер в энергосбережение и повышение энергетической эффективности экономики России. Автором проведено эмпирическое исследование промежуточных результатов реализации мер по повышению энергетической эффективности в России за период 2010–2019 гг. Выполнено исследование направления и динамики изменения потребления электроэнергии за исследуемый период на уровне федеральных округов и регионов России. Научная новизна заключается в выполнении ранжирования регионов, либо территориальных образований по уровню общего вклада каждого региона на основе разработанных показателей. Такое ранжирование выполнено и относительно роста спроса и общего вклада регионов в электропотребление на уровне общего экономического пространства. На основе полученных результатов автором проведена группировка регионов с целью предоставления рекомендаций для каждой региональной группы, направленных на повышение энергетической эффективности в масштабах экономики России.

Ключевые слова: *энергосбережение, энергетическая эффективность, программа энергосбережения РФ, электроемкость ВВП, спрос на потребление электроэнергии.*

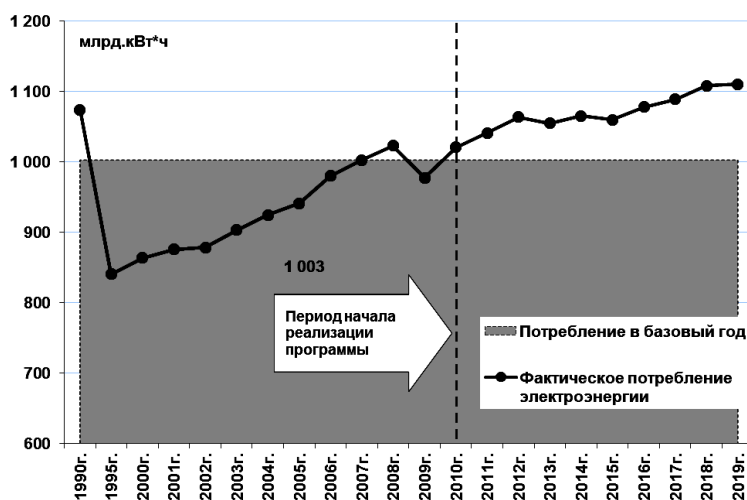
В начале 2020 г. был пройден 10 летний рубеж реализации комплекса мер по реализации политики в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности. В 2008 г. Президентом РФ был подписан Указ № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» положивший начало разработке и реализации политики в области повышения уровня энергетической эффективности в масштабах экономики России. Во исполнение Указа Президента РФ № 889 был разработан ряд документов предписывающих и регулирующих деятельность в области энергосбережения на всех уровнях деятельности экономических субъектов [1, с. 231; 6, с. 104]. Среди документов, имеющих стратегический характер, можно выделить: Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; «Энергетическая стратегия России на период до 2030 г.», утвержденная распоряжением

© Дзюба А.П., 2021

Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 года № 1715-р; Государственная программа Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2010 г. N 2446-р. Вместе с этим программы энергосбережения и повышения энергетической эффективности были разработаны во всех субъектах РФ, а также на всех предприятиях, затраты на потребление энергетических ресурсов которых свыше 10 млн рублей в год. Таким образом, реализация мероприятий в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности в РФ охватила практически всех субъектов экономики страны потребляющих топливно-энергетические ресурсы.

Основным целевым индикатором реализации политики в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности являлось снижение к 2020 г. энергоемкости валового внутреннего продукта Российской Федерации не менее чем на 40 процентов по сравнению с 2007 г. [4, с. 36].

На рис. 1 представлена диаграмма годовых параметров потребления электрической энергии в России за период 1990–2019 гг. Электроэнергия является наиболее потребляемым энергетическим ресурсом, используемым всеми субъектами экономической деятельности от крупных промышленных комплексов до небольших бытовых потребителей [5, с. 63]. Кроме того, на производство электроэнергии используются другие топливно-энергетические ресурсы, такие как, природный газ, уголь, торф, мазут и пр. [8]. Таким образом, оценка динамики изменения эффективности потребления электрической энергии в масштабах экономики страны отражает характер и динамику использования и прочих энергетических ресурсов.

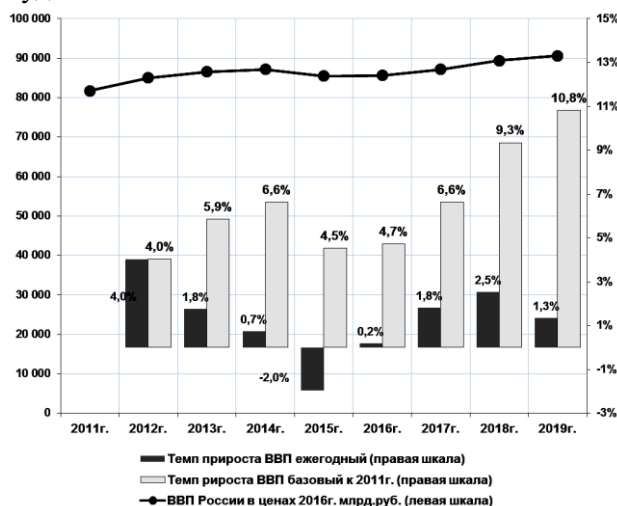

Р и с . 1. Потребление электроэнергии в России за период 1990–2019 гг. [10, 11]

На диаграмме рис. 1 отмечена величина потребления электрической энергии в базовом 2007 г. в размере 1003 млрд кВт*ч, позволяющая сравнить величину отклонения фактического потребления электроэнергии от базового. Как следует из диаграммы, несмотря на поставленные задачи в части последовательного снижения уровня потребления энергетических ресурсов,

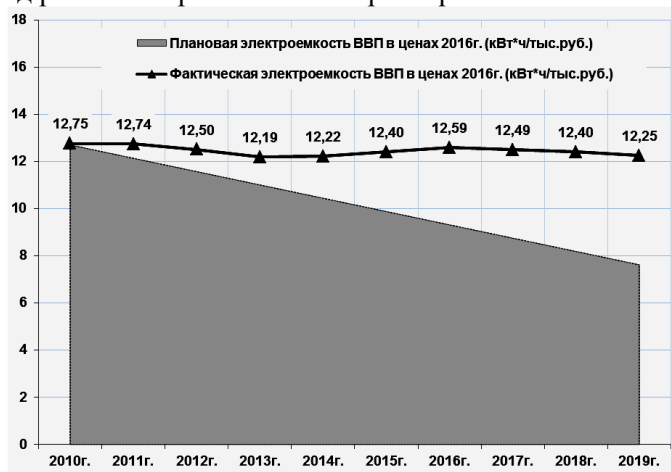
динамика спроса на потребление электроэнергии в России за исследуемый период, наоборот, демонстрирует рост [7, с. 35].

При этом, растущая динамика спроса на потребление электроэнергии может происходить в условиях опережающего роста валового внутреннего продукта, в условиях которого характеристика энергоемкости на единицу прироста ВВП будет снижаться.

Р и с . 2. Параметры ВВП России в ценах 2016 г. за период 2011–2019 гг. [10, 11]

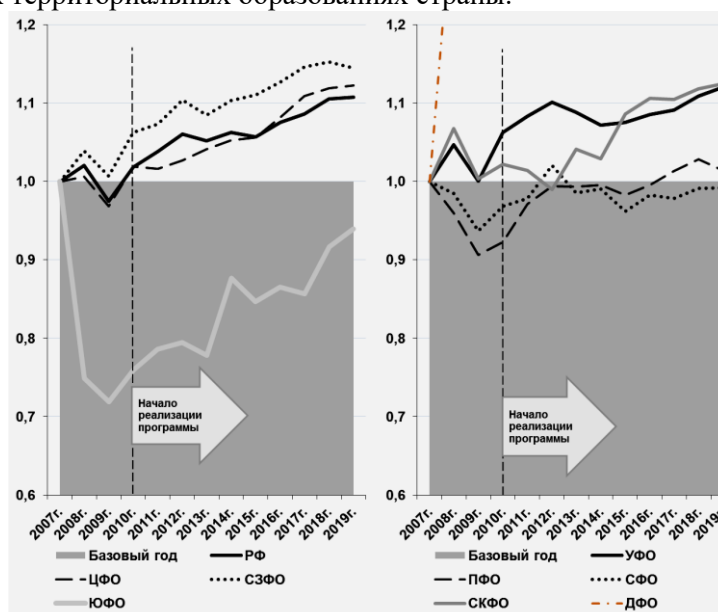
На рис. 2 представлена диаграмма параметров ВВП России в ценах 2016 г. за период 2011–2019 гг. Как следует из диаграммы, динамика изменения ВВП за исследуемый период является растущей, при этом, динамика роста ВВП синхронна динамике роста годового потребления электроэнергии. За исследуемый период рост потребления электроэнергии составляет 11 % по отношению к базовому 2007 г., рост ВВП составляет 10,8 %. Полученный результат исключает значительное опережение темпов роста ВВП над ростом потребления электроэнергии.

Р и с . 3. Показатели плановой и фактической электроёмкости ВВП России в ценах 2016 года за период 2010–2019 гг. [10, 11]

Характер динамики изменения показателей энергетической эффективности в России объективно отображен на рис. 3 (см. выше), где представлены диаграммы плановой и фактической электроемкости ВВП России в ценах 2016 г. за период 2010–2019 гг. Как следует из диаграммы на рис. 3 если показатель электроемкости ВВП России в 2010 г. составляла 12,75 кВтч/тыс.руб. ВВП в ценах 2016 г., то спустя 10 лет, в 2019 г. показатель электроемкости ВВП составил 12,25 кВтч/тыс.руб. Таким образом, за исследуемый период электроемкость ВВП России снизилась всего лишь на 3,9 % вместо ожидаемых 40 %.

Несмотря на то, что динамика изменения потребления электроэнергии на уровне экономики России демонстрирует рост, на уровне федеральных округов и регионов характер и направление изменения потребления электрической энергии имеет неодинаковый характер, что указывает на неравномерный характер изменения уровня энергетической эффективности в отдельных территориальных образованиях страны.

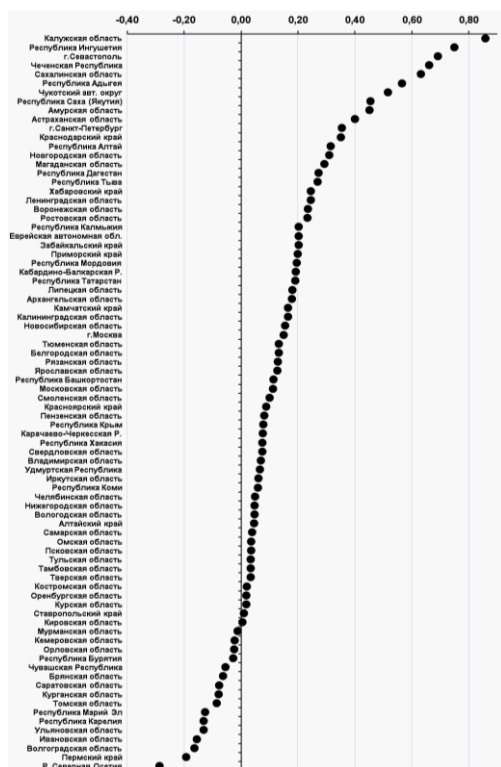

Р и с . 4. Индексы изменения годового спроса на потребление электроэнергии по отношению к 2007 г. в различных федеральных округах РФ за период 2007–2019 гг. [10, 11]

На рис. 4 представлены диаграммы индексов изменения годового спроса на потребление электроэнергии по отношению к 2007 г. в различных федеральных округах РФ за период 2007–2019 годов. Показатели индексов для отображения динамики и направления изменения электропотребления приняты потому, что спрос на потребление электроэнергии в различных федеральных округах имеет существенные различия, что не приемлемо к отображению на диаграммах одинаковых масштабов. Это различие следует из диаграмм на уровне различных федеральных округов за исследуемый период. Например, в Южном и Сибирском Федеральных округах потребление электроэнергии снизилось в отличие от остальных. Динамика роста потребления электроэнергии в Дальневосточном федеральном округе

составила 67 %, в то время, как в других регионах этот показатель был не выше 12 %. Выявленное различие динамики изменения объема электропотребления может быть вызвано как экономическими причинами, так и причинами, связанными с реализацией мер по энергосбережению и повышению энергетической эффективности.

Учитывая широкий региональный состав экономики России, характеристики изменения параметров потребления электроэнергии на уровне регионов различаются еще в большей степени. На рис. 5 представлена диаграмма показателей относительного изменения потребления электроэнергии в регионах России за период с 2007–2019 гг. по сравнению с базовым 2007 г.

Р и с . 5. Показатели относительного изменения потребления электроэнергии в регионах России за период с 2007–2019 гг. по сравнению с базовым 2007 г.

Показатели относительного изменения потребления электроэнергии в регионах России рассчитаны на основе формулы (1):

$$\Delta Y_i = \Delta W_i / W_i^{2007} \quad (1)$$

ΔY_i – относительное изменения годового спроса на электроэнергию в регионе i в 2019 г. по сравнению к 2007 г.;

ΔW_i – доля изменения годового спроса на электроэнергию в регионе i ;

$$\Delta W_i = W_i^{2019} - W_i^{2007} \quad (2)$$

W_i^{2019} – объем спроса на электроэнергию в регионе i за 2019 г. (млрд.кВт*ч);

W_i^{2007} – объем спроса на электроэнергию в регионе i за 2007 г. (млрд.кВт*ч);

Как следует из характеристик диаграммы на рис. 5, параметры динамики относительного изменения потребления электроэнергии в регионах России за период 2007–2019 гг. демонстрирует еще большее различие, чем выявлено на примере федеральных округов. В большинстве регионов за исследуемый период выявлен рост потребления электроэнергии, однако, в ряде регионов за исследуемый период выявлено снижение объема потребления электроэнергии.

Анализ динамики изменения потребления регионов России выявил существенные различия [9]. Если в большинстве регионов значение динамики роста потребления электроэнергии составило не более 0,2, то в ряде регионов это значение превышает 0,6. При снижении потребления электроэнергии динамика не превышает -0,35. Таким образом, за исследуемый период превалирует растущая динамика спроса на потребление электроэнергии в регионах России, что также подчеркивает низкую эффективность реализации программ энергосбережения и повышения энергетической эффективности в региональном разрезе.

При этом, положительная либо отрицательная динамика изменения спроса на потребление электроэнергии в регионе не отражает влияние на общий уровень изменения энергетической эффективности на уровне экономики страны. Оценка влияния изменения спроса на общий уровень энергетической эффективности должна проводиться с учетом вклада каждого региона в общий объем спроса на потребление электроэнергии.

Для оценки вклада изменения спроса каждого региона в общий показатель энергетической эффективности экономики России автором предложено использование показателя интегрального коэффициента роста спроса на электроэнергию в регионах, рассчитываемый на основе формулы (5).

$$K_i^{роста} = \Delta Y_i / \sum_{i=n} \Delta Y_i \quad (3)$$

$K_i^{роста}$ – коэффициент роста спроса на электроэнергию в регионе i ;

$\sum_{i=n} \Delta Y_i$ – суммарный показатель относительного изменения годового спроса на электроэнергию в исследуемых регионах;

$$K_i^{Спрос} = W_i^{2019} / \sum_{i=n} W_i^{2019} \quad (4)$$

$K_i^{Спрос}$ – коэффициент спроса на электроэнергию в регионе i ;

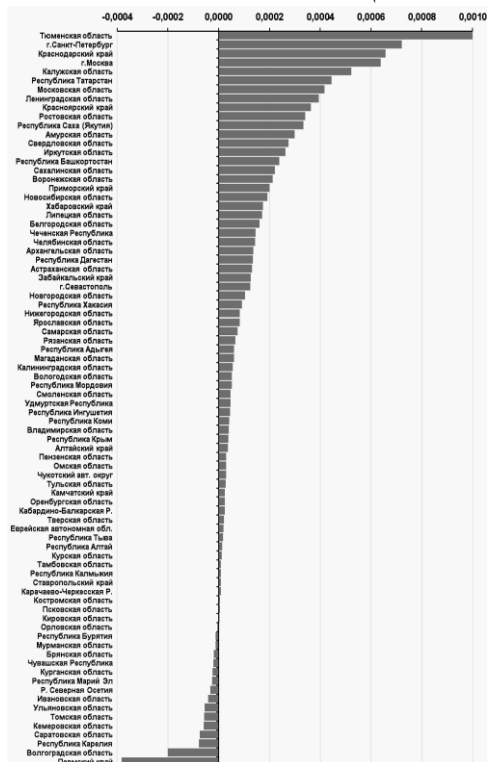
$\sum_{i=n} W_i^{2019}$ – суммарный показатель общего спроса на электроэнергию в исследуемых регионах (млрд.кВт*ч);

$$ИК_i^{Рост_Спрос} = K_i^{Роста} * K_i^{Спрос} \quad (5)$$

$ИК_i^{Рост_Спрос}$ – интегральный коэффициент роста спроса на электроэнергию в регионе i ;

Результаты расчета интегрального коэффициента роста спроса на электроэнергию в регионах России за 2019 г. представлены на диаграмме рис. 6 (см. ниже). Как следует из диаграммы, полученное распределение регионов

оказалось отличным от распределения, построенного на рис. 5. Это связано с тем, что из первых позиций по изменению спроса были естественным образом исключены регионы с низкими показателями общего электропотребления.

Р и с . 6. Интегральный коэффициент роста спроса на электроэнергию в регионах России за 2019 г.

Среди таких регионов можно выделить, Республику Ингушетию, Чукотский автономный округ, Республику Адыгею и пр. Данные регионы, несмотря на значительное изменение спроса за исследуемый период вносят гораздо меньший вклад в общий спрос на уровне России, и, следовательно, вносят незначительный вклад в рост либо снижение уровня энергетической эффективности на уровне национальной экономики.

Различные параметры интегрального коэффициента роста спроса регионов России, позволяет выполнить их ранжирование по величине общего влияния на снижение уровня энергетической эффективности. Чем выше показатель интегрального коэффициента роста спроса на электроэнергию, тем выше вклад региона в снижение уровня энергетической эффективности экономики и выше необходимость в реализации мероприятий в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности.

В табл. 1 (см. ниже) представлена группировка регионов России по показателю “интегральный коэффициент роста спроса на электроэнергию”. Группировка регионов выполнена на 3 основные группы.

Для 1 группы характерны высокие показатели относительного изменения потребления электроэнергии вместе с высоким вкладом регионов в величину общего электропотребления на уровне экономики России. Для 2 группы характерны низкие показатели относительного изменения

потребления электроэнергии вместе со средним вкладом регионов в величину общего электропотребления на уровне экономики России. Для 3 группы характерны отрицательные показатели относительного изменения потребления электроэнергии вместе с низким вкладом регионов в величину общего электропотребления на уровне экономики России.

Т а б л и ц а 1

Группировка регионов России по показателю интегральный коэффициент роста спроса на электроэнергию

Группа	Регион РФ	$IK_{\text{Рост_Спрос}}$
1	Тюменская область, г.Санкт-Петербург, Краснодарский край, г.Москва, Калужская область, Республика Татарстан, Московская область, Ленинградская область, Красноярский край, Ростовская область, Республика Саха (Якутия), Амурская область, Свердловская область, Иркутская область, Республика Башкортостан, Сахалинская область, Воронежская область, Приморский край, Новосибирская область, Хабаровский край, Липецкая область, Белгородская область, Чеченская Республика, Челябинская область, Архангельская область, Республика Дагестан, Астраханская область, Забайкальский край, г.Севастополь	$> 0,00012$
2	Новгородская область, Республика Хакасия, Нижегородская область, Ярославская область, Самарская область, Рязанская область, Республика Адыгея, Магаданская область, Калининградская область, Вологодская область, Республика Мордовия, Смоленская область, Удмуртская Республика, Республика Ингушетия, Республика Коми, Владимирская область, Республика Крым, Алтайский край, Пензенская область, Омская область, Чукотский авт. округ, Тульская область, Камчатский край, Оренбургская область, Кабардино-Балкарская Р., Тверская область, Еврейская автономная обл., Республика Тыва, Республика Алтай, Курская область, Тамбовская область, Республика Калмыкия, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Р., Костромская область, Псковская область, Кировская область	$0,00012 > 0$
3	Орловская область, Республика Бурятия, Мурманская область, Брянская область, Чувашская Республика, Курганская область, Республика Марий Эл, Р. Северная Осетия, Ивановская область, Ульяновская область, Томская область, Кемеровская область, Саратовская область, Республика Карелия, Волгоградская область, Пермский край	< 0

В регионах 1 группы следует существенно усилить реализацию мероприятий в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности, учитывать склонность к росту динамики спроса на электроэнергию принимая во внимание значительный вклад регионального электропотребления в общий спрос на уровне национальной экономики. В регионах 2 группы следует выполнять реализацию программы энергосбережения и повышения энергетической эффективности с усовершенствованием принимаемых мер, но в масштабах, меньших, чем в регионах, включенных в 1 группу. Для регионов, вошедших в 3 группу, реализацию программ энергосбережения и повышения энергетической эффективности следует выполнять в текущем режиме.

Учитывая отставание фактических результатов реализации мер в области повышения энергетической эффективности от запланированных, по

мнению автора, мероприятиям в области энергосбережения необходимо придать более инновационные направления, среди которых могут выступать технологии управления спросом на потребление электроэнергии и природного газа, а также их комплексная реализация [2, с. 164; 3, с. 69].

В качестве заключения к приведенному исследованию автором сделано ряд ключевых выводов:

1) За десятилетний период реализации комплекса мер направленного на энергосбережение и повышение энергетической эффективности экономики России с 2010 по 2019 гг. потребление электроэнергии в России по сравнению с уровнем 2007 г. увеличилось на 11 %, а электроемкость ВВП снизилась на 3,9 %. Указанные показатели свидетельствуют о существенном отставании результатов, запланированных рамками Государственной программы Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года»;

2) Исследование динамики изменения спроса на потребление электроэнергии за период 2007–2019 гг. на уровне федеральных округов и регионов позволило выявить значительное различие как направлений изменения спроса, так и величины динамики его изменения, что подчеркивает различный уровень вклада каждого региона в промежуточные результаты реализации мер по комплексному повышению уровня энергетической эффективности в масштабах экономики России;

3) Разработанный комплекс показателей роли регионов России в процессе вклада в общий уровень повышения энергетической эффективности (коэффициент роста спроса на электроэнергию в регионе, коэффициент спроса на электроэнергию в регионе, интегральный коэффициент роста спроса на электроэнергию в регионе) позволяет выполнять ранжирование регионов, либо территориальных образований по уровню общего вклада каждого региона, относительного роста спроса и общему вкладу в электропотребление на уровне общего экономического пространства;

4) Выполненный расчет показателей интегрального коэффициента роста спроса на электроэнергию в регионах России, а также группировка регионов России по величине рассчитанных значений на 3 основные группы, позволила выявить регионы, вносящие наибольший вклад в уровень энергетической эффективности на уровне национальной экономики;

5) Разработанные рекомендации по уровню необходимой реализации мероприятий в области комплексного управления спросом в рамках каждой выявленной региональной группы, позволяет наиболее эффективно прилагать усилия по повышению энергетической эффективности в масштабах экономики России.

Список литературы

1. Будко Е.Н. Вопросы энергосбережения в жилищно-коммунальном хозяйстве России // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 231–233.
2. Дзюба А.П. Управление спросом на электроэнергию как элемент экономики XXI века // Инновационные, финансовые и экономические аспекты информационной экономики XXI века: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. «Экономические дискуссии – 2020». Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова. 2020. С. 164–171.
3. Дзюба А.П. Электровооруженность труда как показатель оценки эффективности возможного управления спросом на электропотребление на промышленных предприятиях

- // Вестник Московского финансово-юридического университета (МФЮА). 2020. № 1. С. 69–86.
4. Кошелев А.С. Анализ современного состояния энергосбережения в сфере промышленности // Экономика и управление в машиностроении. 2019. № 4. С. 36–38.
 5. Самохин В.И. Основные направления энергосбережения на предприятиях и оборудование, используемое для энергосбережения / В.И. Самохин, Д.В. Самохин, И.В. Сухоставский, Е.Е. Бабкин // Электронные информационные системы. 2020. № 1 (24). С. 63–76.
 6. Скворцов Д.А. Повышение энергосбережения уличного освещения современными технологиями // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2020. № 16. С. 104–106.
 7. Соломонов М.П. Потенциал энергосбережения в отпущенной тепловой энергии и в отоплении зданий северного региона / М.П. Соломонов, А.А. Пахомов // Теоретическая и прикладная экономика. 2020. № 1. С. 35–48.
 8. Теория и методология управления спросом на энергоресурсы в промышленности: монография / А.П. Дзюба. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 323 с.
 9. Швецова И.Н. Финансовое обеспечение мероприятий региональных программ энергосбережения и повышения энергоэффективности / И.Н. Швецова, А.Г. Козицын // Экономика и предпринимательство. 2020. № 8 (121). С. 579–582.
 10. Electricity Information 2020 IEA. Report of International Energy Agency. 762 P. – URL: <http://data.iea.org>.
 11. World Energy Statistics 2020 IEA. Report of International Energy Agency. – 847 p. – URL: <http://data.iea.org>.

Об авторе:

ДЗЮБА Анатолий Петрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры «Финансовые технологии» ВШЭУ, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», e-mail: dziubaap@susu.ru, ORCID: 0000-0001-6319-1316, SPIN-код: 1528-8220.

EFFICIENCY INCREASE IN THE ENERGY SAVING PROGRAM IN RUSSIA

A.P. Dzyuba

FGAOU VO “South Ural State University (NRU)”, Chelyabinsk

The article is devoted to the description of the methodology developed by the author for ranking Russian regions according to the level of total contribution to the implementation of a set of measures in energy conservation and increasing the energy efficiency of the Russian economy. The author conducts an empirical study of the intermediate results of the implementation of measures to increase energy efficiency in Russia for the period 2010-2019. The study analyzes the direction and dynamics of changes in electricity consumption for the period under study at the level of federal districts and regions of Russia. On the basis of the ranking results obtained, the author has grouped the regions with recommendations for each regional group according to the need to improve energy efficiency on the scale of the Russian economy.

Keywords: energy saving, energy efficiency, energy saving program of the Russian Federation, electricity consumption of GDP, demand for electricity consumption.

About the author:

DZYUBA Anatoly Petrovich – Ph.D. Senior Researcher, Department of Financial Technologies, Higher School of Economics, FGAOU HE South Ural State University (NRU), e-mail: dziubaap@susu.ru, ORCID 0000-0001-6319-1316, SPIN-code: 1528-8220.

References

1. Budko E.N. Voprosy energosberezheniya v zhilishchno-kommunal'nom hozyajstve Rossii // *Innovacii i investicii*. 2020. № 4. P. 231–233.
2. Dzyuba A.P. Upravlenie sprosom na elektroenergiyu kak element ekonomiki XXI veka // *Innovacionnye, finansovyie i ekonomicheskie aspekty informacionnoj ekonomiki XXI veka: sb. nauch. tr. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Ekonomicheskie diskussii – 2020»*. Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G.I. Nosova. 2020. P. 164–171.
3. Dzyuba A.P. Elektrovooruzhennost' truda kak pokazatel' ocenki effektivnosti vozmozhnogo upravleniya sprosom na elektropotreblenie na promyshlennykh predpriyatiyah // *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta (MFYUA)*. 2020. № 1. P. 69–86.
4. Koshelev A.S. Analiz sovremennogo sostoyaniya energosberezheniya v sfere promyshlennosti // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. 2019. № 4. P. 36–38.
5. Samohin V.I. Osnovnye napravleniya energosberezheniya na predpriyatiyah i oborudovanie, ispol'zuemoe dlya energosberezheniya / V.I. Samohin, D.V. Samohin, I.V. Suhostavskij, E.E. Babkin // *Elektronnye informacionnye sistemy*. 2020. № 1 (24). P. 63–76.
6. Skvortcov D.A. Povyshenie energosberezheniya ulichnogo osveshcheniya sovremennymi tekhnologiyami // *Nauchno-obrazovatel'nyj potencial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka*. 2020. № 16. P. 104–106.
7. Solomonov M.P. Potencial energosberezheniya v otpushchennoj teplovoj energii i v otoplenii zdaniy severnogo regiona / M.P. Solomonov, A.A. Pahomov / *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*. – 2020. – № 1. – P. 35–48.
8. Teoriya i metodologiya upravleniya sprosom na energoresursy v promyshlennosti: monografiya / A.P. Dzyuba. – Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU, 2020. 323 P.
9. SHvecova I.N. Finansovoe obespechenie meropriyatij regional'nykh programm energosberezheniya i povysheniya energoeffektivnosti / I.N. SHvecova, A.G. Kozicyn // *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2020. № 8 (121). P. 579–582.
10. Electricity Information 2020 IEA. Report of International Energy Agency. 762 P. – URL: <http://data.iea.org>.
11. World Energy Statistics 2020 IEA. Report of International Energy Agency. – 847 r. – URL: <http://data.iea.org>.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

УДК 338. 465.4; 351/354

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.144–150

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: УПРАВЛЕНИЕ СЕТЕВЫМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СПАДА¹

Н.Н. Козлова¹, С.В. Рассадин²

¹ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет, г. Тверь

²ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет, г. Тверь

Цель статьи – анализ управления сетевыми ресурсами гражданского общества и государства, задействованных в рамках реализации государственной семейной политики РФ. Значимость рассмотрения сетевых ресурсов определяется тем, что в условиях цифровизации и экономического спада, вызванного пандемией COVID-19, интенсифицировались социально-экономические отношения, политико-управленческая коммуникация в пространстве Интернета. Авторы рассматривают домохозяйства не только как объект государственной семейной политики, но и как ее субъект – способность семей мобилизовать экономические, информационные, организационные ресурсы для решения острых социальных проблем. Научная новизна исследования состоит в том, что авторы статьи впервые изучают проекты сетевого сообщества в рамках государственной семейной политики в условиях цифровизации и экономического спада. Авторы приходят к выводу, что под влиянием государственной семейной политики в России формируется сетевое просемейное гражданское сообщество, организации которого ориентированы на различную онлайн- и офлайн- деятельность, сетевые ресурсы государственной семейной политики имеют информационно-просветительский характер, направлены на продвижение традиционных семейных ценностей, ориентированы на четкую целевую аудиторию, способную к мобилизации в онлайн и офлайн форматах. В итоге, управляя сетевыми ресурсами, государство влияет на поведение семьи как потребителя определенных информационных продуктов, товаров и услуг сетевой экономики.

Ключевые слова: государственная семейная политика, традиционные семейные ценности, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, сетевые ресурсы, общественные организации.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31701 «Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России» (2020).

Семейная политика является одним из значимых направлений деятельности всех современных государств, поскольку она затрагивает широкий спектр проблем – исторически сложившуюся в обществе систему ценностей и институтов, экономику домохозяйств, организацию гендерного порядка, степень вмешательства политических институтов в частную жизнь граждан. Во второй половине XX в. в рамках ООН были созданы различные структуры, занимающиеся вопросами семейной политики, относительно направлений и форм которой между государствами разворачивается острая дискуссия. Мейнстрим политики ООН заключается в утверждении плюрализма форм семейной организации и сокращении рождаемости на планете, тогда как Россия принадлежит к группе стран, которые пропагандируют традиционные семейные ценности, носящие пронаталистский характер. Данная позиция России артикулируется в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Концепции), принятой Правительством РФ в 2014 г.

В государственной семейной политике комплексно рассматриваются проблемы экономического благосостояния домохозяйств, доступность им различных товаров и услуг, параметры и формы социальной поддержки семей и т. д. Концептуальные основания государственной семейной политики, инструменты и механизмы ее реализации получили различные оценки экспертного сообщества. В частности, Т.А. Гурко считает, что «Концепция слабо привязана к конкретному историческому этапу развития страны и реальной жизни людей в XXI веке», но при этом «в Концепции есть и актуальные, новые предложения» [3, с. 35, 42]. Среди многообразных субъектов семейной политики позитивно выделяются сетевые сообщества, которые являются источником гражданской активности в современном российском обществе и представляют собой ресурсный потенциал для повышения эффективности государственной семейной политики. Исследование отдельных онлайн сообществ родителей позволяет экспертам сделать выводы, что «интернет-сообщество родителей предоставляет различные возможности для взаимной поддержки участников» [12, с. 20], обмена детскими вещами, организацией семейного досуга, консультациями по правовым, медицинским, педагогическим вопросам. Для достижения своих целей при необходимости сетевые сообщества мобилизуют ресурсы и переходят в офлайн-пространство.

Ориентируясь на значительный мобилизационный потенциал онлайн сообществ в условиях цифровизации, учитывая фактор пандемии COVID-19, значительная часть проектов в области семейной политики осуществляется при поддержке сетевых ресурсов. Для продвижения идеологии традиционных семейных ценностей органы государственной власти создают различного рода медиаторские и информационные порталы, которые, с одной стороны, просвещают граждан в области российского законодательства о семье, материнстве, отцовстве и детстве, а другой, аккумулируют сетевое гражданское сообщество для решения артикулируемых в Концепции вопросов. Созданные онлайн площадки ориентируются на обратную связь с гражданами, получение от них предложений, комментариев, отзывов. В частности, в рамках плана Десятилетия детства был открыт интернет-портал «Я-родитель», который не только информирует родителей о различных формах воспитания

детей, но и предоставляет возможность родителям проконсультироваться у педагогов и психологов. Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодежь) организовало интернет-ресурс «Молодая семья Онлайн», который направлен на работу с молодыми семьями, имеющих или не имеющих детей [7].

На уровне субъектов федерации органы исполнительной власти создают собственные сетевые ресурсы, с помощью которых обеспечивается транспарентный характер государственной семейной политики. Например, под эгидой Министерства демографической и семейной политики Тверской области была создана группа во «ВКонтакте» «Тверская семья. Родители и дети» в рамках реализации госпрограммы «Развитие демографической и семейной политики Тверской области на 2020–2025 годы». Большинство анонсируемых Министерством мероприятий носит информационно-просветительский характер, разъясняет участникам группы правила и процедуры предоставления льгот, пособий и пр., сообщает о различных конкурсах (в частности, «Семья года–2020», «Слингoмама России–2020») [9].

Еще одним направлением государственной семейной политики онлайн является грантовая поддержка проектов сетевого гражданского сообщества. Фонд президентских грантов выделил отдельное направление «Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства», в рамках которого насчитывается 13 подпрограмм. Среди победителей грантовых конкурсов преобладают институты гражданского общества, пропагандирующие идеологию традиционных ценностей, артикулирующие семейно-демографическую политику как национальный проект и вопрос национальной безопасности – религиозные общественные организации, военно-патриотические движения и пр. В рамках данного гражданского сообщества можно выделить организации, имеющие значительный опыт в проведении мероприятий в области семейной политики, а также новые некоммерческие объединения, которые стали активно создаваться после 2014 г.

В частности, в 2015 г. в России была образована новая просемейная организация – Ассоциация организаций по защите семьи (далее – АОЗС), которая призывает «объединяться здоровые просемейные и патриотические силы» [2]. В состав АОЗС входят 120 семейно-ориентированных некоммерческих организаций из 50 регионов, реализующих проект «ЗаРождение» при поддержке Фонда президентских грантов [11]. Миссия АОЗТ – посредством обучения руководителей и сотрудников социально ориентированных некоммерческих организаций и координации их деятельности распространять успешные проекты, защищающие семейные ценности. АОЗС, как и другие семейно-ориентированные организации, налаживают партнерские связи с органами государственной власти и МСУ, с Общественной палатой РФ, ОНФ, Национальной родительской ассоциацией и т. д. Аналогичной организацией является созданный в 2017 г. Межрегиональный союз общественных объединений многодетных семей. Организация проводит форумы, фестивали, тренинги и другие аналогичные мероприятия, получая финансовую помощь в виде грантов государства [10].

Деятельность части организаций, обеспеченных грантовой поддержкой государства, направлена на образовательную работу в сети. Согласно сайту АНО «Семья России», организация ставит своей основной задачей создать

«эффективную малозатратную просветительскую систему, которая в удобных и доступных формах будет популяризировать для разных целевых аудиторий традиционные семейные ценности» [1]. АНО «Семья России» предлагает «просветительский сундучок», в котором находятся видео-лекции, методические разработки, DVD-сборники, слайд-фильмы.

Ряд проектов, поддерживаемых грантами государства в сети, имеет специализированный характер. В частности, ООО «Семьи России» открыла в 17 областях юридическую приемную для многодетных семей. По мнению менеджеров проекта, основной его целью является «создание правозащитной сети, у которой в результате будет постоянно действующий источник правовой информации на сайте организации «Семьи России» и возможность для всех бесплатно получить консультации, образцы юридических документов, заявлений, жалоб, судебных решений, связанных с решением проблем многодетных семей» [6].

Одно из наиболее значимых НКО, которое ведет проекты в рамках семейной политики в смешанном (онлайн и офлайн) формате, – это созданная в 2013 г. Национальная родительская ассоциация (далее – НРА), объединившая родителей из 83 регионов России. НРА представляет собой единственную общественную организацию, которая является исполнителем Плана мероприятий по реализации в 2016–2020 годах Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года. К своим главным направлениям работы НРА относит родительское просвещение; родительское творчество; родительскую экспертизу. С февраля 2018 г. функционирует портал «Российский родитель» RURODITEL.RU, ежемесячно издается журнал «Школа современных родителей». Сайт НРА NRA-RUSSIA.RU оформлен как электронное средство массовой информации «Главный родительский сайт». Поставленные организацией задачи на 2020 г. предполагают разработку и продвижение в онлайн пространство информации по проблемам семьи на платформах Ruroditel.ru и «Журнала современных родителей» [4].

Часть поддержанных государством проектов адресована непосредственно к матерям и отцам. Одним из наиболее масштабных просемейных онлайн-проектов является программа «Старт Пап. ШКОЛА ЛИДЕРОВ. Отцы 3.0. Всероссийская школа лидеров отцовских сообществ», начало которой было положено в апреле 2020 г. Фондом отцовства при поддержке Межрегиональной общественной организации «Союз Отцов» и финансировании Фонда Президентских грантов. Миссия Фонда отцовства, созданного в 2014 г., состоит в продвижении «в обществе ценностей ответственного отцовства» [5], в рамках которой организация реализовала ряд широкомасштабных проектов – «Папа Фест», «Ежегодная Национальная Всероссийская Премия “Папа Года”» и др. Учитывая фактор пандемии COVID-19, подготовительная работа по проекту школы лидеров отцовских проектов СтартПАП была проведена в рамках сетевого сообщества, а мероприятие состоялось в Москве офлайн в августе 2020 г. Четко сформулированная миссия, рекрутирование профессиональных коучей и экспертов, формирование команды единомышленников, поэтапное выполнение задач, визуализация контента, привлечение широкого круга партнеров, нестандартность и новизна отдельных конкурсов свидетельствует о высоком уровне менеджмента данного проекта. Позиция руководителей

проекта о том, что «должно появиться центристское, массовое светское сетевое объединение отцов» [8], концептуально направлена на продвижение традиционных ценностей, содержательно проект направлен на формирование новой модели отцовства – «отца-менеджера», который не ограничивает свою роль в семье формированием семейного бюджета, но занимается организацией семейной жизни по широкому кругу направлений.

Таким образом, под влиянием государственной семейной политики в России формируется сетевое просемейное гражданское сообщество, организации которого ориентированы на различную онлайн- и офлайн-деятельность – информационную, просветительскую, пропагандистскую, проективную и т. д. Общественные объединения, поддерживаемые грантами государства, продвигают традиционные семейные ценности и нацелены на реализацию пронаталистских задач. При этом привлечение сетевых ресурсов к реализации государственной семейной политике позволяет не только транслировать официальную идеологию, но и предлагать инновационные проекты, соответствующие реалиям XXI в. В итоге, управляя сетевыми ресурсами, государство влияет на поведение семью как потребителя определенных информационных продуктов, товаров и услуг сетевой экономики.

Список литературы

1. АНО «Семья России». [Электронный ресурс]. URL. <http://semyarossii.ru/ano-qsemya-gossiiq.html> (дата обращения: 17.11.2020).
2. Ассоциация организаций по защите семьи. [Электронный ресурс]. URL: <https://aozs.ru> (дата обращения: 1.12.2020).
3. Гурко Т. А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33–52.
4. Деловая репутация НРА. [Электронный ресурс]. URL: <https://nra-russia.ru/glavnaya/ob-assocziaczii/delovaya-reputaciya-nra/> (дата обращения: 12.11.2020).
5. О фонде. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nnfo.ru/about/> (дата обращения: 01.09.2020).
6. Общероссийская общественная организация «Семьи России» открыла в Тверской области юридическую приемную для многодетных семей. [Электронный ресурс]. URL: <https://tvernews.ru/news/205345/> (дата обращения: 21.09.2020).
7. Росмолодежь запустила платформу «Молодая семья онлайн». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruy.ru/press/news/rosmolodezh-zapustila-platformu-molodaya-semya-onlayn/> URL: <https://молодаясемья.онлайн/> (дата обращения: 31.08.2020).
8. Старт Пап. ШКОЛА ЛИДЕРОВ. Отцы 3.0. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/startpap> (дата обращения: 20.09.2020).
9. Тверская семья. Родители и дети. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/tverreg_family (дата обращения: 04.09.2020).
10. Устав Межрегионального союза общественных объединений многодетных семей [Электронный ресурс]. URL: <https://mcoomc.ru/pdf/ustav.pdf> (дата обращения: 16.07.2020).
11. Федеральный пилотный просемейный проект ЗаРождение. [Электронный ресурс]. URL: <https://aozs.ru/zarozhdenie/o-proekte.html> (дата обращения: 16.08.2020).
12. Чернова Ж.В. Гендерный анализ семейной политики в современной России: особенности и тенденции: автореф. д-ра социол. н., Саратов, 2013. 39 с.

Об авторах:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, заведующая кафедрой политологии Института экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Россия, 170100, Тверская область, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, e-mail: tver-rapn@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1212-6412, SPIN-код: 6273-0895.

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Россия, 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, e-mail: s_r08@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3478-0792, SPIN-код: 7952-3904.

STATE FAMILY POLICY IN RUSSIA: GOVERNING NETWORK RESOURCES IN A DIGITALIZATION AND ECONOMIC RECESSION

N.N. Kozlova¹, S.V. Rassadin²

¹ FGBOU VO “Tver State University”, Tver

² FGBOU VO “Tver State Technical University”, Tver

The purpose of the article is to analyze the management of the network resources of civil society and the state involved in the implementation of the state family policy of the Russian Federation. The importance of considering network resources is determined by the fact that in the context of digitalization and the economic recession caused by the COVID-19 pandemic, socio-economic relations, political and managerial communication in the Internet space have intensified. The authors consider households not only as an object of state family policy, but also as its subject - the ability of families to mobilize economic, informational and organizational resources to solve acute social problems. The scientific novelty of the research lies in the fact that the authors of the article for the first time study the projects of the network community within the framework of state family policy in the context of digitalization and economic recession. The authors come to the conclusion that under the influence of state family policy in Russia, a networked pro-family civil society is being formed, whose organizations are focused on various online and offline activities, the network resources of the state family policy are of an informational and educational nature, aimed at promoting traditional family values, and are focused on a clear target audience capable of mobilizing in online and offline formats. As a result, by managing network resources, the state influences the behavior of the family as a consumer of certain information products, goods and services of the network economy.

Keywords: *state family policy, traditional family values, Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025, network resources, public organizations.*

About the authors:

KOZLOVA Nataliya Nikolaevna – Doctor of Political Science, Assoc. Professor, Chair of Political Science Department, Tver State University, Russia, 170100, Tver region, Tver, Zhelyabova, 33, e-mail: tver-rapn@mail.ru

RASSADIN Sergey Valentinovich – Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Russia, 170026, Tver region, Tver, A. Nikitin emb., 22, e-mail: s_r08@mail.ru

References

1. ANO «Sem`ya Rossii». URL: <http://semyarossii.ru/ano-qsemya-rossiiq.html> (data obrashheniya: 17.11.2020).
2. Associaciya organizacij po zashhite sem`i. URL: <https://aozs.ru> (data obrashheniya: 1.12.2020).
3. Gurko T. A. O Konceptii gosudarstvennoj semejnoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: e`kspertnaya ocenka // Sociologicheskaya nauka i social`naya praktika. 2013. № 3. S. 33–52.
4. Delovaya reputaciya NRA. URL: <https://nra-russia.ru/glavnaya/ob-assocziaczii/delovaya-reputaciya-nra/> (data obrashheniya: 12.11.2020).
5. O fonde. URL: <http://www.nnfo.ru/about/> (data obrashheniya: 01.09.2020).
6. Obshherossiyskaya obshhestvennaya organizaciya «Sem`i Rossii» otkry`la v Tverskoj oblasti yuridicheskuyu priemnuyu dlya mnogodetny`x semej. URL: <https://tvernews.ru/news/205345/> (data obrashheniya: 21.09.2020).
7. Rosmolodezh` zapustila platformu «Molodaya sem`ya onlajn». URL: <https://www.ruy.ru/press/news/rosmolodezh-zapustila-platformu-molodaya-semya-onlayn/> URL: <https://molodayasem`ya.onlajn> (data obrashheniya: 31.08.2020).
8. Start Pap. ShKOLA LIDEROV. Otcy 3.0. URL: <https://vk.com/startpap> (data obrashheniya: 20.09.2020).
9. Tverskaya sem`ya. Roditeli i deti. URL: https://vk.com/tverreg_family (data obrashheniya: 04.09.2020).
10. Ustav Mezhhregional`nogo soyuza obshhestvenny`x ob`edinenij mnogodetny`x semej URL: <https://mcoomc.ru/pdf/ustav.pdf> (data obrashheniya: 16.07.2020).
11. Federal`ny`j pilotny`j prosemejny`j proekt ZaRozhdenie. URL: <https://aozs.ru/zarozhdenie/o-proekte.html> (data obrashheniya: 16.08.2020).
12. Chernova Zh.V. Genderny`j analiz semejnoy politiki v sovremennoj Rossii: osobennosti i tendencii: avtoref. d–ra sociol. n., Saratov, 2013. 39 s.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.9

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.151–157

КОНКУРЕНЦИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ БАНКОВ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Н.К. Савельева¹, Т.А. Тимкина²

^{1,2}ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» г. Киров

Статья посвящена проблемам сохранения конкурентных преимуществ коммерческих банков для осуществления финансовых операций на трансграничных рынках. Целью исследования является анализ основных тенденций развития деятельности транснациональных банков в условиях глобализации. Объектом исследования являются мировые лидеры международной банковской сферы. Научная новизна заключается в разработке основных направлений развития банковской системы на международном уровне, результатах анализа опыта лидирующих транснациональных банковских компаний в условиях пандемии.

Ключевые слова: *трансграничные рынки, коммерческие банки, конкурентоспособность, финансовые рынки, транснациональные банки.*

Процессы глобализации и нестабильность мировой экономики отражаются на отраслях, более чувствительных к внешним факторам банковского сектора. В условиях трансграничных отношений коммерческим банкам необходимо конкурировать как с отечественными, так и зарубежными компаниями. Транснациональные банки создают благоприятные условия для развития международного сотрудничества, роста филиалов и межбанковского сотрудничества, что приводит к росту конкуренции, тем самым развивает рынок банковских услуг. С другой стороны, происходит объединение капитала, монополизация в мировой экономике, что может существенно отразиться на экономике других стран. Транснациональное сотрудничество способствует активизации процесса слияний банков, формирование единой стратегии.

В современных условиях международное банковское сотрудничество обусловлено рядом причин:

1. Рост числа банковских организаций на мировой финансовой арене;
2. Увеличение количества международных сделок (их стоимости), в силу роста трансграничного сотрудничества;
3. Масштабность банковской сферы, количества банковских организаций в развитых странах.

Наличие конкуренции является показателем развивающегося экономического рынка, данная тенденция не обошла стороной и коммерческие банки, после чего возникает межгосударственная конкуренция между банковскими структурами различных государств. Причиной такого явления можно назвать трансграничное сотрудничество, в силу свободного движения товаров, услуг и капитала, формирование единого рыночного пространства, без учета территориальных границ государств возникает необходимость

© Савельева Н.К.,
Тимкина Т.А., 2021

обеспечивать взаимодействие с помощью финансовых инструментов. Рост информатизации играет огромную роль для межбанковской конкуренции, позволяя обеспечить мгновенное взаимодействие между участниками разных стран.

Конкуренция способствует конвергенции финансовых учреждений, происходит процесс сближения (общие интересы, связи, поиск компромиссов), что в свою очередь может перерасти в международные альянсы. Транснациональные банки осуществляют работу без учета территориальных границ, деятельность является общей, переплетается между всеми участниками на основе международных связей. Пространство конкуренции на конкретном рынке представляется как совокупность географических, институциональных и экономических факторов, ограниченных рамками экзогенного и эндогенного каркасов конкурентной среды, в условиях действия которых осуществляются конкурентные отношения между действующими на данном рынке рыночными агентами [1].

Одной из форм международного сотрудничества являются международные консорциумы, их отличительная особенность строится на основе долговременных отношений. Деятельность не является разовой или включает мелкие временные рамки, а представляет собой постоянную работу в определенной сфере или в рамках какого-нибудь вида деятельности.

Многонациональные банки являются очередным видом трансграничного сотрудничества, которые представляют собой банковские группировки транснациональных банков, которые основывают многофункциональные постоянно действующие банковские институты. Многонациональные банки развиваются на основе международных консорциумов, которые в свою очередь не ограничиваются сотрудничеством в отдельных сферах, и не имеют специализированного характера отношений. Данный вид сотрудничества строится на основе дочерних компаний родительских банков.

Рассмотрим, в каких формах может осуществляться международная банковская деятельность, так первым вариантом можно считать офисы, открытые в иностранном государстве, вторым вариантом, является сотрудничество без офисного центра. Примерами международной банковской деятельности через наличие офисного центра могут быть представительства, филиалы, агентства или дочерние банки, а сотрудничество в удаленном формате может осуществляться через участие банка в платежно-расчетных системах, через корреспондентские отношения и т. д.

Процесс глобализации позволил укрепиться межгосударственным банковским компаниям, в силу постоянного растущего спроса на транснациональные платежи, роста филиалов зарубежных банков в других государствах.

Для мировой экономики развитие транснациональных банков играет огромную роль, так как подобные финансовые институты пронизывают национальную экономику государств. Такие банки осуществляют работу путем перераспределения своего денежного капитала, тем самым влияют на денежную массу стран, что впоследствии ведет к изменению валютного курса и цен на финансовые активы соответственно.

Издание The Banker определяет, что банки Китая являются крупнейшими в мире, занимающими лидирующие позиции по капиталу первого уровня уже несколько лет (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Крупнейшие банки мира по объему капитала первого уровня

№	Страна	Наименование банка	Размер капитала первого уровня 2020, млрд.долларов
1.	Китайская народная республика (КНР)	ICBC	380,189
2.	КНР	ChinaConstructionBank	316,122
3.	КНР	AgriculturalBankofChina	277,608
4.	КНР	BankofChina	258,431
5.	США	JP MorganChase	214,432
6.	США	BankofAmerica	188,492
7.	США	WellsFargo	158,949
8.	США	Citigroup	155,805
9.	Великобритания	HSBC	148,359
10.	Япония	Mitsubishi UFJ	143,729

Источник: составлено авторами на основе данных [2]

Десятка лидеров сохранили свои позиции по сравнению с предыдущим годом. Значимость транснациональных банков не может быть подвергнута сомнению. Международные банковские структуры олицетворяют процесс глобализации, оказывая влияние на состояние всей системы международных экономических и валютно-финансовых отношений. Будучи своеобразным инструментом установления трансграничного сотрудничества, они способны влиять на динамику развития стран. Деятельность банковских гигантов необходимо контролировать как на национальном уровне, так и на мировом.

Далее рассмотрим, как же влияют новые реалии на банковскую систему, как отражаются на работе коммерческих банках. Конкуренция в банковском секторе выражается в отраслевом признаке, то есть деятельность без привязки к территории, в соответствии международным стандартам. Будучи мостом в трансграничных отношениях, осуществляется связь банковского и промышленного капитала.

Период глобализации вывел банковскую сферу на новый уровень, обеспечив ей стабильность и рост доходов, что позволяет определить интернационализацию как стратегию развития на много лет вперед. Государственная политика международных отношений дала основу развития межстранового сотрудничества, способствовала открытию офисов за рубежом, дала возможность быть участником международных операций и т. д.

В современных условиях информационные технологии стали движущей силой преобразований в работе банков. Все ценности и преимущества, такие как развитие сети филиалов, многосторонний характер, долговременность контрактов – все уходит на второй план, а реалии времени диктуют новые установки – развитие интернет-банкинга, и все что с ним связано (удаленная работа с клиентом, операции в онлайн режиме, круглосуточный доступ и т. д.). С учетом роста конкуренции снижение материальных затрат является возможностью для минимизации издержек и соответственно, снижения себестоимости с целью поддержания конкурентной цены.

По данным Forbes в 2020 г. китайская инвестиционная компания Citigroup инвестировала 2,2 трлн.долларов в проекты, связанные с интернетом, социальными медиа и электронной коммерцией. В Citigroup 70 % платежей обрабатывается на платформе AliPay [6]. Активный спрос на ресурс кредитора способствовал расширению электронной платформы. Данная платформа в 2019 г. в США обнародовала цифровой расчетный счет с GooglePay [7]. Можно сделать вывод, что партнерские отношения являются частью наиболее важных игроков банковской отрасли.

Цифровое будущее определяет и современная реальность, последствия пандемии во всем мире перевернули всю банковскую отрасль, смена тенденций, направлений развития стала как никогда реальной. Исследовательская фирма Statista изучила оценки лучших банков во всем мире, рассмотрим некоторые из них [6].

Амстердам банк ING Direct занимает лидирующее место в восьми странах. Данная компания известна как веб-банк на таких рынках, как Австралия, Германия и Испания, где он входит в первую пятерку. В год данный банк обрабатывает 4,5 млрд цифровых контактов [6]. Основная идея: «Сделать цифровые услуги едиными во всем мире». Технологические платформы едины, независимо от местонахождения клиента.

Интернет-банкинг стал основной деятельностью и для Nubank Бразилия, менеджмент которого придерживается мнения, что проникновение интернета и мобильных устройств является окном для развития банковских услуг [4]. Интернет-банкинг позволяет отказаться от дорогостоящих офисов и больших затрат на обслуживание, что является огромным преимуществом даже при конкуренции с крупными банками. Продажи по всей Южной Америке превысили все ожидания, в 2019 г. количество клиентов выросло с 6 до 20 млн.

Проведенный анализ позволил выделить основные направления работы транснациональных банков. Так, основой работы всех банковских объединений является интернет-банкинг, работа удаленно, минимизация затрат и издержек на обслуживание благодаря отсутствию офисных помещений, что позволяет держать конкурентный уровень цен, этим определяются новые черты банковского сектора.

Снижение стандартных банковских операций в пользу роста новых. В данном случае речь идет не только о платежных системах, но и способах продвижения на основе информационных технологий, изменения привычных банковских услуг.

Интеграция капиталов банка происходит как в масштабе государства, так и в межстрановом аспекте. Рост масштабности единичных банков приведет к частичной монополизации, но позволит укрепить конкурентные преимущества и нарастить ресурсы для выхода на зарубежные рынки.

Рост количества слияний и международного взаимодействия в рамках трансграничного сотрудничества приведет к стандартизации мировой банковской системы, так как формирование единой концепции будет происходить на примере и опыте лидирующих банковских гигантов.

Растущая конкуренция вынудит банки отказаться от узких видов деятельности. Банки вынуждены конкурировать одновременно во многих сегментах финансового рынка, причем не только друг с другом, но и с другими

финансовыми институтами – страховыми и инвестиционными фондами, финансовыми компаниями и т. д. [3].

Главным трендом ближайших лет будут являться изменения самого процесса работы с клиентами. В условиях пандемии стало более актуальным дистанционное обслуживание, решение вопросов через информационные технологии. Если раньше программные продукты выполняли функции сбора и обработки данных, то сейчас на их основе функционируют банки, не имея офисных центров и филиалов. С помощью информационных технологий появилась возможность работать независимо от территориальных границ. Интернет-банкинг открыл новые сферы деятельности, возможность привлечения клиентов; оформление банковских продуктов и решение вопросов можно осуществить удаленно. Конкуренция может вырасти в несколько раз, существенный перечень услуг могут осуществлять и телекоммуникационные фирмы. В условиях растущей конкуренции банки вынуждены минимизировать издержки, но при этом для того чтобы соответствовать современным тенденциям быстро развивающихся информационных технологий, банки увеличивают расходы.

Таким образом, можно отметить, что современные тенденции глобализации побудили банковские компании на международном уровне к кооперации и сотрудничеству. Процессы интернационализации банковского сектора позволили осуществлять межгосударственное сотрудничество путем открытия филиалов в других государствах, создания группировок и консорциумов. Рост числа субъектов выводит банковскую конкуренцию на новый уровень, задает новые тренды конкурентных преимуществ для привлечения клиентов и наличия стабильной доли рынка. Рассмотрение опыта лидирующих компаний позволило сделать вывод о растущих трендах относительно интернет-банкинга и электронных продуктов, что в свою очередь ставит банки в еще более конкурентные рамки, так как, имея цели минимизации издержек, электронные услуги являются привлекательной стратегией, но создание интернет-площадки и соответствие ее современным, быстро изменяющимся тенденциям требует больших затрат.

Список литературы

1. Альпидовская М.Л., Кладова А.А. Сущность и структура конкурентной среды рынка через призму теоретической экономики// [Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление](#). 2015. № 4. С. 9–27.
2. Крупнейшие банки мира -2020 [Электронный ресурс]: Мировые Финансы. - Режим доступа: [Крупнейшие банки мира - 2020 \(global-finances.ru\)](#) (дата обращения: 23.12.2020).
3. Носов В.А., Влезкова В.И. Международный банковский бизнес [Текст] : учеб.пособие / В.А. Носов, В.И. Влезкова. - Самара : Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2019 - 144 с. - Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1>
4. Nubank [Электронный ресурс]: Wikipedia. - Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Nubank>
5. Sales performance management software market revenues worldwide from 2019 to 2024[Электронныйресурс]: Statista. - Режимдоступа: <https://www.statista.com/statistics/796250/worldwide-sales-performance-management-software-market/> (датаобращения: 23.12.2020).
6. TheWorld'sBestBanks 2020 [Электронный ресурс]: Forbes. - Режим доступа: <https://www.forbes.com/worlds-best-banks/#319dd70d1295>(дата обращения: 23.12.2020).

7. The World's Best Banks: The Future Of Banking Is Digital After Coronavirus [Электронный ресурс]: Forbes. - Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/antoinagara/2020/06/08/the-worlds-best-banks-the-future-of-banking-is-digital-after-coronavirus/?sh=67a825fb2993> (дата обращения: 23.12.2020)

Об авторах:

САВЕЛЬЕВА Надежда Константиновна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, директор Института экономики и менеджмента. Вятский государственный университет, 610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36. E-mail: nk_savelyeva@vyatsu.ru, ORCID: 0000-0002-9497-6172 ;Spin-код: 6947-9660

ТИМКИНА Татьяна Алексеевна, преподаватель кафедры экономики, аспирант 2 курса. Вятский государственный университет, 610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36. E-mail: tatyana_timkina@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-4587-6033, Spin-код: 8426-1623.

COMPETITION OF TRANSNATIONAL BANKS: MAIN TRENDS AND WAYS OF DEVELOPMENT

N.K. Savelyeva¹, T.A., Timkina²

^{1,2} FGOBU VO "Vyatka State University", Kirov

The article is devoted to the problems of maintaining the competitive advantages of commercial banks for the implementation of financial transactions in cross-border markets. The aim of the study is to analyze the main trends in the development of the work of transnational banks in the context of globalization. The object of research is the world leaders of the international banking sector. In the process of research, the authors have analyzed theoretical and practical material used in general methods of scientific knowledge and statistical research. Scientific novelty lies in the development of the main directions for the development of the banking system at the international level, analysis of the experience of leading transnational banking companies in the context of a pandemic.

Keywords: *cross-border markets, commercial banks, competitiveness, financial markets, transnational banks.*

About the authors:

SAVEL'EVA Nadezhda Konstantinovna – Ph. D. (Economy), associate professor associate professor of the chair economics.Vyatka State University, 610000, Russia, Kirov, Moscow Str., 36. E-mail: nk_savelyeva@vyatsu.ru

TIMKINA Tat'jana Alekseevna – lecturer of the chair «Economics», post-graduate student of the 2st course.Vyatka State University, 610000, Russia, Kirov, Moscow Str., 36. E-mail: tatyana_timkina@inbox.ru

References

1. Alpidovskaya M. L., Kladova A. A. The Essence and structure of the competitive market environment through the prism of theoretical economy // VestnikTver state University. Series: Economics and management. 2015. No. 4. PP. 9–27.
2. Krupnejshiebankimira -2020 :MirovyeFinansy [The largest banks in the world -2020: World Finance]. URL:: [Крупнейшие банки мира - 2020 \(global-finances.ru\)](http://global-finances.ru)
3. Nosov V.A., Vlezkova V.I. Mezhdunarodnyj bankovskij biznes [International banking business], ucheb. Posobie [tutorial] URL:: <https://docviewer.yandex.ru/view/0>
4. Nubank: vikipediya, [Nubank: Wikipedia]. URL:: <https://en.wikipedia.org/wiki/Nubank>
5. Sales performance management software market revenues worldwide from 2019 to 2024: Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/796250/worldwide-sales-performance-management-software-market/> (accessed: 23.12.2020).
6. The World's Best Banks 2020: Forbes. URL: <https://www.forbes.com/worlds-best-banks/#319dd70d1295> (accessed: 23.12.2020).
7. The World's Best Banks: The Future Of Banking Is Digital After Coronavirus: Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/antoinagara/2020/06/08/the-worlds-best-banks-the-future-of-banking-is-digital-after-coronavirus/?sh=67a825fb2993> (accessed: 23.12.2020)

УДК 33 : [616-036.21 : 578.834.1]
doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.158–167

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРАХ СТРАН МИРА ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Е.В. Козырева¹, Н.В. Новикова²

^{1,2} ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Цель статьи – акцентировать внимание на том, что глобальная рыночная неопределенность порождает ряд внешних и внутренних проблем, решение которых изменяет стратегии экономического развития стран и требует от них концентрации и мобилизации всех имеющихся ресурсов. Авторами представлены существующие модели развития внешнеэкономической деятельности как модели прорывного экономического развития. Новизна работы заключается в том, что выделен критерий классификации стран в условиях глобальной неопределенности с учетом ценности человеческого капитала. Выделены группы государств, действующих в условиях пандемии с учетом их внешнеэкономических и внешнеполитических интересов на фоне трансформации человеческих ценностей. Обозначены внутренние проблемы, возникающие у стран в связи с пандемией и реализацией стратегий экономического развития, и внешние, существующие в целом в мировой экономической системе. Элементы научной новизны представлены в проведении анализа типовых стратегий правительств стран по решению возникающих проблем в условиях пандемии. Авторы определили перспективное направление развития стран в условиях нарастания глобальных вызовов и существующих ограничений.

Ключевые слова: внешнеэкономическая модель развития, стратегия импортозамещения, экспортная ориентация, ограничения, глобальные вызовы, интеграция, человек, человеческий фактор, типовые стратегии стран, финансовая помощь, неравномерность развития, транснационализация

Глобальная конкуренция заставляет разрабатывать такие стратегии экономического развития, которые обеспечивали бы стране прорыв в инновациях, технологиях и достойное место в мировой экономике. И это действительно возможно, поскольку такие примеры есть в мировой практике. Таким примером может быть Китай, где основой эффективной внешнеэкономической деятельности и залогом экономической безопасности страны в условиях ее открытости выступает развитие экспортного потенциала и всемерное содействие национальным экспортерам. Становление постиндустриальной концепции развития мировой экономики основывается на оценке реальных изменений, кардинально меняющих стратегии экономического роста экономик отдельных стран [1]. Отметим, что в настоящее время становится достаточно сложно реализовать стратегии прорыва технологий в условиях действия различных ограничений (торговых, санитарных, экологических, политических и др.).

Для экономического прорыва и завоевания лидерства в глобальном пространстве страны достаточно активно используют инструменты внешнеэкономической политики. Так, мировой опыт использования внешнеэкономических связей для преодоления экономического отставания сформировал две базовые модели внешнеэкономической политики. Первая предполагает преимущественную ориентацию на экспорт, вторая на замещение импорта [2, с.19].

Первая модель использовалась США в конце XIX века, а после второй мировой войны – в западноевропейских странах и Японии. И позднее такую модель стали использовать страны НИС (новые индустриальные страны), в период сброса технологий, то есть переноса их с территории развитых государств в развивающиеся.

Вторая модель была реализована в латиноамериканских странах, и отдельные ее черты были характерны СССР. Именно поэтому в тот период и проявилась ярко выраженная импортная зависимость российской экономики. Это и привело «к глубокой зависимости отечественной промышленности от импорта оборудования и запасных частей, некоторых сырьевых материалов и компонентов» [там же].

На практике же реализуется и третья модель, предполагающая одновременное использование инструментов и импортозамещения, и форсирования экспорта.

Хотя латиноамериканские и азиатские НИС развивались разными путями, используя различные модели развития, у них имеются также общие черты [3, с.19].

Таким образом, до действия ограничений в качестве прорывных стратегий страны применяли политику импортозамещения и (или) экспортной ориентации. На практике были апробированы различные модели с ориентацией на разные цели, задачи и приоритеты. Следует отметить, что в развивающихся странах они применялись гораздо шире, чем в развитых [2, с. 59]. И это объясняется тем, что в мировой практике импортозамещение применяется не только как средство экономического роста за счет преодоления провалов рыночной системы, но и как генеральная экономическая стратегия повышения ВВП на душу населения, то есть стратегии «догоняющего роста».

Правительства зарубежных стран прибегали к импортозамещению не только в условиях санкций, когда оно носило вынужденный характер, но и в период индустриализации национальной экономики, что получило отражение в термине «импортозамещающая индустриализация» [4]. Импортозамещающая политика в России осуществлялась и раньше. Так, проведенная индустриализация в середине 1930-х гг. декларировалась как курс на развитие импортозамещающих производств в стране [5, с. 129].

Торговые ограничения в виде санкций, принятые в 2014 г., повлияли на изменение моделей внешнеэкономической политики ряда стран. Таким образом, можно констатировать, что в 2016 г. некоторые страны изменили свои стратегии с экспортной ориентации на импортную.

Санкции, как форма торговых ограничений, вступившие в силу в 2014 г., по сути, определили новый вектор реализации модели

внешнеэкономической политики России, сочетающей в себе и политику импортозамещения, и наращивания экспортного потенциала.

В мировой практике импортозамещение определяется как часть промышленной политики (далее ПП) государства. Если рассматривать ПП, предполагающую импортозамещение, то это процесс, требующий применения инструментов и внешнеэкономической, и кредитно-денежной, и банковской, и инвестиционной, и инновационной политики и др., то есть должно быть задействовано много уровней хозяйствования и направлений деятельности государства. Таким образом, импортозамещение следует считать как составляющую часть экономической стратегии развития страны, иначе говоря, новый курс российской экономики.

Существуют три вида импортозамещения: импортозамещающая индустриализация, импортозамещающая диверсификация и вынужденное импортозамещение (на основе транснационализации) [4]. Нельзя не согласиться с данным мнением, что из названных вариантов стратегии импортозамещения именно импортозамещающая диверсификация должна осуществляться в нашей стране. Поскольку такая модель импортозамещения соответствует долгосрочным задачам развития российской экономики. Она предполагает активизацию участия российского бизнеса в транснационализации мировой экономики. Реализация модели импортозамещения на основе диверсификации позволит преодолеть внешнюю изоляцию РФ и создать внутренние благоприятные условия для ведения бизнеса.

В условиях санитарных ограничений, таких как пандемия, необходимо пересмотреть вновь экономические стратегии экспортного развития стран, поскольку закрытие границ обостряет внутренние их проблемы и противоречия, обусловленные сложившейся непропорциональной структурой экономики. Внедрение здоровьесберегающих технологий выступает показателем зрелости экономики страны.

Реализовать любую модель стратегии развития экспортной ориентации и (или) импортозамещения становится сложнее, поскольку есть отрасли, которые более и менее подвержены ограничениям, адаптированы к активному переформатированию применения цифровых технологий.

В странах, которые реализуют импортозамещающие стратегии, пандемия подтвердила их жизнеспособность или, наоборот, выявила их нежизнеспособность для решения задач в условиях глобальных вызовов.

Страны, продвигающие стратегии экспортной ориентации, притормозили планы ее реализации, соориентируясь на здоровьесберегающие технологии, или активизировали прорывные возможности наращивания экспортного потенциала, изучив конъюнктуру мирового рынка пандемии. При этом отдельные страны активизировали меры по реализации экспортноориентированной политики с учетом новой номенклатуры товаров и услуг и географических направлений экспорта. Для этого потребовались усилия в экспансии ТНК в отдельных странах, не способных решать внутренние проблемы за счет собственных национальных ресурсов, но при этом поддерживающих интересы внешнеэкономического сотрудничества и развития.

Следует также отметить тот факт, что в условиях пандемии отдельные страны сумели поддержать сложившиеся и укрепившиеся интеграционные связи независимо от эпидемиологической ситуации.

Представляется, что пандемия внесла существенные коррективы в глобальное пространство, разделив страны на две группы государств по уровню социально-экономического развития стран. В первую группу, мы бы отнесли те страны, которые, руководствуясь принципом гуманизма, признания человека высшей ценностью, и при этом невзирая ни на внутренние проблемы, ни на финансовые трудности, продолжают двигаться вперед к намеченному курсу. Так, в мировой практике есть страны, которые наращивают экономический потенциал, реализуя формы оказания различной финансовой помощи. Такое их отношение, конечно, заслуживает внимания и одобрения. Например, Китай, который одновременно является и страной-реципиентом, и страной-донором, оказал гуманитарную помощь более чем 120 странам мира, передав 37,6 тонн товаров медицинского назначения странам Центральной и Западной Африки и пожертвовав 20 млн долл. США Всемирной организации здравоохранения [5].

Ко второй группе государств можно отнести те, которыми движет главный образом финансовый интерес. Например, отдельные страны не хотят платить взносы в ВОЗ, отдавая свои предпочтения прямым внешнеполитическим интересам.

В мировой практике очень часто имели место быть факты неравномерности экономического развития: существование оси «Север-Юг» и «Запад-Восток», что подтверждает цикличность развития мировой экономики. Но на сегодня особый характер приобретают иные факторы, обуславливающие современное состояние неравномерности экономического развития стран – это человеческий, экологический и политический.

Безусловно, что ограничения 2014 и 2019 гг. повлияли на стратегии развития стран. При этом страны должны были очень быстро реагировать на глобальные вызовы, что демонстрирует необходимость гибкости не только в мышлении человека, но и в финансовом планировании потоков денежных средств для решения возникающих проблем.

Пандемия заставила человечество обратить внимание на глобальные проблемы, которые предстоит решать в условиях усиления неравномерного экономического и социального развития. Неравномерность развития затронет всех субъектов мирохозяйственных связей: страны с их народнохозяйственными комплексами, ТНК и ТНБ, международные экономические организации и региональные группировки, а также связи и отношения субъектов хозяйствования внутри страны.

Становится очевидным, что такое соотношение сил на мировой арене приведет, с одной стороны, к деградации человека, общества и государства, а, с другой, – привлечет внимание всего мирового сообщества к тому, что неоказание финансовой помощи разного вида (гуманитарной, военной и технической) может привести к изменению политической карты мира. При этом возможно возникновение разного рода катаклизмов биологического характера, обусловленных мутацией вирусов, и как результат, – распространение их по всем странам, поскольку усиливаются процессы миграции населения. Все это может привести к тому, что могут стираться с

лица земли отдельные народы, страны и регионы, и это поставит под угрозу национальный суверенитет отдельных государств.

Поэтому важное значение в условиях сегодняшних реалий приобретает активизация и укрепление сотрудничества в рамках существующих интеграционных объединений. Интеграционные группировки должны являться площадками для разработки глобальных интеграционных стратегий инновационного развития в условиях неопределенности и глобальных вызовов. И сейчас как никогда необходима разработка общей стратегии инновационного развития всем интеграционным группировкам с учетом условий и угроз деглобализации.

Становится очевидным тот факт, что должно существовать общее видение места страны в интеграционной группировке. Зная это место, которое отводится соответствующей стране, она приложит все усилия, чтобы сохранить и усилить свои позиции, а слабые укрепить. Именно доверие к государству со стороны человека в условиях пандемии стало звеном надежной опоры на настоящее и будущее. Человеческий фактор здесь играет особую, главенствующую роль.

Пандемия выявила проблемы у разных субъектов экономической системы и в разных сферах человеческой деятельности, начиная от пересмотра потребностей до их значимости и эффективности использования в будущем. Выстроилась иная цепочка ценностей: государство-общество-человек в мировой практике. Частные интересы стали основой всего, а общественные и социальные ценности, как бы ушли на второй план. Пандемия раскрывает все противоречия несовершенства социально-экономической системы. Поскольку потребность в оказании медицинской помощи прогрессивно возрастала по всему миру, то соответственно, усиливались и противоречия между странами. И сгладить их могли только те технологии, которые осваивались странами, имеющими научно-технический потенциал, выступающий фундаментом инновационного развития страны.

Страны, имеющие такой научно-технический потенциал, оказались на пике активности в решении проблем, связанных с пандемией.

Пандемия выявила и ряд внутренних проблем в странах мира и мировой экономической системе:

- негибкость структуры экономики отдельных стран. Здесь стоит напомнить, что большей мобильностью обладает малый и средний бизнес, а крупный наделен большой ресурсной базой. В связи с этим важно укреплять сотрудничество между этими видами бизнеса в целях достижения общего экономического интереса.

- непрофессионализм управленческих кадров и неспособность управлять в быстро меняющемся мире возможностей;

- отсутствие «подушки безопасности» у отдельных государств, организаций и населения в части формирования фондов на случай форс-мажорных обстоятельств;

- неэффективность действующих моделей функционирования по отдельным странам и отдельным отраслям. Как, например, модель медицинского обслуживания в США, основанная на самообеспеченности населения всеми видами медицинской помощи. Модель обязательного

государственного медицинского и социального страхования в странах, в числе которых и Россия, подтвердила свою эффективность как модель, сберегающая человека. Даже минимальные государственные стандарты по оказанию медицинской помощи доступны для всех членов общества и в условиях неопределенности и глобальных вызовов. Так, в Германии проходили лечение тяжелобольные граждане Франции, Италии и Нидерландов;

– существование сильной взаимозависимости государств в мировой экономике при решении глобальных проблем в условиях ограниченной ресурсной базы. При этом надо отметить, что принцип «авось пронесет», не является жизнеспособным. Страны оказывают не только финансовую помощь, они финансируют стартапы, сфокусированные на борьбе с COVID-19 в развивающихся странах. Например, проект Британской Верховной комиссии Масеру (Великобритания) на финансирование грантов в размере до 5 800 долл. США на борьбу с COVID-19 в Лесото, конкурс бизнес-планов Next Innovation with Japan (Япония), ориентированный на стартапы из 19 африканских стран [5] и др.

Нельзя забывать, что отдельные государства показали, наоборот, гибкость и мобильность использования своих ресурсов, быструю развертываемость производственной и социальной инфраструктуры для решения задач в условиях сложной эпидемиологической ситуации. Так, российские военные быстро среагировали, и был развернут полевой госпиталь на 140 мест в итальянском городе Бергамо. Следует признать, что мобилизация экономики отдельных государств и финансовая помощь, оказываемая странами, сдерживала социально-экономические последствия пандемии. Значительные последствия от пандемии претерпели те страны, которые находятся на зрелой стадии постиндустриализации, где доля занятости населения в сфере услуг более 70 процентов. Наиболее пострадавшими от коронавируса стали страны с высокой долей населения старшего возраста (Испания, Италия) и страны, в которых не вводились вовремя или не соблюдались гражданами ограничения (Великобритания, США, Швеция) [5, с. 258].

Департамент международного и регионального сотрудничества Счетной палаты России подготовил доклад об опыте государств в борьбе с пандемией. Он отразил позиции реагирования правительств ряда стран на начальных этапах борьбы с вирусом. Они применяли общие стратегии, но при этом действовали в зависимости от различных моделей общественно-политического устройства; с учетом социально-экономических и культурных особенностей, формирующих контекст принятия тех или иных решений правительствами государств и определяющих поведение граждан в сложной кризисной ситуации [6, с. 7].

В докладе выделено пять основных подходов (типовых стратегий) действия правительств в борьбе с пандемией:

1. Китайский путь основывался на избрании мер, предусматривающих жесткий контроль. В провинции Хубэй около 60 млн человек были помещены на карантин.

2. Европейский путь, предусматривающий карантин и ограничения на передвижение населения и предполагающий закрытие общественных мест и

заведений, кроме аптек и продовольственных магазинов, массовый перевод организаций на удаленный режим работы. Многие промышленные предприятия продолжали работу во избежание экономических потрясений. Но были и страны-исключения из европейского пути. Из списка европейских стран выделяется Италия, власти которой ввели карантин значительно позже других.

3. Южнокорейский путь предусматривал отслеживание контактов и требовал огромных усилий со стороны всех государственных органов страны, большого доверия к правительству. Считается, что данный путь показал хороший пример борьбы с пандемией.

4. Коллективный иммунитет – путь Швеции и Великобритании. Власти этих стран отказались от строгих карантинных мер в надежде на скорую всеобщую иммунизацию. Особое внимание уделялось людям пожилого возраста, так как они находятся в группе риска.

5. Американский путь не предусматривал выверенной стратегии. Вводилось чрезвычайное положение в нескольких штатах, была мобилизована национальная гвардия для сдерживания пандемии коронавируса в Нью-Йорке [5, с. 258].

Отметим, что нет универсальных методов борьбы с глобальными вызовами. Каждая страна выбирает свой путь. Но накопленный опыт межстранового взаимодействия позволяет странам выбирать наиболее эффективные методы государственного регулирования в условиях санитарных ограничений. Эффективными оказались те меры, которые являются достаточно строгими и применялись по мере воздействия.

Россия, мобилизуя ресурсы, сумела справиться и мобилизоваться для борьбы с распространением коронавирусной инфекцией. Кроме того, она оказывала, и будет оказывать финансовую помощь отдельным государствам, несмотря на всю сложность ситуации. Это демонстрирует факт того, что мобилизационная экономика может решать достаточно сложные задачи и в условиях нарастающей глобальной неопределенности. Поэтому неслучайно можно наблюдать рост военных расходов по отдельным странам мира. Страны Центральной Азии признают региональное взаимодействие эффективной формой отстаивания и продвижения своих интересов перед лицом грядущих угроз и вызовов [6].

Разрабатывая общую интеграционную стратегию развития стран, необходимо понимать, что она будет выступать тем ориентиром и инструментом, который будет вектором разработки стратегий для отдельных стран-потенциальных партнеров и компаний, реализующих ее на практике. Особое значение, на взгляд авторов, в этих стратегиях должно уделяться контролю ее реализации на основе соблюдения принципа открытости и коллегиальности. Стратегию прорыва должны поддерживать страны-партнеры и те компании, которые реализуют различные формы сотрудничества. На сегодня важное значение имеет оценка эффективности функционирования компаний. В будущем будет повышаться заинтересованность фирм во включении в различные рейтинги, в раскрытии информации о себе, но пока этот момент для России не настал. И это оправдано и в современных условиях, когда количество глобальных вызовов

растет, а ресурсобеспеченность стран сокращается, что обуславливает применение жестких мер при ведении конкурентной борьбы.

Мировой опыт показывает, что сильное государство – это то, которое воплощает в жизнь идеи, обеспечивающие соблюдение своих национальных приоритетов, активизируя интеграционные связи, ратифицируя и иницилируя новые конвенционные соглашения, учитывая экономическую и продовольственную безопасность, и конечно, не забывает про человека и человеческий фактор, а также его место в системе международного разделения труда.

Интеграционные стратегии инновационного развития предполагают активизацию участия российского бизнеса в транснационализации мировой экономики, а реализация стратегий импортозамещения и экспортоориентированности может меняться с учетом пандемии, определяя новые товарные позиции и новые сегменты внутреннего и внешних рынков. Представляется, что пандемию следует рассматривать как новую меняющуюся реальность и новые возможности для конкурентного развития компаний, регионов, стран и интеграционных группировок.

Очевидно, что внешнеэкономическая политика нашей страны и после пандемии продолжит новый курс стратегии развития экономики российского государства, позволяющей ей добиться лидирующих позиций в мировой экономике, невзирая на глобальные вызовы и эпидемиологическую обстановку.

Список литературы

1. Постиндустриальная экономика: концептуальные особенности развития и стратегии экономического роста стран-лидеров. Ларин С.Н., Соколов Н.А. Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 4. С. 309. (Электронный доступ) URL: (дата обращения 10.03.2021).
2. Государственная внешнеэкономическая политика РФ. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под общ. ред. А.Г. Авшарова. СПб.: Питер. 2012. 528 с. : илл. с.
3. Кубединова С.А. Стратегии и модели экономического развития новых индустриальных стран как основа конкурентных преимуществ. в сборнике: Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона. Материалы 11 Всероссийской научно-практической конференции. Посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии(филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте. Отв. редактор В.А. Олифиров, 2019. С.57. (Электронный доступ) URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37105316_78540627.pdf (дата обращения 10.03.2021).
4. Ворожейкина Т. Внешний фактор индустриализации Мексики и Бразилии // Мировая экономика и международные отношения. 1999. №7. С.59.
5. Заагашвили В.С. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России. (Электронный доступ) URL: <http://institutiones.com/general/2886-zarubezhnyi-opyt-importozamezcheniya.html> (дата обращения 23.03.2017).
6. Арупова А.А. Экономические стратегии развития стран Центральной Азии и Евразийский экономический союз В сборнике: Достижения науки в контексте повышения качества жизни и устойчивого развития общества. сборник научных статей между. научно-практ. конференции и IYВсероссийской (с международным участием) конференции. Под общ. редакцией А.А. арупова, 2019. с.14-23. (Электронный доступ) URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41272476_22405984.pdf (дата обращения 10.03.2021).
7. Опыт государств в борьбе с пандемией COVID-19. Сборник страновых кейсов. Август 2020 URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/casebook_COVID-19.pdf (дата обращения 19.11.2020).

Об авторах:

НОВИКОВА Наталья Владимировна – доцент, кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и управления, Тверской Государственный университет, e-mail: novikova73-1@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1206-9596, Spin-код: 4467-2523

КОЗЫРЕВА Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Тверского государственного университета 21october21@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3103-6386, Spin-код: 4580-8101

THE WORLD STRATEGIC GUIDELINES BEFORE AND AFTER THE PANDEMIC: PROBLEMS AND SOLUTIONS

E.V. Kozyreva¹, N.V. Novikova²,

^{1,2} FGBOU VO “Tver State University”, Tver

The authors draw attention to the fact that global market uncertainty changes the strategy of economic development of different countries. The authors analyze the existing models of the development of foreign economic activity as a model for economic breakthrough. The article identifies the groups of states operating in the context of the pandemic, taking into account their foreign economic and foreign policy interests against the background of the transformation of human values. The author investigates the internal problems that arise in countries in connection with the pandemic and the implementation of economic development strategies, and the external problems that exist in the global economic system as a whole. The authors study typical strategies of action of the governments of the countries on the solution of the emerging problems in the conditions of the pandemic. The article presents a promising direction for the development of countries in the context of increasing global challenges and existing restrictions.

Keywords: *foreign economic development model, import substitution strategy, export orientation, restrictions, global challenges, integration, human, human factor, standard country strategies, financial assistance, uneven development, transnationalization.*

About the authors:

NOVIKOVA Natal'ja Vladimirovna – Associate Professor, Philosophy Doctor in Economics, Institute of Economics and Management, Tver State University, e-mail: novikova73-1@mail.ru

KOZYREVA Elena Vladimirovna – PhD, assistant professor of civil law of Tver State University, e-mail: 21october21@gmail.com

References

1. Postindustrial economy: conceptual features of development and strategies of economic growth of the leading countries. Larin S.N., Sokolov N.A. *ulletin of Science and Practice*. 2018. T. 4. No. 4. P. 309. (Electronic access) URL: (date of access 10.03.2021).
2. State foreign economic policy of the Russian Federation. Textbook for universities. Third generation standard / under total. ed. A.G. Avsharova. SPb.: Peter. 2012. 528 s.: ill. from.
3. Kubedinova S.A. Strategies and models of economic development of newly industrialized countries as the basis of competitive advantages. in the collection: Financial, economic and information support of innovative development of the region. Materials of the 11th All-Russian Scientific and Practical Conference. Dedicated to the 75th anniversary of the Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "KFU im. IN AND. Vernadsky "in Yalta. Resp. editor V.A. Olifirov, 2019, p. 57. (Electronic access) URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37105316_78540627.pdf (date of access 03/10/2021).
4. Vorozheikina T. External factor of industrialization of Mexico and Brazil // *World economy and international relations*. 1999. No. 7. P.595.
5. Zaagashvili V.S. Foreign experience of import substitution and possible conclusions for Russia. (Electronic access) URL: <http://institutiones.com/general/2886-zarubezhnyi-opyt-importozamezcheniya.html> (date of access 03.23.2017).
6. Arupova A.A. Economic development strategies of the countries of Central Asia and the Eurasian Economic Union In the collection: Scientific achievements in the context of improving the quality of life and sustainable development of society. collection of scientific flock int. scientific and practical. conference and the IY All-Russian (with international participation) conference. Under total. edited by A.A. Arupova, 2019, pp. 14-23. (Electronic access) URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41272476_22405984.pdf (date of access 03/10/2021).
7. Experience of states in combating the COVID-19 pandemic. Collection of country cases. August 2020 URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/casebook_COVID-19.pdf (date of treatment 11/19/2020).

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК : 33.018; 330.368

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.168–177

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРЕЙМОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЫВОДЫ ДЛЯ ПРАКТИКИ*

Н.А. Шапиро¹, М.Ю. Курганская²

^{1,2}ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Цель исследования состоит в практической актуализации концепции новой поведенческой экономики, потому что практико-ориентированная направленность новой поведенческой экономики, по мнению её автора Р. Талера, ориентирована на принятие решений в сложных, редких, с недостаточной связью ситуациях, где последствия отложены, а результаты не определяемы. Пандемия covid-19 является тем фактором, который сделал последствия применения большинства известных экономических стратегий и мер регулирования слабо предсказуемыми по времени и содержанию. В качестве метода обоснования практической актуализации новой поведенческой экономики взят сравнительный анализ поведенческих концепций новой институциональной и поведенческой экономики с гипотезой рационального поведения ортодоксальной неоклассики и критика этой гипотезы в теориях новой институциональной и поведенческой экономики. Принципиальное разграничение концепций видится во фрейме (специальный термин новой поведенческой экономики), учете в нем влияния, оказываемого на решения, которые принимают экономические субъекты – индивидуумы. Констатация отличий в трактовках экономического поведения приводит авторов статьи к выводу о важности применения методов подталкивания в условиях неопределенности. Акцент на индивидуальном поведении субъектов, как правило, оправдан, а исследование актуально, когда институциональная структура экономики и традиционные макроэкономические инструменты утрачивают свою продуктивность в связи с ростом неопределенности, вызванным, как в настоящее время, пандемией covid-19.

Ключевые слова: гипотеза рационального поведения, теория институциональной экономики, новая поведенческая экономика, фреймы, архитектура выбора, политика подталкивания.

* Рекомендовано к публикации по результатам Международной научно-практической конференции «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты» (18 декабря 2020 г., Департамент экономической теории Финансового университета).

Пандемия covid-19 тормозит развитие экономики вне зависимости от экономико-политической, культурной и социально-гуманитарной принадлежности страны. Самое важное в понимании глубины ее влияния в том, что экономика не сможет восстановиться на прежних основаниях [14]. Пандемия привела к тому, что действовавшие до неё институты, призванные снижать неопределенность и риск в экономической среде, утратили свою регулирующую силу, а поиск новых и их установление требует времени. В таких условиях активное использование инструментов, предлагающих субъекту альтернативу в принятии решений, будет более продуктивным, а последствия менее деструктивны, чем слабо продуманное установление новой институциональной структуры.

Ресурсом для выработки индивидуальных альтернатив, которые стимулируют выбор решений, по нашему мнению, обладает концепция новой поведенческой экономики, несмотря на то, что поведение как факторов теоретической концептуализации присутствует и в институциональной экономике. В чем состоит отличие поведенческих подходов в новой институциональной и поведенческой экономике; почему акцент на потенциале новой поведенческой экономики наиболее релевантен для выработки решений по регулированию экономики в условиях неопределенности, попытаемся далее разобраться.

На рубеже XX–XXI вв. трактовки экономического поведения стали воплощением интеллектуальной моды и подверглись разным видам анализа и сопоставления. Среди русскоязычных экономических работ, комментирующих поведенческие подходы, отметим такие, в которых авторы погружаются в клубок разно-векторных концепций экономического поведения [11; 6–7; 3], показывая их оттенки [23; 22; 17; 21].

В рамках данной статьи сделаем два акцента, комментируя поведенческие концепции.

- Принято считать, что отправным пунктом для новой поведенческой экономики и ее основной концепции стала теория институциональной экономики [1; 4].

На первый взгляд, в поведенческих концепциях теорий новой институциональной и поведенческой экономики прослеживаются общие моменты. Теории институциональной и поведенческой экономики, представляют собой концептуальное оппонирование неоклассической ортодоксии в части критики рационального поведения экономических субъектов. Однако, при более внимательном изучении становится очевидно, что концепции новой поведенческой экономики не вытекают из концепции новой институциональной теории. Это две самостоятельные ветви критики гипотезы рационального поведения, и данное разграничение важно для практических целей.

Принципиальным в поведенческой концепции ограниченной рациональности институционалистов являются положения о том, что: человек принимает решение на основе внутреннего набора институтов; он ориентируется не на математические построения, а на здравый смысл; институты призваны снижать неопределённость во взаимодействии индивида с внешней средой [22].

В рамках новой поведенческой экономики иррациональность, индивидуума основана одновременно на объективных причинах (ограничена память, условия неопределённости), и на том, что он не может вполне пользоваться всем набором интеллектуальных составляющих [9], психологически реагирует на ресурсы контекста. Под ресурсом контекста следует понимать то, что у индивидуума уже есть в материальном или физическом смысле, или что он может приобрести в сопоставлении с потерями (времени, сил, здоровья, денег).

Каждая из концепций приближает неоклассического субъекта к реальности, но использует принципиально разные приемы. Институционалисты делают это через институты, которые призваны преодолевать когнитивную ограниченность человека. Если индивидуум с таким вариантом не согласен, то возникает оппортунистическое поведение. Новая поведенческая экономика исходит из того, что разные люди находятся в разных обстоятельствах, имеют разный опыт и уровень материального благосостояния, поэтому принимают разные решения при одних и тех же «условиях входа».

- Если принять вывод о том, что поведенческие концепции в новой институциональной и поведенческой экономики разные, то термин «новая», применительно к поведенческой экономике не является обычным. Его следует рассматривать в качестве идентифицирующего термина, как например, новая историческая школа.

Р. Талер считает своими предшественниками Д. Канемана и А. Тверски и их теорию перспектив [18], употребляет термин «новая» в идентифицирующем смысле [12], отделяя ее от концепции ограниченной рациональности, начавшейся Г. Саймона. Новая поведенческая экономика призвана объяснить, какие факторы влияют на психологию людей при принятии экономических решений, и как с учетом этих факторов разрабатывать рекомендации по управлению институтами. В хозяйственной деятельности обычных людей поведенческая экономика видит психологические закономерности, способные сделать действия индивидуумов предсказуемыми. Новая поведенческая экономика ставит своей задачей разработку методов стимулирования конкретного человеческого поведения, подталкивая его к определенному выбору.

Таким образом, исследования, оперирующие словами «поведенческая экономика» могут относиться к разным концептуальным направлениям: либо к традиционному, где речь идет об ограниченной рациональности в экономике или маркетинге [8; 10; 20], либо к новому, где речь идет об иррациональности реального поведения в сравнении с гипотезой рациональности [2].

Важнейшими инструментами или понятиями новой поведенческой экономики являются: «архитектура выбора», «подталкивание» и «фрейминг».

Контекст, в котором человек принимает решение, получил название «архитектура выбора» [13]. Учет контекста – принципиальное положение новой поведенческой экономики в ее критическом восприятии ортодоксии, которая игнорировала особенности пространства и времени. Институциональная экономика в качестве архитектуры выбора видела институциональную структуру общества. Новая поведенческая экономика исходит из того, что контекст выбора есть всегда и он не бывает

«нейтральным». Влияние контекста может быть нейтральным лишь в случае, если субъект крайне сосредоточен, обладает исчерпывающей информацией, развитыми когнитивными способностями и осуществляет полный самоконтроль, что никогда не присутствует в реальности в полном объеме. Субъект, формирующий контекст выбора для индивидуума, будет «архитектором выбора».

Формирование архитектуры выбора - инструмент предсказуемого влияния на принятие решения. Предсказуемое влияние на выбор, не запрещающего ничего и не требующего явно изменить свои экономические привычки, называется «подталкиванием» или «наджем» (от англ. *nudge* – подталкивать). От «подталкивания» легко уклониться, поскольку оно не предполагает наложения обязательств (в отличие от институтов).

Три вида социального влияния – информация, давление коллектива и фрейминг – являются способами подталкивания. Новым видом в инструментах влияния, который не был задействован в ортодоксальной и институциональной экономической теории, является фрейминг или формулировка решения.

Д. Канеман и А. Тверски, изучая принципы принятия решений экономическими субъектами, сформулировали некоторые выводы [18; 25]. В каждом конкретном случае принятия решения имеет место некая точка отсчёта, отталкиваясь от которой принимающий решение субъект производит оценку ситуации. Психика человека устроена так, что все результаты, находящиеся выше точки отсчета, воспринимаются как выигрыш, а находящийся ниже неё – как проигрыш/или наоборот, в зависимости от содержания проблемы выбора.

В отношении индивидуума действует принцип относительной чувствительности к выигрышам и потерям. Чувствительность человека к приращению своего благосостояния характеризуется не абсолютным количеством приращения, а его долей в уже существующем благосостоянии. Фиксируется этот принцип в понятии «неприятие потерь». Неприятие потерь обосновывается наличием в физиологии и сознании человека механизмов к выживанию (избеганию опасности).

Таким образом, можно сделать заключение, что поведенческая экономика обнаруживает модели в принятии решений экономическим индивидуумом в зависимости от вариантов будущих исходов, а не в зависимости от наличия набора устоявшихся институтов.

Понятие фрейминга вводится Д. Канеманом [5]. Индивидуум пассивно воспринимает заданную формулировку, и предложенная ему ограничительная рамка в его сознании воспроизводится как основание модели мира. Все его дальнейшее суждения колеблются внутри этого фрейма, а поиск альтернатив вне этой рамки требует значительных активных усилий и усилий по поиску информации.

Введение в анализ понятия фрейминга обнаруживает принципиальные отличия институционального поведенческого анализа от концепции поведенческой экономики. Институционалисты видят экономического субъекта действующим в рамках институтов, отклонение от рамок расценивается как оппортунистическое поведение. Д. Канеман же

подчёркивает, что для человека является естественным учет контекста ситуации, который отражается по-разному в сознании.

И если институционалисты полагают, что исходы ограниченной рациональности индивида хаотичны, то в рамках новой поведенческой экономики делается вывод, что иррациональное поведение обнаруживает закономерности. А ресурс влияния отражается со стороны регулятора во фрейминге.

К закономерностям относятся следующие поведенческие действия. Эффекта эндаумента, означающий, что люди склонны больше оценить уже имеющиеся блага, чем те, что в перспективе им доступны. Феномен «степень размера ставок», показывающий, что на практике при росте ставок или рисков выбор человека осложняется, т.к. человек боится возможных потерь. В случае, когда ставки низки, у индивидуума есть возможность для практики и приобретения опыта правильного принятия решений. В ситуации с высокими ставками такой возможности нет. Именно по этой причине неправильный выбор в случае высоких ставок встречается чаще, и с ним приходится смириться. К закономерностям поведения отнесен самоконтроль, с которым сталкиваются реальные люди, в отличие от рационального субъекта неоклассической теории. Для осуществления самоконтроля человек часто прибегает к нерациональным с точки зрения экономического человека действиям. Одним из способов осуществления самоконтроля можно считать чувство вины. Здесь закономерным в поведении является влияние предшествующей траектории развития. Решение, принимаемое человеком в настоящее время, находится в зависимости от его предшествующего опыта. Наконец, закономерность, имеющая прямое отношение к практикам регулирования, – это подталкивание. При реализации подталкивания предложены принципы, используя которые можно ненавязчиво мотивировать субъекта на принятие нужного решения. Это положение выражает основную задачу новой поведенческой экономики – найти способы достижения желаемых результатов за счёт работы с индивидуальными психическими процессами индивидуальных экономических субъектов.

Говоря о выводах для практики, следует отметить, что к формулированию фундаментальных положений авторов новой поведенческой экономики подтолкнули реальные финансовые практики. Они показывают, что положительных результатов можно добиться в различных условиях экономической и финансовой системы, при разных финансовых возможностях индивидуума [16], а, значит, нет необходимости выстраивать единую линию рационального поведения, важна гибкость стратегии.

Согласимся с автором новой поведенческой экономики, Р. Талером: применение политики подталкивания имеет широкие перспективы за границами финансовой сферы [12, с. 359]. Такое воздействие, вероятно, будет эффективно в сфере гендерных отношений [15], поскольку признание психофизиологических особенностей мужчин и женщин позволяет вписываться гендерной проблематике во фрейминг подталкивания. Политика подталкивания в гендерной сфере особенно важна для российского общества, где ещё мало формальных институтов, жестко регулирующих гендерные отношения. Инструменты подталкивания применимы и в образовании и в ряде

сфер, где нет возможности устанавливать жесткий институциональный порядок.

Примеры применения поведенческого подхода в гендерной сфере уже имеют место. В 2019 г. консалтинговая фирма BVG Nudge Unit оказывала структуре ООН ООН-женщины услуги по продвижению проекта HeForShe с использованием принципов, которые встраиваются в логику поведенческой экономики [19].

Влияние на гендерную проблему состоит в том, чтобы мотивировать большее число мужчин стать активными последователями идеи гендерного равенства, т. к. его декларация сама по себе не несёт ощутимых изменений в реальности.

В настоящее время улучшить положение дел в гендерной сфере государство пытается за счёт реализации таких мер, как развитие женского предпринимательства; проведение просветительских мероприятий; вовлечение большего числа женщин в сферу креативных индустрий, промышленность; проведение конкурсов, ориентированных на женщин и их истории успеха; создание программ повышения квалификации¹. Все перечисленное можно отнести к инструментам стимулирования активности женщин, но при этом неясно, что происходит с активностью мужчин?! Указанные действия не носят индивидуального характера, поэтому для более эффективного влияния целесообразно было бы использовать более адресные механизмы подталкивания.

Так, в период карантинных мероприятий по самоизоляции усугубилась нерешенность проблем непропорционального соотношения бытовой нагрузки мужчин и женщин. Ряд внешних рабочих функций переместились из офиса в квартиры и дома, и женщинам пришлось параллельно уделять ещё больше времени детям в связи с переводом школ на дистанционное обучение.

Проблема могла бы быть менее острой, если бы система общего образования способствовала повышению вовлечённости мужчин в воспитание детей и участия в быту. Можно выдавать детям на уроках такие задания, которые нужно было бы выполнить именно при участии отца, дедушки, старшего брата и т. д. Такой же прием можно использовать и в стимулировании работы по дому, побуждая через социальную рекламу, мужчин принимать решения о покупке бытовой техники (например, посудомоечной машины). Можно сопровождать такое решение комментариями о том, что используя бытовую технику, мужчина предоставит больше времени женщине для других дел и дома и на работе, не говоря о мотивации мужчин освободить женщин от физической работы в быту.

Разворачивая сеть вариантов ненавязчивого вовлечения мужчин в домашние и семейные дела, подталкивая их к участию в семейной жизни, есть высокие шансы приблизиться к неочевидному пониманию того, как обеспечить в обществе наличие значительного числа семей с эгалитарными

¹ Информация о ходе выполнения в 2019 г. плана мероприятий по реализации в 2019 - 2022 гг. Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2019 г. № 2943-р.// Официальный сайт Минтруд России, 2020. – URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/government/185> (дата обращения: 16.12.2020)

принципами распределения обязанностей на работе и по дому. Согласно новой поведенческой экономике, брак следует отнести к решениям со ставкой высокого уровня, где велик риск неудачного выбора. Поэтому в случае брачных отношений нужно не увеличивать вознаграждение за риск, а смягчить последствия неудачи, и задачей регулирования гендерных отношений является получение на выходе большого числа молодых людей с эгалитарными представлениями хотя бы среднего уровня, а не небольшого числа молодых людей с эгалитарными представлениями высокого уровня.

Таким образом, применение принципов поведенческого подхода открывает возможности для регулирования ситуации с равноправием через реализацию несложных шагов с конкретным предполагаемым результатом. Сопоставление двух видов концепций поведения в экономике новой институциональной и новой поведенческой экономики раскрывает разные возможности каждой в выработке практических инструментов воздействия на конкретных людей. Если, согласно институциональной экономике, институциональная структура как фрейминг обеспечивает долгосрочные тренды в поведении, который не под силу изменить отдельному человеку, то новая поведенческая экономика позволяет вырабатывать инструменты, стимулирующие альтернативный выбор, подталкивая человека к определенному решению. В таком случае фрейминг как условия выбора может меняться, развиваться многообразно во времени и формах, все зависит от креативности и нравственности целей архитектора выбора. Наличие возможности выбора снижает меру ответственности архитектора за конечный результат, а в человеке, совершающем выбор, есть надежда для воспитания ответственности за совершенный выбор, что открывает перспективы и для социальной активности граждан в создании благоприятной институциональной структуры общества.

Список литературы

1. Автономов В.С., Белянин А.В. Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы// *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 112–130.
2. Акерлоф, Дж., Шиллер, Р. *Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. 273 с.
3. Вольчик В.В. Культура, поведенческие паттерны и индуктивное мышление// *Журнал институциональных исследований*. 2016. Т. 8. № 4. С. 28–39.
4. Жданов Д.А. Пространство слаборациональных предпочтений: индивидуальные и национальные особенности // *Экономическая политика*. 2018. №4. С.108–133.
5. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ, 2013. 710 с.
6. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и "новый" патернализм. Часть I // *Вопросы экономики*. 2013. № 9. С. 66–90
7. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и "новый" патернализм. Часть II.// *Вопросы экономики*. 2013. № 10. С. 28–46.
8. Кирсанов И.А. Поведенческая теория формирования и использования бюджетов домашних хозяйств// *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2018. № 1. С. 230–231.
9. Кузнецов О. П. Ограниченная рациональность и принятие решений// *Искусственный интеллект и принятие решений*. 2019. №1. С. 3–15.
10. Мамаева Л.Н., Манахова И.В., Удалов Д.В. Поведенческая теория фирмы: истоки развития и современная интерпретация// *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2016. № 3. С. 22–27.

11. Раай В. Экономика и психология. Панорама экономической мысли конца XX столетия. Том 2. СПб, 2002. С. 973–991.
12. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо, 2018. 368 с.
13. Талер Р., Станстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 226 с.
14. Шапиро Н. А. Основания для восстановительного роста бизнеса после пандемии COVID-19// Научный журнал НИУ ИТМО. Серия "Экономика и экологический менеджмент". 2020. № 2(41). С. 58–64.
15. Шапиро Н. А., Курганская М.Ю. Пять тезисов новой поведенческой экономики Р. Талера и концептуализация гендерных проблем// Человеческие качества и человеческое поведение в экономической теории: Сборник материалов II Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики. М.: ИЭ РАН. 2020. С. 39–45.
16. Шапиро В.Я., Шапиро Н.А. Математическое моделирование поведенческих финансов. Российский опыт. Эссе. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2020. 92 с.
17. Heiner R. The Origin of Predictable Behavior// American Economic Review. 1983. Vol. 73. No. 4. P. 560–595.
18. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk// Econometrica. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 263–292.
19. Kurganskaya M., Pertaya M. Double Work of Women in Russia// International Research Conference "GSOM Emerging Markets Conference-2019". St. Petersburg, 2019. P. 366–368.
20. Mantashian J., Charon A. Using Behavioral Science to Engage 1 Billion Men for Gender Equality// The Behavioral Economics Guide 2019. 2019. P. 81–91.
21. Nelson D., Silberger E. Ideology and Legislator Shirking// Economic Inquiry. 1987. Vol. 25. No. 1. P. 15–25.
22. North D. C. Institutions, Institutional change and Economic performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
23. Simon H. A. A Behavioral Model of Rational Choice// Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69. No. 1. P. 99–118.
24. Sajeesh S, Hada M, Raju JS. The effect of consumer heterogeneity on firm profits in conspicuous goods markets// International Journal of Research in Marketing. 2020. No. 37 (2). P. 258–280.
25. Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty// Journal of Risk and Uncertainty. 1992. Vol. 5. No 4. P. 297–323.

Об авторах:

ШАПИРО Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, e-mail: v-shapiro@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6942-7518, Spin–код: 5260-7011.

КУРГАНСКАЯ Мария Юрьевна – аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, e-mail: mariakurganskaya.95@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3301-9547, Spin–код: 6600-0130.

COMPARATIVE FRAMES ANALYSIS IN INSTITUTIONAL AND BEHAVIORAL ECONOMICS: PRACTICAL CONCLUSIONS

N. A. Shapiro¹, M.Yu. Kurganskaya²

^{1,2} FGBOU VO "Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen", Saint-Petersburg

The purpose of the study is to practically actualize the concept of a new behavioral economy as the practice-oriented approach of the new behavioral economy is focused on making decisions in difficult and rare situations with insufficient communication, when the consequences are postponed, and the results can't be detected (according to its author R. Thaler). The covid-19 pandemic as the factor has made poorly predictable the impact of most of the known economic policies and control measures in terms of time and content. The author uses the comparative analysis of the behavioral concepts of the new institutional and behavioral economics with the hypothesis of rational behavior of orthodox neoclassicism and the theories of the new institutional and behavioral economics as a method to argue the practical relevance of the new behavioral economics. The fundamental differentiation of concepts is seen in the term of frame (a special term of the new behavioral economy), that includes the influence on the decisions made by economic subjects - individuals. The statement of the differences in the interpretations of economic behavior makes the authors of the article conclude that it is important to apply the methods of nudge while dealing with the conditions of uncertainty. Paying attention to the individual behavior of the subjects is mostly adequate and the study is relevant when the institutional structure of the economy and traditional macroeconomic instruments lose their productivity because of the growing uncertainty like today during the covid-19 pandemic.

Keywords: *hypothesis of rational behavior, institutional economics theory, new behavioral economics,*

About the authors:

Shapiro Natal'ja Aleksandrovna – Dr. of economic sciences, professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, e-mail: v-shapiro@mail.ru

Kurganskaja Marija Jur'evna – postgraduate student, The Herzen State Pedagogical University of Russia, e-mail: mariakurganskaya.95@gmail.com

References

1. Avtonomov V.S., Beljanin A.V. Povedencheskie instituty rynochnoj jekonomiki: k postanovke problemy// Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 2. S. 112–130.
2. Akerlof, Dzh., Shiller, R. Spiritus Animalis, ili Kak chelovecheskaja psihologija upravljaet jekonomikoj i pochemu jeto vazhno dlja mirovogo kapitalizma. M.: OOO «Junajted Press», 2010. 273 s.
3. Vol'chik V.V. Kul'tura, povedencheskie patterny i induktivnoe myshlenie// Zhurnal institucional'nyh issledovanij. 2016. T. 8. № 4. S. 28–39.
4. Zhdanov D.A. Prostranstvo slaboracional'nyh predpochtenij: individual'nye i nacional'nye osobennosti // Jekonomicheskaja politika. 2018. №4. S.108–133.
5. Kaneman D. Dumaj medlenno... reshaj bystro. M.: AST, 2013. 710 s.
6. Kapeljushnikov R.I. Povedencheskaja jekonomika i "novyj" paternalizm. Chast' I // Voprosy jekonomiki. 2013. № 9. C. 66–90
7. Kapeljushnikov R.I. Povedencheskaja jekonomika i "novyj" paternalizm. Chast' II// Voprosy jekonomiki. 2013. № 10. S. 28–46.

8. Kirsanov I.A. Povedencheskaja teorija formirovanija i ispol'zovanija bjudzhetov domashnih hozjajstv// Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie. 2018. № 1. S. 230–231.
9. Kuznecov O. P. Ogranichennaja racional'nost' i prinjatие reshenij// Iskusstvennyj intellekt i prinjatие reshenij. 2019. №1. S. 3–15.
10. Mamaeva L.N., Manahova I.V., Udalov D.V. Povedencheskaja teorija firmy: istoki razvitija i sovremennaja interpretacija// Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie. 2016. № 3. S. 22–27.
11. Raaj V. Jekonomika i psihologija. Panorama jekonomicheskoy mysli konca HH stoletija. Tom 2. SPb, 2002. S. 973–991.
12. Taler R. Novaja povedencheskaja jekonomika: pochemu ljudi narushajut pravila tradicionnoj jekonomiki i kak na jetom zarabotat'. M.: Jeksmo, 2018. 368 s.
13. Taler R., Stanstejn K. Nudge. Arhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi reshenija o zdorov'e, blagosostojanii i schast'e. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 226 s.
14. Shapiro N. A. Osnovaniya dlja vosstanovitel'nogo rosta biznesa posle pandemii COVID-19// Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Serija "Jekonomika i jekologicheskij menedzhment". 2020. № 2(41). S. 58–64.
15. Shapiro N. A., Kurganskaja M.Ju.Pjat' tezisov novoj povedencheskoj jekonomiki R. Talera i konceptualizacija gendernyh problem// Chelovecheskie kachestva i chelovecheskoe povedenie v jekonomicheskoy teorii: Sbornik materialov II Oktjabr'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam teoreticheskoy jekonomiki. M.: IJe RAN. 2020. S. 39–45.
16. Shapiro V.Ja., Shapiro N.A. Matematicheskoe modelirovanie povedencheskih finansov. Rossijskij opyt. Jesse. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2020. 92 s.
17. Heiner R. The Origin of Predictable Behavior// American Economic Review. 1983. Vol. 73. No. 4. P. 560–595.
18. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk// Econometrica. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 263–292.
19. Kurganskaya M., Pertaya M. Double Work of Women in Russia// International Research Conference "GSOM Emerging Markets Conference-2019". St. Petersburg. 2019. P. 366–368.
20. Mantashian J., Charon A. Using Behavioral Science to Engage 1 Billion Men for Gender Equality// The Behavioral Economics Guide 2019. 2019. P. 81–91.
21. Nelson D., Silberberg E. Ideology and Legislator Shirking// Economic Inquiry. 1987. Vol. 25. No. 1. P. 15–25.
22. North D. C. Institutions, Institutional change and Economic performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
23. Simon H. A. A Behavioral Model of Rational Choice// Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69. No. 1. P. 99–118.
24. Sajeesh S, Hada M, Raju JS. The effect of consumer heterogeneity on firm profits in conspicuous goods markets// International Journal of Research in Marketing. 2020. No. 37 (2). P. 258–280.
25. Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty// Journal of Risk and Uncertainty. 1992. Vol. 5. No 4. P. 297–323.

УДК 338.28

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.178–187

РОЛЬ ЗНАНИЙ И УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЯХ

Э.Р. Цицкиев

ФГБОУ ВПО «Финансовый Университет при Правительстве РФ» г. Москва

В статье рассматриваются актуальные методы и программы управления знаниями, объединяющие организационные, интеллектуальные и технологические компоненты. В современном мире знания стали ключевым ресурсом и предоставляют организациям возможности адаптироваться к неопределенности внешней среды. Целью данной публикации является исследование практики менеджмента знаний в отечественных корпорациях и разработка предложений по формированию эффективного инструментария управления знаниями в крупных компаниях с учетом их производственной специфики и стратегических целей. Элементами научной новизны являются предлагаемые автором научно – практические рекомендации по развитию комплекса инструментария управления знаниями в компаниях, которые позволят создавать эффективную информационно – коммуникационную систему, формировать и рационально перераспределять организационные и производственные ресурсы, выстраивать действенную систему мотивации и корпоративной культуры.

Ключевые слова: *управление знаниями, экономика, технологии, управление, бизнес-процесс.*

В современных реалиях в экономике знаний особую значимость приобретает поиск современных путей для повышения конкурентоспособности компаний. Одним из продуктивных инструментов является система УЗ. В условиях цифровой экономики наличие в компаниях эффективных систем управления знаниями является ключевым стратегическим фактором успеха, обеспечивающим инновационность и конкурентоспособность организаций.

Термин «управление знаниями», как организация и классификация информации и знаний в компании для поддержания ее деятельности и развития, оказался в центре внимания лишь в конце XX века. Хотя следует отметить, что менеджмент знаний не является новым явлением, так как в течение многих веков происходила «передача» технологических навыков и идей от человека к человеку. Многие исследователи утверждают, что данное понятие появилось в 1990-х гг. из-за проблем обработки информации в крупных корпорациях. На авторство создания термина «управление знаниями» претендуют американские ученые: Карл Виг, который впервые использовал определение «управление знаниями, Томас Давенпорт, определивший «управление знаниями как процесс сбора, распространения и эффективного использования знаний»; корпорация McKinsey. Все они сходятся во мнении,

© Цицкиев Э.Р., 2021

что успеха достигает именно та стратегия, которая выходит за пределы технологий и извлекает информацию в пределах самой корпорации, а у процесса «управления знаниями» не может быть единственного определения, так как для каждой организации ключевое понятие данного процесса может быть, по-своему особым. Поэтому они должны иметь собственное понимание работы по «управлению знаниями» исходя из поставленных целей и условий функционирования. В качестве объекта управления как раз и выступают знания корпораций [13].

Управление знаниями отличается от других организационных изменений тем, что осуществляет как отдельные разовые изменения, так и подготовительные ресурсы для дальнейшего совершенствования управлениями знаний в компании. Важное значение в исследовании подходов к определению процессов УЗ играет модель трансформации знаний Н. Икуджиро и Т. Хиротака – так называемая «спираль знания». Они выделяют две формы знаний: явные и скрытые (неявные). Первый вид знания (эксплицитный) – это субъективный вид знания, основанный на опыте. Эта форма представляет знания, выраженные в виде слов и цифр, которые могут передаваться в виде документа, инструкции или книги, а второй вид – неявный (тацитный) – объективный или рациональный, который можно объяснить другому индивиду, как словами, так и числами (формулами) (рис. 1). Вторая форма связана с интуицией, догадками, идеалами и ценностями. Этот разнообразность знаний – основа индивидуальных действий и опыта.

Р и с . 1. Знания организации

«Спираль знания» делится на 4 процесса: 1) социализация; 2) экстернализация; 3) объединение; 4) интернализация (рис. 2).

Р и с . 2. «Спираль знания»

Социализация как процесс распространения интеллектуальных моделей и технологических навыков при заимствовании опыта работы мастеров путем наблюдения, подражания и практики (без слов). Благодаря этому процессу, возникает дружественное знание – когда одному коллективу присущи общие умственные модели и технологические навыки. Экстернализация – процесс формализации без форменного знания посредством концепции, гипотез и моделей (диалог и коллективное раздумье). Данный процесс приводит к созданию смыслового знания. Комбинация – изменение внешнего вида существующей информации посредством сортировки, добавления, комбинации и классификации формализованного знания, что порождает новое знание. Комбинация – это всегда системное знание [11]. И, наконец, на этапе интернализации формируется операционное знание – знание производственного процесса. Изменения в области управления знаниями в организации или определенном отделе, обязаны давать начало изменениям в других, близких ему структурах, а также являться основой для следующих изменений.

Важная проблема управления знаниями это трудность их передачи. Это долгий процесс, который занимает много времени. Из-за сложности усвоения и передачи знаний, организации стараются брать на работу подготовленных специалистов, обладающих требуемым охватом знаний. Другая проблема связана с потерей знаний, при сокращении персонала. В таких случаях, западные компании обращались к переводу специалистов на более высокооплачиваемые должности консультантов [6]. Серьезной проблемой является – выбор наиболее важных сведений. Знания, чаще всего, делятся на главные и отдаленные. Важно определить, какая часть информации является ключевой, с важными задачами, решение которых подвластно только данной корпорации.

Одной из В4-консалтинговых компаний был сделан опрос в западных странах, с какими трудностями управления знаниями, встречались корпорации с годовалым опытом работы. В результате появились следующие проблемы:

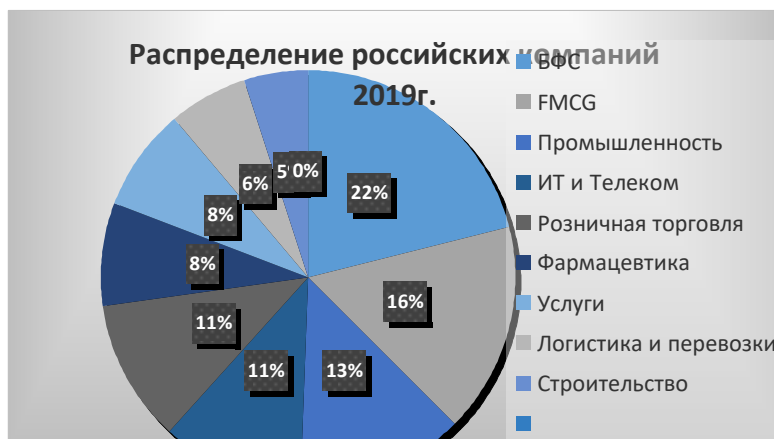
1. нет владельца процесса УЗ– 64 %;
2. нет времени – 60 %;
3. несовершенство структуры – 54 %;
4. отсутствие убежденности руководства – 46 %;
5. нет мотивации – 46 %;
6. больше внимание индивидуальной работе, а не командной – 45 %.

Изучение обмена знаниями показало, что компании, которые использовали сотрудничество с целью приобретения знаний, были наиболее конкурентоспособными. Более того, в таких компаниях финансовый показатель деятельности поднимался. Используя сотрудничество и передают знания внутри компании, такие корпорации наиболее эффективно отвечают на все потребности клиента.

Данная область менеджмента в России слабо развита и мало известна. Российские корпорации проходят те же этапы введения управления знаниями, но с большой задержкой. Из-за недостаточности распространения информации теории и практики УЗ, многие российские менеджеры неоднозначно трактуют данное понятие. В российских корпорациях к управлению знаниями относят процессы, связанные с развитием информационных технологий, схем для

оптимизации документооборота, хранения информации, ее поиска, электронные системы общения персонала и т. д. На сегодняшний день, можно смело утверждать, что наиболее активно системы УЗ используют корпорации с завышенной конкуренцией на рынке и госкомпании. Управление знаниями нужны в отраслях телекоммуникации, технологии, добывающем секторе, банковской сфере и в транспортной отрасли. Ряд компаний совершенствуются благодаря внедрению системы управления знаниями. К ним относятся: ПАО «ВТБ», ПАО «Сбербанк» (финансовая сфера), «Роскосмос», «РосГидро», «Росатом», «Ростех», «Роснасо» (государственные корпорации), ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл», ПАО «Зарубежнефть» и др. (нефтегазовый сектор), ПАО «Камаз», ПАО «Адмиралтейские верфи» (производственная сфера) и многие другие.

Выделяют ряд особенностей внедрения системы УЗ в компании РФ. Первое – это влияние внешней среды на включение системы УЗ. Распределение компаний по отраслям позволяет проанализировать и четко проследить связь между уровнем конкуренции в отрасли и активностью внедрения форм управления знаниями. Российские компании опираются на запросы внешних рынков и борются за конкурентные преимущества.

Р и с . 3. Распределение российских компаний 2019 г.

Вторая особенность – это выбор проектного подхода. Исследования «КМ Альянс» показывают, что значительная часть российских корпораций участвует в создании опытных проектов по менеджменту знаний. Министр финансов РФ отметил лидирующие проекты по обучению и развитию персонала, наполнению базы данных и распространению ИТ-решений. Он, отметил, что только 28 % имеют формализованную стратегию по управлению знаниями, а 2 % из них – разработанную политику в этой области. Следовательно, большая часть российских компаний не обладают системностью и комплексным подходом к программам по управлению знаний [16].

Третья особенность – отсутствие специалистов по менеджменту по управлению знаниями. Опрос, проведенный в 2008 г. «КМ Клубом», выявил, что только в 10 % отечественных организаций назначался директор по управлению знаниями. Последние исследования подтверждают тот факт, что 78 % компаний отдают управление знаниями не субъекту, а подразделениям, и

только 10 % имеют специалиста по менеджменту знаний. В остальных случаях, такая структура в ближайшем будущем не предусмотрена к созданию.

Одна из важных особенностей – четвертая – связана с системой финансирования. 55 % корпораций, распределяют деньги между подразделениями, что означает отсутствие отдельного бюджета УЗ. 30 % включая затраты на знание в обучение и развитие персонала, 10 % – включают на ИТ-функции и только 5% имеют отдельный бюджет на систему управление знаниями. Большая часть опрошенных, 80%, призналась, что система УЗ является важной частью стратегического подхода компаний [16].

Пятая особенность представлена кодификацией системы знаний, а точнее ее инструментами. Пользуются спросом инструменты, связанные с обучением персонала – 40 %, наполнением и созданием баз – 38 %, внедрением ИТ-решений – 36 %. По другим исследованиям, было так же подтверждено, что наиболее часто используемыми практиками являются применение информационных технологий и организационного обучения. 90,5 % сотрудников компаний назвали наиболее востребованными инструментами обмена неявными знаниями – обмен опытом в рамках семинаров и тренингов; 71,4 % – совещания и конференции с разбором и анализом совместного опыта; 57,1 % – выявление и решение организационных проблем; 38,1 % – инновационные конкурсы; профессиональные конференции – 33,3 %; кейс-клубы – 9,5 %; сторителлинг – 9,5 %.

Российские компании в конкуренции между собой, используют стратегию кодификации, а не персонализации, которая является наиболее успешной функцией УЗ. Для того, чтобы в российских корпорациях сформировалась организационная культура, необходимо реализовать несколько задач:

- все сотрудники признают знания ключевым ресурсом;
- устранение барьеров общения между сотрудниками;
- формирование мотивации у сотрудников для обмена знаниями между собой;

Самыми успешными инструментами управления знаний, в российских корпорациях стали:

1. База знаний. Базы знаний компаний «Газпром нефть» и «Лукойл».
2. «Бизнес-Википедия» ВТБ считаются наиболее развитыми.
3. Виртуальные группы экспертов. Пример: сетевые группы экспертов компании «Лукойл».
4. Сообщества практиков. В «Росатоме» есть социальная сеть профессиональных сообществ, где работают более 30 групп. В «Газпром нефти» 3 сообщества: сетевые, самоорганизующиеся и университетские.
5. Центры компетенций – производства, отвечающие за сбор и распространение опыта в определенной сфере. Примером служит «Газпром нефть», в котором на базе эффективных сбытовых структур создаются такие центры компетенций.
6. Сообщества брокеров знаний – представлены посредниками, которые ускоряют и упрощают распространение знаний между разными отделами компаний. Например, в компании «Крок» брокеры знаний способствуют свободному и открытому обмену знаниями между сотрудниками, создавая и

поддерживая неформальные связи, которые обеспечивают развитие такого взаимодействия.

7. Открытые инновации – поиск знаний и экспертов за границами корпорации. Коллективное творчество содействует решению проблем и продвижению производственных целей. Пример: Организованное «Сбербанком» в 2011 г. – 170-летие [16].

Проведенный анализ практики управления знаниями в российских компаниях, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Управление знаниями позволяет быстрее принимать обоснованные решения.

Главное преимущество эффективного управления информацией и обмена ею состоит в том, чтобы упрощать совместную работу групп. Здесь имеется в виду не только с практической точки зрения. Обмен информацией может иметь решающее значение для эффективного функционирования параллельных рабочих процессов. Кроме того, такая синергия важна и с культурной составляющей. Управление информацией и обмен информацией укрепляют доверие там, где компании больше всего в этом нуждаются: на пересечении человеческих и корпоративных потребностей. При создании нескольких открытых информационных каналов, руководители предприятий могут быстрее принимать решения. Сотрудники среднего звена могут быстрее высказывать свои идеи или опасения, а возможности или проблемы могут быть рассмотрены, как только они возникнут. В свою очередь, предприятие выигрывает время для принятия решения. Критически важная информация перемещается по цепочке быстрее, и благодаря регулярному обмену информацией вся организация становится ближе, увеличивая сотрудничество и доверие.

2. Управление знаниями способствует повышению квалификации сотрудников.

В наши дни во многих зарубежных корпорациях продуктивно работает обратная связь от разных уровней работников. Важно внедрить в практику наших компаний, чтобы разнообразная группа людей, с разным опытом и взглядами, вносила свои идеи и делилась опытом. Компании, которым не удастся гнаться за новыми идеями и инновационными подходами, недолговечны. Появляются более передовые компании и вырывают свою долю рынка прямо из-под них. Чтобы способствовать качественному менеджменту в критических ситуациях компании, необходимо предоставить сотрудникам ресурсы, необходимые для их саморазвития. Здесь УЗ становится все менее недоступным и более привычным делом. При правильном стимулировании, например помощи в оплате обучения, вы можете побудить сотрудников пройти обучение для развития своих практических знаний. Затем вы можете побудить этих же сотрудников распространять свои недавно приобретенные знания во благо компании, делаясь знаниями дальше.

3. Управление знаниями помогает избежать дублирования работы

Управление информацией компании – и обмен ею с помощью возможностей обучения сотрудников, перекрестного обучения и улучшения внутрифирменных коммуникаций – может сформировать более богатый набор навыков среди ваших сотрудников. Но это также ключ к тому, чтобы помочь вам избежать увольнения сотрудников. То есть скорость передачи

информации в вашей компании напрямую зависит от количества дублированных усилий, которые вы тратите впустую. Если у вас несколько команд, работающих изолированно, и они обе начинают одну и ту же работу с нуля, это необоснованная трата усилий. Если вместо этого команды сообщают друг другу о своей работе, они могут поделиться своими знаниями и избежать дублирования проектов. Для этого нужна команда и корпоративная культура обмена информацией. Обеспечивая прозрачное планирование проектов, и создавая больше возможностей для общения команд, команды могут оставаться в курсе последних проектов и планов. Это позволяет командам обмениваться информацией о том, над чем они работают, как они это делают и есть ли возможности для сотрудничества.

4. Управление знаниями предотвращает накопление знаний в одном сотруднике

Текучка кадров может препятствовать росту компании в целом. Однако обеспечение правильных процессов УЗ может снизить риски компании от увольнения специалиста. «В некоторой степени человек не делится знаниями и опытом, потому что, боится соперничества, в следствии недополучить внимание от руководства», - отмечает Уильям Крейг из фирмы цифрового маркетинга WebFX. «Например, если один сотрудник всегда продает больше, чем остальная часть его команды, он, вероятно, выглядит очень ценным для руководства. Поэтому, если он поделится своими знаниями с командой, этот сотрудник может опасаться, что вся команда будет делать больше продаж, и он больше не будет выделяться». Управление знаниями и обмен знаниями являются ключевыми элементами непрерывности работы компании во все времена. Если случится так, что надо уволить одного или нескольких сотрудников из-за бюджетных ограничений или сотрудник сам добровольно уходит, вы будете готовы. Обеспечивая готовность других сотрудников с аналогичным опытом, уровнем опыта и знаний, вы можете гарантировать, что компания не пострадает.

5. Создание единой программной платформы для обмена, изучения и хранения информации.

Своевременная и эффективная передача информации между сотрудниками – это одно из направлений управления знаниями. Притом, что любая современная организация может работать над созданием библиотеки общих ресурсов или базы данных знаний, некоторые из лучших практик обмена знаниями в реальной жизни происходили случайно. Для этого компании необходим удобный в использовании и надежный инструмент связи, позволяющий беспрепятственно обмениваться информацией и знаниями всем сотрудникам организации, начиная с управленческих кадров, заканчивая самыми низкими кадрами организации. Данная платформа также сможет хранить знания организации для обучения нового персонала, что в свою очередь позволит снизить текучку кадров и сформировать профессиональную и компетентную команду.

Проанализировав систему УЗ в отечественных компаниях, можно заметить, что данная область менеджмента мало развита, либо не представлена вовсе. Российские компании в отличие от зарубежных, проходят все те же стадии введения управления знаниями, но это значительно занимает больше времени и сил. В российских компаниях к УЗ можно отнести ряд процессов,

связанные с внедрением и развитием ИТ, оптимизации и безопасности документооборота, удобное хранения стратегической информации, ее поиска и платформы для общения персонала. Смело можно сказать, что те компании, которые качественно и эффективно управляют знаниями организации, занимают лидирующие позиции в своих сферах. Данные автором рекомендации позволят отечественным компаниям стать более конкурентными как на российском рынке, так и на мировом. На данной же платформе хранить все знания компании, даже самого узкого специалиста, что позволит быть готовым к увольнению сотрудников. Также на данной платформе ввести учебные курсы, практические задания для повышения квалификации сотрудников. Предлагается выработать такую систему передачи информации, где сотрудник низшего звена сможет быстро и беспрепятственно передать важную информацию до руководства и т. д. Рекомендуются стимулировать сотрудников к получению новых знаний извне с дальнейшим применением и распространением их внутри компании. Предлагается разработать общую платформу для всей организации, для прозрачности выполнения работ, что поможет обмениваться опытом и не допускать повторных ошибок.

Список литературы

1. Асаул А. Н., Павлов В. И., Менеджмент корпорации и корпоративное управление / А.Н. Асаул, В.И. Павлов., Ф.И. Бескиеръ., О.А. Мышко // Экономика. Экономические науки. – 2—6. – СПб. - ISBN: 5-86050-251-6
2. Басаев З.В. Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации // Мир новой экономики. 2018. М. - ISSN: 2220-6469.
3. Барыкин С.Е. Логистическая методология управления финансами корпорации // Аудит и финансовый анализ. 2007. М. - ISSN: 2618-9828.
4. Беляева И.Ю., Данилова О.В., Федотова М.А. Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 7-16.- DOI: 10.24143/2073-5537-2020-1-7-16
5. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. - DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.
6. Воскресенская Ю.В. Управление знаниями – новый вид организационных изменений // Вестник университета. 2013. М. - ISSN: 1816-4277.
7. Герасимов Б.Н., Чумак В.Г. Социальные технологии в управлении // Экономика. Экономические науки. 2014. -Самара. - ISBN: 978-5-93424-702-8.
8. Данилова О.В. Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 2. С. 95-104. – М. - ISSN: 2219-1453
9. Зайчинко А.И., Мартынов Б.В. Управление бизнесом в условиях цифровизации экономики // Интеллектуальные ресурсы. 2018. №1. М.: Ростов.
10. Зимова Н.С. Особенности внедрения системы управления знаниями в российских компаниях // Научный результат. Социология и управление. 2019. М. - DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-7
11. Ильюк В.В. Управление конкурентоспособностью работников организации на основе развития системы внутреннего контроля. М. 2012.
12. Капранова Л.Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика и управление. – 2018. - DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-2-58-69.
13. Макеев О.А. Внедрение самой крупной в России системы управления знаниями KMS Lighthouse «Бизнес-Википедии», 2018. URL: <http://globalcio.ru/live/projects/391/>(дата обращения: 04.08.2019)
14. Огнивцев С.Б. Цифровизация экономики и экономика цифровизации АПК // Международный сельскохозяйственный журнал. 2019. М. - DOI: 10.24411/2587-6740-2019-12034.

15. Панышин Б.Н. Цифровая экономика: понятия и направления развития // Наука и инновации. 2019. М. – ISSN: 1818–9857.
16. Ступина Е.Е. Особенности внедрения системы управления корпоративным контентом для образовательных учреждений / Образование. Технология. Сервис . - Новосиб. гос. пед. ун-т. - Новосибирск : НГПУ, 2019. - С. 259–262. - Библиогр.: с. 262 (3 назв.).- URL: <https://lib.nspu.ru/views/sbo/24158/read.php> (дата обращения: 04.02.2021) .
17. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. М. – ISSN: 1726–1139.

Об авторе:

ЦИЦКИЕВ Эмир Русланович – аспирант, департамент корпоративных финансов и корпоративного управления Финансовый Университет при Правительстве РФ, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49, mail: emir.tsitskiev@bk.ru, Orcid: 0000-0003-3594-9438, SPIN-код автора: 6721-9876.

Сведения о научном руководителе:

ДАНИЛОВА Ольга Викторовна – профессор, доктор экономических наук департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый Университет при Правительстве РФ, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49, e-mail: danilovaov@yandex.ru, Orcid: 0000-0003-3821-6408, SPIN-код автора: 8379-8969.

THE ROLE OF KNOWLEDGE AND KNOWLEDGE MANAGEMENT IN RUSSIAN CORPORATIONS

E.R. Tsitskiev

FSOBU VPO “Financial University under the Government of the Russian
Federation”, Moscow

The article discusses current knowledge management methods and programs that combine organizational, intellectual and technological components. In today's world, knowledge has become a key resource and allows organizations to adapt to the uncertainty of the external environment. The purpose of this publication is to study the practice of knowledge management in Russian corporations and develop proposals for the formation of effective knowledge management tools in large companies, taking into account their production specifics and strategic goals. The scientific and practical recommendations proposed by the author for the development of a set of knowledge management tools in corporations will allow to create an effective information and communication system, form and rationally redistribute organizational and production resources, build an effective system of motivation and corporate culture

Keywords: *Knowledge management, economics, technology, management, business process*

About the author:

TSITSKIEV Emir Ruslanovich – Postgraduate student, department of

corporate finance and corporate governance, Financial University under the Government of the Russian Federation. Russian Federation, 125993 (GSP-3), Moscow, Leningradskiy prospect, 49, e-mail: emir.tsitskiev@bk.ru

About the research supervisor:

DANILOVA Ol'ga Viktorovna – Professor, Doctor of Economic Sciences, department of corporate finance and corporate governance, Financial University under the Government of the Russian Federation. Russian Federation, 125993 (GSP-3), Moscow, Leningradskiy prospect, 49, e-mail: danilovaov@yandex.ru

References

1. Asaul A.N., Pavlov V.I., Corporate Management and Corporate Governance/A.N. Asaul, V.I. Pavlov., F.I. Beskierz., O.A. Myshko//Economics. Economic sciences. – 2—6. - Spb. - ISBN: 5-86050-251-6
2. Basayev Z.V. Digitalization of the economy: Russia in the context of global transformation//The world of a new economy. 2018. M. - ISSN: 2220-6469.
3. Barykin S.E. Logistics Methodology for Corporate Financial Management//Audit and Financial Analysis. 2007. M. - ISSN: 2618-9828.
4. Belyaeva I.Yu., Danilova O.V., Fedotova M.A. Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2020. № 1. C. 7-16.- DOI: 10.24143/2073-5537-2020-1-7-16
5. Bay R., Hicks R. Definition, concept and measurement of the digital economy//Bulletin of international organizations. 2018. - DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.
6. Voskresenskaya Yu.V. Knowledge management is a new type of organizational change//University Bulletin. 2013. M. - ISSN: 1816-4277.
7. Gerasimov B.N., Chumak V.G. Social technologies in management//Economics. Economic sciences. 2014. -Samara. - ISBN: 978-5-93424-702-8.
8. Danilova O.V. Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management. 2019. № 2. Page 95-104. - M. - ISSN: 2219-1453
9. Zaichinko A.I., Martynov B.V. Business management in the conditions of digitalization of the economy//Intellectual resources. 2018. №1. M.: Rostov.
10. Zimova N.S. Features of the implementation of the knowledge management system in Russian companies//Scientific result. Sociology and management. 2019. M. - DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-7
11. Ilyuk V.V. Managing the competitiveness of employees of the organization based on the development of the internal control system. M of 2012.
12. Kapranova L.D. Digital economy in Russia: state and development prospects//Economics and management. – 2018. - DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-2-58-69.
13. Makeev O.A. Implementation of the largest knowledge management system in Russia KMS Lighthouse "Business Wikipedia," 2018. URL: <http://globalcio.ru/live/projects/391/> (case date: 04.08.2019)
14. Ognitvsev S.B. Digitalization of the economy and the economics of digitalization of the agro-industrial complex//International Agricultural Journal. 2019. M. - DOI: 10.24411/ 2587-6740-2019-12034.
15. Panshin B.N. Digital Economy: Concepts and Directions of Development//Science and Innovation. 2019. M. - ISSN: 1818-9857.
16. Stupina E.E. Peculiarities of corporate content management system implementation for educational institutions/Education. Technology. Service. - Novosib. State Ped. un-t. - Novosibirsk: NGPU, 2019. - C. 259-262. - Bibliography: p. 262 (3 names) .- URL: <https://lib.nspu.ru/views/sbo/24158/read.php> (circulation date: 04.02.2021).
17. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks//Management consulting. 2018. M. - ISSN: 1726-1139.

УДК 336

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.188–197

АСИНХРОННОСТЬ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОЛГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИКЛИЧНОСТИ*

И.В. Тишин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья нацелена на выявление особенностей современного института государственного внутреннего долга регионов Российской Федерации, а именно – на подтверждение факта цикличности и асинхронности современных долговых отношений в России. Научная новизна работы представлена анализом современных тенденций в области объемов государственных долговых обязательств регионов России, а также установлением эмпирической взаимосвязи между основными формами долга. По результатам работы представлен желаемый сценарий дальнейшего развития одной из ключевых форм государственных долговых отношений – бюджетного кредитования, а также проработаны вопросы адаптации модели антицикличности Джона Мейнорда Кейнса.

Ключевые слова: *цикличность развития государственных долговых отношений, асинхронность развития, бюджетный кредит, государственные ценные бумаги, прямые банковские кредиты, государственные гарантии, кейнсианская модель экономики.*

Следует обозначить, что в работе понимается под цикличностью и асинхронностью развития долговых отношений. Начнем с цикличности [6]. Начинается цикл с отсутствия внутренних и внешних долгов, затем наступает переломный момент (например, необходимость отстаивать собственный суверенитет или проводить активную внешнюю политику), в ходе которого начинается осуществление займов. Затем начинается активная разработка новых институциональных норм, направленных на сокращение объема долга. И последняя стадия – достижение необходимого результата или сокращение государственного долга до приемлемого уровня. Данный цикл проявляет свой недостаток в том, что средства государственного долга имели направление далеко не на экономическое развитие, а источники погашения долга, наоборот, изымались из экономики, что ярко демонстрирует нам двойной удар по секторам социально-экономического содержания. Причем цикличность отношений характеризует становление каждого нового цикла на более высоком уровне. Здесь речь идет не только о новых методах управления долгом или о новых причинах его возникновения. Имеется в виду еще и то,

* Рекомендовано к публикации оргкомитетом Межрегиональной научно-практической конференции молодых учёных «Россия в глобальном мире» (07 декабря 2020 г., Тверь).

что каждый подобный цикл все сильнее и сильнее наносит вред российской экономике. Следовательно, необходимо искать подходы к преодолению подобной цикличности.

Остается ответить на вопрос, почему цикличность воспроизводится. На первый взгляд, может показаться, что причинами данного явления были внешнеполитические казусы, ведь именно они зарождали новый виток циклического развития. Отчасти это так. Но это не причина цикла, это причина осуществления займов. Причинами же цикла были неэффективные нормы, а также несвоевременные или наоборот запоздалые нормы, которыми пытались их преодолеть.

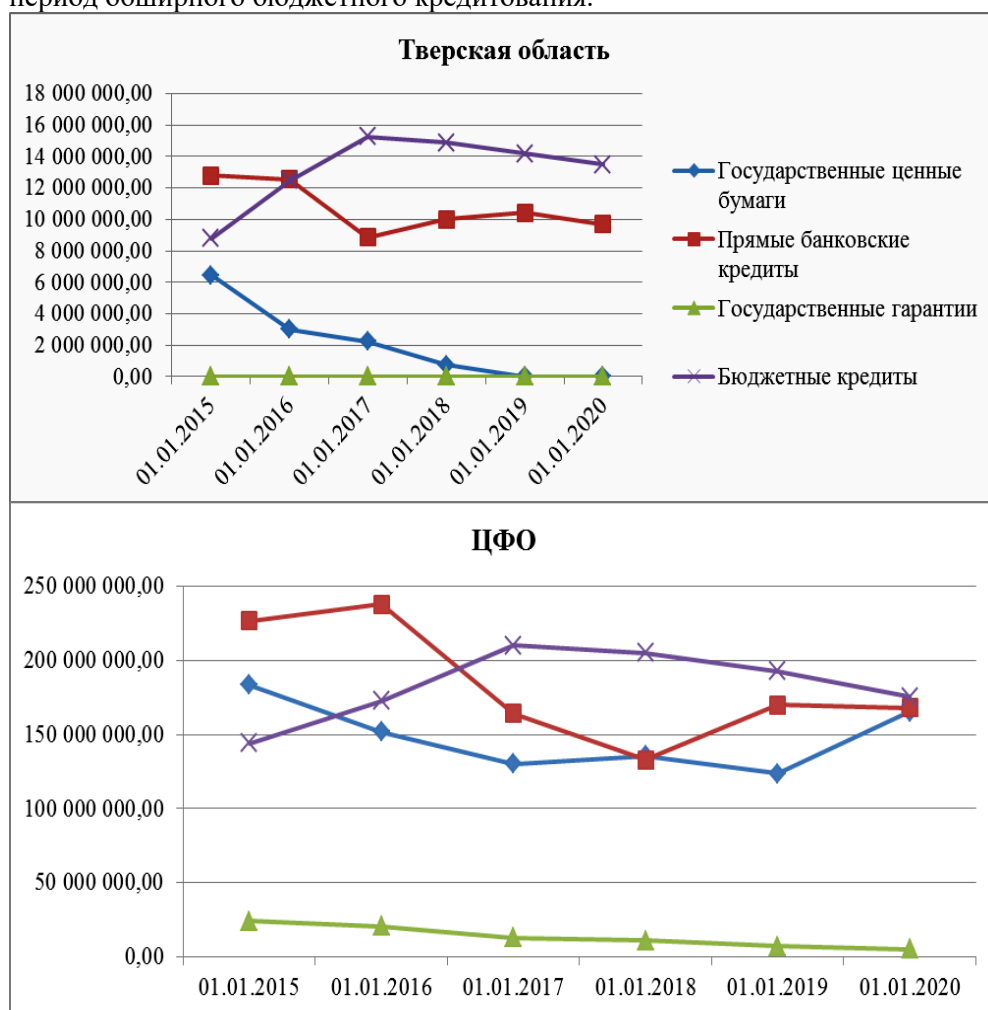
Перейдем к вопросу асинхронного развития [3]. У него есть две стороны, которые мной уже отмечены – проблема запоздалости и преждевременности мер. С течением определенного промежутка времени некоторые процессы уже плохо поддаются урегулированию. А преждевременно принятые меры чреваты искаженным восприятием и некачественной реализацией.

В рамках данного исследования будет рассмотрена одна из таких норм, которая одновременно является и современной формой долговых отношений – бюджетное кредитование.

Бюджетный кредит [2] – это самая дешевая форма государственных долговых обязательств. Ставка по ним установлена в размере 0,1 % годовых, а для мероприятий, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и прочих аварий, в размере 0 % [1]. К тому же данный кредит не требует никакого обеспечения. Однако для получения данного кредита необходимо выполнение ряда условий, например, отсутствие расходов, не отнесенных к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ, отсутствие просроченной задолженности, поддержание предельного объема дефицита бюджета на уровне 15 % от суммы доходов регионального бюджета без учёта трансфертных поступлений и т.д. К тому же следует упомянуть о целевом их использовании. Целями использования данных средств могут быть только: частичное покрытие дефицита, ликвидации временных кассовых разрывов бюджетов субъектов РФ и ликвидация стихийных бедствий. Данный тип долговых отношений на текущий момент является искаженно-модифицированным. С одной стороны, он преследует стимулирующую цель, оказывая поддержку нижестоящим бюджетам средствами, фактически не имеющими платности. С другой стороны, особенности применения данного инструмента чрезвычайно асинхронны – им пользуются только тогда, когда иного выхода уже нет, а цели его исключительно формальные. Все это можно подтвердить на практике (рис. 1, см. ниже) [5]:

Попробуем выстроить в целом картину происходящего за период. Тенденция по округу, следующая: бюджетные кредиты позволили отказаться большинству регионов от более дорогих источников финансирования дефицита. Не трудно заметить существенную разницу в их представлении. В рамках кризисной ситуации регионы стараются сократить стоимость обслуживания государственного долга. Этому во многом способствует предоставление федеральным бюджетом дешевых бюджетных кредитов субъектам страны. Специфика отношений отходит от традиционно долговых в сторону искаженно-модифицированных. Денежные положительные результаты данной меры очевидны, однако присутствуют и деструктивные изменения. Здесь, безусловно, следует отметить регресс на рынке

государственных региональных ценных бумаг, объем которого сокращался в период обширного бюджетного кредитования.

Р и с . 1. Объем государственного внутреннего долга Центрального федерального округа и Тверской области по видам долговых обязательств за период 2014 – 2019 гг., тыс. руб.

Следует отметить и период 2018–2019 гг., когда приостановление объемов бюджетного кредитования обеспечило рост прямого банковского кредитования.

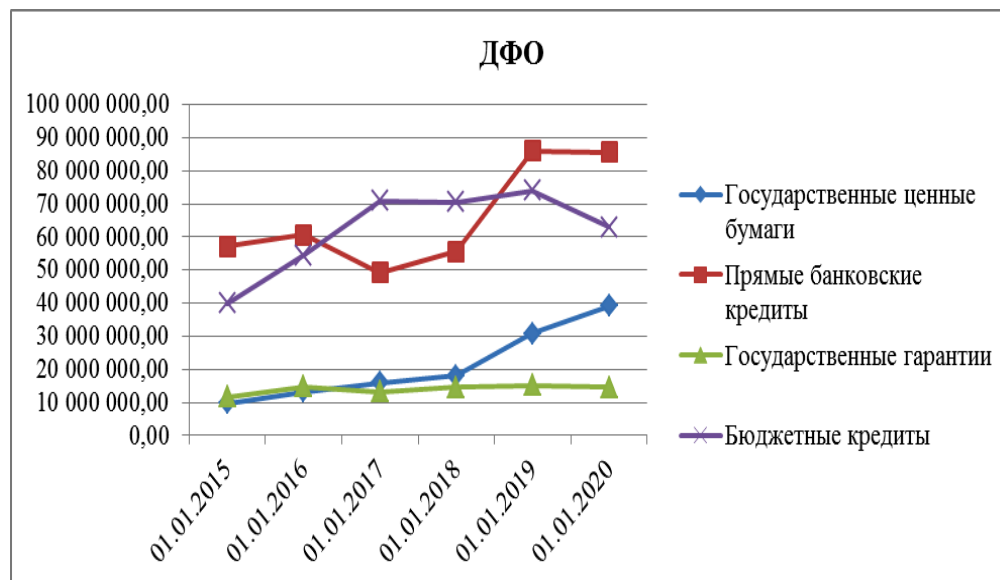
Отрицательно можно охарактеризовать ситуацию в области государственных внутренних долговых отношений в форме государственных гарантий, размер которых приближается к нулю, что свидетельствует о минимизации стимуляционного направления в этой области. Здесь следует отметить еще и тот факт, что, если по окончании 2014 г. было 6 регионов, не предоставляющих государственные гарантии, то на 01.01.2020 их количество увеличилось до 15. Несколько похожая ситуация в области модифицированных государственных внутренних долговых отношений на рынке государственных региональных ценных бумаг – в 2014 г. было 7 регионов, которые не прибегали к осуществлению данных займов, а в 2019 г. таких регионов стало 9. Масштабы

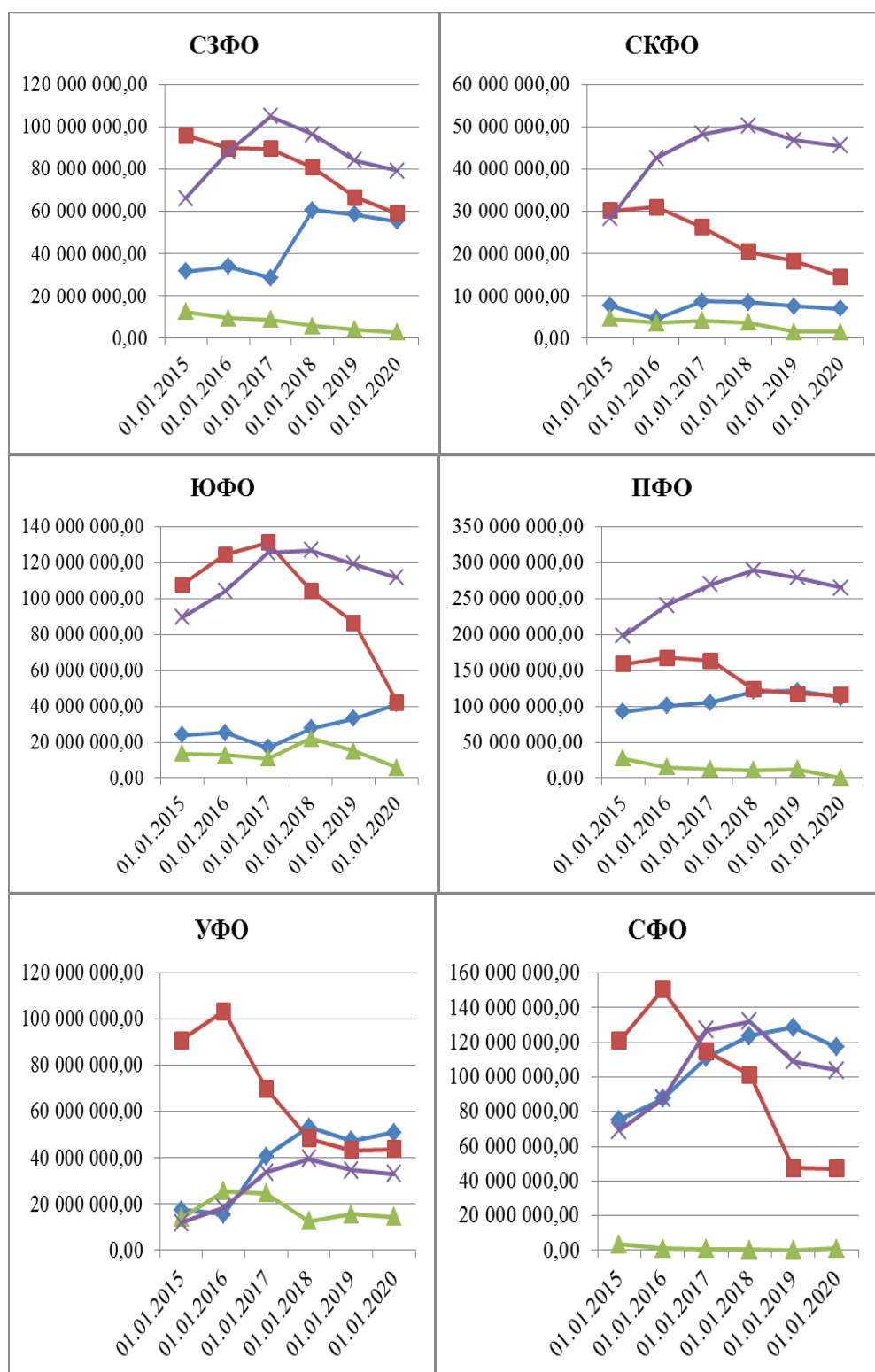
рынка ценных бумаг поддерживаются, по большому счету, двумя регионами – это Московской областью и городом Москва.

Все описанная ситуации – это приостановка стимуляционной направленности и отказ от дальнейшего развития долговых отношений. Кроме того, наблюдается стабильное использование прямых банковских займов из-за простоты их обращения и удобства их рефинансирования через механизм бюджетного кредитования, что подчеркивает факт консервативности долговых отношений. Следовательно, заметна и отрицательная черта дешевых бюджетных кредитов – они на фоне снижения долговой нагрузки в конечном итоге также усиливают незаинтересованность властей регионов в оказании собственного воздействия на ситуацию. Они затормозили развитие рынка государственных ценных бумаг и совершенно никак не оказали влияние на предоставление государственных гарантий, а лишь позволили рефинансировать кредиты от банковских организаций.

Система управления государственным долгом большинства субъектов РФ сведена к минимуму и стала напрямую зависеть от воли федеральной долговой политики. Имеем чистый денежный механизм без какой-либо существенной системной или структурной составляющей, направленной на экономику. К тому же применение данного механизма идет четко в разрыве по времени – меру можно назвать «краткосрочной двухлетней передышкой» (да и то не для всех), внедренной слишком поздно и свернутой слишком рано. К сожалению, по-прежнему, в рамках Центрального федерального округа решение проблемы вынуждено происходить в условиях продолжающегося циклического кризиса социально-экономического управления.

Выглядит ли иначе тенденция по другим федеральным округам? Мы видим следующее (рис. 2) [5]:

Р и с . 2. Объем государственного внутреннего долга федеральных округов Российской Федерации по видам долговых обязательств за период 2014–2019 гг., тыс. руб.

1. Во всех федеральных округах идет постепенный отказ от предоставления государственных гарантий (большинство округов) или фиксация их объема на определенном уровне (крупные промышленные округа);

2. Крупные вливания средств в форме бюджетных кредитов в 2014, 2015 и 2016 гг. формально позволили сократить (путем рефинансирования) часть задолженности в форме банковских кредитов;

3. Идет стабильный рост объема долга в форме ценных бумаг, растет количество регионов, которые начинают прибегать к данному виду займа, что несколько отличается от тенденции по ЦФО (не осуществляли займы в форме облигационных займов в 2019 г. по рассмотренным федеральным округам – 34 субъекта Российской Федерации (50,75 %); не осуществляли займы в форме облигационных займов в 2014 г. по рассмотренным федеральным округам – 41 субъект Российской Федерации (61,19%)). Напомним, что в ЦФО: не осуществляли займы в форме облигационных займов в 2019 г. – 9 субъектов Российской Федерации (50 %); не осуществляли займы в форме облигационных займов в 2014 г. – 7 субъектов Российской Федерации (38,89 %). Но, тем не менее, даже на фоне положительной относительной тенденции по рассмотренным федеральным округам все еще около половины регионов на 2019 г. не используют облигационные займы, что опять же подчеркивает их непривлекательность и сложность.

В целом проведенный анализ подтверждает наличие структурных проблем в области государственных долговых отношений в рамках всех федеральных округов и подчеркивает наличие циклических проблем асинхронности применения мер. Мы наблюдаем политику формального сокращения уровня государственного долга, что в целом хорошо. Но опять же данная политика бюджетного насыщения в условиях ее запоздалого применения и раннего сворачивания не искоренит первопричины долга. Взаимосвязи данной политики со стимулированием реальной экономики практически нет. Присутствуют отголоски развития финансового сектора через использование практики выпуска государственных ценных бумаг, в т. ч. нацеленных на население, однако данная практика имеет на текущий момент все еще слабую методологическую освещенность. Среди регионов Российской Федерации до сих пор пользуется высокой привлекательностью (практически на фоне облигационных займов) прямой банковский кредит – самый дорогой источник финансирования дефицита бюджета. Простота его использования, возможность досрочного погашения, а также выгодные условия его рефинансирования через бюджетное кредитование зачастую ставят его даже на уровень выше, чем облигационные займы, которые по стоимости примерно в 2 или 2,5 раза меньше. Следовательно, в специфике государственных внутренних долговых отношений ситуация по всем федеральным округам идентичная – идет временное скрещивание традиционного типа долговых отношений с искаженно-модифицированным типом при дальнейшем сокращении стимуляционного характера отношений и умеренной консервативностью по отношению к их дальнейшему развитию.

В этой связи необходим принципиально новый сценарий развития по предотвращению циклической ситуации – превращение инструмента бюджетного кредитования в стимулирующую форму долговых отношений.

Следует продлить краткосрочную практику пользования инструментом на более длительный среднесрочный период – отказаться от постепенного сокращения уровня бюджетного кредитования в пользу стабилизации их объемов на определенном уровне для всех регионов. А в долгосрочном периоде обеспечить постепенное сокращение их уровня для регионов, которые самостоятельно могут справиться с долговой нагрузкой, в пользу увеличения их уровня для наименее развитых регионов, для которых даже минимальная долговая нагрузка является существенным бременем. Такой подход позволит кардинально изменить ориентир государственных долговых отношений, направив их в стимулирующее русло экономики страны, что обусловит преодоление формальности отношений долгового цикла, а также обеспечит сбалансированность и постоянство во времени. Примечательно еще и то, что такой подход дофинансирования экономики напоминает нам элемент сценария антициклического развития Джона Мейнорда Кейнса.

Несомненная заслуга Кейнса кроется в создании особого макроэкономического направления. Важнейшими элементами данного направления являлись детальная проработка концепции влияния экономической роли государства в экономике, а также возникновение и развитие элементов теории воспроизводства – теории экономического цикла и теории экономического роста. Здесь стоит отметить, что циклически-спиралевидное развитие государственных внутренних долговых отношений, о котором идет речь в текущем исследовании, категорически напоминает динамику традиционного экономического цикла – как минимум, в плане его стадий и, как максимум, в плане признаков и влияний на экономику в целом. Кроме того, что не менее важно, вопросы преодоления цикличности долговых отношений находятся, прежде всего, в рамках решений государственного сектора, как первичного субъекта этих отношений. Такого рода совпадения требуют обратить взор на кейнсианскую концепцию и проверить, насколько отдельные ее элементы остаются пригодными для решения современных проблем.

Сегодня поддерживается сложная и нестабильная ситуация в экономике Российской Федерации. Наблюдается возвращение многих факторов, характерных для экономики на стадии депрессии: падение ВВП, низкая склонность к инвестированию, совокупное сокращение спроса, инфляция издержек производства, и в целом сокращение производства и так далее. На фоне многовековой цикличности долговых отношений период с 2014 г. по текущее время «не дает продохнуть» России совсем, что в ряде случаев с идеальной точностью дублирует нам события Великой депрессии.

В своем исследовании Кейнс огромное внимание уделяет участникам экономических отношений. Он обвиняет своих предшественников – сторонников экономики *lasser faire* (полностью свободной экономики на исключительно либеральных принципах), что они не видят необходимости вмешательства государства в хозяйственный процесс. Центр взора в рамках своей концепции Кейнс переносит на экономическую политику государства и все предложенные им разработки тяготеют к методам, средствам и рычагам этой политики, направленным на стабилизацию экономики.

Определив ключевой субъект отношений в форме государства, Кейнс выделяет объект – совокупный спрос и, в частности, потребительский. Если

спрос является основной силой в экономике на стадии депрессии, то неизбежен и вывод: все, что сокращает спрос – убивает экономику в периоды спада. Отсюда следуют конкретные первоочередные меры для поддержания такой экономики [4]:

1. Прекращение давления на совокупный спрос и его стимулирование.

В рамках цикличности государственных внутренних долговых отношений – это вопросы неэффективных и асинхронных мер в условиях наличия одноканальности интересов. Здесь стоит еще раз напомнить про применимость современных форм государственных внутренних долговых отношений, которые носят деформировано-модифицированный характер в современной системе.

В частности – это вопросы запоздалости, краткосрочности и региональной избирательности бюджетного кредитования, неэффективность которого подчеркивает одну из очевиднейших проблем цикличности согласно Кейнсу. Если присутствуют региональные проблемы в формировании эффективного собственного спроса (иначе говоря, существенная региональная диспропорция), то и говорить о формировании эффективного потребительского спроса в рамках региона будет трудно.

Отдельно следует обратить внимание на вопросы эффективности таких форм государственных долговых отношений как государственные гарантии и государственные ценные бумаги. Одна форма фигурирует в качестве стимулятора совокупного спроса, другая – в качестве одного из объектов инвестирования или элемента совокупного спроса со стороны населения. Отказ большинства субъектов России от предоставления государственных гарантий – это не что иное, как отказ от стимулирования совокупного спроса. Трудности регионального использования облигационных займов кроются в процедуре выпуска и обращения самой ценной бумаги. Здесь нужно отметить обязательный биржевой характер обращения и необходимость открытия брокерского и депозитарного счета с соответствующими комиссионными взносами, что подчеркивает не только факт дополнительных затрат, но и необходимость отслеживания деятельности уже, как минимум, трех дополнительных участников финансового рынка. В совокупности все это – это очередная проблема формирования совокупного (инвестиционного) спроса по Кейнсу.

2. Формирование лидирующей роли государства в стимулировании совокупного спроса.

Для практического применения кейнсианской теории для современной экономики очень важно иметь в виду не только признание роли государственного сектора в экономике, но и то, как именно Кейнс обозначает принципиальную роль государства. Государство обязано осуществлять регулирование экономики при условии сохранения самостоятельности выбора экономическими субъектами. В случае государственных долговых отношений уровня «федеральный бюджет – региональный бюджет» этот оптимум видится не только в единообразии механизма дофинансирования, но и в расширении функционала бюджетного кредитования. Очевидно, что в таком случае и сторона контроля должна быть приведена в сопоставимую величину. Здесь возможна адаптация практики управления большими данными Центрального Банка.

Следовательно, основные постулаты кейнсианской концепции предлагаются к использованию в расширенном виде. Главенствующая роль в регулировании будет также отведена процессам, формирующимся на базе Центрального Банка Российской Федерации. Использование теоретического наследия Джона Мейнарда Кейнса в его первоначальной форме недостаточно для преодоления структурных проблем российской экономики. Хотя в целом основные его идеи сохраняют свое значение и в современных процессах – в особенности его выводы о неспособности рынка только лишь на основании собственных внутренних механизмов к саморегулированию. В то же время идейный потенциал кейнсианской теории не сводится исключительно к разработкам Кейнса. Теория породила обширную традицию адаптации предложенных Кейнсом идей в рамках новых экономических теорий, описывающих модель поведения современных экономических систем. Однако даже с учетом этих разработок необходимо иметь в виду, что задачи, стоящие перед российской экономикой, и характер проблем, которые предстоит решить для выхода из затяжного кризиса цикличности, не были непосредственным объектом анализа исследователей кейнсианской и посткейнсианской эпохи. Поэтому перед нами встает уже принципиально новая цель: можно ли приложить, пусть даже частично, идеи кейнсианской концепции к тем специфическим проблемам, которые стоят перед нами в области государственных долговых отношений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339305/ (дата обращения 07.12.2020).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 15.10.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения 07.12.2020);
3. Карасева Л.А. Проблемы современной российской экономики сквозь призму ее структурных уровней: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. 144 с.;
4. Кейнс Д. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс; [пер. с англ. Гребенников и др.]. Москва: ЗАО «Бизнеском», 2013. 402 с.
5. Министерство финансов Российской Федерации. Объем государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/ (дата обращения: 07.12.2020);
6. Тишин И.В. Циклический характер становления государственного долга в России. Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. Том 2 / Сборник докладов V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2019) / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, 2019. С. 398–406;

Об авторе:

ТИШИН Илья Владимирович – аспирант кафедры экономической теории Института экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Tihois@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0161-1474, SPIN-код: 3459-6504.

ASYNCHRONOUS DEVELOPMENT OF PUBLIC REGIONAL DEBT RELATIONS IN CYCLIC CONDITIONS

Tishin I.V.

FGBOU VO "Tver State University", Tver

The article is aimed at identifying the features of the modern state internal debt system in the regions of the Russian Federation. The main idea is to confirm the cyclical and asynchronous nature of modern debt relations in Russia. The scientific novelty of the work is the analysis of modern trends in the volume of public debt, as well as the establishment of an empirical relationship between the main forms of debt in Russia. As a result of the work, the desired scenario for the further development of budget credit in Russia is presented. Besides, in this article we consider the approach of John Maynard Keynes in a cyclical economy.

Keywords: *cyclical development of government debt relations, asynchronous development, budget credit, government bonds, bank loans, government guarantees, Keynesian model of the economy.*

About the author:

TISHIN Il'ja Vladimirovich – graduate student of the Department of Economic Theory, Institute of Economics and Management, FSBOU VO "Tver State University", e-mail: Tihois@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0161-1474, SPIN-код: 3459-6504.

References

1. Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 № 145-FZ (red. ot 15.10.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (data obrashcheniya 07.12.2020);
2. Karaseva L.A. Problemy sovremennoj rossijskoj ekonomiki skvoz' prizmu ee strukturnyh urovnej: monografiya. Tver': Tver.gos.un-t, 2012. 144 s.;
3. Kejns D. Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg / Dzh. M. Kejns; [per. s angl. Grebennikov i dr.]. - Moskva: ZAO «Bizneskom», 2013. - 402 s.
4. Ministerstvo finansov Rossijskoj Federacii. Ob"em gosudarstvennogo dolga sub"ektov Rossijskoj Federacii i dolga municipal'nyh obrazovaniy. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/ (data obrashcheniya: 07.12.2020);
5. Tishin I.V. Ciklicheskij harakter stanovleniya gosudarstvennogo dolga v Rossii. Forsajt «Rossiya»: budushchee tekhnologij, ekonomiki i cheloveka. Tom 2 / Sbornik dokladov V Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo kongressa (SPEK-2019) / Pod obshch. red. S.D. Bodrunova. SPb: INIR, 2019. S. 398-406;
6. Federal'nyj zakon ot 02.12.2019 № 380-FZ (red. ot 18.03.2020) «O federal'nom byudzhete na 2020 god i na planovyj period 2021 i 2022 godov». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339305/ (data obrashcheniya 07.12.2020).

УДК 336.74

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.198–208

О ПЕРЕХОДЕ К ЦИФРОВОМУ РУБЛЮ*

И.В. Кисаров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Цель статьи – рассмотреть причины и императивы перехода валюты в цифровое состояние. Дано определение цифрового рубля, его особенностей с экономической точки зрения. Указаны возможные технологические решения при внедрении цифровой валюты. Отражено возможное влияние ввода цифрового рубля на денежно-кредитную политику, а также предложен вариант внедрения новой формы рубля в экономику. Выделены необходимые качества, которым должен обладать цифровой рубль. Научная новизна заключается в акцентировании внимания на проблемах, которые могут возникнуть в связи с переходом к новой модели цифрового кредитно-денежного обращения.

Ключевые слова: цифровой рубль, денежно-кредитная политика, Банк России, криптовалюта, валюта, глобализация, блокчейн, цифровое кредитно-денежное обращение.

Специфическим проявлением современных революционных процессов в экономике, связанных с цифровым развитием, является перевод в новое, цифровое состояние денежных операций, и как следствие, теперь и самих денег. Охарактеризуем в общих чертах указанные императивы и проблемы, которые с этим связаны.

Практика введения скидок, известная со времён возникновения торговли, с появлением электронного учёта прав и сделок получила развитие в виде дисконтных карточек, которыми фирмы стали привлекать покупателей и стимулировать спрос на товары. Так появилась параллельная официальным денежным единицам форма ликвидности, обращающаяся между торговыми сетевыми структурами и их клиентурой и не учитываемая денежными властями и банковской системой.

Дело не просто в изобретении скидочных карт, которое позволило торговым сетям выпускать подобие денежных средств, наделённых ликвидностью, а в том, что за выпуск таких денежных суррогатов нельзя привлечь за фальшивомонетничество. Очевидно, сложилась обстановка в экономике и обществе, когда это изобретение было допущено к широкому применению.

Во-первых, обычные, официальные деньги, как наличные, так и безналичные, оказались хроническим дефицитом, несмотря на широкую эмиссию. Оторванный от процесса реализации товаров, финансовый сектор не снабжал рынок деньгами достаточно точно, несмотря на расширение спектра своих услуг. Во-вторых, олигополистический характер ценообразования на

* Рекомендовано к публикации оргкомитетом Межрегиональной научно-практической конференции молодых учёных «Россия в глобальном мире» (07 декабря 2020 г., Тверь).

товарных рынках привёл к хроническому завышению товарных цен и растущему избытку товаров. Распространение дисконтной практики позволило притормозить движение экономики к новой «Великой депрессии» и кризису перепроизводства. В-третьих, олигархическая «верхушка» глобальной социальной «пирамиды» обрела такое влияние, что не допустила практически ни в одной стране денежные власти к контролю выпуска и оборота торговых дисконтных единиц, реально – частных денег. Сыграла свою роль и реклама, настроившая потребительское сообщество в пользу кэш-бэков и подобных инструментов.

Феноменом последнего десятилетия в сфере экономических расчётов стали частные криптовалюты – чисто цифровые средства платежа, единственным фактором привлекательности которых служит технология блокчейн – строго однозначное соответствие их количества выпущенному эмитентом номиналу. Оно достигается с помощью майнинга – участия заинтересованных пользователей системы Интернет в математической верификации сделок с той криптовалютой, которую они хотели бы получить или приобрести.

Криптовалюты, которые могут циркулировать в информационной сети без правовых оснований, опираясь лишь на технические регламенты, вывели на новый уровень представления о денежном обращении, показав:

а) возможность устранения официальных властей из сферы информационно-экономических отношений и достижения саморегулирования рынка цифровых инструментов;

б) реальные угрозы нарушения прав и нанесения ущерба интересам государства и общества, происходящие из бесконтрольного применения цифровых технологий и инструментов.

В ряде стран выпущены криптовалюты муниципалитетами и государствами (например, Венесуэла, валюта El Petro)[4]. Венесуэльский опыт можно считать удачным: криптовалюта способствовала стабилизации экономики, находившейся в критическом состоянии. По данным Банка международных расчетов, более 80 процентов центральных банков мира работают над проектами введения цифровых валют [4]. В октябре 2020 г. Банк России объявил о предстоящем переводе в цифровое состояние рубля – официальной валюты страны.

Цифровой рубль должен стать дополнительной формой национальной валюты, которую будет эмитировать Банк России. Если наличные деньги имеют вид банкнот с уникальным номером, а безналичные деньги являются ничем иным, как лишь записью на счетах финансовых учреждений, то цифровой рубль будет совмещать обе этих особенности. С одной стороны, это будет форма уникального цифрового кода как банкноты, и с другой стороны – вид безналичных денег, которые хранятся в специальном цифровом «кошельке» и перемещаются с помощью вышеупомянутого кода из одного кошелька в другой.

Предполагается, что такая цифровая валюта будет доступна всем субъектам экономики и станет выполнять функции денег — меры стоимости, средства обращения и др. Конвертация такой валюты предполагается в равной степени к наличным и безналичным денежным средствам.

Внедряемая валюта, в прогнозах будет обладать рядом свойств [7]:

- повышенной простотой использования;
- высокой скоростью выполнения операций
- надежностью функционирования и отсутствием сбоев;

- повсеместностью приема, как у наличных денег;
- безопасностью хранения в электронном кошельке;
- удобством и легкостью конверсии;
- конфиденциальностью информации о держателе цифровой валюты;
- беспрепятственной интеграцией с цифровыми платформами;
- круглосуточной доступностью к валюте на единых условиях;
- возможностью использования в офлайн-режиме, очевидно, с помощью особого технологического решения.

Предпосылкой создания цифрового рубля стал переход денег в качественно новое состояние. Необходимость контролирования новых форм денег – криптовалют, а также увеличение количества безналичных транзакций с 39 % до 70 % в период с 2016 г. по 2020 г. подвигли регулятора создать свой аналог криптовалюты. Особых пояснений требует утверждение руководства Банка России, что цифровой рубль всё же не будет криптовалютой (возможно, в связи с ограничениями анонимности или блокчейна или того и другого одновременно). С технической стороны, цифровой рубль будет функционировать на одном из трех возможных механизмов [7], выбор, одного из которых, очевидно, будет сделан через некоторое время:

- распределенные реестры. Этот механизм лежит в основе известных, к настоящему времени, криптовалют. При его использовании объектом учета является токен, данные о транзакциях сохраняются и подтверждаются несколькими участниками, возможно, осуществляющими майнинг – ограниченную определёнными правилами электронную добычу (означающую одновременно и эмиссию) дополнительных единиц данной цифровой валюты. Такая система весьма устойчива к различным потрясениям технологического или социально-экономического характера, в том числе, к попыткам несанкционированной эмиссии и диверсионным действиям;

- централизованный реестр. Это решение может быть более эффективным в связи с теми возможностями, которые обеспечивает централизованное управление системой обращения валюты. Но устойчивость системы может быть ниже в связи с тем, что все функции управления ложатся на одного субъекта, которым могут быть допущены ошибочные действия, например, в непредвиденных обстоятельствах, скажем, при установлении над субъектом управления внешнего контроля. В таких случаях может произойти частичная или полная потеря данных, вплоть до разрушения системы;

- гибридная система, соединяющая достоинства, а, возможно, и недостатки указанных выше систем. Такого рода вариант потребовал бы дополнительных затрат на обслуживание двух аппаратов, вырабатывающих решения, сравнительный анализ двух решений и выбор из них лучшего (на «интеграцию» аппаратов).

Создание цифровой валюты, заметим, обусловлено не только техническим прогрессом, но и необходимостью контролировать нежелательные транзакции. В рамках государства, как учредителя и контролёра, цифровая валюта едва ли будет полностью анонимной. Очевидно, данные о транзакциях будут доступны центральному банку, уполномоченному пресекать «отмывание» денег, финансирование противозаконной деятельности – терроризма, а также прочие незаконные операции. С внедрением цифровой валюты может быть совмещено внедрение алгоритмов блокировок подозрительных операций, контроль над транзакциями, конвертацией и т. д. [8].

На данный момент известно, что для создания и внедрения цифрового рубля в российское и мировое сообщество потребуется создание различных дорогостоящих технических платформ. Новые программные решения потребуются и для создания онлайн-кошельков.

Особый вопрос – о денежно-кредитной политике при переходе к цифровой валюте. Очевидно придётся в денежной массе выделить новый, третий вид денег – цифровые деньги (если не будет реализовано предложение, поступившее от руководства ПАО «Сбербанк», сделать цифровыми все безналичные рубли), уточнить в этой связи определение денежной базы, показатели инфляции и т. д. Более детальными станут целевые установки дисконтной политики и механизмы поддержания ставок денежного рынка вблизи ключевой ставки [5].

В одном из трех вариантов, рассматриваемых Банком России, предполагается, что коммерческие банки, как и участники финансового рынка, будут продолжать выполнять функции посредников в кредите и кредитную – безналичную эмиссию и станут посредниками в обмене обычных наличных и безналичных на цифровые деньги и наоборот. Несмотря на то, что в этом варианте допускается использование цифрового рубля для покупки активов и производных финансовых инструментов на фондовом и других рынках, его конвертация через коммерческие банки, вероятно, скажется на банковском мультипликаторе очень слабо. Скорее всего, комиссия за такую конвертацию будет уплачиваться другими формами денег, поскольку денежное предложение цифровой валюты со стороны центрального банка будет наиболее ограниченным (допустимым только при 100-процентном резервировании дополнительной эмиссии, обеспечиваемым системой блокчейна). Изменения в структуре баланса ликвидности произойдут, но только незначительные – в виде прибавления номинала цифровой эмиссии, как к активам, так и к пассивам. Поэтому прогнозировать ликвидность банковского сектора станет ненамного сложнее. При этом должна повыситься эффективность «тонкой настройки» работы кредитно-денежной системы в связи с дополнением стимулирования сбережений (и соответственно, инвестиций) чётко действующим антиинфляционным механизмом.

Но если, все безналичные рубли полностью перевести в форму цифрового рубля, изменения в структуре ликвидности произойдут кардинальные, т.к. исчезнет та часть рублевой «безналичности», которая не подкреплена резервом наличных и золотовалютными резервами Банка России. Экономика была бы очищена от всего, что не соответствует денежному стандарту, включая многомиллиардные суммы на банковских и небанковских счетах, выросшие в результате несанкционированной денежной мультипликации, в частности, «забалансового» кредитования.

Эта жёсткая дисциплинарная мера едва ли сильно сказалась бы на основных, системообразующих банках страны, но ослабила бы более мелкие кредитные организации и могла бы затормозить движение в сторону кредитно-денежного обращения, наметившееся в нашем денежном обращении в последние годы в связи со снижением уровней инфляции и процентных ставок. В таком случае нельзя исключить дефляционный шок, который пришёлся бы весьма не ко времени в связи с пандемией и «коронакризисом», поразившим отечественную и мировую экономику. Нужна осторожность, чтобы не спровоцировать катастрофического падения производства и условий

жизни людей, из-за которых переход к цифровому рублю оказался бы скомпрометирован.

«Осторожный» вариант – без жёсткого блокчейна и с частичной оцифровкой безналичных рублей, с сохранением кредитной эмиссии и банковской мультипликации в текущих условиях был бы лучше. Продолжилось бы постепенное снижение инфляции и инвестиционных рисков (без дефляционного шока), за которыми последовало бы дальнейшее снижение процентных ставок и восстановление роста реального сектора и доходов. «Маховик» внутреннего рынка раскручивался бы дальше, активизируя сбережения, инвестиционный спрос и предложение, снижение инфляции и процентных ставок до нуля и ниже. Экономика перейдёт через какое-то время, очевидно, в дефляционное состояние. Но произойдёт это достаточно постепенно, так, что будет время проанализировать связанные с этим переходом опасности и выработать соответствующие меры.

При действующей тенденции «к затуханию» роста экономики многих стран, включая Россию, нельзя исключить того, что цифровая валюта, при более жёстком ограничении роста денежной массы и повышении склонности к её сбережению, окажется усилителем указанной тенденции – и погрузит хозяйство страны в кризисное или длительное депрессивное состояние. Цифровые деньги, как более эффективные и надёжные, могут вытеснить прежние наличные и безналичные – потом оказаться в дефиците, если у властей не окажется понимания того, как и в каком количестве, они должны выпускаться.

Особые вопросы возникают в связи с «уходом» экономики в глобальную информационную сеть, изобилующую возможностями для реализации преступных замыслов по утаиванию доходов от налогообложения, хранению незаконно присвоенных средств и другое. Официальная валюта страны, обращающаяся в правовых рамках даже в цифровом виде, может оказаться неконкурентоспособной относительно теневых форм ликвидности, обеспечиваемых быстро растущей товарной массой глобального чёрного рынка, проникающей на отечественный рынок с помощью всё более доступных программных средств. В этой связи остановка внешней экспансии теневых товарных масс и капиталов является важной задачей политики, осуществляемой российским мегарегулятором. От решения этой задачи в огромной степени будет зависеть не только результативность выполнения Банком России иных задач кредитно-денежной политики, но очевидно, и перспектива сохранения независимой российской государственности.

Конкурентоспособность отечественной цифровой валюты будет зависеть от правильности выбора Центробанком стратегии и тактики её продвижения. Очевидно, с самого начала она должна позиционироваться как твёрдая и сильная, что требует безупречного программного и информационного сопровождения.

На неё нельзя «навешивать» долги государства и частных лиц. Цифровой рубль, имея в виду не его происхождение, связанное с долговыми отношениями, но требования современных пользователей, имеющих выбор обычных и цифровых валют, не должен быть «долговым», так, чтобы рассматриваться в качестве средства платежа по чьим-то обязательствам, в том числе, просроченным. Наоборот, он должен, прежде всего, представлять права, охраняемые Российским государством. Эти права должны быть зафиксированы в определённом реестре, как вытекающие из политико-экономического статуса России и принадлежащего ей Банка России –

держателя (управляющего органа) определённого набора резервных активов, ведущего их реестр. Должна быть законодательно определена положительная динамика объёма указанных активов в золоте (измерителе стоимости и ценности, прошедшем проверку временем). Например, может быть установлено обязательное увеличение указанного объёма активов за счёт отчислений из чистого дохода государства (по результатам за определённый период – год или др.) – не менее, чем на один (1) процент в год.

В целях предотвращения спекулятивных атак следует установить, что ликвидная доля эмиссии цифровой валюты (находящейся в обороте, не у эмитента) не превышает определённого количества в процентах от её общего номинала. При использовании иными субъектами принадлежащих им активов цифрового рубля в целях его девальвации (предложении о продаже по курсу ниже текущего рыночного курса, устанавливаемого исходя из результатов состоявшихся сделок) Банк России должен быть вправе, аннулировать их счета в реестре держателей с уплатой компенсации обычными рублями РФ по текущему курсу, возможно, за вычетом процентов в качестве штрафной санкции.

Цифровой рубль, таким образом, должен и может быть валютой высшего качества, выше многих из существующих свободно конвертируемых валют, и ради этого ограниченной в ликвидности (обороте) – не для всех и не для всяких сделок, а только для тех, которые соответствуют нормам российского права. Это вполне выполнимое и адекватное требование, учитывая военную и политическую мощь нашего государства, его роль в современной системе международных отношений, огромную, богатую ресурсами территорию, доказанную мобилизационную способность и партнерские отношения с наиболее динамичной и перспективной частью мирового сообщества – развивающимися странами.

С выпуском цифрового рубля отечественная валюта должна превратиться в общественное благо [7], которому свойственна возрастающая общественная полезность и возрастающая ценность – в связи с постепенным вытеснением из оборота нецифровых, инфляционных денег и переходом к дефляционной динамике.

Нынешние российские деньги необходимы в качестве «буферного заграждения» для цифрового рубля, используемого в широком обиходе, для обычных сделок с товарами и услугами на рынке страны и в меньшей мере — за рубежом, в странах-партнерах, с которыми есть договоренность о взаимной поддержке валют [8].

Наличные рубли останутся обязательными к приёму при сделках, но курсы их могут быть ниже цифрового рубля – с учетом спроса и предложения для конкретных видов сделок (что должно поддержать соответствие структуры денежной массы запросам пользователей). Реально подобная практика встречается, например, при оплате проезда в общественном транспорте – в Твери оплата поездки наличными – 29 рублей, безналичным образом – 25 рублей [6]. Порядок эмиссии наличных и обычных безналичных может быть сохранён, с постепенным увеличением кредитной эмиссии при сокращении выпуска наличных и обычных безналичных, по мере развития инфраструктуры цифровых платежей.

Исходные правовые положения, регламентирующие оборот цифровых денег в нашей стране, сформулированы в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации». Указанный правовой акт распространяется, в частности, на отношения, возникающие при обороте цифровой валюты РФ. Он включает в цифровые финансовые активы денежные требования, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. В нём содержится определение цифровой валюты как совокупности электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных [1].

Закон, кроме того, регламентирует выпуск и учет финансовых активов, устанавливает обязанности операторов информационной системы, закрепляет за Банком России надзор за ними и ведение реестра операторов информационных систем. При этом прямое использование цифровой валюты в качестве средства обращения или платежа практически запрещается, так как запрещается распространение информации о её предложении и (или) приёме за товары, работы, услуги [1]. В дальнейшем, возможно, этот запрет будет снят, но до этого цифровая валюта у нас может быть задействована только как мера стоимости и средство накопления – для функций, исключаящих её обыденное, рядовое применение вместе с обычной, нецифровой ликвидностью.

Важнее, однако, что цифровая валюта допущена на отечественный рынок в принципе. Это было бы невозможно без согласия Банка России, позиция которого в отношении цифровых денег, очевидно, перестала быть категоричной, какой была ещё несколько лет назад, когда руководство Банка России заявляло, что криптовалюты не будут допущены на российский рынок как особый вид денежных средств.

Переход к цифровому рублю, с одной стороны, выступает альтернативой валютному стандарту, сковывавшему экономику с начала 90-х гг., явно анахроничному в XXI в. и неэффективному от невозможности поддерживать рост золотовалютных резервов, снижать инфляцию и процентные ставки одновременно. С другой стороны, такой переход корректирует трансформацию стандарта в кредитно-денежное обращение, происходящую у нас по мере снижения инфляции и процентных ставок в крайне тяжёлых условиях, с неоднозначными социально-экономическими результатами.

Очевидно, нам нет смысла импортировать американскую (как и европейскую) модель, потерявшую эффективность и ставшую средством вброса валютной ликвидности для увеличения роста числа финансовых спекуляций на биржах. С учётом опыта ряда других успешно развивающихся стран в России может быть сформирована новая, оригинальная – цифровая модель кредитно-денежного обращения.

Аналитиками рассматриваются проблемы, которые могут возникнуть в связи с переходом к новой модели. Указывается, в частности, что *могут вырасти* в этой связи *процентные ставки*. Если у пользователей появится возможность держать свои деньги в «кошельках» в Центральном банке, и это позволит им в несколько раз меньше платить за совершаемые транзакции, они начнут переводить в них свои средства, предназначенные для текущих платежей. Из банков, таким образом, может утечь до 4 трлн российских денежных единиц в первые три года после введения цифровой рубля, и ввиду сокращения кредитных ресурсов они поднимут свои ставки [3]. В результате в

стране снизится инвестиционная активность, экономический рост, если он до этого возобновится, может прекратиться со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Банковскому сектору придётся дороже платить за привлекаемые денежные средства и сильнее рисковать, выдавая кредиты. Усилится склонность коммерческих банков к теневым операциям – и Центральному банку предстоит в таком случае чаще отзываться лицензии у коммерческих банков. Это, в свою очередь, усугубит олигополию ведущих кредитных организаций, приведёт к дальнейшему ухудшению конкурентной среды. Правда, функции банков смогут выполнять (и уже начинают это делать) финансово-технологические компании [2], что само по себе – веление нашего «переходного» времени и может олигополизацию рынка банковских услуг притормозить, но усложнит и без того непростые отношения мегарегулятора с подотчетными структурами.

Банку России трудно будет решить эти проблемы без участия Правительства РФ, с которым ему необходимо действовать в более тесной координации, чтобы добиться повышения эффективности использования кредитных ресурсов страны. Если это произойдёт, банковская прибыль не пострадает. Но для этого цифровую ликвидность необходимо будет адресовать более точно по срокам, исключить излишнее финансовое посредничество. В тех случаях, когда могут быть получены наибольшие мультипликационные макроэкономические эффекты, Центробанку и Правительству следует сообща направлять финансовые ресурсы, усиливая традиционные инструменты (налоговые льготы и льготные кредиты) дополнительными, возможно, «премиальными», в наибольшей мере способствующими вовлечению в реализацию проектов потенциальных инвесторов и исполнителей.

Социально эффективные инвестиции, по сути, представляют общественные блага, обладающие возрастающей общественной предельной полезностью. Поэтому центральному банку следует предоставить возможность производить «инвестиционную» эмиссию цифрового рубля в достаточно широких пределах. США, заметим, практикуют бюджетную эмиссию в огромных масштабах без существенного усиления инфляции. Если Банк и Правительство России смогут насыщать наш реальный сектор финансовыми средствами, восполняющими дефицит инвестиций, это будет означать наполнение рынка страны высококачественными товарами инвестиционного назначения, противодействующими инфляции, как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане.

Страдая долгие годы от оттока капитала за рубеж, Россия заждалась потока инвестиций и инноваций, для применения которых у нас сложились едва ли не самые благоприятные условия – дешевая и достаточно качественная рабочая сила, улучшающийся деловой климат, снижающиеся процентные ставки, ёмкий, динамично адаптирующий информационные технологии внутренний рынок. Важно скорее снабдить ликвидностью отечественное программирование, машиностроение, переработку сырья (нефти, газа, леса, продукции сельского хозяйства), строительство.

Эмиссия цифровой ликвидности, по мнению автора, целесообразна не только и не столько посредством кредитов, но и в виде беспроцентных ссуд – через некоммерческие организации (и не только ВЭБ) – для реализации проектов высокой значимости, не предполагающие извлечения краткосрочной

прибыли, но снижающие общий уровень процентных ставок и повышающие коэффициент мультипликации.

При снижении процентных ставок огромные мультипликационные эффекты получаются, как известно, даже при минимальных уровнях рентабельности инвестиций. Эти ставки у нас уже существенно снизились – и каждый процентный пункт их дальнейшего снижения будет давать всё больший мультипликационный эффект – в соответствии с элементарными формулами дисконтирования. В этой связи руководству России предстоит «переключить» экономику страны из режима жесткой эксплуатации работников в режим партнерства труда и капитала в рамках «социальной рыночной экономики».

В своё время это было сделано в ведущих государствах Западной Европы, а при Б. Обаме – в США. Там, однако, «социализация капитализма» встречает сопротивление мощнейших глобальных корпораций, контролирующих госструктуры и социально-экономическое развитие, и, похоже, может быть повернута вспять.

Особенность России – в беспрецедентной роли государства, не позволяющего частным лицам устанавливать свои правила игры – ни в обществе в целом, ни в экономической сфере. Поэтому у нас процесс «социализации» может быть более глубоким – и не только в виде полного огосударствления хозяйства (как было во времена СССР), но и при сохранении рыночного механизма и института частной собственности. «Цифровой капитализм» в России, очевидно, окажется ближе к азиатскому варианту, предполагающему высокую степень централизации капитала – в целях управления макроэкономическими процессами, нежели к европейскому или американскому – аналогам с их децентрализацией управления капиталами и экономикой.

Учитывая это, а также ориентацию нашей страны на традиционные семейные ценности, можно предположить и рекомендовать корректировку социально-экономической политики в целом и кредитно-денежной политики в частности таким образом, чтобы усилить развитие домохозяйств – в качестве *основных структурных единиц* экономики России. Цифровой рубль в таком случае мог бы стать инструментом не только повышения эффективности выполнения известных денежных функций, но и перевода хозяйства страны в качественно новое состояние, при котором критерием достижений становится не прибыль предпринимательских структур, а реальный доход, получаемый гражданами [3].

Имея кошельки с цифровыми рублями в Центральном банке, домохозяева будут непосредственно связаны с органом макроэкономического управления, реализуя интересы страны, как свои собственные. В распоряжении Центробанка при этом оказываются дополнительные резервы – цифровые сбережения населения. Ещё важнее будет наличие у мегарегулятора информации о семейных доходах и сбережениях, которая позволит, в частности:

- разблокировать переход к прогрессивной системе подоходного налогообложения, которая, очевидно, должна строиться с учетом доходов семьи, а не только её конкретного члена;

- усилить стимулирующее воздействие в плане решения демографической проблемы, в том числе, с применением материнского капитала. В настоящее время этот инструмент перегружен ограничениями, значительную часть средств, предназначенных семьям с детьми, присваивают посредники. «Цифровизация» этой выплаты позволяет сделать её максимально

полезной – расширить возможности её использования в интересах ребёнка, семьи и общества;

– «оцифровать» проблемы роста задолженности по ипотеке, обманутых дольщиков, обеспечения минимального гарантированного дохода – и найти им решения, которые в настоящее время затруднены в связи с недостаточностью информации и финансовых средств.

Переход к цифровому рублю, таким образом, может рассматриваться не просто в качестве рядового усовершенствования денежного обращения и платежей, а как многоплановое преобразование, ведущее к резкому расширению применения цифровых технологий на различных направлениях развития экономики и общества и в итоге – к кардинальному изменению системы социально-экономических отношений в нашей стране.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Источник: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351466/> (дата обращения 25.11.2020)
2. Капустин А.. Как банкам реагировать на «уберизацию» финансового сектора? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/blogs/2018/07/18/775831-bankam-uberizatsiyu-finansovogo>, свободный (дата обращения: 07.02.2021)
3. Киракасянц А, Кречетова А.. Цифровой рубль от ЦБ: зачем он нужен и как повлияет на банки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://frankrg.com/26127> (дата обращения: 07.02.2021)
4. Обзор криптовалюты Petro, вся информация для инвесторов в одной статье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://crypta.guru/kriptovalyuty/kriptovalyuta-petro>, свободный (дата обращения 25.11.2020)
5. Сбербанк опасается роста ставок из-за запуска цифрового рубля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4615579>, свободный (дата обращения: 07.02.2021)
6. Транспорт Верхневолжья. Тарифы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tvercard.ru/tarify/>, свободный (дата обращения 25.11.2020)
7. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций.[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/, свободный (дата обращения 25.11.2020)
8. Цифровой рубль — финансовый аттракцион с двойным дном — эксперты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/16/cifrovoy-rubl-finansovyy-attrakcion-s-dvoynym-dnom-eksperty>, свободный (дата обращения 25.11.2020)

Об авторе:

КИСАРОВ Иван Владимирович – аспирант 3 курса кафедры экономической теории Института экономики и управления, Тверской государственный университет (170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), sareth3593@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0827-5052, , SPIN-код: 3709-8631

THE ISSUE OF THE TRANSITION TO THE DIGITAL ROUBLE

I.V. Kisarov

FGBOU VO "Tver State University", Tver

The purpose of the article is to consider the reasons and imperatives of the transition of the currency to a digital state. The author gives the definition of the digital rouble describes its features from an economic point of view. The research indicates possible technological solutions for digital currency implementation and possible impact of the introduction of the digital rouble on monetary policy. The author highlights some necessary qualities characteristic for a digital ruble. The scientific novelty is to focus on the problems that may arise from the transition to a new model of digital monetary circulation.

Keywords: *digital ruble, monetary policy, Bank of Russia, cryptocurrency, currency, globalization, blockchain, digital monetary circulation.*

About the author:

KISAROV Ivan Vladimirovich – 3 rd year Post-graduate Student Department of economic theory, Institute of Economics and Management, of Tver State University, (33, Zhelaybova St., Tver, 170000, Tver), e-mail: sareth3593@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0827-5052, SPIN code: 3709-8631.

References

1. Federal'nyj zakon ot 31 ijulja 2020 g. № 259-FZ «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valjute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Istochnik: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351466/> (data obrashhenija 25.11.2020)
2. Kapustin A.. Kak bankam reagirovat' na «uberizaciju» finansovogo sektora? [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/finance/blogs/2018/07/18/775831-bankam-uberizatsiyu-finance> (data obrashhenija: 07.02.2021)
3. Kirakasjanc A, Krechetova A.. Cifrovoj rubl' ot CB: zachem on nuzhen i kak povlijaet na banki. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://frankrg.com/26127> (data obrashhenija: 07.02.2021)
4. Obzor kriptovaljuty Petro, vsja informacija dlja investorov v odnoj stat'e. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://crypta.guru/kriptovaljuty/kriptovalyuta-petro>, svobodnyj (data obrashhenija 25.11.2020)
5. Sberbank opasaetsja rosta stavok iz-za zapuska cifrovogo rublja [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/4615579>, svobodnyj (data obrashhenija: 07.02.2021)
6. Transport Verhnevolzh'ja. Tarify. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://tvercard.ru/tarify/>, svobodnyj (data obrashhenija 25.11.2020)
7. Cifrovoj rubl'. Doklad dlja obshhestvennyh konsul'tacij.[Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/, svobodnyj (data obrashhenija 25.11.2020)
8. Cifrovoj rubl' — finansovyj attrakcion s dvojnym dnom — jeksperty. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://easaily.com/ru/news/2020/10/16/cifrovoy-rubl-finansovyj-attrakcion-s-dvoynym-dnom-eksperty>, svobodnyj (data obrashhenija 25.11.2020)

УДК 65.011.56

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.209–215

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В СИСТЕМУ МЕНЕДЖМЕНТА В КОРПОРАЦИИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ

Д.Н. Журавлева

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

Цель статьи – определение сущности процесса автоматизации при принятии управленческих решений в корпорациях с государственным участием, выявление экономических эффектов от внедрения информационных технологий, а также определение влияния роли функциональной структуры внедряемой информационной системы на возможность принятия грамотного управленческого решения. Научная новизна представлена разработанными методическими рекомендациями для проведения сравнительного анализа информационных систем и их выбора с целью последующего рационального внедрения в систему корпоративного управления. Автором также доказана потребность внедрения такого эффективного управленческого инструментария.

Ключевые слова: *эффективность автоматизации, система менеджмента, корпоративная информационная система, внедрение информационных технологий.*

Система управления в корпорациях с государственным участием имеет сложную многогранную структуру, где все процессы взаимосвязаны друг с другом, как по вертикали, так и по горизонтали. Такая организационная структура требует четко выстроенных процессов, постоянного мониторинга и отлаженной системы документооборота, хранения данных. Для своевременного и оперативного решения важных стратегических задач руководству корпорации необходимо иметь инструмент управления, который позволит не только быстро реагировать на внештатные ситуации, но и адаптироваться к новым условиям, вызванных постоянным изменением глобальных бизнес-процессов на рынке, своевременно принимать решения на оперативном и тактическом уровнях. Такую задачу позволяет решить внедрение информационных систем нужного класса. Внедрение информационных систем приведет к автоматизации многих процессов, что позволит грамотно распределять ресурсы в компании, обеспечить взаимосвязанность процессов множества подразделений и в итоге, организовать верхнеуровневый процесс управления с возможностью принятия решений с минимизацией рисков и максимизацией экономического эффекта.

Внедрение информационных систем в структуру корпорации позволит автоматизировать основные процессы и приведет к возможности использования таких систем как важного элемента управления. Применение информационных технологий в корпорациях с государственным участием позволит обрабатывать постоянно возрастающие информационные потоки и

принимать эффективные управленческие решения по использованию ограниченных ресурсов с учетом рациональности подходов при минимуме различного рода издержек.

Несмотря на то, что в настоящее время наблюдается огромный спрос на автоматизацию управленческих решений, и, казалось бы, существуют механизмы по рациональному внедрению и эксплуатации информационных систем, любая корпорация с госучастием сталкивается с необходимостью обоснованного распределения финансовых ресурсов в данной области. Представленная в статье методика позволит принимать грамотное, взвешенное решение в выборе нужного программного комплекса информационной системы любого класса и избегать лишних, зачастую значительных финансовых затрат, и дальнейших доработок информационных систем из-за отсутствия в них необходимого функционала.

Данный метод целесообразно применять по окончании проведения следующих этапов по отбору информационных систем:

- 1) обзор и создание перечня программных продуктов, которые могут быть интересны корпорации и не противоречат основным правилам их использования;
- 2) проведение демонстрации продуктов и отбора наиболее подходящих из них;
- 3) проведение техническими подразделениями корпорации функционального и нагрузочного испытаний.

В результате у руководства компании имеется подготовленный список информационных систем, прошедших испытания с наибольшим соответствием заявленным требованиям. На данном этапе можно использовать авторские методические рекомендации, поскольку в них сформированы критерии проведения сравнительного анализа отобранных программных комплексов, информационных систем различных классов для выбора платформы с целью развития и расширения функциональности системы менеджмента корпорации.

Для проведения сравнительного анализа необходимо сформировать таблицу с описанием основных высокоуровневых функциональных критериев для оценки программных комплексов, критериев проведения нагрузочного тестирования и общих рыночных критериев. Данные критерии разделяются на три блока. Сравнение продуктов проводится путем определения интегральной оценки, основанной на весовых критериях (весов) каждого блока. Распределение весов определено исходя из потребностей и задач корпорации в части использования необходимой системы и стратегического развития компании.

Максимальным количеством баллов считается 100 баллов, которые определяются суммой баллов каждого блока функционального и нагрузочного тестов и рыночных критериев. Максимальное количество баллов каждого блока приравнивается к 50 баллам для функционала, 30 для нагрузочных испытаний и 20 для рыночных или общих критериев соответственно.

По блоку функционального тестирования максимальным количеством баллов является 50 (или 0.5), он разделяется на разделы и подразделы. При формировании разделов функционального блока лучше руководствоваться техническими характеристиками выбираемой информационной системы или программного комплекса. Так, разделы могут быть определены как основные

сведения, информация о совместимости продукта, архитектура, администрирование, хранение, механизмы поиска и отображения данных, контроль качества данных, безопасность и т. д. исходя из класса системы. Наименования подразделов формируется таким же образом, но с большей детализацией. Так в раздел «Основные данные» можно включить подразделы «Наличие исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности» или «Данные о наличии дорожной карты развития предлагаемой системы и наличии эксплуатационной документации». В раздел «Архитектура» рекомендуется включать детализированные критерии о возможности использования кластерной конфигурации сервера приложений или реализации клиентской части приложения в виде тонкого клиента, реализации интерфейса для мобильных устройств.

Каждому разделу и подразделу также присваивается весовой коэффициент. Сумма всех коэффициентов раздела равна 100. Так, если общее количество разделов сформировано, то «Основные сведения» будут стоить 0,20 баллов, архитектура – тоже 0,20, а раздел «О совместимости продукта» может быть равен 0,10, если он имеет минимальное значение в конкретном случае, и т. д. по всем разделам.

Сумма коэффициентов в подразделах также должна равняться 100 и расставлять их следует согласно важности подраздела для корпорации в части выбора платформы. Например, если подразделов 11, а их сумма равна 100, то для каждого раздела среднее значение коэффициента равно примерно 9,09. Поскольку подразделы отличаются по важности, то значение 9,09 может варьироваться в сторону уменьшения или увеличения согласно важности подраздела.

В данном блоке при расстановке весов и коэффициентов основной упор лучше сделать именно на функциональные особенности и возможности, обеспечивающие гибкое управление моделью данных на соответствие предъявляемым архитектурным и техническим требованиям, работу с большим количеством данных и пользователей.

В блоке «нагрузочные испытания» разделы и подразделы определяются вышеуказанным способом. Разделы могут содержать информацию о среднем времени отклика системы, о критических ошибках или их отсутствии и корректности работы системы при нужном количестве пользователей.

В данном блоке при расстановке весов и коэффициентов основной упор стоит делать на стабильность работы системы при большом количестве пользователей, а также стабильность времени отклика.

В третьем блоке, содержащем общую информацию о рыночных критериях компании, разработавшей оцениваемую систему, коэффициенты расставляются также методом уменьшения или увеличения среднего значения подраздела согласно его важности. Подразделы стоит формировать, исходя из критериев оценки зрелости продукта на рынке программного обеспечения.

В данном блоке при расстановке весов и коэффициентов основной упор делается на опыт компании по внедрению аналогичных проектов для конкретного проекта.

Описанные блоки являются первым столбцом таблицы, вторым столбцом является весовой критерий. Далее столбцы приравниваются к

количеству отобранных на раннем этапе систем (программных комплексов). Т. е. столбец 3 будет иметь название оцениваемой системы № 1 и разделен еще на два столбца (оценка и балл), столбец 4 – наименование системы № 2– и разделяется на два столбца. Таблицу рекомендуется составлять в Excel для удобства выполнения расчетов.

Оценка выставляется в соответствии с наличием функции подраздела блока (0 – функция не реализована, 0,5 – функциональность частично реализована, 1 – функциональность реализована).

Балл – это произведение оценки, присвоенной программному комплексу, и весового критерия. Итоговое значение баллов для раздела считается как сумма подразделов данного раздела, умноженная на вес раздела. А финальная оценка для каждого блока рассчитывается как сумма баллов всех разделов.

В итоге баллы по каждому блоку для каждой системы рассчитаны, и можно сделать вывод о том, какая система или программный комплекс в наибольшей степени соответствует всем критериям. Так, можно определить либо одну систему, рекомендованную к использованию в корпорации, либо несколько систем, исходя из политики компании и требований к выбору информационных систем разных классов для конкретного проекта.

Следует отметить, что в некоторых случаях может быть целесообразно пригласить независимого эксперта для участия в оценке эффективности, предложенной разработчиком системы проектного решения.

Такая оценка является необходимым шагом в выборе информационной системы, потому что цена ошибки может быть высока. Полезно также оценить экономическую эффективность на этапе отбора системы, включив ее в вышеописанную таблицу. Такая оценка определит оптимальный уровень затрат, на который корпорации придется пойти при создании аналогичной или внедрении выбранной системы. Перед внедрением системы необходимо определить стратегию ее интеграции во все аспекты, которые планируется автоматизировать, определить используемые в производстве методики управления, чтобы подобрать соответствующий им программный продукт.

Нужно помнить, что функциональная структура внедряемой системы определяет экономическую эффективность системы [3]. Обоснование общих требований к корпоративной информационной системе должно быть продиктовано общими ожидаемыми оценками экономических последствий автоматизации различных управленческих функций. Результатом внедрения могут стать следующие экономические последствия, такие как: сокращение потерь или увеличение емкости производственного процесса за счет вовлечения резервов, более рационального использования ресурсов, обеспеченного информационной поддержкой со стороны всего комплекса информационной системы.

С экономической точки зрения важным является и то, что при использовании автоматизированных систем инвестиционная привлекательность компании возрастает, так как корпорация становится более ориентированной на поддержку информационной активности рабочего процесса по управлению сбытом, производством, финансами, персоналом и другими работами, которые могут быть объединены единой системой.

Так, при внедрении в компанию информационной системы, например, по управлению финансами, станет заметна эффективность ценообразования, а трудозатраты по формированию бухгалтерской отчетности снизятся. Также риски потери финансовой стабильности уменьшатся, благодаря ускорению процесса формирования финансовой отчетности.

В любом случае, одной из задач использования информационной системы в компании является автоматизация различных операций и оперирование большими массивами информации. В этой связи необходимо определять экономическую эффективность в результате более рационального использования ресурсов, в частности трудовых, задействованных в производственной деятельности, а также за счет получения достоверной информации и роста доли «аналитики» в структуре управленческой деятельности [10].

Данная методика может быть изменена или детализирована в соответствии с проектом или потребностями конкретной компании. Стоит отметить, что метод сравнительной оценки, описанный в данной статье, может проводиться внутри компании при условии наличия специалистов, владеющих методами анализа бизнес-процессов и имеющих опыт построения функциональных возможностей информационной системы нужного класса.

Рассматривая эффективность внедрения информационных систем в систему менеджмента в корпорации с государственным участием, можно выделить следующие эффекты:

- централизация процессов управления данными и унификация технологической инфраструктуры, необходимой для постоянного функционирования процессов управления;
- повышение уровня доверия к данным и аналитике за счет устранения противоречивых и не соответствующих стандартам качества данных;
- предоставление точной отраслевой аналитики в режиме реального времени;
- высокое качество и скорость принятия управленческих решений при стратегическом планировании.

Подводя итог, автор отмечает, что от качества и способа проводимого анализа при выборе информационных систем для последующего внедрения в систему управления корпорацией, зависит результативность менеджмента компании. Внедрение информационных систем позволяет улучшить качество анализа хозяйственной и финансовой деятельности предприятия, усилить систему защиты информации, упростить процесс формирования документов, статистических данных и их визуализации, развить систему планирования. При грамотном выборе и внедрении информационной системы в структуру корпорации станет возможным выстраивание процессов управления с учетом максимального использования существующей методологической и технологической базы для развития компетенций работы с данными при сохранении инвестиций, вложенных в ее создание.

Список литературы

1. Варфоломеева А.О. Информационные системы предприятия: Учебное пособие / А.О. Варфоломеева, А.В. Коряковский, В.П. Романов. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2017. 283 с.

2. Волокитин А.В. Средства информатизации государственных организаций и коммерческих фирм. М.: ФИОРД-ИНФО, 2012. 137 с.
3. Добрынин А.П., Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие): Учебник. М. : Издательство: Эксмо, 2016. 178 с.
4. Дмитренко С.А. Метод потоков интегрированного информационно-аналитического обеспечения стратегического планирования организации // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2017. № 3. С.234 – 243
5. Каширина А.В. Информационные технологии как фактор развития инновационных компаний [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2017. – № 1 (<http://ekonomika.snauka.ru/2017/01/13537>)
6. Колесников С.Н. Стратегии бизнеса: управление ресурсами и запасами. “Статус Кво 97”, 2020.
7. Кон М. Agile-подход к проекту и планированию, Глава из книги «Agile: оценка и планирование проектов» Издательство «Альпина Пабlishер», 2016.
8. Корнеев И.К. Информационные технологии в работе с документами: Учебник. М. : Издательство Проспект, 2016. 304 с.
9. Круглый стол "Оценка эффективности внедрения ИТ", организованном редакцией "iOne: информационные технологии" и ИД "Коммерсантъ". М. 25 марта 2003 г. Обзор состоявшегося обсуждения опубликован на тематической странице "iOne: информационные технологии" журнала "Секрет фирмы", 2003, URL: https://secretmag.ru/archive/files/sec-firm_23_151203.pdf Accessed: 24.06.2020
10. Рожков А.В. Оценка эффективности ERP-систем // Журнал Теоритические и прикладные аспекты современной науки. 2015. №7-3. С. 117 – 120
11. Meng Gao, Jiekun Huang, Informing the Market: The Effect of Modern Information Technologies on Information Production, Review of Financial Studies, Forthcoming, Posted: 23 Aug 2017

Об авторе:

ЖУРАВЛЕВА Дарья Николаевна – аспирант, ФГБОУ ВПО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49, e-mail: mooredari@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3431-3844, Spin-код: [1191-7694](#).

THE EFFICIENCY OF THE INFORMATION SYSTEMS IN A CORPORATION WITH STATE PARTICIPATION

D.N. Zhuravleva

FSOBU VPO "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow

Currently, there is a demand for the automation of managerial decisions in corporations with state participation, which, in turn, face the need for competent allocation of resources in this area. The functional structure of the implemented system determines the economic efficiency of the system, the implementation result may be the benefits provided by information support from the entire complex of the information system. The object of the research is a tool for introducing the IT management system of a corporation. The author has formulated guidelines for a software comparative analysis of information systems for their rational implementation, and also proved the need for the implementation of effective management tools.

Keywords; information systems, automation efficiency, corporate information system, corporate governance with state participation.

About the author:

ZHURAVLEVA Dar'ja Nikolaevna – postgraduate student, Financial University under the government of the Russian Federation, Russia, Moscow, 125993, Leningradskiy ave, 49, e-mail:mooredari@gmail.com

References

1. Varfolomeeva A.O. Informacionnye sistemy predpriyatija: Uchebnoe posobie / A.O. Varfolomeeva, A.V. Korjakovskij, V.P. Romanov. M.: NIC INFRA-M, 2017. 283 c.
2. Volokitin A.V. Sredstva informatizacii gosudarstvennyh organizacij i kommercheskih firm. M.: FIORD-INFO, 2012. 137 s.
3. Dobrynin A.P., Cifrovaja jekonomika – razlichnye puti k jeffektivnomu primeneniju tehnologij (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA i drugie): Uchebnik. M. : Izdatel'stvo: Jeksmo, 2016. 178 s.
4. Dmitrenko S.A. Metod potokov integrirovannogo informacionno-analiticheskogo obespechenija strategicheskogo planirovanija organizacii // Risk: resursy, informacija, snabzhenie, konkurencija. 2017. № 3. S.234 – 243
5. Kashirina A.V, Informacionnye tehnologii kak faktor razvitija innovacionnyh kompanij [Jelektronnyj resurs] // Jekonomika i menedzhment innovacionnyh tehnologij. – 2017. – № 1 (<http://ekonomika.snauka.ru/2017/01/13537>)
6. Kolesnikov S.N. Strategii biznesa: upravlenie resursami i zapasami. "Status Kvo 97", 2020.
7. Kon M. Agile-podhod k proektu i planirovaniju, Glava iz knigi «Agile: ocenka i planirovanie proektov» Izdatel'stvo «Al'pina Pabliher», 2016.
8. Korneev I.K. Informacionnye tehnologii v rabote s dokumentami: Uchebnik. M. : Izdatel'stvo Prospekt, 2016. 304 c.
9. Kruglyj stol "Ocenka jeffektivnosti vnedrenija IT", organizovannom redakciej "iOne: informacionnye tehnologii" i ID "Kommersant##. M. 25 marta 2003 g. Obzor sostojavshegosja obsuzhdenija opublikovan na tematicheskoy stranice "iOne: informacionnye tehnologii" zhurnala "Sekret firmy", 2003, URL: https://secretmag.ru/archive/files/sec-firm_23_151203.pdf Accessed: 24.06.2020
10. Rozhkov A.V. Ocenka jeffektivnosti ERP-sistem // Zhurnal Teoriticheskie i prikladnye aspekty soveremennoj nauki. 2015. №7-3. S. 117 – 120
11. Meng Gao, Jiekun Huang, Informing the Market: The Effect of Modern Information Technologies on Information Production, Review of Financial Studies, Forthcoming, Posted: 23 Aug 2017

УДК 346.7

JEL коды: Н 21, Н 25

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.216–223

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ, КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ ВЫХОДА ЭКОНОМИКИ ИЗ РЕЦЕССИИ*

Д.А. Артеменко¹, Л.А. Василенко²

^{1,2}Высшая школа бизнеса Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассмотрены проблемы развития цифровой экономики в России, а также проблемы цифровой трансформации, в частности, цифровизации процессов налоговой системы Российской Федерации. Целью исследования является анализ изменений налоговой системы Российской Федерации и системы налогового контроля под влиянием цифровых технологий. Научная новизна полученных результатов заключается в определении дальнейших перспектив и направлений развития налоговой системы РФ в условиях цифровизации российской экономики, которые необходимы для принятия эффективных решений по управлению налоговой системой региона и страны в целом.

Ключевые слова: цифровизация; налоговая система; экономика; цифровые технологии; пандемия; малый бизнес; субъекты малого и среднего предпринимательства, общенациональный план действий по восстановлению экономики Российской Федерации.

В 2020 г. мировая экономика и население столкнулось с новым, неведомым вызовом – коронавирусной инфекцией, которая парализовала устоявшиеся экономические процессы, нарушила транспортные и торговые коридоры, что привело к всеобщему замедлению роста мировой экономики, а в ряде отраслей к затяжному кризису.

Сегодня прогнозы и макроэкономические модели на среднесрочную перспективу строятся с учетом мнения вирусологов. Исходя из этого предполагается, что возвращение на докризисные темпы роста возможно на отрезке 2–3 лет после снятия всех существующих ограничений.

Тенденции снижения потребительского спроса, производительности труда, зафиксированные в Российской Федерации, начиная с марта 2020 г., свидетельствуют о тождественности общемировых и национальных экономических процессов.

Представители Международного валютного фонда делают аккуратный прогноз по росту экономики России в 2021 г. на 2,8 % процента после падения

* Рекомендовано к публикации по результатам Международной научно-практической конференции «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты» (18 декабря 2020 г., Департамент экономической теории Финансового университета).

на 5,5 % по итогам 2020 г. При этом уровень безработицы останется в пределах устоявшихся величин [9].

Естественно, что прогнозы признанных международных экспертных организаций, а также уполномоченных Федеральных органов власти будут корректироваться, исходя из текущей ситуации, развития компании по вакцинации населения.

Меры, принимаемые Правительством РФ по стабилизации экономической ситуации в «первую волну» пандемии, были положительно восприняты предпринимательским сообществом, внутренними и внешними инвесторами, что позволило стабилизировать ситуацию в стране. Однако ряд экспертов отмечают, что указанные мероприятия при всей оперативности в существующих реалиях были несколько запоздалыми, и часть бизнеса, преимущественно малый, оказались на пороге закрытия.

Главным решением, которое возглавляет рейтинг эффективности в глазах предпринимательского сообщества, стало принятие Постановления Правительства Российской Федерации по утверждению перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции. Данные отрасли первые начали получать адресную поддержку из федерального бюджета, субсидии от институтов развития, а также послабление в виде отсрочек по уплате налоговых и иных платежей, сдаче отчетности и прочее.

Крупные компании, которые также нуждаются в поддержке, получили возможность подать документы на включение в Реестр системообразующих предприятий.

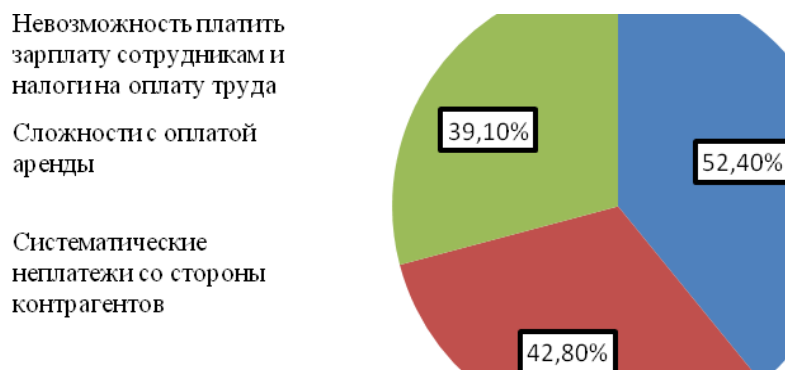
При всей эффективности, механизм отнесения отраслей к пострадавшим, а также механизм включения компаний в Реестр системообразующих предприятий вызвал значительные нарекания в бизнес-среде, а также череду публичных скандалов, что подчеркнуло необходимость оперативного согласования предлагаемых Федеральными органами исполнительной власти мер с предпринимательским сообществом.

Поддержание потребительского спроса было реализовано путем предоставления денежных выплат гражданам, имеющих детей в возрасте до 16 лет, а также увеличения пособий по безработице и иных выплат социально незащищенным слоям населения. Указанный инструментарий использовался в ряде стран ЕС, Северной Америки, но объемы поддержки, а также ее направления несопоставимы, а учитывая регистрируемую инфляцию – ничтожны.

Данные мониторинга, проведенного аппаратом Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей показали, что более 50 % респондентов оценили принимаемые Правительством РФ меры «скорее отрицательно», участие в опросе приняли более 2 тыс. хозяйствующих субъектов из 85 субъектов федерации [4, с. 280; 7].

Также, по данным опроса, во время пандемии бизнес столкнулся с тремя главными трудностями. Информация представлена на рис. 1 (см. ниже).

По оценкам Минэкономразвития, ВВП России в мае 2020 г. сократился на 10,9 %, а в целом за первые пять месяцев объем экономики снизился на 3,7 % [6, с. 310].

Р и с . 1. Главные трудности, с которыми столкнулся бизнес в пандемию

Следует заметить, что существуют две точки зрения по вопросу принятия решения о введении масштабных антикризисных мер. Первая, основана на том, что решения принимаются на основании мониторинга ситуации в экономике, положении дел в реальном секторе. Вторая – на изучении настроения граждан, их уверенности в завтрашнем дне и остатках сбережений на счетах в банковских учреждениях.

Притом, что доля публичных заявлений граждан о катастрофической ситуации в блогосфере была незначительной, а банки давали информацию о стабильности вкладов граждан, руководством страны было принято решение о подготовке, утверждении и реализации общенационального плана действий по восстановлению экономики Российской Федерации. Ключевой КРІ плана – роста ВВП 2,5 % к концу 2021 г.

Достижение КРІ планируется реализовать путем реализации мер, ранее предусмотренных Национальными проектами и скорректированных под новые реалии. Также, максимальный упор планируется сделать на повсеместное внедрение информационных технологий в системе государственного управления, что само по себе даст эффект в виде сокращения временных издержек для граждан и бизнеса, а также «вплеснет» в экономику дополнительные средства в виде государственного заказа. План обойдется налогоплательщикам в 5 трлн рублей, что подчеркивает степень персональной ответственности кабинета министров за его реализацию.

Необходимо констатировать повсеместное заимствование предлагаемых мер из уже реализованного опыта других стран. Законодательно закреплено положение об удаленной работе, что отвечает требованиям времени. Одновременно с этим законодатель установил, что работодатель должен обеспечить работника компьютерной техникой и необходимым программным обеспечением для удаленной работы. Источники такого обеспечения никто не называл, но в период кризиса стало очевидным, что работодатель получил дополнительные финансовые расходы.

За счет чего Правительство РФ планирует увеличить ВВП до 2,5 %?

Детальное прочтение проекта Плана позволяет сделать однозначный вывод – за счет повсеместного внедрения цифровых технологий и сервисов, как в повседневную жизнь граждан, так и в систему взаимоотношений «государство-гражданин-бизнес».

Большое влияние на данные пункты Плана оказала возникшая в начале 2020 г. пандемия коронавируса. Именно цифровые технологии помогли экономике устоять, а нынешний вирусный кризис усилил развитие технологий. Тем самым, подтверждается связь между внедрением цифровых технологий в деятельность государственных органов и выходом экономики из рецессии.

Необходимо отметить, что мероприятия осуществления проекта Плана не являются дублированием мероприятий Национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», который в большей степени направлен на реализацию инфраструктурных проектов и системную, долгосрочную работу над созданием комфортной регуляторной среды.

Проект подтверждает готовность нового состава Правительства России к оперативным изменениям законодательства для получения экономических эффектов на коротком треке. В подтверждение этому можно привести пример с разрешением торговли безрецептурными лекарственными препаратами через «Интернет». Данный вопрос обсуждался около 5–7 лет, но только сейчас был воплощён в жизнь, что позволило создать новое направление онлайн – ритейла. Будет ли этот бизнес эффективен? По мнению Е. Л. Гульковой, М.В. Карп, М.В. Типалиной, ответ на этот вопрос отрицательный, поскольку фактически, рынок будет монополизирован крупнейшими аптечными сетями, а маркетплейсы не имеют возможности, реализовывать лекарства на своих площадках, что касаясь малого бизнеса, он не способен иметь 10 аптек для получения доступа к онлайн [5].

Общее мнение, которое можно сформулировать от анализа цифровых новаций, которые будут внедрены одно – если Правительство России в следующем году реализует половину мероприятий Плана, нас ждет другое цифровое будущее.

При этом необходимо помнить, что цифровизация любых процессов это в первую очередь согласие государства на цифровизацию путем принятия соответствующих нормативных правовых актов, а не бюджетные затраты. Далее в работу включается бизнес, который находится в постоянном поиске новых сфер, новых направлений, готов инвестировать в создание сервисов, программного обеспечения, технологий искусственного интеллекта, дополненной и виртуальной реальностей. Здесь важная роль отводится цифровизации процессов налоговой системы РФ [5, с.90].

Отметим, что цифровые технологии в сфере налогообложения активно задействованы и успешно реализуются Федеральной налоговой службой РФ.

В табл. 1 представлены основные направления деятельности налоговой службы в части развития цифровых технологий в налогообложении.

Т а б л и ц а 1

Основные направления деятельности налоговой службы в части развития цифровых технологий в налогообложении

Направление	Описание
Взаимодействие с налогоплательщиками – гражданами РФ	Улучшение качества услуг и создания комфортных условий для уплаты налогов с целью обеспечения справедливых и равных условий для всех граждан РФ, в том числе реализация открытости гос. ведомств.
Взаимодействие с налогоплательщиками – субъектами предпринимательства	Улучшение качества услуг и создания комфортных условий для ведения бизнеса

Кратко рассмотрим каждое из них. К первому направлению использования цифровых технологий в налоговой сфере можно отнести реализацию налоговой службой «Открытого ведомства», где размещаются открытые данные о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления из сети Интернет в виде массивов данных и на условиях ее свободного (бесплатного) использования, а также представлены различные планы и отчеты ведомства [8].

Так же, взаимодействие с налогоплательщиками – гражданами РФ осуществляется с помощью действующих кабинетов налогоплательщиков на сайте ФНС. Также рассматриваемое направление работы ФНС направлено на индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Через личный кабинет налогоплательщика можно получить необходимую информацию и документы, предоставляемые по месту требования. Сервисом так же можно воспользоваться с помощью мобильного приложения «Налоги ФЛ», что значительно упрощает взаимодействие граждан с ФНС. Так же портал-сайт ФНС позволяет удаленно сформировать платежные документы, рассчитать налоги на имущество физических лиц и т.д.

В рамках второго направления развития цифровых технологий так же можно выделить дистанционное взаимодействие с предпринимателями через электронные сервисы. Например, с помощью налогового калькулятора на сайте ФНС можно рассчитать налоговую нагрузку. Исчерпывающая информация, размещенная на сайте, позволяет выбрать подходящий режим налогообложения провести расчет стоимости патента, взвесить все плюсы и минусы определенного налогового режима [10].

Применение рассматриваемого сервиса предоставляет возможность получить необходимый статус без посещения налоговой. Здесь речь идет о формировании Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, действующего на основе Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [1]. Посредством реестра хозяйствующий субъект удаленно может получить статус субъекта малого и среднего предпринимательства (МСП). Кроме того, действующие предприниматели, упомянутые в реестре, вправе претендовать на все меры государственной поддержки малого бизнеса. В табл. 2 представлена информация о количестве субъектов МСП в России и Ростовской области по состоянию на 10.12.2020 [11].

Т а б л и ц а 2

Общее количество субъектов МСП в России и Ростовской области
по состоянию на 10.12.2020

	РФ	Ростовская область
Всего субъектов МСП	5 702 150	168 316
Юр. лица	2 362 558	49 366
ИП	3 339 592	118 950

Источник: составлено авторами.

Немаловажным является также создание Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки, который формируется организациями, предоставляющими поддержку субъектам МСП и самозанятым в 2019–2020 гг. Предоставление общего доступа к данному реестру будет доступно с 20 декабря 2020 г.

Дополнительно в рамках взаимодействия ФНС с субъектами предпринимательства необходимо упомянуть о реформировании налоговой системы Российской Федерации. Здесь речь идет о внедрении в экспериментальном варианте с 2019 г. нового специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [2]. На начало 2021 г. данный режим налогообложения действует на всей территории РФ.

Разработка данного режима обоснована тем, что некоторые граждане, получающие доходы на системной основе, скрывают его и не регистрируются в качестве ИП. С целью легализации доходов таких граждан создан упомянутый режим, создающий максимально комфортные условия для потенциальных налогоплательщиков, которые формально не являются хозяйствующими субъектами.

Так, в 2020 г. в Ростовской области зарегистрировано 39,8 тыс. действующих налогоплательщиков налога на профессиональный доход [11], что непосредственно говорит о популярности и востребованности налогового режима для самозанятых.

В дальнейшей перспективе развития цифровых технологий в налоговой сфере могут быть проработаны вопросы в части полного дистанционного взаимодействия с налогоплательщиками. На данный момент некоторые возникающие вопросы все же требуют непосредственного посещения налогового органа и бумажного сопровождения. Электронный документооборот даст возможность государству отслеживать все действия, а также финансовые, товарные потоки хозяйствующих субъектов, что обеспечивает честность и прозрачность, а также способствует развитию экономики РФ [5, с. 93].

Таким образом, государство, в лице Правительства РФ, в проекте общенационального плана дает бизнесу сигнал на то, что оно готово открыть окно возможностей и готово к диалогу по различным вопросам, которые до 2020 года были своего рода табу.

Если заявленный диалог случится, то уже в 2021 г. мы узнаем о появлении новых направлений развития цифровых технологий в сфере налогообложения. В наших мобильных телефонах появятся новые приложения, еще меньше документов потребуется для получения услуг и сервисов государства, но главное – появится значительное число новых предпринимателей, будут созданы новые высокотехнологичные рабочие места, что безусловно даст толчок к развитию новых технологий и приросту ВВП [7].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать однозначный вывод о том, что именно цифровизация, а в частности и цифровизация налоговой системы страны, станет ключевым инструментом выхода экономики из рецессии.

Список литературы

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24.06.2007 № 209-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Источник: <https://base.garant.ru/12154854/>
2. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федер. закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Источник: <https://base.garant.ru/72113648/>
3. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: федер. закон

- от 08.12.2020 № 407-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/
4. Голик А. В. Цифровая экономика в современном мире // Молодой ученый. 2019. №45(283). С. 280–281.
 5. Гулькова Е. Л., Карп М. В., Типалина М. В. Налоговые вызовы цифровой экономики // Вестник ГУУ. 2019. №4. С. 89–95.
 6. Петухова Р.А., Григорьева Я.А. Налоговое администрирование в условиях цифровой экономики // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2019. №46. С.303–316.
 7. Анна Михайлова. «Кризис» и «катастрофа»: как предприятия МСБ оценили свое положение в период пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://customsforum.ru/news/business/krizis-i-katastrofa-kak-predpriyatiya-msb-otsenili-svoe-polozhenie-v-period-pandemii-554159.html> (дата обращения 10.01.2021).
 8. Владислав Гордеев, Мария Лисицына. Минэкономразвития отчиталось о падении ВВП в мае двузначными темпами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/19/06/2020/5eefcf1399a7947f21d94b3fa> <https://www.rbc.ru/economics/19/06/2020/5eefcf1399a7947f21d94b3fa> (дата обращения 10.01.2021).
 9. Интерфакс. МВФ смягчил прогноз падения ВВП РФ в 2020 году до 4,1% [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/731294> (дата обращения 10.01.2021).
 10. Официальный сайт Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8785782/ (дата обращения 10.01.2021).
 11. Официальный сайт Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://marmnpd.nalog.ru:8843/map> (дата обращения 10.01.2021).

Об авторах:

АРТЕМЕНКО Дмитрий Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Государственные, муниципальные финансы и финансовый инжиниринг», Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: dartemen@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5440-1895, SPIN-код: 5279-5007

ВАСИЛЕНКО Людмила Александровна – магистрант кафедры «Государственные, муниципальные финансы и финансовый инжиниринг», Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: lulilka@bk.ru. ORCID: 0000-0002-6514-4780, SPIN-code: 4305-6820.

**TRANSFORMATION OF THE TAX SYSTEM IN THE CONTEXT OF
DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY AS A KEY TOOL
ECONOMIC RECOVERY FROM RECESSION**

D.A. Artjomenko¹, L.A. Vasilenko²

^{1,2}Higher School of Business of the Southern Federal University, Rostov-on-Don,
Russia

The article considers the problems of the development of the digital economy in Russia, as well as the problems of digital transformation, in particular, the digitalization of the processes of the tax system of the Russian Federation. The purpose of the study is to analyze changes in the tax system of the

Russian Federation and the system of tax control under the influence of digital technologies. The scientific novelty of the results obtained consists in determining the further prospects and directions for the development of the tax system of the Russian Federation in the conditions of digitalization of the Russian economy, which are necessary for making effective decisions on managing the tax system of the region and the country as a whole.

Keywords: *digitalization; tax system; economy; digital technologies; pandemic; small business; small and medium-sized businesses, national action plan for economic recovery of the Russian federation.*

About the authors:

ARTJOMENKO Dmitrij Anatol'evich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of State, Municipal Finance and Financial Engineering, Higher School of Business of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: dartemen@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5440-1895 SPIN-code: 5279-5007

VASILENKO Ljudmila Aleksandrovna – master's student of the Department of State, Municipal Finance and Financial Engineering, Higher School of Business of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: lulilka@bk.ru. ORCID: 0000-0002-6514-4780 SPIN-code: 4305-6820

References

1. O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 24.06.2007 № 209-FZ (s izm. i dop.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Istochnik: <https://base.garant.ru/12154854/>
2. O provedenii jeksperimenta po ustanovleniju special'nogo nalogovogo rezhima «Nalog na professional'nyj dohod»: feder. zakon ot 27.11.2018 № 422-FZ (s izm. i dop.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Istochnik: <https://base.garant.ru/72113648/>
3. O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti regulirovaniya distancionnoj (udalennoj) raboty i vremennogo perevoda rabotnika na distancionnuju (udalennuju) rabotu po iniciative rabotodatelja v iskljuchitel'nyh sluchajah: feder. zakon ot 08.12.2020 № 407-FZ (s izm. i dop.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus». Istochnik: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/
4. Golik A. V. Cifrovaja jekonomika v sovremennom mire // Molodoj uchenyj. 2019. №45(283). S. 280–281.
5. Gul'kova E. L., Karp M. V., Tupalina M. V. Nalogovye vyzovy cifrovoj jekonomiki // Vestnik GUU. 2019. №4. S. 89–95.
6. Petuhova R.A., Grigor'eva Ja.A. Nalogovoe administrirovanie v uslovijah cifrovoj jekonomiki // Vestn. Tom. gos. un-ta. Jekonomika. 2019. №46. S.303–316.
7. Anna Mihajlova. «Krizis» i «katastrofa»: kak predpriyatija MSB ocenili svoe polozhenie v period pandemii [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://customsforum.ru/news/business/krizis-i-katastrofa-kak-predpriyatija-msb-otsenili-svoe-polozhenie-v-period-pandemii-554159.html> (data obrashhenija 10.01.2021).
8. Vladislav Gordeev, Marija Lisicyna. Minjekonomrazvitija otchitalos' o padenii VVP v mae dvuznachnymi tempami [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/economics/19/06/2020/5eecf1399a7947f21d94b3fahttps://www.rbc.ru/economics/19/06/2020/5eecf1399a7947f21d94b3fa>(data obrashhenija 10.01.2021).
9. Interfaks. MVF smjagchil prognoz padenija VVP RF v 2020 godu do 4,1% [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.interfax.ru/business/731294> (data obrashhenija 10.01.2021).
10. Oficial'nyj sajt Federal'noj nalogovoj sluzhby [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8785782/(data obrashhenija 10.01.2021).
11. Oficial'nyj sajt Edinogo reestra sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://marmnpd.nalog.ru:8843/map/>(data obrashhenija 10.01.2021).

УДК 336.64

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.224–231

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Ю.В. Чистякова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье обозначены формальные и неформальные признаки преднамеренного банкротства, как физических, так и юридических лиц, а также обосновывается целесообразность поиска признаков недобросовестного банкротства. Данные признаки позволяют с высокой долей вероятности сделать выводы о наличии фактов преднамеренного банкротства должника. Отметим, что данная тема слабо освещена в научной литературе и рассматривает только признаки преднамеренного банкротства юридических лиц. Основной целью исследования является выявление потенциальных признаков криминального банкротства на ранних стадиях несостоятельности организации. Научная новизна заключается в разработке методов оценки финансовых показателей, позволяющих обоснованно определить криминальное банкротство граждан и юридических лиц.

Ключевые слова: банкротство, преднамеренное банкротство, правомерное банкротство, признаки банкротства, неплатежеспособность.

В настоящее время для условий мировой пандемии характерны интеграция национальной экономики и ее значительная привязанность к конъюнктуре мировых рынков и сырьевым ресурсам, а также высокая активность политических и социально-экономических процессов. В этих обстоятельствах особую значимость приобретают вопросы исследования возможностей предотвращения или, по крайней мере, прогнозирования финансовых трудностей у предприятий, которые в будущем могут привести к потере бизнеса. При этом потребность в разработке надежных прогнозов вероятности банкротства растет не только со стороны собственников бизнеса и руководителей предприятий, но и со стороны кредиторов, кредитных учреждений (банков), инвесторов, финансовых аналитиков и других заинтересованных лиц. Таким образом, в настоящее время актуализируются вопросы совершенствования подходов к форкастингу банкротства.

Под банкротством, или неплатежеспособностью (от англ. «[bankruptcy](#)»), понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Определение, основные понятия и процедуры, связанные с банкротством предприятий (юридических лиц) и граждан (физических лиц), содержатся в нормах Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1].

К потенциальным кредиторам юридического лица относятся бюджетные и внебюджетные фонды, поставщики и подрядчики, прочие контрагенты, кредитные учреждения, сотрудники организации.

Кредиторами граждан могут выступать: налоговые службы, службы судебных приставов, коммерческие кредитные учреждения, другие физические лица, юридические лица.

Неспособность физического или юридического лица удовлетворять требования кредиторов может возникнуть как в результате событий непреодолимой силы или форс-мажора, так и может быть смоделировано из личных побуждений (т. е. преднамеренно).

А.А. Навасардян и Ю.В. Нуретдинова преднамеренным считают такое банкротство, при котором предприятие действительно не в состоянии погасить накопившиеся перед кредиторами долги из-за умышленного ведения дел со стороны уполномоченного на это должностного лица [6, с. 194].

Ведущую роль в анализе банкротства юридического лица играет финансовый анализ, проводимый по сведениям, отраженным в бухгалтерской финансовой отчетности (бухгалтерского баланса организации и отчета о финансовых результатах). Методы финансового анализа применяются как для изучения объективной возможности банкротства предприятия, так и в ходе процедуры банкротства, которая проводится арбитражными управляющими. В настоящее время существует и применяется на практике несколько моделей прогнозирования банкротства, сформулированных как зарубежными авторами, например, Э. Альтманом, У. Бивером, М. Бламом, Р. Таффлером и др., так и отечественными – А.Ю. Беликовым, Г.В. Давыдовой, О.П. Зайцевой, Р.С. Сайфуллиной, Г.Г. Кадыковой и др. [5].

Однако, кроме расчета показателей ликвидности, платежеспособности и использования моделей вероятности банкротства для оценки преднамеренного банкротства, существуют и иные (формальные и неформальные) признаки распознавания банкротства юридических и физических лиц, которые, по мнению автора, с высокой долей вероятности позволяют судить о наличии ситуации преднамеренного банкротства.

Согласно п. 10 раздела 2 Постановления Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855, признак преднамеренного банкротства юридического лица определен следующим образом: «если руководителем должника, ответственным лицом, выполняющим управленческие функции в отношении должника, индивидуальным предпринимателем или учредителем (участником) должника совершались сделки или действия, не соответствующие существовавшим на момент их совершения рыночным условиям и обычаям делового оборота, которые стали причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности должника» [2].

В том же Постановлении Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 представлен список анализируемых арбитражным управляющим документов (минимум за два предшествующих периода) и обозначен порядок определения признаков преднамеренного банкротства.

А.Н. Ряховская отмечает, что «преднамеренное банкротство обусловлено умышленными действиями руководства либо собственников предприятия по созданию или увеличению его неплатежеспособности посредством совершения сделок с аффилированными лицами на заведомо невыгодных условиях, внесения недостоверных сведений в бухгалтерские

либо иные документы, сокрытия или уменьшения имущества должника и так далее» [8, с. 132].

М.Ю. Руднев указывает на то, что, учитывая данные обстоятельства, на практике неоднократно встречаются случаи сдачи «нулевых» бухгалтерских балансов или с очевидной фальсификацией данных [7].

Все это ставит под сомнение достаточность данных бухгалтерской финансовой отчетности предприятия в качестве основного источника информации для анализа вероятности преднамеренного банкротства. В связи с чем, по мнению автора, ключевыми источниками информации при поиске признаков преднамеренного банкротства предприятия будут служить иные данные бухгалтерского учета, а именно:

- оборотно-сальдовые ведомости по счетам бухгалтерского учета (счетов 10, 20, 23, 40, 41, 43, 50, 51, 58, 60, 62, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 90, 91);
- акты инвентаризации расчетов, активов и обязательств организации;
- сверки расчетов с бюджетом по налогам и сборам;
- сверки расчетов с внебюджетными фондами по начисленным и уплаченным взносам.

А.А. Навасардян и Ю.В. Нуретдинова определяют факт криминального банкротства по следующим признакам [6, с. 192]:

- должник пытается скрыть истинное состояние активов или имущества;
- несвоевременно предоставляются требуемые финансовые документы;
- имеются большие неоплаченные долги дебиторов, которые предприятие не пытается вернуть;
- происходят большие финансовые вложения в то время, когда предприятие фактически прекратило выплаты по счетам и начинает образовываться долг перед кредиторами;
- имеются значительные передвижения финансовых запасов предприятия, как в активах, так и пассивах;
- наблюдается значительное увеличение задолженности по заработной плате и выплате дивидендов.

Авторы называют обстоятельства, являющиеся признаками преднамеренного банкротства предприятий:

- создание новых юридических лиц с целью передачи в их уставной капитал активов предприятия;
- фиктивная передача или неравноценная продажа имущества;
- выход участников общества с передачей им доли имущества организации из состава учредителей;
- искусственное создание кредиторской задолженности;
- получение займов или кредитов под необоснованно высокие проценты;
- совершение иных действий, приводящих в значительной степени к ухудшению финансового состояния предприятий, что является причиной их банкротства.

А.Н. Ряховская указывает: «Особое значение при этом целесообразно уделить анализу сделок, в ходе проведения которого устанавливается соответствие заключенных сделок и действия (бездействия) органов управления должника законодательству Российской Федерации, а также

выявляются сделки, не соответствующие рыночным условиям, исполнение которых явилось причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности, и причинившие реальный ущерб должнику в денежной форме. Заведомо невыгодные условия сделки, заключенной должником, могут касаться, в частности, цены имущества, работ и услуг, вида и срока платежа по сделке, обеспечения, сторон сделки и многого другого» [8, с. 133].

Автор отмечает, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 года № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» особое внимание необходимо уделять выявлению правомочности (не правомочности) заключенных сделок при банкротстве. Так, А.Н. Ряховская указывает «к не правомочным сделкам относятся сделки: по отчуждению имущества должника и его замещению менее ликвидным; связанные с возникновением обязательств должника, не обеспеченных имуществом; по замене одних обязательств на другие, заключенные на заведомо невыгодных условиях; по приобретению неликвидного имущества: по купле-продаже имущества на заведомо невыгодных для должника условиях; по продаже имущества, без которого невозможна основная деятельность должника» [8, с. 134].

По мнению автора, необходимо разделять формальные и неформальные признаки преднамеренного банкротства предприятий (юридических лиц).

Под формальными признаками следует понимать признаки, которые могут быть выражены в денежном эквиваленте и относятся непосредственно к форме взаимоотношений должника и кредиторов.

Под неформальными признаками следует понимать признаки, относимые к внутренней среде предприятия.

Автор полагает, формальными признаками преднамеренного банкротства юридических лиц будут являться:

1. стабильная убыточность деятельности предприятия при росте объемов продаж;
2. рост коммерческих, управленческих и прочих расходов более опережающими темпами по сравнению с ростом объемов продаж;
3. беспорядочное или нецелесообразное привлечение кредитов и займов как от физических, так и от юридических лиц на условиях, заведомо невыгодных для заемщика;
4. нарушение сроков оплаты обязательных платежей (налогов, кредитов, заработной платы), особенно при наличии достаточного количества денежных средств на счетах организации в день оплаты;
5. рост задолженности по налогам и сборам в связи с ошибками в перечислениях (перечисления сделаны на другие КБК или в счет погашения пеней и штрафов вместо погашения основного налога или сбора);
6. наличие дебиторской задолженности с большим сроком давности, не взыскиваемой с должников;
7. расторжение контрактов с постоянными надежными контрагентами и заключение договоров с компаниями – однодневками;
8. перечисление авансов поставщикам и подрядчикам за неполученные товары или услуги, а также перечисление авансов повторно при

наличии уже перечисленного аванса и при условии, что данная форма расчетов не зафиксирована в договорах;

9. отсутствие работы ответственных лиц предприятия по возврату авансов поставщикам и задолженности дебиторов, которая должна предполагать своевременное подписание актов сверок, написание и отправка претензий в адрес контрагентов;

10. регулярная просрочка оплат основным поставщикам за товары и услуги при наличии достаточных денежных ресурсов;

11. формальное проведение инвентаризаций активов (наличие строк с отрицательными количественными данными).

Среди неформальных признаков криминального банкротства юридического лица можно выделить следующие:

1. высокая текучесть кадров;
2. перевод сотрудников на сокращенную рабочую неделю;
3. изменения в составе учредителей компании, которые могут свидетельствовать о разладах и конфликтах на уровне руководства организации;

4. значительное расширение (раздувание) штата сотрудников на фоне сокращения или при стабильности объемов продаж.

Безусловно, что на деятельность любой организации оказывают влияние как внешние факторы (политические, экономические, эпидемиологические, социальные, отраслевые), так и внутренние. Но если внешние факторы затрагивают в той или иной мере деятельность каждого предприятия, то внутренние факторы обусловлены именно спецификой деятельности данного конкретного предприятия.

Среди внутренних факторов, влияющих на возникновение преднамеренного банкротства, основным является неграмотное, неумелое и негибкое управление руководством деятельностью предприятия, которое на практике может проявляться в следующем:

- неумение подстраиваться под изменения рынка и запросы клиентов;
- отсутствие согласованности в деятельности руководящего состава;
- использование старых технологий во всех сферах деятельности (управлении, производстве, коммуникации);
- авторитарный стиль руководства;
- отсутствие стратегии развития предприятия;
- увольнение компетентных сотрудников, имеющих мнение, отличное от мнения руководства.

По этим перечисленным выше формальным и неформальным признакам, а также по внутренним факторам можно сделать достаточно объективный вывод о том, что ситуация с банкротством у данного предприятия имеет преднамеренный характер.

Отметим, что на конец третьего квартала 2020 г. около 37 тыс. юридических лиц находятся в процедурах банкротства. При этом за последние восемь лет их количество выросло в два раза, и не было ни одного года, когда бы данный показатель снижался. Этот рост вызван, по мнению автора, в том числе и теми недостатками отечественного законодательства о банкротстве, которые [4]:

– во-первых, позволяют предавать данным процедурам ликвидационную направленность, а не реабилитационную, которая бы и отражала суть конкурсного управления;

– во-вторых, позволяют использовать процедуры банкротства не для погашения долга, а для того, чтобы избавиться от него, не платя ничего кредиторам.

Количество судебных решений по делам о банкротствах юридических лиц представим в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Количество решений судов Российской Федерации о введении различных процедур в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Количество решений о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства	13044	12549	13541	13117	12401
Количество решений о введении наблюдения	10198	10487	11495	10547	10134
Количество решений о введении внешнего управления	434	372	363	278	209
Количество решений о введении финансового оздоровления	38	52	32	19	19
Количество решений о прекращении производства по делу	1943	2342	2495	2802	3817

Источник: составлено автором по [3], [6, с. 191].

Как следует из данных табл. 1, пик банкротства юридических лиц наблюдался в 2017 г.

Основные критерии возникновения преднамеренного банкротства у физического лица, на первый взгляд, более очевидны и понятны для его кредиторов. К возникновению признаков неплатежеспособности гражданина – должника могут привести такие жизненные обстоятельства, как:

- потеря постоянного места работы;
- утрата средств труда, необходимых для получения постоянного дохода;
- потеря жилья;
- серьезное ухудшение состояния здоровья самого физического лица или членов его семьи;
- существенное снижение уровня оплаты труда (что было характерно для многих отраслей экономики в период начала пандемии весной этого года).

Все вышеперечисленные случаи являются ситуациями, которые человек заранее не мог спрогнозировать или ожидать, и относятся к признакам правомерного банкротства.

В свою очередь, к признакам неправомерного (преднамеренного) банкротства физического лица, по мнению автора, можно отнести:

- официальная продажа в течение 2-х предыдущих лет движимого и недвижимого имущества близким родственникам (сестрам, братьям, супругам, родителям, друзьям детства) по цене ниже рыночной;
- отсутствие изменений в образе жизни банкрота (путешествия, хобби, объем и качество потребляемых товаров и услуг);

- отсутствие значительных изменений в здоровье банкрота или его близких родственников;
- значительное сокращение официальных доходов при стабильном уровне занятости;
- значительное превышение уровня расходов над уровнем официальных доходов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что помимо использования данных бухгалтерской отчетности и расчета показателей по общепринятым моделям определения вероятности банкротства, используя формальные и неформальные признаки, можно оценить наличие ситуации преднамеренного банкротства. Аналогично по ряду признаков можно делать выводы о преднамеренном банкротстве физического лица.

Список литературы

1. Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002г. №127-ФЗ – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.
2. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51004/.
3. Банкротства компаний – статистика федресурса за 2019 год. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fedresurs.ru/news/7b3c8884-b159-4ee7-b5fb-7770d9d941da?attempt=3>.
4. В ФНС заявили, что порядка 37 тыс. российских кмпаний сейчас оформляют банкротства. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/9667897>.
5. Иванова Е.В. Методологические предпосылки развития модели прогнозирования банкротства / Е. В. Иванова, Т. И. Ефремкова // Вестник Алтайской Академии экономики и права. Экономические науки. 2020. № 4. С. 336–343.
6. Навасардян А.А. Фиктивное и преднамеренное банкротство: сравнительная характеристика, виды ответственности / А.А. Навасардян, Ю. В. Нуретдинова // Вестник Екатеринбургского института. 2020. № 1 (49). С. 191–195.
7. Руднев М.Ю. Механизмы диагностики преднамеренного банкротства. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Rudnev.pdf>.
8. Ряховская А.Н. Преднамеренное и фиктивное банкротство: некоторые алгоритмы решения проблем / А.Н. Ряховская // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. Вопросы управления и инструменты рынка. 2017. № С. 131–138.

Об авторе:

ЧИСТЯКОВА Юлия Викторовна – аспирант кафедры финансов Института экономики и управления, Тверской государственной университет (170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: julchi1889@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4044-4629>, Spin-код

FORMAL AND INFORMAL FEATURES OF INTENTIONAL BANKRUPTCY AMONG LEGAL ENTITIES AND INDIVIDUALS

Yu.V. Chistyakova

FGBOU VO “Tver State University”, Tver

The article identifies formal and informal signs of intentional bankruptcy, both individuals and legal entities, and also justifies the feasibility of finding

signs of unscrupulous bankruptcy. These signs make it possible with a high degree the probability to draw conclusions about the presence of facts of deliberate bankruptcy of the debtor. This topic is poorly covered in the periodical press and considers only signs of deliberate bankruptcy of legal entities. The main goal of the study is to identify potential signs of criminal bankruptcy in the early stages of the insolvency of the organization. The scientific novelty consists in the development of methods for evaluating financial indicators, analyzing these indicators in dynamics, which make it possible to reasonably determine the criminal bankruptcy of citizens and legal entities.

Keywords: *bankruptcy, intentional bankruptcy, lawful bankruptcy, signs of bankruptcy, insolvency.*

About the author:

ChISTJaKOVA Julija Viktorovna – graduate student of the Department of Finance, Institute of Economics and Management, of Tver State University, (33, Zhelaybova St., Tver, 170000, Tver), e-mail: julchi1889@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4044-4629>, Spin-код

References

1. Federal'nyj Zakon «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)» ot 26.10.2002g. №127-FZ – [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrya 2004 g. № 855 «Ob utverzhdenii Vremennyh pravil proverki arbitrazhnym upravljajushhim nalichija priznakov fiktivnogo i prednamerennogo bankrotstva» – [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51004/.
3. Bankrotstva kompanij – statistika fedresursa za 2019 god. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://fedresurs.ru/news/7b3c8884-b159-4ee7-b5fb-7770d9d941da?attempt=3>.
4. V FNS zajavili, chto porjadka 37 tys. rossijskih kmpanij sejchas oformljajut bankrotstva. – [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/9667897>.
5. Ivanova E.V. Metodologicheskie predposylki razvitiya modeli prognozirovaniya bankrotstva / E. V. Ivanova, T. I. Efremkova // Vestnik Altajskoj Akademii jekonomiki i prava. Jekonomicheskie nauki. 2020. № 4. S. 336–343.
6. Navasardjan A.A. Fiktivnoe i prednamerennoe bankrotstvo: sravnitel'naja harakteristika, vidy otvetstvennosti / A.A. Navasardjan, Ju. V. Nuretdinova // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2020. № 1 (49). S. 191–195.
7. Rudnev M.Ju. Mehanizmy diagnostiki prednamerennogo bankrotstva. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Rudnev.pdf>.
8. Rjahovskaja A.N. Prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstvo: nekotorye algoritmy reshenija problem / A.N. Rjahovskaja // JeTAP: jekonomicheskaja teorija, analiz, praktika. Voprosy upravlenija i instrumenty rynka. 2017. № S. 131–138.

УДК 338.48

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.232–239

ВЛИЯНИЕ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ВЪЕЗДНОЙ ТУРИЗМ В РОССИИ

А.А. Бесперстова¹, Е.В. Зобова²

^{1,2}ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени
Г.Р. Державина», Тамбов

Целью исследования является изучение текущей эпидемиологической ситуации на въездной туризм в России, анализ проблем в данном направлении, что впоследствии поможет выявить эффективные пути их решения. Коронавирус рассматривается как препятствие для развития въездного туризма в Российской Федерации. Конечным результатом исследования является определение основных направлений по решению актуальных проблем развития въездного туризма в условиях распространения коронавирусной инфекции. Научная новизна статьи характеризуется применением авторского подхода к пониманию сложившейся ситуации и предлагаемым вариантам решения проблемы. Основные проблемы въездного туризма, связанные с распространением коронавирусной инфекции, систематизированы по группам, определены возможные пути их решения, отражены ожидаемые результаты реализации предлагаемых мер.

Ключевые слова: туризм, развитие туризма, въездной туризм в России, безопасность туристической деятельности, эпидемиологическая ситуация, безопасность.

Рассматривая актуальную в настоящее время тему влияния эпидемиологической ситуации на въездной туризм в России, нельзя не отметить, что Российская Федерация имеет огромный туристско-рекреационный потенциал. Среди всего прочего можно выделить природное многообразие, наличие уникальных возможностей для развития экологического туризма, доступного не во всех странах – в России сосредоточено множество этнографических и природно-климатических, ресурсов, имеется огромное количество объектов исторического и культурного наследия, а также экскурсионных маршрутов.

Большое значение органы государственной власти уделяют проведению на территории Российской Федерации различных культурных, спортивных и иных мероприятий и событий. Все вышеперечисленное способно удовлетворить вкусы любого взыскательного туриста.

Вместе с тем, туризм является особым направлением, подверженным повышенным рискам. Это относится и к туристским организациям, и к потребителям туристских услуг [6, с. 98–102].

В последнее время отмечается усиление роли государственного воздействия на туризм в целом [3].

© Бесперстова А.А.,
Зобова Е.В., 2021

Одним из основных и немаловажных принципов организации туризма в Российской Федерации является деятельность органов государственной власти по регулированию безопасности туристской деятельности, что в целом влияет на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения в Российской Федерации.

Принимаемые нормативно-правовые акты федерального уровня, среди которых Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», свидетельствуют о том, что осуществление функций по обеспечению безопасности туризма, защите законных интересов туристов и их прав; по доведению до сведения туристов (экскурсантов), туроператоров, турагентов информации о возникающих в стране или месте временного пребывания угрозах безопасности, является компетенцией органов государственной власти (ст. 3.1) [1]. Данная норма напрямую касается и въездного туризма.

Независимо от видов туризма и направлений турпотоков (въездной, выездной) принцип безопасности и защиты туристов был признан основополагающим на мировом уровне и закреплён в Гаагской декларации по туризму 1989 г. [9].

Применительно к въездному туризму требования безопасности являются приоритетными, поскольку напрямую влияют на имидж страны пребывания. Туристские услуги и условия их предоставления должны быть безопасными, прежде всего для жизни и здоровья, а также для имущества туристов и окружающей среды.

Основным риском в туризме является неустойчивость, которая порождается многими факторами [10, с. 74–84].

Надо сказать, что современное состояние туристского рынка в Российской Федерации переживает нелегкий период. В числе актуальных проблем въездного туризма в настоящее время выделяется остро стоящая тема, связанная с ежедневно обостряющейся эпидемиологической ситуацией не только в России, но и во всем мире. Это связано с распространением по всему миру новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV.

Так председатель Всемирного совета по туризму и путешествиям Глория Гевара отметила, что Всемирная туристская организация при сотрудничестве со специалистами из OxfordEconomics провела предварительные расчеты, по которым кризис, связанный с коронавирусом, может обойтись данному сектору минимум в 22 млрд долл. США [11].

Новая коронавирусная инфекция, вызванная 2019-nCoV, сегодня стала основной угрозой безопасности туристской деятельности в целом и препятствием для развития въездного туризма в Российской Федерации. По состоянию на март 2020 г. Роспотребнадзором был отмечен резкий рост числа заболевших в Италии, Южной Корее, Иран, Японии и некоторых других странах [12].

В этой связи отмечалось значительное снижение международных визитеров в Российскую Федерацию. Данный фактор, естественно, оказал негативное влияние на реализацию туристских услуг, а также формирование спроса на туристские продукты, именно поэтому туризм относят к сфере деятельности с повышенными рисками не только для потребителей туристских услуг, но и для туристских организаций.

В целях недопущения распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV, на территории Российской Федерации с начала 2020 г. реализуются различного рода организационные и иные мероприятия профилактической направленности.

Так Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 24.01.2020 г. №2 «О дополнительных мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV» [2] явилось предписанием об утверждении в субъектах Российской Федерации планов организационных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и предусматривало выделение необходимых финансовых средств на реализацию мероприятий данных планов.

К середине марта 2020 г. ситуация для въездного туризма в корне изменилась в худшую сторону. Случаи заболевания коронавирусной инфекцией выявлены в более чем в 170 странах мира. Отмечены несколько стран с наиболее сложной эпидемиологической ситуацией – США, Китай, Италия, Испания [12].

Россия предпринимала своевременные меры по ограничению и закрытию авиационного и железнодорожного сообщения, как между странами, так и внутри страны. ОАО «РЖД» официально объявило, что в связи со сложившейся неблагоприятной эпидемиологической обстановки изменяется внутригосударственное сообщение [4].

С 18 марта до 1 мая был закрыт въезд в Россию для иностранных граждан и лиц без гражданства [7]. Соответствующее распоряжение Правительства Российской Федерации принято 16 марта 2020 г. и касается временного ограничения въезда в Российскую Федерацию вышеуказанных граждан, а также временного приостановления оформления и выдачи виз и приглашений. И как следствие, попав под прямой удар, внутренний туризм, также как и весь турбизнес, несет колоссальные потери.

В этой связи, для улучшения санитарно-эпидемиологической обстановки применительно к сфере туризма, представляется целесообразным рекомендовать:

- туроператорам и турагентствам проводить системную работу по информированию туристов, планирующих выезд за пределы Российской Федерации, обращая особое внимание на меры личной профилактики;
- организаторам массовых мероприятий и экскурсионных программ соблюдать соответствующий дезинфекционный режим, принимать самостоятельные меры и способствовать проведению профилактических и противоэпидемических мероприятий на туристических объектах, обеспечить наличие необходимых дезинфекционных средств и средств индивидуальной защиты.

Проведенный авторами анализ статистических свидетельствует о том, что в России туристическая отрасль в последние годы успешно развивалась, а число въездных туристских поездок иностранных граждан в Российскую Федерацию на протяжении последних трех лет оставалось стабильным (табл. 1, см. ниже) [8]:

Парализация туристической отрасли и введенные ограничения передвижения между странами, а также и по территории Российской Федерации, из-за кризиса, связанного с распространением коронавируса привели, как

отмечает Ассоциация туроператоров России, к колоссальным потерям, которые только на апрель месяц 2020 г. составили 1,5 трлн рублей [5].

Т а б л и ц а 1

Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию

Период	Январь-декабрь 2017	Январь-декабрь 2018	Январь-декабрь 2019
Всего (тыс.чел.)	24390	24551	24419

Следовательно, в 2020 г. ожидается снижение показателей, характеризующих туриндустрию, в том числе, по объему оказанных туроператорами услуг, количеству туроператоров в России, въездных поездок иностранных граждан и т.д.

Текущая ситуация требует проведения тщательного мониторинга информации, поступающей от туроператоров, чтобы иметь полную и детальную картину о состоянии въездного туризма в России. Осведомленность о ситуации, с учетом всеобъемлющего объективного анализа позволит спрогнозировать динамику развития въездного туризма в Российской Федерации.

Поэтому важным направлением является проведение информационной, консультационной и разъяснительной работы среди туристов и иных субъектов туристической деятельности, по вопросам касающимся безопасности.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, туризм – это высоко рисковое направление деятельности. Российская Федерация же, в свою очередь, являясь одной из привлекательных стран, несмотря ни на что притягивает множество туристов со всего мира.

Говоря о въездном туризме в России сейчас, главной задачей государства является снижение рисков, что может быть достигнуто путем реализации различных программных мероприятий, а также механизмов предупреждения и снижения вероятности наступления рискованных ситуаций. С учетом сложившейся санитарно-эпидемиологической ситуации в России Правительству Российской Федерации отдельно следует проработать вопросы нивелирования возможных негативных последствий для въездного туризма, используя различные инструменты поддержки туриндустрии (налоговые, финансовые и т. п.), избегая при этом чрезмерной паники, соблюдая установленные ограничения и принимая все необходимые профилактические меры.

Одной из реальных мер по скорейшему выводу въездного туризма Российской Федерации из кризиса является принятие государством решения в отношении иностранных туристов по упрощения визового режима.

Также, применительно к сложившейся на сегодняшний день ситуации, целесообразным было бы пересмотреть принятые решения об отмене тех или иных культурно-массовых мероприятий, которые не состоялись в период введения на территории Российской Федерации режима повышенной готовности в связи с приостановлением деятельности отдельных организаций, прямо или косвенно задействованных в турбизнесе. Организаторам предлагается перенести или продлить сроки проведения таких мероприятий (выставок, фестивалей и т. п.).

Следующим шагом может стать разработка Правительством Российской Федерации антикризисных программ и ослабление жестких мер, принятых законодателем из-за коронавирусной инфекции, прежде всего это

касается открытия границ для стран, где улучшилась санитарно-эпидемиологическая обстановка или которые не затронуты коронавирусной инфекцией. Для этого необходим постоянный мониторинг международной ситуации и оперативное реагирование на положительные изменения состояния эпидемиологической обстановки в мире.

В приведенной ниже табл. 2 систематизированы по группам выявленные основные проблемы въездного туризма, связанные с распространением коронавирусной инфекции 2019-nCoV. В ней также определены возможные варианты решения данных проблем, отражающие ожидаемые результаты реализации предлагаемых мер – «эффекты».

Т а б л и ц а 2

Проблемы въездного туризма, связанные с распространением коронавирусной инфекции, и пути их решения

п/п	Проблемы	Предложения по решению проблем	Эффекты
1	Проблема введения ограничения передвижения между странами и внутри России		
1.1	Изменение транспортного сообщения (ограничение и закрытие авиационного и железнодорожного сообщения) между странами и внутри России	Пересмотреть принятые решения о закрытии транспортного сообщения. Разработать и утвердить требования по работе транспорта в условиях сложившейся эпидемиологической обстановки с целью предупреждения и снижения вероятности распространения коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV. Осуществлять перевозки, соблюдая установленные ограничения и принимая все необходимые профилактические меры	Рост показателей, характеризующих туристическую индустрию, в том числе, объем оказанных туроператорами услуг, общий туристский поток, количество въездных поездок иностранных граждан в Россию и т.д.
1.2	Временные ограничения въезда в Россию иностранных граждан и лиц без гражданства	Постоянный мониторинг международной ситуации и оперативное реагирование на положительные изменения состояния эпидемиологической обстановки в России и мире. И как следствие – открытие границы	
2	Проблема введения ограничения, касающегося документального оформления		
2.1	Временное приостановление оформления и выдачи виз и приглашений	По результатам тщательного мониторинга информации об эпидемиологической обстановке в России, проводимого на системной основе возобновление выдачи виз и приглашений и проведение информационной, консультационной и разъяснительной работы среди туристов и иных субъектов туристической деятельности, по вопросам касающимся безопасности. Принятие решения об упрощении визового режима	Увеличение числа выданных виз и приглашений, что положительно отразится на въездных туристических поездках иностранных граждан в Россию

п/п	Проблемы	Предложения по решению проблем	Эффекты
3	Проблема введения ограничения, касающегося проведения массовых мероприятий		
3.1	Отмена массовых зрелищных, развлекательных, культурных, спортивных и иных мероприятий, экскурсионных программ, которые не состоялись в период введения на территории Российской Федерации режима повышенной готовности	При разработке антикризисных программ, реализации программных мер пересмотреть принятые решения об отмене массовых, зрелищных мероприятий, перенести или продлить сроки проведения таких мероприятий, предусмотреть соответствующее финансирование. В случае улучшения эпидемиологической обстановки в России, оперативно актуализировать планы проведения мероприятий или организовывать их проведение во внеплановом порядке Организаторам массовых мероприятий и экскурсионных программ соблюдать соответствующий дезинфекционный режим, принимать самостоятельные меры и способствовать проведению профилактических и противоэпидемических мероприятий на туристических объектах, обеспечить наличие необходимых дезинфекционных средств и средств индивидуальной защиты	Достижение целей возобновления проведения мероприятий, а также повышения вовлеченности, заинтересованности и активности потенциальных туристов к проводимым мероприятиям

От принятия данных политических решений напрямую зависит состояние въездного туризма в Российской Федерации и его скорейшее восстановление.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». // СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 24.01.2020 № 2 «О дополнительных мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV». // СПС «Консультант Плюс».
3. Государственное и муниципальное управление в сфере туризма : учебник / коллектив авторов ; под общ. ред. Е.Л. Писаревского. — М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. 192 с. [Электронный ресурс]. URL: https://edu.russia.travel/upload/books/2017/Gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie_v_sfere_turizma.pdf. (дата обращения: 31.05.2020).
4. Изменения расписания. Внутригосударственное сообщение. [Электронный ресурс]. URL: https://pass.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5409 (дата обращения: 31.03.2020).
5. Мерцалова А. Размышления у парадного невыезда. Как туротрасль переживает пандемию. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4332397?from=other_trend (дата обращения: 28.04.2020 г.).
6. Пашкевич Л.А., Шмарков М.С. Основы управления рисками при осуществлении туроператорской и турагентской деятельности // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы: сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции. М.: Московский государственный институт индустрии туризма имени Ю.А. Сенкевича. 2018. С.98–102.
7. Россия встала на европейский путь. Власти закрывают границы на въезд. / Костринский Г., Мишина В., Скорлыгина Н., Черненко Е. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4291027> (дата обращения: 31.03.2020).
8. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok->

- grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/ (дата обращения: 28.04.2020).
9. Тарасенкова А.Н. Туризм: права отдыхающих и обязанности отправляющих отдыхать. // М.: Редакция «Российской газеты». 2019. Вып. 11. 160 с.
 10. Шмарков М.С., Шмаркова Л.И. Взаимодействие предпринимательских структур на рынке туризма: формы, проблемы и перспективы // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. № 4 (34). С. 74–84.
 11. Эксперты оценили ущерб мировому туризму от коронавируса в \$22 млрд. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7849365> (дата обращения: 26.03.2020).
 12. Эпидемическая ситуация. [Электронный ресурс] URL: https://rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/epid.php (дата обращения: 31.05.2020).

Об авторах:

БЕСПЕРСТОВА Алена Александровна – магистрант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», e-mail: alenabesperstova@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-0263-1987, SPIN-код: 1333-6420.

ЗОБОВА Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Сервис, туризм и торговое дело», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», e-mail: alena2020alena@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5185-3896, SPIN-код: 5769-2003.

INFLUENCE OF THE EPIDEMIOLOGICAL SITUATION ON INBOUND TOURISM IN RUSSIA

A.A. Besperstova¹, E.V. Zobova²

^{1,2}FGBOU VO «Tambov State University named after G.R. Derzhavin», Tambov

The aim of the research is to study the current epidemiological situation in inbound tourism in Russia, analyze problems in this direction, which will subsequently help to identify effective ways to solve them. The coronavirus is seen as an obstacle to the development of inbound tourism in the Russian Federation. The end result of the study is the identification of the main directions for solving urgent problems of the development of inbound tourism in the context of the spread of coronavirus infection. The scientific novelty of the article is characterized by the use of the author's approach to understanding the current situation and the proposed solutions to the problem. The main problems of inbound tourism associated with the spread of coronavirus infection are systematized by groups, possible ways to solve them are identified, and the expected results of the implementation of the proposed measures are reflected.

Keywords: *tourism, tourism development, inbound tourism in Russia, safety of tourist activities, epidemiological situation, safety.*

About the authors:

BESPERSTOVA Alena Aleksandrovna – Master's degree student, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, e-mail: alenabesperstova@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-0263-1987, SPIN-код: 1333-6420.

ZOBOVA Elena Valeryevna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department “Service, Tourism and Trade”, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, e-mail: alena2020alena@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5185-3896, SPIN-код: 5769-2003.

References

1. Federal'nyj zakon ot 24.11.1996 № 132-FZ «Ob osnovah turistskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii». // SPS «Konsul'tant Pljus».
2. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 24.01.2020 № 2 «O dopolnitel'nyh meroprijatijah po nedopushheniju zavoza i rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii, vyzvannoj 2019-nCoV». // SPS «Konsul'tant Pljus».
3. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie v sfere turizma : uchebnik / kollektiv avtorov ; pod obshh. red. E.L. Pisarevskogo. — M.: Federal'noe agentstvo po turizmu, 2014. 192 s. [Elektronnyj resurs]. URL: https://edu.russia.travel/upload/books/2017/Gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie_v_sfere_turizma.pdf. (data obrashhenija: 31.05.2020).
4. Izmeneniya raspisanija. Vnutrigosudarstvennoe soobshhenie. [Elektronnyj resurs]. URL: https://pass.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5409 (data obrashhenija: 31.03.2020).
5. Mercialova A. Razmyshlenija u paradnogo nev#ezda. Kak turotrasl' perezhivaet pandemiju. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4332397?from=other_trend (data obrashhenija: 28.04.2020 g.).
6. Pashkevich L.A., Shmarkov M.S. Osnovy upravlenija riskami pri osushhestvlenii turopertatorskoj i turagentskoj dejatel'nosti // Industrija turizma: vozmozhnosti, priority, problemy i perspektivy: sbornik nauchnyh trudov XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: Moskovskij gosudarstvennyj institut industrii turizma imeni Ju.A. Senkevicha. 2018. S.98-102.
7. Rossiya vstala na evropejskij put'. Vlasti zakryvajut granicy na v#ezd. / Kostrinskij G., Mishina V., Skorlygina N., Chernenko E. // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4291027> (data obrashhenija: 31.03.2020).
8. Statisticheskie pokazateli vzaimnyh poezdok grazhdan Rossijskoj Federacii i grazhdan inostrannyh gosudarstv. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossijskoj-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/> (data obrashhenija: 28.04.2020).
9. Tarasenkova A.N. Turizm: prava otdyhajushhih i objazannosti otpravljajushhih otdyhat'. // M.: Redakcija «Rossijskoj gazety». 2019. Vyp. 11. 160 s.
10. Shmarkov M.S., Shmarkova L.I. Vzaimodejstvie predprinimatel'skih struktur na rynke turizma: formy, problemy i perspektivy // Vestnik OrelGIJeT. 2015. № 4 (34). S. 74–84.
11. Jeksperty ocenili ushherb mirovomu turizmu ot koronavirusa v \$22 mlrd. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7849365> (data obrashhenija: 26.03.2020).
12. Jependemicheskaja situacija. [Elektronnyj resurs] URL: https://rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/epid.php (data obrashhenija: 31.05.2020).

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 316:33

ББК 66.3(2Рос)3

Ч 373

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.240–255

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

В.В. Чекмарёв¹, Вл.В. Чекмарёв²

¹Костромское региональное отделение Петровской Академии Наук и Искусств

²ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», г. Кострома

Целью статьи является формулирование дополнительных аргументов необходимости повышения эффективности институционализации процессов устойчивого развития экономической системы страны и обеспечения социально-экономической безопасности государства и общества. Методологически предьявляемая авторская позиция базируется на сочетании позитивного и нормативного принципов, использовании инструментов статистического и функционально-стоимостного анализа. Новизной результатов проведённого исследования является обоснование предложений по реорганизации функций экономического блока управления государственным развитием, дополняющих идеи академика РАН С.Ю. Глазьева. Приращением научного знания декларируется развитие теории экономической безопасности на основании формулирования тезисов об общественном контроле процессов обеспечения социально-экономической безопасности общества и государства.

Ключевые слова: институционализация, эффективность институционализации, социально-экономическая безопасность, общественный контроль.

Введение

В коронавирусный кризис российская экономика вошла в худшем положении, чем в кризис 2009 г. – с дефицитом бюджета, падающими доходами населения, под санкциями, с выросшей безработицей, высокой долговой нагрузкой корпораций, населения и регионов. В октябре месяце индекс PMI обрабатывающих отраслей России, который отслеживает общую конъюнктуру рынка, упал с 46,9 в октябре до 46,3 пунктов, показав самое резкое ухудшение деловой конъюнктуры с мая [25]. Последние 19 месяцев значение индекса IHS Markit PMI обрабатывающих отраслей России, за исключением августа 2020 года, находится ниже 50 пунктов. Под давлением второй волны COVID-19 на спрос темпы сокращения ускоряются второй месяц подряд – падают объёмы производства и новые заказы. Скачок курса доллара и евро к тому же взвинтил цены на импортное сырьё, материалы и

© Чекмарёв В.В.,
Чекмарёв Вл.В., 2021

оборудование. В результате затраты на производственный процесс подскочили с рекордной скоростью почти за 6 лет.

В IHS Markit отметили, что помимо девальвации сказались проблемы и в цепочках поставок. Нехватка сырья и задержки с транспортировкой также увеличивали бремя расходов. При этом компании стремились переложить хотя бы часть своего бремени на клиентов, увеличив отпускные цены, и ускорив тем самым темпы инфляции. Согласно текущему прогнозу экспертов IHS Markit, промышленное производство в России сократится в 2020 г. на 5,1 %, а по оценкам некоторых отечественных экспертов, вторая волна пандемии «убьёт» не менее трети предприятий малого и среднего бизнеса. Так, глава Счётной палаты А. Кудрин, назвав положение малого и среднего бизнеса более сложным, чем в первую волну, призвал правительство значительно увеличить поддержку МСБ, а также населения [26]. И таким образом направить усилия на обеспечение социально-экономической безопасности.

Между тем секвестр федерального бюджета на 2021 год составил около полутора трлн рублей (примерно 8 процентов доходов) при общем дефиците в 2,75 трлн рублей. Пандемия не остановила и сокращение ассигнований на здравоохранение. В 2021 г. федеральным бюджетом выделено на эти цели 1,129 трлн рублей, или на 11 % меньше, чем в текущем (-135 млрд рублей). Правительство планирует экономить и на ЖКХ, предусмотрев сокращение расходов на 16 % (-61,8 млрд рублей), физкультуре и спорте (- 9,1 млрд рублей), культуре и кино (- 9,8 млрд рублей), а также на оказании поддержки регионам. Сэкономить на статье «социальная политика» (-на 172,6 млрд рублей) правительству позволит окончание временных программ поддержки населения, включая повышенные пособия по безработице и выплаты семьям с детьми. Расходы по ней будут уменьшены, до 5,594 трлн. При этом ежегодный трансферт Пенсионному фонду будет «срезан» одновременно на 1,263 трлн рублей (до 3,444 трлн). Запланировано сократить расходы на оборону (-195,7 млрд), но по статье «национальная безопасность и правоохранительная деятельность» произойдет увеличение ассигнований (+97,6 млрд) до 2,456 трлн рублей.

Обратимся к проблеме обнищания населения из-за просроченных платежей. Только в октябре 2020 г. клиенты банков из-за пандемии просрочили платежи на сумму 5,8 млрд рублей [27]. А в целом согласно данным Центробанка, за январь-сентябрь долг перед банками вырос на 1,774 трлн рублей, до 19,425 трлн. Общая долговая нагрузка населения, включая займы перед МФО, достигла исторического рекорда в 20,957 трлн рублей. Только за 12 месяцев 2020 г. она увеличилась на 2,419 трлн. Кредиты должны были поддержать уровень потребления, однако во втором квартале 2020 г. этого не произошло из-за снижения доходов.

Правительство готовится к дальнейшему ухудшению экономической ситуации. Об этом свидетельствует стартовавшее создание при правительственном Аналитическом центре Центра управления национальными проектами, который, как утверждают, в ситуации экономического коллапса может быть развёрнут в оперативный штаб по управлению экономикой, куда переместятся основные рычаги экономической власти. Эксперты утверждают, что во внутривластной сфере также готовятся серьёзные изменения институционального дизайна, призванные

обеспечить устойчивость власти в условиях возникновения кризиса властной системы.

Вышеотмеченное и предопределило необходимость обоснования дополнительных аргументов по проблеме повышения эффективности институционализации процессов устойчивого развития экономической системы страны и обеспечения социально-экономической безопасности (СЭБ) государства и общества.

Основная часть

1.1. Оценка состояния экономической системы страны

*Чем ночь темней, тем ярче звёзды.
Чем боль сильней, тем ближе Бог...*

А. Проханов

Вице-премьер Т. Голикова сообщила 24 ноября 2020 г. на заседании координационного совета уполномоченных по правам человека о продолжающемся ухудшении ситуации с коронавирусом.

Наблюдается спад российской экономики, который ускорился на фоне второй волны коронавирусной пандемии – так, по итогам октября происходит падение ВВП на 4,7 % в годовом исчислении [28]. Ускоряются и темпы рецессии по сравнению с сентябрём (-3 %). Однако, по мнению многих аналитиков, официальная оценка по итогам октября является завышенной. Например, в Промсвязьбанке заверяют об ускорении спада ВВП в четвёртом квартале до 5,5–6,5 %, что объясняется вероятным ростом «коронавирусных» потерь в секторе услуг. Согласно расчётам ЦБ, экономика завершит год спадом на 5 %, а возможно и больше.

О продолжающемся спаде инвестиционной активности свидетельствуют и обнародованные данные Росстата. Наблюдается сокращение инвестиций по итогам трёх кварталов на 4,1 % в годовом измерении [29]. Согласно этих данных, инвестиции в основной капитал по итогам 9 месяцев исчисляются в номинальном выражении 11 921 млрд рублей (минус 1,6 % год к году). В реальном выражении снижение инвестиций за этот период достигло 4,1 % в годовом масштабе. По оценке Минэкономразвития, в третьем квартале динамику инвестиций можно оценить на уровне -4,2 % год к году против спада в 7,6 % во втором квартале. По мнению экспертов, в сравнении с предыдущим кризисом 2014–2016 гг. провал инвестиций в 2020 г. выглядит более умеренным, что объясняется монетарным фактором – тогда ЦБ повышал ставку, а сейчас снижал до рекордных минимумов. Но даже в этих условиях рассчитывать на быстрое восстановление и дальнейший устойчивый рост инвестиций сложно. Правительство уже увеличило налоговую нагрузку на нефтяников и металлургов, что окажет негативное влияние на инвестиционную активность, особенно в нефтяном секторе. Да и в 4-м квартале из-за второй волны пандемии инвестиционная активность не имеет шансов продолжить восстановление, продемонстрированное в 3-м квартале.

Несколько замечаний по поводу социальной безопасности.

Для активизации инвестиционных процессов правительственными чиновниками было сделано предложение о выдаче иностранцам «золотых паспортов» за 10 млн рублей. Минэкономразвития разработан законопроект об

упрощенном порядке получения вида на жительство (ВНЖ) в России для иностранных граждан в ответ на их инвестиции в российский бизнес, владение недвижимостью и компаниями. Право долгосрочного проживания иностранцев требует соблюдения одного из перечисленных в законопроекте условий: 1) вложение в открытие ИП не менее 10 млн рублей и трудоустройство не менее 10 человек; 2) владение российской компанией, работающей не менее трёх лет, при инвестировании в нее 15 млн рублей, или иностранной с вложением 50 млн рублей; 3) инвестирование в российский бизнес 15 млн рублей (не являясь акционером), уплата как минимум 6 млн налогов и трудоустройство не менее 25 человек. Также ВНЖ можно получить, владея на протяжении трёх лет российскими облигациями или недвижимостью стоимостью 30 млн рублей.

Такая программа в случае принятия может быть востребована в первую очередь топ-менеджерами, которые регулярно летают в Россию по работе и сталкиваются с визовыми формальностями. Возможна популярность программы российских «золотых паспортов» у граждан так называемых «тревожных юрисдикций», например, Ближнего Востока, Африки и Китая [30].

Особо заметим что, приток частных инвесторов на фондовый рынок Московской биржи, выводящих свои средства из банков из-за низких ставок, навёл российские власти на идею задействовать деньги населения для финансирования инфраструктурных строек и мегапроектов. За первую половину 2020 г., по данным ЦБ, физлица открыли почти 1,8 млн новых индивидуальных инвестиционных счетов, дающих возможность получать налоговые вычеты, а их общее число приблизилось к отметке 2,4 млн. В общей сложности граждане хранят на ИИС 246 млрд рублей, что составляет лишь малую толику от вложений в фондовый рынок, которые достигли 4 трлн рублей, включая брокерские счета и счета доверительного управления [31]. Чтобы привлечь деньги частных инвесторов в инфраструктурные стройки предлагается создать новый тип индивидуальных инвестсчетов (ИИС). У нового типа ИИС не будет ограничений на объём инвестиций (до 1 млн рублей у счетов первого и второго типа); от налогов освободят до 6 % дохода и до 120 тысяч рублей индивидуального взноса. Впрочем, для получения налоговых льгот счёт нужно будет держать 10 лет (вместо 3 лет у ИИС-1 и ИИС-2). Десятилетний срок инвестирования выбран с учетом средней продолжительности крупных инфраструктурных проектов, а также «потребности в технологическом перевооружении отраслей российской экономики», как говорится в концепции ИИС, подготовленной ЦБ [31].

Проявлением кризиса стала проблема долгостроев, в которые, согласно данным Счётной палаты, вложено 5 трлн рублей бюджетных денег. Программы капитального строительства за счёт средств бюджета порождают «стройки-призраки», находящиеся на балансе государства как объекты незавершённого строительства. В России насчитывается 74,6 тыс. таких объектов. Около 3,4 тысячи зданий и инфраструктурных сооружений, на которые были направлены бюджетные инвестиции в 875 млрд рублей, стали «долгостроем», поскольку строятся уже больше 5 лет. Есть 4,3 тысячи объектов, которые попадают под категорию «брошенных», их общая стоимость 248 млрд рублей. Их строительство приостановлено или

законсервировано. За прошлый год к ним добавились 47 объектов «долгостроя», а в категорию «брошенных» перешли ещё 6 строек. Назовем проблемные объекты, финансируемые из разных бюджетов, превратившиеся в «стройки-призраки» (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Результативность использования бюджетных средств на финансирование проблемных объектов

Министерства и ведомства	Потери бюджетных средств
Росприроднадзор	100 %
Россельхознадзор, Минтранс, Росархив и Росводресурсы	80 %
Минэнерго	50 %
Федеральное казначейство	50 %
Роспечать	50 %
Росрыболовство	57,1%
Федеральная таможенная служба	50 %
Роспотребнадзор	51,6 %
ФМБА	55,6 %
Минобрнауки	58 %
Минсельхоз	59,1 %
Минэкономразвития	66,7 %
Управления делами президента	24,1 %

Источник: составлено по [32].

При этом проблемными стали самые дорогие объекты: на них потрачено 75,4 % строительного бюджета. Принципиальных изменений в лучшую сторону в незавершенном строительстве за минувший год зафиксировать не удалось, констатирует СП, и это несмотря на предпринятые меры, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Счётная палата отмечает, что осваивать средства на стройках, которые выдаются за инвестиции, но превращаются в бетонные руины, позволяет законодательство, в котором понятие «незавершённое строительство» в принципе отсутствует [33].

Можно полагать, что наблюдающийся спад в российской экономике всё ещё уходит своими корнями в первую волну COVID-19. В её ходе оказались в значительной мере исчерпаны финансовые ресурсы потребителей. Кроме того, из-за серьёзного роста просроченных долгов населения [34] стагнируют объёмы розничного кредитования, а на фоне сжавшегося спроса и снизившейся занятости нет и существенного роста зарплат. По оценке ЦБ, розничная просроченная задолженность выросла довольно существенно – почти на 20 млрд рублей (+2,2 %), что выше среднемесячного прироста в 2019 г. и за 9 месяцев 2020 г. (+0,5 %). При этом прирост был равномерно распределён по банковскому сектору, что говорит об общем ухудшении качества портфеля, ожидаемом с учетом ситуации в этом году. Реальные доходы населения продолжают сокращаться. Экономика уже испытывает влияние и второй волны пандемии. На это указывает, например, октябрьское сокращение производства бензина, отражающее снижение экономической активности. Эксперты ожидают в ноябре-декабре и сокращения спроса на российский экспорт.

Основной вклад в усиление спада в октябре внесли обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство. Промышленность, ориентированная на внутренний рынок, сократила в минувшем месяце выпуск на 4,4 % – это сопоставимо с майским периодом нерабочих дней. Промышленность в целом, включая добывающие отрасли, просела на 5,9 %, оборвав период постепенного восстановления, начавшегося в июне. Выпуск сельхозпродукции начал сокращаться впервые с начала года, причём масштабы спада составили сразу 6,6 %, что объясняется скромными показателями урожая сахарной свеклы и подсолнечника. В октябре показатели спада добычи полезных ископаемых улучшились (-8,8% в годовом измерении после -9,4 % в сентябре) за счёт добычи природного газа (+2,7 % в годовом масштабе) и металлических руд (+1,1 % год к году). Добывать меньше сырья приходится из-за сделки ОПЕК+, вынудившей нефтяников сократить добычу до уровней начала века.

В этих условиях негативная динамика грузооборота транспорта сохраняется хотя бы относительно стабильной (-4,0 % в годовом измерении против -3,9 % в сентябре), при этом по видам транспорта тенденции разнонаправленные (улучшились показатели железнодорожного и морского транспорта, по трубопроводному и автомобильному транспорту зафиксировано ухудшение).

Такова общая картина с экономической безопасностью государства и общества. Но её нельзя не дополнить рядом имеющихся положительных фактов.

Позитивные тенденции наблюдались на рынке труда. Уровень безработицы снизился с 6,35 % до 6,27 %, что говорит о том, что экономика всё ещё находится в фазе рецессии, но зато спрос на рабочую силу (заявки на бирже труда) составил 1,782 млн чел (+7,9 % в октябре прошлого года против +3,0 % в сентябре). Приведённые цифры свидетельствуют об улучшении ситуации на рынке труда. Это подтверждает вывод о том, что влияние второй волны пандемии на экономику носит пока что ограниченный характер. Возросший спрос на рабочую силу можно объяснить резким сокращением миграционного притока в этом году (примерно вдвое), а также продолжающимся, а в этом году и ускорившимся сокращением населения. Экономически активное население снизилось в октябре с 75,1 до 74,8 млн человек (-0,76 % год к году против -0,36 % в сентябре). Численность занятых в экономике снизилась в октябре с 70,3 до 70,1 млн человек (-2,49 % в годовом измерении против -2,32 % в сентябре). Это означает, что спрос на рабочую силу и относительно невысокая безработица даже в условиях кризиса – это во многом следствия удручающей демографической ситуации, наблюдаемой последние годы. Причём, если раньше нехватку трудовых ресурсов российская экономика компенсировала за счёт импорта рабочей силы, то в этом году из-за пандемии и новой волны ослабления рубля с импортом возникли проблемы и на рынке рабочей силы.

Итоги опроса «Левада-центра» о сбережениях россиян осенью 2020 г. свидетельствуют о том, что население пытается делать сбережения, несмотря на слабеющий сберегательный потенциал [36]. Так, если, по данным Росстата, реальные денежные доходы россиян в третьем квартале 2020 г. снизились на 4,8 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, то доля россиян, имеющих сбережения, увеличилась с 28 % (январь 2020 г.) до 31 % в октябре

2020 г., хотя по сравнению с январём размеры сбережений несколько снизились. Выросло число респондентов, чьи сбережения составляют один месячный доход. Стало меньше респондентов, обладающих большими накоплениями. Иначе говоря, сберегательные возможности россиян снизились, однако, из-за тревожных ожиданий растёт число россиян, которые стараются откладывать «на чёрный день». Стремление к созданию сбережений говорит о доминирующих в обществе ожиданиях длительного социально-экономического кризиса.

1.2. Транзертность вхождения в проблемное поле обеспечения социально-экономической безопасности государства и общества

*Среди острова Буяна, среди горестей и мук,
Среди чёрного бурьяна расцветает синий луг
Н. Проханов*

В названии данного раздела отражена та многоликость суждений учёных, политиков и простых граждан нашей страны, которая наполняет пространство жизнедеятельности всех вместе и каждого в отдельности. Более того, авторы опираются на результаты официальной статистики и публичных данных для осуществления функционально-стоимостного анализа, а также на позиции таких признанных мэтров экономической науки как С. Глазьев, А. Городецкий, А. Илларионов, Р. Нуреев, В. Сенчагов, Д. Сорокин, А. Рубинштейн. Теоретико-информационной базой явились Федеральные законы.

Понятие «транзертность» характеризует (в отличие от понятия «цикл») длительность временного периода состояния проблемного поля, в котором (несмотря на усилия теоретиков-учёных и практиков-политиков) проблемное поле не меняет (или мало меняет) своей конфигурации. Содержание понятия «проблемное поле» определяется согласно работе Курта Левина «Теория поля в социальных науках» [7].

История экономической науки свидетельствует, что её развитие всегда отражало коренные изменения в жизни, в характерах и свойствах самой экономической системы. Подробно суть тезиса диалектично изложена в многочисленных публикациях Р. Нуреева (см., например: [9]).

Подчеркнём, что предметом экономической науки всегда оставались экономические взаимодействия субъектов экономических отношений, агентов экономических систем, акторов экономического пространства. Конечно же, на разных этапах общественного (социально-экономического) развития акценты исследователей переносились на ту или иную сторону этого предмета.

Начало XXI века принесло новые тенденции в развитии человеческого сообщества (глобализация, сетевизация, информатизация, цифровизация, создание искусственного интеллекта и т.д.). Всё больше число привычных сфер человеческой деятельности переносится в виртуальное пространство. Появилась финансовика, формируется ноосфера и ноономика. Другими словами, как мы уже отмечали в публикации «Экономическое пространство и его сотово-сетевая организация» [22], изменяется общий ландшафт экономики и конфигурация экономического пространства.

Но понимание экономического роста как цели обеспечения растущих потребностей сегодня опосредуется усилением социальной напряжённости. А

рыночный механизм координации экономических взаимодействий сопровождается крушением нравственных ценностей. В современной России это привело к крайне противоречивой ситуации. Очертим её, опираясь на данные открытых источников (см. [34; 35; 36]). Сегодня Россия на первом месте по ряду экономических показателей:

- По добыче и экспорту природного газа.
- По добыче нефти.
- По добыче и по экспорту необработанных алмазов.
- По количеству разведанных серебряных приисков.
- **По запасам лесных ресурсов.**
- **По разведанным запасам олова, цинка, титана, ниобия и железных руд.**
- **По экспорту стали.**
- **По производству и экспорту первичного алюминия.**
- По производству необработанной древесины.
- **По экспорту никеля.**

Но при этом Россия упустила лидерство в областях, определяющих качество экономического развития. Это развитие космоса, мобильных устройств, робототехники, электроники, гражданской авиации и т.д.

А что же с социальной безопасностью, проблемой которой российские учёные озабочены уже более четверти века (см., например: [14]). Причём наиболее концентрированно проблема обсуждается в последние четыре года на проводимых в Институте экономики РАН «Сенчаговских чтениях».

Перечислим некоторые индикаторы состояния социальной безопасности, по которым Россия занимает лидирующее место:

- **Абсолютная величина убыли населения.**
- **По числу курящих детей.**
- **По импорту автомобилей.**
- **По количеству онкологических больных на душу населения.**
- **По количеству разводов и брошенных детей.**
- **По количеству ДТП.**
- По количеству самоубийств среди подростков.
- По потреблению табака.
- По количеству жертв и объемам ущерба после пожаров.
- **По прямым частным вложениям за рубежом.**
- **По количеству генералов.**
- **По детскому алкоголизму.**
- **По количеству педофилов.**
- **По числу сирот.**
- **По уровню коррупции в рейтинге Европы.**
- **По употреблению героина (21 % от мирового объема).**
- **По количеству аборт.**
- **По смертности от сердечно-сосудистых заболеваний**
- **По заболеваемости клещевым энцефалитом.**

Данные приведены Л. Малюковой ([35], обращение 09.12.2020).

Вышеприведённые характеристики и индикаторы состояния

социально-экономической безопасности государства и общества (перечень далеко не полный) позволяют сделать вывод о необходимости усиления роли государства в институционализации процессов устойчивого развития экономической системы страны.

Ниже рассмотрим функциональность экономического блока управления государственным развитием в целом.

1.3. О функциональности экономического блока управления государственным развитием

*Заткнись!
Всё будет хорошо!!!*

Обращу внимание на педалирование и акцентирование на «государственное», не на «общественное». Общественное (от «общество») – это человеческое (индивид, группа, общность, общество). А государство – это всего лишь институт (в терминологии институциональной теории экономической науки). Но исторически – это институт защиты людей, трансформировавшийся в механизм самозащиты, защиты власти/собственности, защиты класса власть имущих. У Маркса – «пролетарии всех стран, объединяйтесь». Сегодня пролетариев (рабочих) США и Европе около 20 % занятых, в перспективе – 5-10 %. У кого же власть должна быть? У сословий? Или...? Расширение палитры факторов производства (земля, труд, капитал) за счет включения информации, экономического времени и т.п. является трендом пересмотра жизнеустройства

Прогноз на 2021 год омрачают «неопределённость вокруг эффекта COVID-19 на потребление топлива», а также метеорологические прогнозы, согласно которым зима в северном полушарии будет мягче обычного.

Положительное влияние на экономику оказала и политическая ситуация в мире, изменившаяся с победой Дж. Байдена в американской президентской гонке – его президентство обещает возвращение к игре «по правилам», прекращение эпохи торговых войн, развязанных Д. Трампом. Это сразу же вызвало приток «горячих денег» на фондовые рынки развивающихся стран, в том числе и России. Совокупная капитализация фондовых площадок развивающихся стран с апрельского дна увеличилась на 6 трлн долларов. Инвесторы-нерезиденты пятую неделю подряд до 11 декабря увеличивали вложения в акции российских компаний, причём скорость притока рекордно нарастала. Российский рынок акций обновил исторический максимум по индексу МосБиржи (3278,24 пункта на торгах 11 декабря) и впервые с февраля пробил отметку 1400 пунктов по индексу РТС. По итогам ноября ММВБ взлетел на 15,5 % – впервые с 2015 г., а РТС – прибавил 20,2 %, чего на бирже давно не видели. С начала декабря индексы прибавили ещё 4,9 % и 9,3 % соответственно.

Так что эти характеристики появились в результате пандемии коронавируса, появлением которой власть держащие пытаются объяснить ухудшающееся качество экономическое взаимодействие акторов экономического пространства? Или дело всё же в чем-то другом? На наш взгляд дело в необходимости повышения эффективности институционального обустройства жизнедеятельности нашего общества, в усилении общественного

контроля согласно ФЗ-212 [19] и рекомендаций учёных-экономистов (см.: [11; 12; 18; 23]).

Приведём несколько аргументов, подтверждающих нашу позицию. Так, в начале декабря текущего 2020 г. в СМИ появилась публикация Рейтинга лоббистской эффективности законодателей [37, обращение 9 декабря 2020], позволяющая делать вывод о необходимости повышения эффективности институционального обустройства жизнедеятельности на основе разворота от рыночных механизмов координации экономической деятельности, о трансформации форм организации этой деятельности [6; 8; 16; 17] на основе возврата к нравственным ценностям.

Ещё один пример институциональных проблем обеспечения социально-экономической безопасности страны – это объединение РНФ и РФФИ. В связи с этим объединением Российская академия наук готовит обращение в правительство, намереваясь потребовать учёта мнения научного сообщества и выразить своё непонимание и несогласие. Очевидно, что гранты РФФИ были существенной «добавкой» к госзаданию, которое получают многие институты. Гранты играют важную роль и в поддержке региональных научных центров. Кроме того, РФФИ имеет более широкий функционал, чем РНФ (см.: [37, обращение 16 декабря 2020]).

Так как же выйти из кризиса без наукоёмких производств, без реиндустриализации, о чём убедительно свидетельствуют учёные-экономисты М.Л. Альпидовская [1], А.В. Бузгалин [2], С.Ю. Глазьев [3], А.Е. Городецкий [4], А.И. Колганов, Д.Е. Сорокин [15], Ю.А. Яковец [24]. Мы полагаем вслед за С.Ю. Глазьевым, что стране нужна новая денежно-кредитная политика. И только на её основе можно обеспечить критерии экономической безопасности, которые отражены А. Илларионовым более двадцати лет назад [5, с. 35–58]. Только в этом случае будут реализованы социальные интересы [10; 13] и сбалансирован институтальный контур безопасности [20; 21].

Реализация политики развития возможна в рамках изменения роли банков как экономических институтов, такое изменение требуется и по отношению их функции в трансформации общественного договора между обществом и государством. Необходимо устранение спекулятивных механизмов инвестиционного потенциала на основе кредитования. Далее требуется наращивание основного наукоёмкого капитала в производственной и образовательной сферах. Должна быть законодательно регламентирована экономическая ответственность (и персональная, и коллективная) работников экономического блока управления государственным развитием за достижения поставленных в Указах президента целей.

Заключение

Вирусно-экономический кризис, цифрами охарактеризованный в основной части настоящей публикации, предопределяет задачи повышения эффективности институционального обустройства экономической политики в государстве. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о делегитимизации государственных институтов, что приводит к появлению особой формы власти, имеющей в своей основе диктаторский характер. Эту форму власти можно вслед за членом Общественной палаты РФ профессором философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Александром

Щипковым именовать блюстительной. Она весьма схожа с «руководящей и направляющей» ролью советских партийных органов.

В результате происходит глубокое падение производства и доходов населения, в котором пандемия COVID-19 играет роль дымовой завесы, фактически являясь элементом гибридной войны, этого нового типа мировой войны (старые типы – «горячая», «холодная» войны). За несколько месяцев пандемии состояние 25 богатейших участников списка Forbes выросло на 255 млрд долларов [31]. В России реальные доходы населения падают с 2014 года. К коронавирусному текущему 2020 году доходы жителей нашей страны по сравнению с 2013 г. стали меньше на 7,5 % [34]. Росстат сообщает, что во II квартале 2020 г. доходы упали на 8,4 % (в годовом выражении) и на 4,8 % в третьем квартале [34].

По заявлению Председателя комитета Совета Федерации по обороне и безопасности генерал-полковника В. Бондарева от 27 апреля, согласно независимым оценкам за период с 2000 по 2017 гг. из России было выведено более 430 млрд долл. США.

«Эти гигантские финансовые средства, которые могли быть вложены – в развитие отечественной экономики», – отметил сенатор. Незаконный вывод капитала из России является одной из ключевых проблем, разрешение которых существенно повлияет на реализацию возможностей прорывного развития в различных секторах экономики. В области противодействия преступлениям экономической направленности требуется формирование новых правовых и организационных механизмов, «направленных на своевременное выявление и пресечение мнимых, притворных сделок в сфере внешнеэкономической деятельности; на выявление и пресечение деятельности организаций, создаваемых в целях уклонения от уплаты налогов, незаконного выведения материальных средств из России» [29].

Также комитетом предложено усовершенствование системы организационного и информационного взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов, а также реформирование системы банковского надзора «в сфере фиксации и хранения значимой информации о деятельности кредитных организаций» [29].

Опубликованный 26 апреля 2020 г. американским изданием Eurasia Net материал о суммарном росте капитала двухсот самых состоятельных россиян в 2017 г. до 485 млрд долл. свидетельствует о том, что эти средства значительно больше золотовалютных резервов Центробанка (433 млрд долл.) и денежных накоплений всего российского населения в банках (около 389 млрд долл.). Предположительно, это те самые средства, которые были выведены незаконно.

Необходимы решительные меры по защите российской экономики от разрушительного влияния «цунами» мирового кризиса и созданию условий для устойчивого опережающего развития. Необходимо восстановить суверенитет национальной денежной системы и внутренние механизмы кредитования расширенного воспроизводства экономики. Перейти к реализации стратегии модернизации и опережающего развития российской экономики на передовой технологической основе. Развернуть механизмы государственно-частного партнёрства с целью вовлечения бизнеса в реализацию совместно разрабатываемых стратегических планов развития экономики на основе целевого льготного кредитования инвестиционных

контрактов, соглашений о защите капиталовложений, венчурного финансирования инновационных проектов. Необходимо на порядок увеличить масштабы использования этих и других предусмотренных действующим законодательством институтов развития.

Реорганизация функций экономического блока управления государственным развитием предопределяет запрет кредитования валютных спекуляций Банком России и декриминализации всех сфер финансового регулирования, номинирование котировок обменного курса в привязке к рублю, а не к доллару и евро.

Кроме того, необходим переход к многоцелевой денежно-кредитной политике и в первую очередь удешевление кредита для экономики. Для этого возможна установка целевых показателей деятельности госбанков.

В целом денежно-кредитная политика должна быть включена в общую стратегию развития Российской Федерации и в нормативные документы, регламентирующие обеспечение социально-экономической безопасности государства и общества.

Наряду с практическими мерами необходимо проведение научных исследований и создание новой парадигмы в экономике, определяющей процесс развития хозяйственной деятельности, а не обмена её результатами. Объектом экономической науки должно стать многоуровневое экономическое пространство, а предметом – изучение взаимосвязи технологических, институциональных. Идеологических и ценностных изменений во взаимодействиях всех субъектов, агентов и акторов в экономическом пространстве. Необходимо обоснование снижения виртуальности экономики, понимания новых ролей денег и инфляции.

Происходящая технократизация экономических взаимодействий под лозунгом цифровизации и информатизации не может явиться заменой воспроизводящейся целостности экономического пространства [22]. Использование пространственного подхода рождает представления о перспективах глобального социально-экономического развития, возможности осуществления общественного контроля как элемента политико-экономического механизма обеспечения социально-экономической безопасности государства и общества.

Исходя из изложенного выше полагаем необходимым повышение компетентности и экономической ответственности аппарата экономического блока управления государственным развитием; усиление роли РАН и общественного контроля в процессах реализации целеполагания национальных проектов и программ развития Российской Федерации; повышение уровня жизни населения; устранение деформации в социальной структуре общества и в системе экономических отношений.

Список литературы

1. Альпидовская М.Л. Виртуальная реальность глобальной экспансии «цифры» // Философия хозяйства. 2020. № 3 (129). С. 87–98.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 10–34.
3. Глазьев С.Ю. Создание системы управления развитием экономики на основе научных знаний о закономерностях её развития // Развитие и экономика. 2018. № 19.

4. Городецкий А.Е. Развилки социальной политики государства: от патерналистского к социальному провалу в экономике // Вопросы политической экономии. 2020. № 4.
5. Илларионов А. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 35–58.
6. Колесов В.П., Коновалова Е.В., Чекмарёв В.В. Экономическая теория семьи. М.: ИНФРА-М, 2010. 300 с. (Учебники экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).
7. Левин Курт. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. СПб: Сенсор, 2000.
8. Лемещенко П.С., Сидорова А.М. Институциональные реформы и экономическая ментальность: ограничения и возможности // Философия хозяйства. 2020. № 2. С. 101–121.
9. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития. М.: Экономика, 2013. 448 с.
10. Осипов Ю.М. На пульсе ускользящего времени // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 11–25.
11. Пищулин О.В., Чекмарёв В.В. Общественный контроль в системе экономических институтов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 318 с.
12. Пулькина Л.П. Современные формы контроля общества над государственной социально-экономической политикой: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2010.
13. Рубинштейн А.Я. Структура и эволюция социального интереса. М.: ИСЭ ПРЕСС, 2003.
14. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. – М.: ИСПИ РАН, 1996.
15. Сорокин Д.Е. Политическая экономия технологической модернизации России // Экономическое возрождение России. 2020. № 1. С. 18–25.
16. Субетто А.И., Чекмарёв В.В. Экономическая наука: день завтрашний, или раздетая до крови // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 1. С. 97–102.
17. Сулимова А.К. Трансформация форм организации экономической деятельности. Казань, 2003. 120 с.
18. Устюжанина Е.В. Нормативная база и практика корпоративной интеграции в российской экономике / Инновационная ориентация российских экономических институтов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
19. Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».
20. Ханипова Е.Х. Институциональный контур отношений экономической безопасности в современной России: дисс. ... канд. экон. наук. – Казань, 2018.
21. Чекмарев В.В. Теория экономической безопасности: эволюционный аспект // Экономическая безопасность. 2020. Том 3. № 3. С. 335–350. – doi: [10.18334/ecsec.3.3.110587](https://doi.org/10.18334/ecsec.3.3.110587).
22. Чекмарёв В.В. Экономическое пространство и его сотово-сетевая организация. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002.
23. Чекмарёв В.В., Пищулин О.В., Белов В.Г. Экономика новой реальности и общественный контроль. Кострома, 2017. 242 с.
24. Чекмарёв В.В. Изменения конфигурации социально-экономического пространства и принцип обеспечения экономической безопасности его акторов в процессе становления ноосферной духовно-нравственной системы. // Ноосферное образование в евразийском пространстве. – г. Санкт-Петербург, Смольный институт. 17-18 декабря 2020 г. С. 107–113. – ISBN 978-5-00045-954-6; ISBN 978-5-00045-955-3 (Книга 1).
25. <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/indeks-pmi-obrabatvayushix-otrasley-rf-v-noyabre-upal-do-46-3-balla-20201201-091258/>.
26. <https://www.rbc.ru/business/28/11/2020/5fc227b89a79472c6f0858be>.
27. <https://lenta.ru/news/2020/12/01/credit/>.
28. <https://economy.gov.ru/material/file/74212534a6f8e50e3be3c54916792094/201120.pdf>.
29. <https://www.interfax.ru/business/738077>.
30. <https://iz.ru/1089536/dmitrii-grinkevich-anastasiia-kurnosova/plati-i-zhivi-minek-razrabotal-rossiiskii-analog-zolotykh-pasportov>.
31. <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/413931-investicii-v-tri-scheta-kak-vlasti-hotyat-priuchit-rossiyan-finansirovat>.
32. <https://newizv.ru/news/society/19-11-2020/schetnaya-palata-obnaruzhila-propazhu-na-nezavershennyh-stroykah-pyati-trillionov-rublej>.
33. <https://ach.gov.ru/checks/analiz-sp-pokazal-chto-problemy-s-nezavershennym-stroitelstvom-ne-reshayutsya>.

34. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ph0RSZXn/oper-09-2020.pdf>.
35. <https://novayagazeta.ru/>
36. <https://www.levada.ru/2020/11/23/sberezheniya-rossiyan-osenyu-2020-goda/>.
37. <https://argumenti.ru/>

Об авторах:

ЧЕКМАРЁВ Василий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАО, действительный член АФН. Руководитель Костромского регионального отделения Петровской Академии Наук и Искусств (КРОПАНИ) при администрации Костромской области, г. Кострома, e-mail: tcheckmar@ksu.edu.ru. ORCID: 0000-0001-8766-9150, SPIN-код: 4100-5257

ЧЕКМАРЕВ Владимир Васильевич – кандидат экономических наук, докторант, Костромской государственный университет, член-корреспондент АФН, г. Кострома, e-mail: tcheckmar@ksu.edu.ru. ORCID: 0000-0001-6557-3035, SPIN-код: 5520-0967

INSTITUTIONALIZATION OF THE SOCIAL AND ECONOMIC SECURITY OF THE STATE AND SOCIETY

V.V. Chekmaryov¹, Vl. B. Chekmaryov²

¹ Kostroma Regional Department of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts

² FGBOU VO “Kostroma State University“, Kostroma

The purpose of the article is to formulate additional arguments on the need to increase the effectiveness of institutionalizing the processes of sustainable development of the country's economic system and ensuring the socio-economic security of the state and society. The methodologically presented author's position is based on a combination of positive and normative principles, the use of statistical and functional-cost analysis tools. The novelty of the results of the study is the justification of proposals for the reorganization of the functions of the economic block of state development management, supplementing the ideas of academicians of the Russian Academy of Sciences S.Yu. Glazyev. An increase in scientific knowledge declares the development of the theory of economic security on the basis of the formulation of theses on public control of the processes of ensuring the socio-economic security of society and the state.

Keywords: *institutionalization, effectiveness of institutionalization, socio-economic security, public control.*

About the authors:

ChEKMARJoV Vasilij Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of RAO, Full Member of the AFS. Head of the Kostroma regional branch of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts (KROPANI) under the administration of the Kostroma region, Kostroma, e-mail: tcheckmar@ksu.edu.ru

ChEKMAREV Vladimir Vasil'evich – Candidate of Economic Sciences, doctoral student, Kostroma State University, corresponding member of FSA, Kostroma, e-mail: tcheckmar@ksu.edu.ru

References

1. Al'pidovskaja M.L. Virtual'naja real'nost' global'noj jekspansii «cifry» // *Filosofija hozjajstva*. 2020. № 3 (129).S. 87–98.
2. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Sistema proizvodstvennyh otnoshenij i social'no-jekonomicheskoe neravenstvo: dialektika vzaimosvjazi// *Voprosy politicheskoy jekonomii*. 2018. № 1. S. 10–34.
3. Glaz'ev S.Ju. Sozdanie sistemy upravlenija razvitiem jekonomiki na osnove nauchnyh znanij o zakonornostjah ejo razvitija // *Razvitie i jekonomika*. 2018. № 19.
4. Gorodeckij A.E. Razvilki social'noj politiki gosudarstva: ot paternalistskogo k social'nomu provalu v jekonomike // *Voprosy politicheskoy jekonomii*. 2020. № 4.
5. Illarionov A. Kriterii jekonomicheskoy bezopasnosti // *Voprosy jekonomiki*. 1998. № 10. S. 35–58.
6. Kolesov V.P., Konovalova E.V., Chekmarjov V.V. Jekonomicheskaja teorija sem'i. M.: INFRA-M, 2010. 300 s. (Uchebnikijekonomicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova).
7. Levin Kurt. Teorija polja v social'nyh naukah / per. s angl. SPb: Sensor, 2000.
8. Lemeschenko P.S., Sidorova A.M. Institucional'nye reformy i jekonomicheskaja mental'nost': ogranichenija i vozmozhnosti // *Filosofija hozjajstva*. 2020. № 2. S. 101–121.
9. Nureev R.M. Rossija: osobennosti institucional'nogo razvitija. M.: Jekonomika, 2013. 448 s.
10. Osipov Ju.M. Na pul'se uskol'zajushhego vremeni // *Filosofija hozjajstva*. 2020. № 1. S. 11–25.
11. Pishhulin O.V., Chekmarjov V.V. Obshhestvennyj kontrol' v sisteme jekonomicheskikh institutov. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova. 318 s.
12. Pul'kina L.P. Sovremennye formy kontrolja obshhestva nad gosudarstvennoj social'no-jekonomicheskoy politikoj: dis. ... kand. jekon. nauk. Novosibirsk, 2010.
13. Rubinshtejn A.Ja. Struktura i jevoljucija social'nogo interesa. M.: ISJe PRESS, 2003.
14. Serebrjannikov V., Hlop'ev A. Social'naja bezopasnost' Rossii. – M.: ISPI RAN, 1996.
15. Sorokin D.E. Politicheskaja jekonomija tehnologicheskoy modernizacii Rossii // *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2020. № 1. S. 18–25.
16. Subetto A.I., Chekmarjov V.V. Jekonomicheskaja nauka: den' zavtrashnij, ili razdetaja do krovi // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2014. № 1. S. 97–102.
17. Sulimova A.K. Transformacija form organizacii jekonomicheskoy dejatel'nosti. Kazan', 2003. 120 s.
18. Ustjuzhanina E.V. Normativnaja baza i praktika korporativnoj integracii v rossijskoj jekonomike / Innovacionnaja orientacija rossijskikh jekonomicheskikh institutov. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009.
19. Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 g. № 212-FZ «Ob osnovah obshhestvennogo kontrolja v Rossijskoj Federacii».
20. Hanipova E.H. Institucional'nyj kontur otnoshenij jekonomicheskoy bezopasnosti v sovremennoj Rossii: diss. ... kand. jekon. nauk. – Kazan', 2018.
21. Chekmarev V.V. Teorija jekonomicheskoy bezopasnosti: jevoljucionnyj aspekt // *Jekonomicheskaja bezopasnost'*. 2020. Tom 3. № 3. S. 335–350. – doi: 10.18334/ecsec.3.3.110587.
22. Chekmarjov V.V. Jekonomicheskoe prostranstvo i ego sotovo-setevaja organizacija. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2002.
23. Chekmarjov V.V., Pishhulin O.V., Belov V.G. Jekonomika novoj real'nosti i obshhestvennyj kontrol'. Kostroma, 2017. 242 s.
24. Chekmarjov V.V. Izmenenija konfiguracii social'no-jekonomicheskogo prostranstva i princip obespechenija jekonomicheskoy bezopasnosti ego aktorov v processe stanovlenija noosfernoj duhovno-nravstvennoj sistemy. // *Noosferoe obrazovanie v evrazijskom prostranstve*. – g. Sankt-Peterburg, Smol'nyj institut. 17-18 dekabnja 2020 g. S. 107–113. – ISBN 978-5-00045-954-6; ISBN 978-5-00045-955-3 (Kniga 1).
25. <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/indeks-pmi-obrabatyvayushix-otrasley-rf-v-noyabre-upal-do-46-3-balla-20201201-091258/>.
26. <https://www.rbc.ru/business/28/11/2020/5fc227b89a79472c6f0858be>.
27. <https://lenta.ru/news/2020/12/01/credit/>.
28. https://economy.gov.ru/material/file/74212534a6f8e50e3be3c54916792094/201120_.pdf.
29. <https://www.interfax.ru/business/738077>.
30. <https://iz.ru/1089536/dmitrii-grinkevich-anastasiia-kurnosova/plati-i-zhivi-minek-razrabotal-rossiiskii-analog-zolotykh-pasportov>.

31. <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/413931-investicii-v-tri-scheta-kak-vlasti-hotyat-priuchit-rossiyan-finansirovat>.
32. <https://newizv.ru/news/society/19-11-2020/schetnaya-palata-obnaruzhila-propazhu-na-nezavershennyh-stroykah-pyati-trillionov-rubley>.
33. <https://ach.gov.ru/checks/analiz-sp-pokazal-chto-problemy-s-nezavershennym-stroitelstvom-ne-reshayutsya>.
34. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ph0RSZXn/oper-09-2020.pdf>.
35. <https://novayagazeta.ru/>
36. <https://www.levada.ru/2020/11/23/sberezheniya-rossiyan-osenyu-2020-goda/>.
37. <https://argumenti.ru/>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

От редакции

Уважаемые читатели!

Мы продолжаем публиковать материалы о важных и значимых, на наш взгляд, событиях, в которых приняли участие и ученые Тверского государственного университета. Предлагаем Вашему вниманию информацию о Международной научно-практической конференции «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты», которая состоялась 18 декабря 2020 г.

УДК 330

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.256–258

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМАЦИОННОЙ РАЗВИЛКИ: ПРИНЦИПЫ, ФОРМЫ, ИНСТРУМЕНТЫ

Д.П. Соколов

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва

18 декабря 2020 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты», инициатором и организатором которой выступил Департамент экономической теории Финансового университета. В статье представлены основные результаты работы конференции.

Ключевые слова: *политическая экономия, международная конференция, глобальное экономическое развитие, фундаментальные политико-экономические исследования.*

Инициатором и организатором конференции выступил Департамент экономической теории Финансового университета. Интерактивный формат позволил объединить в научной дискуссии учёных, преподавателей, общественных деятелей и представителей бизнес-сообщества из 28 регионов Российской Федерации, а также из Кыргызской Республики, Латвийской республики, Республики Абхазия, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Польша, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Республики Чехия, Федеративной Республики Германия. Общая численность участников прямой трансляции пленарного заседания (организованной на платформе You-Tube) и секционных интернет-конференциях составила свыше 300 человек.

© Соколов Д.П., 2021

Информационными партнёрами конференции выступили научные журналы «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление», «Вопросы политической экономики», «Теоретическая экономика», входящие в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России.

Главной проблемой, предложенной к обсуждению на конференции, выступила гипотеза о коренных преобразованиях институционально-воспроизводственной структуры материального мира, происходящих под давлением новых вызовов глобально-трансформационного характера, которые из конспирологических теорий плавно переходят в реальную жизнь общества. Современная капиталистическая система одновременно принадлежит и истории, и постистории – с характерной для неё постмодернистской ущербностью.

Институционально-воспроизводственная структура материального мира, в свою очередь, определяется миром идей. В условиях радикальных трансформационных процессов, разворачивающихся в социально-экономическом пространстве современности, необходим поиск ответов на актуальные вопросы специфики и качества современной капиталистической системы и социально-экономических отношений, выступающих её фундаментом. И насущной необходимостью выступает определение качества новой социально-экономической системы в условиях неминусовой смены концептуальной парадигмы глобального развития.

Целью конференции стала реактуализация фундаментальных политико-экономических исследований закономерностей функционирования глобальной геоэкономической системы в условиях системного кризиса капитализма в период определения конфигурации новой мирохозяйственной системы, осмысление идеи социально-экономического развития, а также выявление возможных вариантов его интерпретаций. В ходе конференции проведено широкое междисциплинарное обсуждение ключевых проблем меняющегося мира и выявление идей, моделей и механизмов переориентации национальной экономической политики на основе приоритетного развития человека. Их решение предлагалось с использованием первоочередного прогресса ресурсосберегающих, наукоемких и высокотехнологичных производств с высокой долей добавленной стоимостью и прогрессивных видов услуг, а также с активизацией инвестиционных процессов высокотехнологичного производства, интегрированного с передовыми достижениями науки и образования.

Об авторе:

СОКОЛОВ Дмитрий Павлович – доцент Департамента экономической теории, ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», e-mail: frei-falke@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7772-6577, Spin-код: 1568-9080.

INSTITUTIONAL AND REPRODUCTIVE MECHANISM OF INFORMATION FORGING: PRINCIPLES, FORMS, TOOLS

D.P. Sokolov

FSOBU VPO “Financial University under the Government of the Russian
Federation”, Moscow

On December 18, 2020, the International Scientific and Practical Conference "Institutional and Reproductive Mechanism of Information Fork: Principles, Forms, Tools" was held, initiated and organized by the Department of Economic Theory of the Financial University. The article presents the main results of the conference.

Keywords: *political economy, international conference, global economic development, fundamental political and economic research*

About the author:

SOKOLOV Dmitry Pavlovich – Associate Professor of the Department of Economic Theory, FSOBU VPO “Financial University under the Government of the Russian Federation”, e-mail: frei-falke@mail.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 330, 331.101

doi: 10.26456/2219-1453/2021.1.259–270

ПРЕКАРИЗАЦИЯ УМСТВЕННОГО ТРУДА В УСЛОВИЯХ ТОРЖЕСТВА «НОВОГО НЕОФЕОДАЛИЗМА»*

А.М. Корнилов

ФГОБУ ВПО «Финансовый Университет при Правительстве РФ» г. Москва

В современных условиях на фоне цифровой революции всё больше высококласных специалистов, работающих по найму в самых разнообразных сферах экономики, начинают ощущать полную бессмысленность того, чем занимаются. Особенно остро экспоненциальный рост явно имитационной деятельности переживается в научно-технологической сфере. Имеем ли мы в данном случае дело с феноменом сугубо психологическим? Или речь идёт о видимом проявлении глубинных изменений в общественном строе и его хозяйственном базисе? Цель настоящей статьи состоит в анализе процесса девальвации умственного труда в условиях цифровой трансформации мирового хозяйственного комплекса. Новизна полученных результатов заключается в интеграции конкурирующих подходов к изучению эрозии основ рыночного хозяйства в целостную, непротиворечивую картину генезиса новой квазитехнократической, «цифровой» версии феодализма.

Ключевые слова: *мартышкин труд, прекаризация, неофеодализм, бюрократия, имитация бурной деятельности, зомби-капитализм, зомби-экономика, бесприбыльный капитализм, дзайтек, деривативы, научно-технологический сектор, цифровая революция, исследования и разработки, хайп.*

Кто из нас, раз столкнувшись с миром научной бюрократии, в душе потом не проклинал её бесконечно? Не возмущался её вопиющей бессмысленностью? Не впадал в ступор от необходимости поддерживать утомительный документооборот, совершенно, в сущности, никак не связанный с деятельностью, которую теоретически должен отражать и регулировать? Сколько раз мы в узком кругу коллег иронизировали по поводу составления многотомных отчётов о НИР, которые никто, скорее всего, никогда не прочтёт – а если вдруг такое и случится, то адресат всё равно поймёт их содержание в лучшем случае процентов на 10 – и уж точно не сможет проверить. Сколько раз мы внутренне негодовали, прикидывая, сколько всего полезного можно было сделать: написать, испытать, изобрести – за то время, которое нам

* Рекомендовано к публикации по результатам Международной научно-практической конференции «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты» (18 декабря 2020 г., Департамент экономической теории Финансового университета).

приходится тратить на исполнение разных заведомо бессмысленных управленческих новаций и прочие начальственные причуды.

Возмущение это, впрочем, редко выливается во что-то конструктивное, какую-то системную критику. Стараясь избежать когнитивного диссонанса – и тем более вызова на ковер к начальству – мы самих себя спешим убедить в том, что выпавший на нашу долю опыт участия в управленческом маразме – это не более, чем гримаса всепроникающей коррупции, или пережиток особенно неприятной нам лично версии «проклятого прошлого», или все это носит сугубо локальный характер – но так или иначе, составляет не более, чем аберрацию, ни в коем-случае не отражая состояние научно-технологического комплекса в целом. Ведь не может же, в самом деле, быть так, чтобы кто-то сознательно заставлял сотни тысяч хорошо образованных людей заниматься заведомой ерундой – да ещё и платил им за это?!

В конце концов, однако, нашёлся человек, который не просто решился подвергнуть подобное предположение проверке опытом, но дав ему теоретическое обоснование, по существу доказал его верность. Этим человеком стал американский исследователь Дэвид Гребер, профессор Лондонской школы экономики, этнограф по основной академической специальности и мыслитель предельно левых убеждений по своей роли в классовой борьбе.

В 2013 г. он задался вопросом: почему автоматизация и порождённый ею рост производительности труда, вместо того, чтобы привести к сокращению рабочего дня до 15 часов – как это ещё в 1930 г. предсказывал Дж. Кейнс [9] – только увеличила загруженность лиц наёмного труда? И случайно ли, что постиндустриальная занятость, вроде бы неплохо оплачиваемая, на деле слишком часто принимает какие-то уродливые формы: «...деятельности настолько бессмысленной, ненужной или просто вредной, что работник, ею занятый, хотя и считает своим долгом об этом помалкивать, но всё равно не может смириться с тем, что тратит на неё свою жизнь»? К 2018 г. эти идеи сложились в книгу, получившую эффектное название «Теория мартышкина труда»¹.

Исследовав релевантные первичные источники по социологии труда, Гребер пришёл к выводу, что на рубеже 2000 и 2010 гг. в Великобритании около 40 % занятых считали свою работу совершенно бесполезной, а в материковых странах Старой Европы, в Канаде и Австралии этот показатель колебался в районе отметки в 50 %. И динамика, при этом, во всех случаях была устойчиво-восходящей [7].

В поисках истоков описываемого явления Гребер подробнейшим образом исследует эволюцию трудовой этики со времён господства традиционного общества – с преобладанием чисто природных циклов кратковременной концентрации усилий и компенсаторной релаксации – через эпоху первоначального накопления к индустриальной революции, с её

¹ Оригинальное её английское название: BullshitJobs: A Theory – едва ли может быть адекватно переведено без привлечения ненормативной лексики, тогда как его русский перевод, предложенный издательством AdMarginem в 2020 г.: «Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда» – представляется недостаточно точным, не отвечая авторской дефиниции «мартышкина труда».

потогонной системой и низведением человека до роли второстепенного элемента машинного производства. Ценности господствующего класса «золотого века капитализма» принимаются, при этом, за данность, принципиально неизменную и господствующую до настоящего времени.

В самых общих чертах Гребер видит в настоящее время источник повсеместности «мартышкина труда» в целенаправленном смещении норм трудового права и религиозных догм, не утратившем актуальности и в XXI в. Придавая труду сверхценностное значение для лиц наёмного труда, капиталисты таким образом вполне осознанно вытячивали для себя инструмент психологической манипуляции, облегчавший, с одной стороны, извлечение прибавочной стоимости, а с другой – затруднявший самоорганизацию рабочего класса. Получилось нечто вроде наведённой психической патологии: мазохической потребности изнурять себя трудом, одновременно садистски наказывая (себя же) за малейший простой и «халяву». И ровно в этом то качестве современный, постиндустриальный капитализм использует «мартышкин труд» в отношении растущего, как снежный ком, сословия прекариата¹. Так или иначе, речь идёт о «глубоком, системном психологическом насилии», оставляющем «шрам на нашей коллективной душе».

Отдавая дань своей базовой, этнографической подготовке, Гребер подробнейшим образом описывает различные формы «мартышкиной» занятости, специфику их взаимодействия и вообще поведения – как по месту «работы», так и в более широком социальном контексте. Основных типов совершенно бессмысленных работ он выделяет пять:

- «шестёрки» – те, благодаря кому начальство тешет чувство собственной важности: различные консьержи, девочки на ресепшене, длинноногие личные помощники, не способные самостоятельно поменять индивидуальные настройки у компьютера, и т. д. В былые времена похожую роль при вельможах играли ливрейные лакеи;

- «решальщики вопросов» – занимающие штатные единицы, так или иначе навязанные извне, и занятые исключительно взаимодействием с коллегами из смежных организаций или профильных контролирующих органов; сюда входят пиарщики, юрисконсульты, «секретчики» и т. д.;

- «те ещё умельцы» – те, кому поручено сглаживать остроту проблем, которые в принципе можно было бы решить раз и навсегда: например, обеспечивать работу некондиционного оборудования или пиратского программного обеспечения, принимать претензии клиентов и т. д.;

- «мартышки чистопородные» – те, кто развивает бурную деятельность, не имеющую, однако, в конечном итоге никакого практического выхода, тем более – с точки зрения профильных задач организации. Речь идёт о различных штатных психологах, социологах и консультантах, организаторах различных опросов, журналистах корпоративных изданий, сотрудниках корпоративного контроля;

¹ Прекариат – класс социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости. Его составляют работники с временной или частичной занятостью, которая носит постоянный и устойчивый характер.

- «смотрящие» – те, кто управляет первыми четырьмя категориями или придумывает дополнительную работу тем, кому не хватает жизненного опыта всегда казаться занятыми до предела. Это – различные менеджеры среднего звена и прочий административный персонал в своё время собирательно именовавшийся «надсмотрщиками».

Уделяет Гребер внимание и различным переходным формам между главными типами занятых «мартышкиным трудом» – а также и присутствию последнего как элемента в функционале должностей, общественного значения совершенно не лишённых.

Отмечает он и явный параллелизм экспоненциального роста бессмысленной занятости среди «белых воротничков» с почти столь же стремительным распространением «трудовой бедности» среди остатков традиционного рабочего класса. Пытаясь свести оба эти феномена к единой причине, Гребер, в частности, указывает на тот парадоксальный факт, что основная масса «мартышкина труда» концентрируется отнюдь не в государственном секторе, но в частном. То есть именно там, где подобному явлению, казалось бы, и вовсе не может быть места – учитывая фактор перманентной рыночной конкуренции. Гребер, однако, никакого особенного противоречия здесь не видит. Современный («постиндустриальный») капитализм, по его мнению, уже совершенно трансформировался в некое новое издание феодального строя («технократический (нео)феодализм»). Экспансия финансового сектора вообще и акционерных форм организации бизнеса в частности лишили собственников капитала управленческих функций, породив своеобразную квазирыночную бюрократию. Эта последняя, в свою очередь, под влиянием глобализации и размывания границ между традиционными властными институтами и руководством транснациональных корпораций, совершенно слилась с управленцами публичного сектора в единую суперэлитарную касту, для которой контроль за движением глобальных финансовых потоков служит таким же источником ренты, как рэккет производителей материальных благ для феодалов Высокого Средневековья. Как следствие, руководство всех сколько-нибудь значительных акторов современного рынка более не связано императивом извлечения коммерческой выгоды. Платят за их ошибки, всё равно, номинальные владельцы бизнеса, в крайнем случае, если задействовать схемы различных вариантов банкротства – широкие массы налогоплательщиков. Вознаграждение же они назначают себе сами – если надо, привлекая для этого даже заимствованные средства. А «зона безразличия» у современных корпораций благодаря тотальной олигополизации рынка настолько велика, что позволяет совершенно безнаказанно раздувать штаты в масштабах, которые средневековым баронам даже не снились. В результате в кадровой политике начинают доминировать чисто паркинсоновские принципы: чем больше у тебя сотрудников, тем большую долю в корпоративном бюджете ты можешь потребовать на следующем заседании совета директоров. А чем эту ораву занять? – ну пусть сами что-нибудь придумают ...

Насколько все эти рассуждения Гребера верны, можно, конечно, спорить – но, по крайней мере, им нельзя отказать во внутренней логичности. Есть, однако, в его книге один существенный момент, который так до конца и остается не прояснённым. Речь идёт – или точнее должна бы идти – о том, почему большинство примеров «мартышкина труда», которыми оперирует автор, заимствованы из научно-технологического сектора: из деятельности

университетов, исследовательских или на худой конец – высокотехнологичных венчурных структур? Каким образом и за счёт каких ресурсов бессмысленная занятость может поддерживаться в сфере, предельно некоммерческой по самой своей природе? Ведь именно в сфере исследований и разработок конечная продукция тем более ценна, чем меньше поддаются прогнозу её свойства, так что рыночную стоимость она приобретает не сразу и лишь по мере утраты специфических конкурентных преимуществ (новизны), а издержки на её создание можно в сколько-нибудь разумные сроки «отбить» только при очень большом везении [1].

Это тем более странно, что в другой своей книге: «Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии» [8] (2015) – содержательно во многом перекликающейся с «Мартышкиным трудом» – Гребер подробно исследует влияние неофеодальной технократии на видимое замедление технического прогресса в последней четверти XX – нач. XXI вв. и смещение его фокуса в сферу цифровых технологий. Для нового правящего класса ценность этих последних состоит в первую очередь в качественно новых возможностях, которые они открывают в сфере социального контроля: «Информационные технологии облегчили переток капитала в финансовый сектор, тем самым еще больше загнав рабочих в долги и одновременно позволив работодателям создавать новые «гибкие» режимы работы, разрушавшие традиционные гарантии занятости и ведущие к значительному удлинению рабочего дня практически для всех слоев населения. Наряду с трансграничным экспортом традиционных фабричных рабочих мест (аутсорсингом) это привело к разгрому профсоюзного движения, чем в свою очередь была уничтожена всякая возможность эффективной самозащиты интересов рабочего класса» [там же]. Однако, важнейшее достижение цифровой революции лежит в совершенно иной плоскости: правящая олигархия получила в своё распоряжение технические средства, позволяющие придавать любым симулякрам степень наглядности, сравнимую и даже большую, чем у непосредственно наблюдаемой реальности [2]. В полном объёме, однако, роль, которую «цифра» сыграла в победном шествии технократического неофеодализма и особенно обусловленной им тривиализации задач научного поиска, Гребер, кажется, до конца даже сам не понял. Поэтому и счёл непропорциональную концентрацию «мартышкина труда» в наукоёмких секторах обстоятельством случайным или малозначительным.

Так или иначе, но идеи Гребера для мейнстрима мировой общественной мысли оказались слишком радикальными. Поэтому их предпочли просто не заметить: сколько-нибудь развёрнутые рецензии на обе книги Гребера позволили себе дать только авторы, успевшие смириться с репутацией маргиналов и популистов. Гораздо сложнее, однако, оказалось закрывать глаза на проблематику, поднятую в этих работах.

Ещё в 2001 г. в свет вышла монография американского инженера-программиста и специалиста по управлению IT-отраслью Тома Демарко «На расслабоне: как преодолеть эмоциональное выгорание, имитацию бурной деятельности и миф о 100%-ой эффективности» [5], где речь в сущности идёт о всё том же «мартышкине труде» – только в ином терминологическом оформлении и с точки зрения интересов работодателя. Демарко в целом согласен с Гребером относительно причин институализации того, что он называет «имитацией бурной деятельности» (*busywork*), видя их в стремлении работодателей индуцировать персоналу своего рода трудоголическую версию

Стокгольмского синдрома.¹ Аргументация его, однако, строится преимущественно на хозяйственной целесообразности: вот вы, мол, стремитесь нарастить эффективность своей компании, для этого оптимизируете штатное расписание и с помощью разных технических новинок до предела ужесточаете трудовую дисциплину. Но что если ваши сотрудники из постоянной двойной и тройной переработки эмоционально выгорают, и работу свою выполняют уже чисто на автомате безо всякого плана, руля и ветрила? Что если из-за этого вы теряете сотрудников быстрее, чем можете найти им адекватную замену? И в итоге рост эффективности оборачивается для вас финансовыми потерями? И хорошо, если только ими. Ведь от клинического переутомления до психоза один шаг. А психопат – он и коллег по работе перестрелять может, и активы фирмы за копейки спустить ... При этом, Демарко отдаёт себе отчёт, что основная масса избыточного труда, создаваемого в новой, беловортничковой версии потогонной системы, носит совершенно бессмысленный характер и зачастую оборачивается раздуванием штатов, вместо их оптимизации, но щадя самолюбие предпринимателей, перекладывает ответственность за это на некие общие, безличные закономерности: мол, управление отупелой массой людей неизбежно распадается на отдельные тактические решения, быстро теряющие связь со стратегическими целями фирмы.

В качестве альтернативы чрезмерной работе Демарко предлагает позволить сотрудникам поработать с такой степенью свободы, которая позволила бы их фирме-работодателю быстро адаптироваться к самым радикальным изменениям рыночной конъюнктуры. Речь, по его словам, может идти о чём-то очень простом: добавлении нового сотрудника в отдел, благодаря чему дорогостоящие специалисты будут меньше времени тратить на работу с копировальным аппаратом, экономя силы и время на принятие действительно важных решений. Это может проявляться и в том, как компания обращается со своими сотрудниками. Вместо того, чтобы загружать их чрезмерной работой, она дает им пространство для творчества и самосовершенствования, тем самым, в конечном итоге работая на собственную эффективность... Ну или иначе говоря, понапридумывать массу новых штатных единиц, удивительно точно вписывающихся в Греберовскую типологию «мартышкина труда». Неудивительно, что первое издание книги Демарко фурора, мягко говоря, не вызвало. А вот с выходом «Мартышкина труда» наоборот – стала бестселлером, с 2018 г. выйдя чуть не десятком тиражей в самых престижных издательствах.

Аналогичная судьба – довольно холодная реакция на первую публикацию и подлинный ренессанс после 2018 г. – постигла и целую плеяду сходных по содержанию (и уровню политкорректности) работ: «Do More Great Work: Stop the Busywork. Start the Work That Matters» Майкла Бангея Стэннера (с коллегами), «The Workfare State: Public Assistance Politics from the New Deal to the New Democrats» Ивы Бертрам, «From Welfare to Workfare: The Unintended Consequences of Liberal Reform, 1945–1965» Дженнифер Мидлстэд и т. д. Все их объединяет довольно однообразный анализ конкретно-

¹ Стокгольмский синдром – термин популярный в психологии, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата...

исторических предпосылок институализации мартышкина труда, изобилие релевантного фактического материала, дежурные проклятия в адрес явления в целом и удивительная невразумительность того, что должно служить ему альтернативой. По сути, речь, как и в случае с Демарко, идёт о точно такой же бессмысленной занятости, только несколько замаскированной демагогией про креативность и чуткое отношение к персоналу. Само собой о глубинных, экономических предпосылках профанации прекарного труда и обстоятельствах, делающих её коммерчески целесообразной, ни в одной из указанных книг не говорится ни слова.

И это тем более любопытно, что понятие «венчурного капитализма» давно уже на слуху и даже вроде как стало неотъемлемой частью лексикона образованной публики – особенно той её части, которая любит козырнуть своими передовыми взглядами и близким знакомством с наиболее знаковыми достижениями технического прогресса. Соответственно, на сегодняшний день нет недостатка в публикациях не только рекламирующих подобные бизнес-стратегии, но и вскрывающих связанные с ними риски и aberrации хозяйственного развития – такие как «зомби-капитализм» и капитализм «бесприбыльный».

Первое понятие означает искусственное поддержание на плаву неспособных самостоятельно отвечать по своим обязательствам коммерческих предприятий – «зомби-фирм» и «зомби-банков» – под предлогом недопущения полного обвала экономической конъюнктуры. Впервые оно было описано в 1989 г. Эдвардом Кейном, в монографии «The S&L InsuranceMess: HowDiditHappen?» («Коллапс в сфере страхования ссудно-сберегательной деятельности: как такое могло случиться?»). Исследование было посвящено событиям, потрясшим в конце 1980-х гг. экономику США – до такой степени, что в них какое-то время видели ни много, ни мало повторение Великой Депрессии. Вскоре, однако, их затмил ещё более масштабный кризис – в Японии, т. н. «Схлопывание Дзайтек-пузыря». Начавшись с обрушения Токийской биржи в августе 1990 г., цепная реакция обесценения японских корпоративных активов парадоксальным образом способствовала известному оздоровлению американских финансов, тогда как экономика самой Страны восходящего солнца во многих отношениях не оправилась от неё до сих пор. В результате феномен «зомби-капитализма» надолго приобрёл устойчивые японские коннотации, а наиболее авторитетной работой, вскрывающей его механику, вместо монографии Кейна стала книга Кристофера Вуда: «The Bubble Economy: Japan's Extraordinary Speculative Boomofthe 80-s and the Dramatic Bustof the 90-s» («Экономика пузыря: необычайный спекулятивный бум в Японии 80-х и его драматический крах 90-х», 2005).

Суть произошедшего в ней описывается следующим образом: после почти двукратной ревальвации иены относительно доллара США, обусловленной соглашением в отеле Плаза в сентябре 1985 г., реальный сектор японской экономики в один момент потерял конкурентоспособность: более высокое качество японских товаров более не покрывало взрывообразно возросшую их себестоимость. Соответственно, чтобы избежать скатывания страны в рецессию без малейшей перспективы выхода из неё японцам не оставалось ничего другого, кроме как начать через биржу систематически нагнетать цены на национальном фондовом рынке и рынке недвижимости. Делалось это с помощью довольно нехитрой практики, одно время, тем не менее, считавшейся шедевром финансовой мысли – того самого «дзайтека». Суть её состояла в том, что рост биржевой стоимости активов в отчётной

документации показывался как прибыль, и её астрономический рост – ведь одна только ревальвация иены увеличила долларовую стоимость каждой пяди земли в Японии вдвое – привлекал всё больше и больше денег на фондовую биржу, придавая тем самым происходящему характер цепной реакции. Само собой, тем, кто инвестировал в японскую экономику, спекулятивный характер творившегося в ней бума никто не разьяснять не спешил. Рост – или точнее его видимость – объясняли техническим превосходством Японии, усомниться в котором в конце 1980-х гг. мог только ненормальный. Дескать, экономика «Страны восходящего солнца» вышла на качественно новый уровень развития, и теперь будет расти неограниченно – вопреки любой внешней конъюнктуре и благодаря исключительно кумулятивному эффекту успехов в науке и технике. В какой-то момент, однако, главный элемент финансового пузыря – рынок недвижимости – лопнул и, следуя логике всё того же дзайтека, утянул за собой в рецессию всю остальную экономику. А чтобы не дать рецессии перерасти в депрессию японские власти были вынуждены искусственно финансировать обязательства, подошедших к грани банкротства крупнейших акторов национальной экономики. Тем самым создавалась целая система «зомби-фирм», «зомби-банков» и «зомби-корпораций», в которых, чтобы не ухудшить их рыночную капитализацию, искусственно поддерживалась занятость (!), а их руководство продолжало получать зарплаты и корпоративные привилегии, как будто никакого кризиса в стране не было вообще. И так продолжалось все 90-ые гг. – пока Япония выходила из зоны «отрицательного роста» – все нулевые – чтобы не дай бог не повредить наметившейся позитивной макроэкономической динамике. А в 2010-х циркуляция средств между «зомби» и «незомби»-секторами экономики запуталась настолько, что стало совершенно невозможно определить, какие структуры выживают на рынке сами, а какие лишь перманентно гальванизируются за счёт получения хитро замаскированных правительственных субсидий. И хотя в результате госдолг Японии в 4 раза (!) превысил национальный ВВП, в целом оказалось, что быть «зомби-структурой» в современной рыночной экономике не просто не страшно, а даже довольно выгодно, особенно – для высшего управленческого звена.

Ещё больше любопытнейшей фактографии относительно функционирования «зомби-экономики» содержится в работе 2012 г. турецко-американского исследователя Ялмана Онорана: «ZombieBanks: How Broken Banksand Debtor Nationsare Crippling the Global Economy» («Зомби-банки: как разорившиеся банки и государства-должники наносят ущерб мировой экономике»). Спектр примеров, которыми оперирует автор – пугающе широк: от ставших притчей во языцех, но так и не состоявшихся дефолтов Греции и Исландии, до маловразумительных для неспециалиста мер финансовой поддержки, к которым в ходе глобального кризиса 2008–2009 гг. прибегали администрации Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы, а также оставшихся совсем неизвестными для широкой публики историй с многолетним загробным существованием немецких ландесбанков и едва не наступившей в 2011 г. клинической смертью ирландской экономики. И в каждом случае, на каждом примере, Онанан буквально в щепки разносит аргументы в пользу государственной поддержки обанкротившихся «системообразующих» бизнес-структур, демонстрируя, что ни разу подобные меры не смягчали проявлений кризиса, но лишь пролонгировали его и проецировали в сектора экономики, изначально депрессией не затронутые.

При этом, он не перестает удивляться, почему к столь очевидно дискредитировавшим себя практикам продолжают прибегать снова и снова?

Ответ на его недоумение отчасти даёт несколько более ранняя – 2010 г. – публикация американского биржевого журналиста Майкла Льюиса «Большая игра на понижение. Тайные пружины финансовой катастрофы» («The Big Short: Inside the Doomsday Machine»), в этом году в третий раз переизданная на русском языке издательской группой «Альпина Паблишер». Вошедшие в книгу отдельные новеллы, действие которых разворачивается вокруг событий финансового кризиса 2008–2009 гг., объединяет одна общая тема: в современной экономике высший менеджмент зарабатывает на спекуляции деривативами (производными финансовыми инструментами) принципиально больше, чем на профильной деятельности компаний, которыми руководит. И зачастую в их коллапсе заинтересован сильнее, чем в выживании.

Здесь, впрочем, тема «зомби-капитализма» плавно перетекает в исследование содержательно подобного, но значительно более широкого явления – т. н. «бесприбыльного капитализма». Максимально подробно суть этого явления на сегодняшний день раскрывается в совместной монографии американского экономиста – специалиста по инновационному развитию Вильяма Лазоника и его корейского коллеги Сина Янг-Соп: «Predatory Value Extraction: How the Looting of the Business Corporation Became the US Norm and How Sustainable Prosperity Can Be Restored» («Хищническое извлечение стоимости: как разграбление бизнес-корпорации стало нормой в США и как можно восстановить устойчивое процветание», 2019). В самых общих чертах проблема хищнического извлечения стоимости – вместо её созидания и преумножения – заключается по их словам в следующем.

Руководителям современных фирм не просто выгодно, но жизненно необходимо, чтобы вверенный им капитал работал «в минус». Этим они, с одной стороны, оптимизируют налоговые выплаты – поскольку много ли можно требовать с одних убытков? – а с другой – исчезает необходимость выплачивать дивиденды акционерам – ибо опять-таки не с чего. Но в чём тогда выгода? Ради чего люди рвутся в советы директоров мегакорпораций? Откуда берутся сумасшедшие зарплаты и вовсе неприличные ежегодные бонусы корпоративной бюрократии? Тут, само собой, не обходится ни без старой доброй спекуляции активами фирм, ни без более изощрённых приёмов разрастания стоимостной массы с помощью деривативов. Но главный источник прибыли теперь другой, хотя при ближайшем рассмотрении очень даже знакомый. По сути речь идёт о некотором ребрендинге финансовой пирамиды – вся разница с блаженной памяти «МММ» состоит лишь в том, что деньги новых инвесторов на выплату дивидендов акционерам, более ранним, поступают не непосредственно, а предварительно «отмываясь» через некоторый венчурный проект. Который также прибыль приносит не сам, но при посредстве фирм-субподрядчиков, поставляющих товары и услуги, необходимые для его реализации. Источником прибыли, таким образом, служит не условный вечный двигатель, а поставки комплектующих к нему, ремонт помещения, где его собирают, завтраки с обедами, которыми централизованно обеспечиваются сотрудники проекта и т. д. А раз так, то перед нами вовсе не финансовая пирамида, а самый законный бизнес. И не важно, что вечный двигатель в серьёз никто изобретать даже не собирался,

работы над ним во избежание лишних издержек ведутся преимущественно на бумаге, при этом, фигурируя одновременно в десятке–другом подобных проектов, только под разными именами. И поскольку вся эта игра в конечном итоге ведётся на бирже, то современная корпорация прямо заинтересована всячески завышать собственную капитализацию – в том числе и набирая персонал, который ей по-настоящему и занять-то особенно нечем.

Стоп! Мы, кажется, сами того не заметив, вплотную подошли к ответу на свой исходный вопрос: какой интерес неофеодальному строю подминать под себя научно-технологический сектор?

А кто же лучше сочинит контент для очередного «прорывного» венчурного проекта – столь головокружительный и в тоже время наукообразный, чтобы обыватель, не задумываясь, побежал вкладывать последние деньги в очередной фантастический гиперлуп¹ или обитаемую колонию на Марсе? Кто сможет убедительно объяснить не менее фантастические сметы на подобные начинания? Поддержать вокруг них хайп – да так тонко, чтобы он хайпом вовсе и не казался – но по всем признакам был легитимным научным дискурсом? Кто объяснит айтишникам, как правильно должен выглядеть симулякр, иллюстрирующий практическую реализуемость очередной венчурной аферы?

Подводя итог всему вышеизложенному, вас сейчас едва ли удивит тот факт, что характерные признаки «бесприбыльного капитализма» наблюдаются практически у всех знаковых корпораций – флагманов цифрового/венчурного хайпа: при фантастической, галопирующей рыночной капитализации, они как правило, номинальную свою деятельность ведут «в ноль», а то и в убыток, при этом, не скупясь на рекламу своих достижений в наиболее передовых (с точки зрения обывателя) областях науки и техники.

Глобальный научно-технологический комплекс, таким образом, оказывается не просто ключевым – в самом прямом смысле, наиважнейшим – инструментом трансформации остатков рыночной экономики в постмодернистскую дистопию капитализации фантазмов и самоумножения финансовых пузырей. Он же, одновременно, становится и первой жертвой этого процесса, поскольку сам же служит опытным полигоном для квазикоммерческих схем, лежащих в основе наступающего технофеодализма. В результате социальные деформации вроде «мартышкина труда» в научной сфере и корни пускают легче, и разрастаются особенно пышным цветом, и плоды приносят особенно уродливые.

Мы, к сожалению, никогда не узнаем, как оценил бы наши попытки развить и дополнить концепцию «технократического неофеодализма» и «мартышкина труда» сам Дэвид Гребер. В сентябре 2020 г. он покинул нас навсегда – оставив после себя целые россыпи бесконечно смелых идей, отчасти так и не успевших отлиться в форму законченных научных трудов.

¹Гиперлуп – это пневматический поезд, который перемещается по надземному трубопроводу.

Список литературы

1. Корнилов А.М. Будущее цифровой революции: коллапс рынка рабочей силы или научный краудсорсинг? // Вопросы политической экономии. 2020, №1 (21). С. 165–177.
2. Корнилов Алексей Михайлович. Цифровая трансформация мировой хозяйственной системы: актуальные дилеммы и риски // Теоретическая экономика. 2020. №8(68).
3. Cane, Edward J. The S&L Insurance Mess: How Did It Happen? Washington, D.C.: Urban Institute Press. 1989
4. Bertram, Eva. The Workfare State: Public Assistance Politics from the New Deal to the New Democrats. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.
5. DeMarco, Tom. Slack, Getting Past Burnout, Busywork, and the Myth of Total Efficiency. New York, 2001
6. Graeber, David. On the Phenomenon of Bullshit Jobs: A Work Rant // Strike! August, 2013 URL:<https://www.strike.coop/bullshit-jobs/> (дата обращения: 20.01.2021)
7. Graeber, David. Bullshit Jobs: A Theory. New York: Simon & Schuster, 2018.
8. Graeber, David. The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy. New York: Melville House: 2015.
9. Keynes, John Maynard. Economic Possibilities for our Grandchildren. ” // Essays in Persuasion. New York: Harcourt Brace, 1932
10. Lewis, Michael Monroe. The Big Short: Inside the Doomsday Machine. New York, 2010
11. Mittelstadt, Jennifer. From Welfare to Workforce: The Unintended Consequences of Liberal Reform, 1945–1965. (Gender and American Culture.) January 2006. The American Historical Review 111(5):1555-1556
12. Onaran, Yalman. Zombie Banks: How Broken Banks and Debtor Nations are Crippling the Global Economy. 2012.
13. Stanier Michael Bungay, Port Michael, Ulrich Dave, Guillebeau Chris, Baubanta Leo. Do More Great Work: Stop the Busywork. Start the Work That Matters. New York, 2010
14. William Lazonick, Jang-Sup Shin. Predatory Value Extraction: How the Looting of the Business Corporation Became the US Norm and How Sustainable Prosperity Can Be Restored. New York, 2019.
15. Wood, Christopher. The Bubble Economy: Japan's Extraordinary Speculative Boom of the 80s and the Dramatic Bust of the 90s. Equinox Publishing, 2005.

Об авторе:

КОРНИЛОВ Алексей Михайлович – соискатель Департамента экономической теории, ФГОБУ ВПО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49, e-mail: введите e-mail: lyokha74@mail.ru, Orcid: 0000-0003-0643-7097, Spin-код: 2141-9424.

PRECARIFICATION OF MENTAL LABOUR UNDER CONDITIONS OF “NEW NEOPHEODALISM” CELEBRATIONS

A.M. Kornilov

FSOBU VPO “Financial University under the Government of the Russian Federation”, Moscow

In the current environment, in the situation of the digital revolution, more and more high-class specialists working for hire in a wide variety of areas of the economy are beginning to feel the complete meaninglessness of what they are doing. Particularly acute exponential growth of clearly imitation activity is experienced in the scientific and technological sphere. Are we dealing in this case with a phenomenon that is purely psychological? Or is it a visible

manifestation of profound changes in the social system and its economic basis? The purpose of this article is to analyze the process of devaluation of mental labor in conditions of digital transformation of the world economic complex. The novelty of the results obtained lies in the integration of competing approaches to the study of erosion of the foundations of market economy into a whole, consistent picture of the genesis of the new quasi-technical, “digital” version of feudalism.

Keywords: *monkey labor, precarization, neo-feudalism, bureaucracy, imitation of violent activity, zombie capitalism, zombie economy, non-profit capitalism, design, derivatives, scientific and technological sector, digital revolution, research and development, hype.*

About the author:

KORNILOV Aleksey Mihajlovich – candidate of the Department of Economic Theory, Financial University under the government of the Russian Federation 125993, Moscow, Leningradskiy ave, 49, e-mail: lyokha74@mail.ru

References

1. Kornilov A.M. Budushhee cifrovoj revolyucii: kollaps rynka rabochej sily ili nauchnyj kraudsorsing? // Voprosy politicheskoy jekonomii 2020. №1 (21). С. 165–177.
2. Kornilov Aleksey Mihajlovich. Cifrovaja transformacija mirovoj hozjajstvennoj sistemy: aktual'nye dilemmy i riski // Teoreticheskaja jekonomika. 2020. №8(68).
3. Cane Edward J. The S&L Insurance Mess: How Did It Happen? Washington, D.C.: Urban Institute Press. 1989
4. Bertram Eva. The Workfare State: Public Assistance Politics from the New Deal to the New Democrats. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.
5. DeMarco Tom. Slack, Getting Past Burnout, Busywork, and the Myth of Total Efficiency. New York, 2001
6. Graeber David. On the Phenomenon of Bullshit Jobs: A Work Rant // Strike! August, 2013 URL:<https://www.strike.coop/bullshit-jobs/> (data obrashhenija: 20.01.2021)
7. Graeber David. Bullshit Jobs: A Theory. New York: Simon & Schuster, 2018.
8. Graeber David. The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy. New York: Melville House: 2015.
9. Keynes John Maynard. Economic Possibilities for our Grandchildren. ” // Essays in Persuasion. New York: Harcourt Brace, 1932
10. Lewis Michael Monroe. The Big Short: Inside the Doomsday Machine. New York, 2010
11. Mittelstadt Jennifer. From Welfare to Workforce: The Unintended Consequences of Liberal Reform, 1945–1965. (Gender and American Culture.) January 2006. The American Historical Review 111(5):1555-1556
12. Onaran Yalman. Zombie Banks: How Broken Banks and Debtor Nations are Crippling the Global Economy. 2012.
13. Stanier Michael Bungay, Port Michael, Ulrich Dave, Guillebeau Chris, Baubanta Leo. Do More Great Work: Stop the Busywork. Start the Work That Matters. New York, 2010
14. William Lazonick, Jang-Sup Shin. Predatory Value Extraction: How the Looting of the Business Corporation Became the US Norm and How Sustainable Prosperity Can Be Restored. New York, 2019.
15. Wood Christopher. The Bubble Economy: Japan's Extraordinary Speculative Boom of the 80s and the Dramatic Bust of the 90s. Equinox Publishing, 2005.

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА СОРОКИНА

14 марта 2021 г. в результате тяжёлой болезни ушёл из жизни доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации – партнера Института экономики и управления Тверского государственного университета – большой наш друг Дмитрий Евгеньевич Сорокин.

Дмитрий Евгеньевич останется в нашей памяти как выдающийся учёный, преданный патриот и настоящий человек. Сфера научных интересов Д.Е. Сорокина: анализ вариантов и альтернатив социально-экономической трансформации российского общества, исследование проблемы институционального реформирования экономической системы России, реформирование отношений собственности, трудовых отношений, реформирование институтов государственного регулирования экономики [1].

Творческий путь Дмитрия Евгеньевича отражает величину его вклада в науку и образование нашей страны. Дмитрий Евгеньевич в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1992 г. получил степень доктора экономических наук, в 2008 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. В Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации возглавлял кафедру «Макроэкономическое регулирование», занимал должности проректора по научной работе, научного руководителя университета, а с 2017 г. стал руководителем Департамента экономической теории. Дмитрий Евгеньевич активно участвовал в жизни Вольного экономического общества России, будучи его вице-президентом и научным руководителем, принимал активное участие в организации крупных международных научных мероприятий, являлся главным редактором «Вестника Финансового университета» и членом редколлегии многих научных журналов. Дмитрий Евгеньевич в своих многочисленных научных статьях, монографиях и докладах, выступлениях в СМИ и в экспертной деятельности горячо отстаивал идеи всестороннего стратегического развития нашего Отечества и, будучи политэкономом, поднимал остроактуальные вопросы по фундаментальным проблемам хозяйственного бытия человека и общества.

Уход из жизни Дмитрия Евгеньевича Сорокина является невосполнимой утратой для российской экономической науки¹. Коллектив Института экономики и управления, кафедра экономической теории Тверского государственного университета, редакционная коллегия журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление» выражают глубокое соболезнование в связи с невосполнимой утратой родным и близким Дмитрия Евгеньевича; коллективу Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, всем тем, кто знал и глубоко уважал этого искреннего и неравнодушного человека, стремящегося к познанию сути исследуемых явлений. Дмитрий Евгеньевич навсегда останется с нами в своём обширном творческом наследии, его книгах, видеозаписях докладов и выступлений, в воспоминаниях о работе над совместными проектами и научных дискуссиях.

Коллективы кафедры экономической теории, ИнЭУ Тверского государственного университета, редакционная коллегия журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление»

¹ Портал Финансового университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fan.ru/News/2021-03-14-sorokin.aspx>

Журнал «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление» в соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Минобрнауки РФ включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующей группе специальностей: 08.00.00 – Экономические науки (08.00.01 Экономическая теория, 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит, 08.00.13 Математические и инструментальные методы экономики).

Контактные данные редакционной коллегии

Россия, 170021, Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д.22, ауд. 101А

Тел. (4822) 77-83-03

главный редактор – Карасёва Людмила Аршавировна (8-915-709-29-30);

зам. главного редактора – Козлова Наталия Николаевна (8-904-016-42-27);

отв. секретарь – Козлова Татьяна Михайловна (8-961-144-99-77)

технический редактор – Буракова Татьяна Всеволодовна, (4822) 52-46-06

e-mail: eco_aoeiiis@mail.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Экономика и управление № 1 (53), 2021

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 23.03.2021. Выход в свет 30.03.2021.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,8.

Тираж 500 экз. Заказ № 75.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет». Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в редакционно-издательском управлении

Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корп. Б

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

Цена свободная.